

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КAVKAZСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНИЕ

Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ III.

Тифлисъ. 1870.

АБХАЗЫ.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІИ О Кавказскихъ Горцахъ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ основаніемъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнoкомандующаго Кавказскою Арміею

П Р И

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ III.

ТИФЛИСЪ.

1870.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
252673A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1926 L

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ НАМѢСТНИКА Кавказскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Исслѣдованія и матеріалы:
- 1) Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани.
 - 2) Низамъ Шаиля (матеріалъ для исторіи Дагестана).
 - 3) Горскіе евреи, *Г. Я. Чернаго*.
 - 4) Привилегированныя сословія Кабардинскаго округа.
 - 5) Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго* (съ приложеніемъ: похороны и поминки у горцевъ, *Чаха Ахріева*).
- II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:
- Осетинскія народныя сказанія: а) Предисловіе отъ собирателя; б) Сказки, басни и анекдоты; в) Легенды, преданія и повѣрья, *Джантемира Шанагва*.
- III. Этнографическіе очерки:
- 1) Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени, *Н. Львова*.
 - 2) Какъ живутъ лаки (изъ воспоминаній дѣтства), *Абдуллы Омарова*.
 - 3) Изъ путешествія по Дагестану, *Н. И. Воронова*.
- IV. Горская лѣтопись:
- 1) О распространеніи грамотности между горцами, *П. У.*
 - 2) Экономическое положеніе бывшихъ зависящихъ сословій Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго*.
 - 3) Изъ горской криминалистики.
-

1911
1912
1913

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕ- РІАЛЫ.

1898
1899
1900

ОЧЕРКЪ

устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани.

*(Извлеченіе изъ трудовъ Сухумской Сословно-Поземельной
Комисіи, представленнаго въ 1869-мъ году).*

I.

Основанія внутренняго устройства Абхазіи и Са- мурзакани.

Правительственная власть въ Абхазіи и Самурзакани, принадлежавшая владѣтелямъ, должна была, подобно тому какъ и въ другихъ странахъ, прежде всего ограждать внѣшнюю безопасность страны и давать защиту и обезпеченіе отъ нарушенія личныхъ и имущественныхъ правъ населенія. Цѣли эти должны были быть предметомъ первой заботливости, не только въ видахъ водворенія спокойствія и порядка въ странѣ и успѣшнаго хода хозяйственныхъ отношеній, но также и въ видахъ собственной безопасности, сохраненія за собою власти и занятаго положенія. На пути къ этимъ цѣлямъ, владѣтельская власть должна была встрѣчать сильныя затрудненія и препятствія, кои происходили изъ географическаго положенія страны и характера внѣшнихъ отношеній, затруднявшихъ устройство внѣшней ея обороны, и изъ нѣкоторыхъ особыхъ условій внутренней жизни населенія.

Абхазія и Самурзаканъ занимаютъ треугольное пространство между морскимъ берегомъ, отъ Гагръ до устья Ингура, и грядою втростепенныхъ, но довольно возвышенныхъ горъ, тянущуюся отъ Ингурскаго ущелья къ Гаграмъ и отдѣляющую отъ

названныхъ странъ вызвышенныя горныя котловины, прилегающія непосредственно къ главному Кавказскому хребту,—Бзыбскую (Псху), Кодорскую (Цебельду) и отчасти Сванетскую (Ингурскую).

Анархическое состояніе населенія названныхъ котловинъ и сосѣдственныхъ съ Абхазіею джигетовъ открывало обширное поле для военныхъ предпріятій со стороны этихъ народовъ внутрь Абхазіи и Самурзакани, съ цѣлью грабежа, угона стадъ, увода плѣнныхъ; въ средѣ же ихъ находили себѣ надежное убѣжище всѣ, кто не могъ остаться на родинѣ, вслѣдствіе сдѣланныхъ преступленій или по другимъ причинамъ, нарушавшимъ общественный порядокъ и спокойствіе. Горныя пастбища, лежащія на рубежѣ Абхазіи и Самурзакани съ названными котловинами, были мѣстомъ ежегодныхъ кровавыхъ столкновеній во время лѣтней пастбы скота. Съ востока, мингрельскіе Дадіаны также смотрѣли на Абхазію, какъ на непріязненную страну, и не упускали удобнаго случая вмѣшаться въ ея внутреннія отношенія.

Главнѣйшими условіями внутренней жизни, затруднявшими введеніе въ странѣ порядка, являются: внутреннее устройство страны, основанное на образованіи многихъ отдѣльныхъ союзовъ, противодѣйствовавшихъ административной централизаціи, и обычай ассаства *) и кровомщенія,—кои, принося свою пользу обществу, содѣйствовали, съ другой стороны, развитію самоуправства, установляли безнаказанность даже за такія преступленія, которыя не оправдываются и туземными понятіями.

Къ этому нужно присоединить распри во владѣтельскихъ семействахъ и недостаточность матеріальныхъ средствъ, коими располагали владѣтели для достиженія тѣхъ или другихъ правительственныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, внѣшняя поддержка являлась предметомъ почти необходимости для возможнаго поддержанія въ странѣ авторитета владѣтельской власти. Въ Абхазіи такую поддержку давали сначала турки, потомъ русскіе. Но и при этомъ условіи, владѣльская власть давала лишь весьма слабое обезпеченіе внѣшней

*) Ассаство (отъ слова *assas*—собственно гость, а потомъ переселенецъ) означаетъ существовавшее въ Абхазіи и Самурзакани обычное право временнаго или постояннаго переселенія изъ одной общины въ другую. *Ред.*

и внутренней безопасности, между тѣмъ потребность въ той и другой, естественно, чувствовалась всегда населеніемъ, и притомъ, самая настоятельная. Это обезпеченіе устроилось внутреннею жизнью населенія, при посредствѣ обычныхъ установленій, выработанныхъ опытомъ, силами самого населенія. Такая связь обычая съ внутреннимъ устройствомъ страны, обезпечивавшимъ населенію его личныя и имущественныя права, составляетъ основу силы абхазскаго обычая, дающую объясненіе, почему онъ могъ жить, сохраняться, независимо отъ частой перемѣны правительственной власти и смутеній, возбуждавшихся членами владѣтельскаго дома, а также другими сильными семействами. Устройство было далеко не идеальное. Оно вполнѣ соответствовало почти естественному состоянію населенія страны и слабости его умственнаго развитія. Во всякомъ случаѣ, внутреннее устройство страны, основанное на силахъ, чуждыхъ владѣтельской власти, содѣйствовало ослабленію ея авторитета, и она являлась слабою передъ народнымъ обычаемъ и должна была дѣлать ему уступки.

Абхазія и Самуракань, прилегающія съ одной стороны къ горскимъ обществамъ, съ демократическимъ устройствомъ, а съ другой—къ странамъ, населеннымъ Картвельскимъ племенемъ, съ феодальными основаціями общественныхъ учрежденій, представляютъ, по характеру своего общественнаго устройства, среднее между тѣми и другими.

Съ одной стороны, стояла владѣтельская власть и іерархія сословій, что придавало феодальный характеръ учрежденіямъ страны, съ другой—являлось выработанное опытомъ, жизнью народа, противорѣчащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставившее предѣлы власти владѣтеля и прозяволу высшихъ сословій, опредѣлявшее отношенія между всеми сословіями и заключавшее въ себѣ, въ извѣстной мѣрѣ, гарантію для обезпеченія нарушенія права и возстановленія права нарушеннаго, или по-крайней-мѣрѣ извѣстнаго удовлетворенія за нарушеніе его.

Основаціемъ общественнаго устройства страны служили союзы, на которые дѣлилась вся страна и которые въ отношеніи къ правительственной власти представляли какъ-бы административныя единицы. Основую образованія союзовъ служили тѣже

причины, какъ и въ другихъ горскихъ обществахъ сѣверо-западнаго Кавказа, именно: анархическое состояніе общества и стремленіе, вслѣдствіе того, найти какое-либо обезпеченіе для своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, желаніе достигнуть возможнаго обезпеченія внутренней и вѣшной безопасности. Самое естественное разрѣшеніе вопроса о безопасности, при отсутствіи правительственной власти, лежало въ соединеніи населенія данной мѣстности, для огражденія совокупными силами своихъ правъ отъ покушеній извнѣ, и въ принятіи на себя каждымъ жителемъ таковой мѣстности извѣстныхъ обязательствъ въ отношеніи другихъ членовъ устраивавшейся общины. Каждый союзъ составлялъ одно цѣлое и жилъ своею особою внутреннею жизнью. Въ составъ союза входили всѣ сословія, изъ коихъ роль каждаго выработалась жизнью и опредѣлялась издавна установившимися сословными правами и обязанностями, обычаемъ, дававшимъ удовлетвореніе несложнымъ требованіямъ туземной жизни, окрѣпшимъ подъ вліяніемъ выработавшихъ его жизненныхъ условий, освященныхъ временемъ, и составлявшимъ, по мнѣнію населенія, необходимое основаніе жизни, нарушеніе котораго должно было влечь за собою извѣстный протестъ, извѣстныя обычныя послѣдствія.

Каждый союзъ, не смотря на различіе сословій, представлялъ собственно двѣ категоріи населенія, два рода отношеній, составлявшихъ сущность союза, именно: каждый союзъ состоялъ изъ элементовъ покровительствующаго и покровительствуемаго. Въ абхазскомъ языкѣ эти понятія выражаются словами: *ахаланшюю*—патронъ, покровитель, заступникъ, и *хитши*—состоящій подъ покровительствомъ, подвластный, зависящій. Изъ взаимодействия этихъ обѣихъ элементовъ населенія союза, вызывавшагося настоятельными, насущными потребностями, и образовались всѣ дѣйствовавшія въ средѣ союза отношенія.

Союзъ родовой, отдѣльный союзъ каждой фамиліи, представляетъ первоначальную форму общественнаго устройства у всѣхъ народовъ. Вторую ступень составляетъ союзъ нѣсколькихъ фамилій, соединившихся въ одно цѣлое въ силу тѣхъ-же причинъ и во имя тѣхъ-же стремленій,—вслѣдствіе необходимости противопоставленія большей силы неблагопріятствующимъ вѣшнимъ условіямъ и усложненія внутреннихъ отношеній, не находившаго удовлетворенія въ родовомъ союзѣ. Абхазская община (*агыта*) представляетъ соединеніе родовыхъ, фамильныхъ союзовъ, съ пре-

5

обладающимъ вліяніемъ и значеніемъ одного какого-либо лица, одной какой-либо фамиліи. Образованіе такого исключительнаго положенія фамиліи, вліяющей на общину, было послѣдствіемъ постоянно-напряженнаго состоянія и усложненія вѣдшихъ отношеній общины, необходимости предоставленія кому-либо одному распорядительной власти по устройству вѣдшихъ отношеній и организаціи средствъ для противодѣйствія неблагопріятнымъ вѣдшимъ вліяніямъ. Таковое исключительное положеніе означенныхъ фамилій и особенность обязанностей, лежащихъ на нихъ, способствовали поставленію ихъ выше всего остальнаго населенія общины и обусловили за ними нѣкоторыя особыя права; уваженіе къ нимъ населеніемъ, переходя изъ рода въ родъ, укрѣпило за ними означенныя права и обязанности, которыя и составляютъ отличительныя черты этихъ фамилій, придающія имъ характеръ особаго сословія, которое можетъ по справедливости назваться въ этомъ смыслѣ *привилегированнымъ*.

Все изложенное относится въ одинаковой мѣрѣ какъ до Абхазіи, такъ и до Самурзакани, родственной съ Абхазіею въ отношеніи племенномъ, управлявшейся особою линіею абхазскихъ Шервашидзе и составлявшей до Мурзакана лишь одинъ изъ абхазскихъ округовъ, что видно, между прочимъ, и изъ названія сосѣдняго съ Самурзаканью *Абжисскаго* округа, т. е. *средняго* округа.

Самурзакань заселена постепенно ведшеюся колонизаціею, направленною съ одной стороны изъ Абхазіи, съ другой—изъ Мингреліи. Вслѣдствіе этого, въ западной Самурзакани преобладаетъ абхазскій элементъ, въ восточной—менгрельскій, но и въ восточной части привилегированныя фамиліи—всѣ переселенцы изъ Абхазіи *). Въ западной Самурзакани преобладаетъ абхазскій языкъ, въ восточной—особое нарѣчіе мингрельскаго языка. Не смотря на племенное различіе нѣкоторой части населенія Самурзакани, несомнѣнно, что общественное устройство этой страны не представляетъ никакихъ рѣзкихъ измѣненій сравнительно съ другими частями Абхазіи. Прибывавшіе въ страну мингрельскіе, имеретинскіе и гурійскіе колонисты становились въ тѣ же самыя отношенія въ землѣ и почти въ тождественныя же отношенія къ покровительствующему или привилегированному элементу населенія. Преобладаніе абхазскихъ началъ, нужно полагать,

*) Кромѣ сванетскихъ пришельцевъ Чхотуа.

происходило, какъ отъ различія въ характерѣ колонизацій, ведшихся съ запада и востока, такъ и отъ различія въ свойствахъ самихъ расъ—абхазской и картвельской. Вообще, колонизаціи эти представляютъ два вида: 1) занятіе новыхъ мѣстностей и 2) вселеніе въ занятыя уже мѣстности. Колонизаціи перваго рода велись только съ запада, изъ Абхазіи; онѣ имѣли характеръ общихъ предпріятій; привилегированныя фамиліи всегда сопровождались при колонизаціяхъ этого рода своими подвластными; абхазская община перепоселялась, такимъ образомъ, въ своемъ полномъ составѣ, т. е.—и покровительствующаго и покровительствуемаго элементовъ; естественно посему, что она должна была установить въ мѣстѣ новаго поселенія тѣже самыя отношенія, кои существовали на родинѣ; абхазская община при таковыхъ колонизаціяхъ только перемѣняла мѣсто, не измѣняясь въ своей сущности. Отдѣльныя вселенія лицъ и семействъ въ устроившіяся общины, производясь раздѣльно, уже не могли, не смотря на частые случаи такихъ вселеній, измѣнить установившіяся въ общинѣ порядки, тѣмъ болѣе, что всѣ таковыя переселенцы должны были заботиться болѣе всего только о защитѣ и покровительствѣ. Не малую важность представляетъ также и различіе въ расахъ. Заингурскіе колонисты принадлежали къ расѣ, потерпѣвшей въ исторической жизни своей тяжелые удары и испытанія, невыгодно отразившіяся на народномъ характерѣ и на многихъ явленіяхъ народной жизни; они должны были уступить болѣе свѣжей, сильной расѣ абхазской, вносящей въ отношенія восточныхъ новопоселенцевъ элементы, хотя и не родственные имъ, но которые, по простотѣ и естественности своей, мягкости и человечности, а также и близкому соответствію съ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились переселенцы, должны были быть сочувственно приняты ими.

Покровительственное или привилегированное сословіе образуютъ двѣ степени: *тавадъ* и *амиста*; эти послѣдніе называются въ Самурзакани *жмоскуа*. На принадлежность къ этому сословію претендуютъ до 4000 душъ обоего пола.

Покровительствуемый элементъ населенія страны, или условно-зависимыя сословія, представляетъ три разряда:

1) Сословіе *анкае* въ Абхазіи, называемое въ Самурзакани *ниомъ*, составляетъ, какъ по численности, такъ и по своимъ отношеніямъ, основаніе населенія страны, главную силу и сущность покровительствуемаго элемента каждой общины (союза). Оно со-

ставляет болѣе $\frac{1}{2}$ населенія Сухумскаго отдѣла, всего приблизительно до 47000 душъ обоого пола.

2) *Амацюрасгу* въ Абхазіи, называемое въ Самурзакани *мойнале*, составляетъ переходное сословіе изъ сословія ахуйю, или дельмахоре, въ сословіе анхае (піошъ); численность этого сословія до 1300 душъ обоого пола.

3) *Ахуйю* въ Абхазіи, называемое въ Самурзакани *дельмахоре*, составляетъ нисшій классъ въ ряду условно-зависимыхъ сословія; численность его до 8000 душъ обоого пола.

Самый нисшій классъ населенія составляютъ *ахашала*, рабы; численность этого сословія простирается до 1300 душъ обоого пола.

Къ покровительствуемому элементу населенія принадлежать также *шинагмы*, стоящіе въ ряду туземныхъ сословія выше анхае и образующіе по своимъ отношеніямъ классъ почти тождественный съ этимъ послѣднимъ. Многіе шинагмы заявляютъ о болѣе близости своей къ сословію ампста, чѣмъ къ сословію анхае. Численность этого сословія, т. е. лицъ, претендующихъ на принадлежность къ оному, составляетъ болѣе 1800 душъ обоого пола.

Азаты, т. е. уволенные изъ другихъ сословія, не отбывающіе никакихъ повинностей; такихъ до 2200 душъ обоого пола *).

Какъ выше изложено, анхае въ Абхазіи и піоши въ Самурзакани составляютъ главную силу покровительствуемаго элемента каждой общины. Въ сословіи анхае (піошъ) сосредоточивались главнѣйшіе интересы этого элемента: оно защищало и оберегало эти интересы, охраняло обычаи, силою протеста своего предотвращало препятствія къ возстановленію его, образуя такимъ образомъ консервативную силу, ограждавшую существовавшій порядокъ и отношенія отъ измѣненій.

*) Классъ этотъ образовался изъ ахашалъ и ахуйю, уволившихся владѣльцами съ религіозною дѣлюю, ради спасенія души своей или кого-либо изъ близкихъ родныхъ. На уволившагося или на его сына возлагалась только одна обязанность—выучиться турецкому языку и читать известныя молитвы изъ корана по умершемъ. Съ утвержденіемъ русскаго управленія въ странѣ, въ незначительный до того по своей малочисленности классъ *азатовъ*, т. е. въ число лицъ, не отбывающихъ никакихъ повинностей, стали поступать всѣ вообще освободившіеся изъ нисшихъ сословія, ибо въ переходѣ ихъ въ сословіе анхае или піошъ, для пріобрѣтенія необходимаго прежде покровительства привилегированныхъ семей, не представлялось уже болѣе надобности, такъ какъ это покровительство замѣнялось общиннымъ обезпеченіемъ, даваемымъ русскою властію.

Покровительственная роль привилегированнаго сословія, изъ которой истекаетъ исключительное положеніе этого сословія, его особыя обязанности и права, должна разсматриваться не только по отношенію къ внутренней жизни своей общины, союза, но также и по отношеніямъ внѣшнимъ—къ другимъ союзамъ, къ владѣтелю, къ странамъ сосѣдственнымъ.

По предмету внѣшнихъ отношеній, покровительствующая, привилегированная фамилія каждой общины была заинтересована въ возможно-успѣшномъ ходѣ этихъ отношеній, не только для пользы общины, но также и по причинамъ, относящимся лишь собственно до такой фамиліи или до лица, которое по положенію своему было обязано руководить таковою фамиліею.

Успѣшный ходъ этихъ отношеній долженъ былъ зависть прежде всего отъ силы, отъ тѣхъ средствъ, которыми располагала привилегированная фамилія; отсюда возникаетъ естественное стремленіе каждой фамиліи къ усиленію союза, возможно-большему сосредоточенію для того средствъ.

Владѣтельская власть, какъ выше изложено, была слишкомъ слаба для выполненія лежавшихъ на ней обязанностей по управленію странкою и должна была опереться вслѣдствіе того на порядокъ и внутреннее устройство, выработанные самимъ народомъ, возникшіе въ его средѣ именно вслѣдствіе непрочности, ненадежности, слабости той власти. Находя поддержку для нея во внутренней силѣ союзовъ, владѣтель, однако, не могъ быть равнодушенъ къ значительному усиленію той или другой (привилегированной) фамиліи, ибо съ таковымъ усиленіемъ соединялась и большая самостоятельность фамиліи; если сильная привилегированная фамилія имѣла большія сравнительно съ другими средства для содѣйствія въ томъ или въ другомъ случаѣхъ владѣтелю, то, съ другой стороны, эти-же самыя средства могли быть употреблены и для противоодѣйствія тѣмъ или другимъ пѣлямъ и намѣреніямъ владѣтеля, предпринимавшимся хотя-бы и для пользы страны.

Усиленіе одной привилегированной фамиліи могло имѣть мѣсто не иначе, какъ на счетъ какой-либо другой фамиліи. Самъ владѣтель былъ также главою, на общемъ правѣ привилегированной фамиліи, нѣсколькихъ союзовъ, которые у насъ извѣстны подъ именемъ владѣтельскихъ имѣній, разбросанныхъ по всѣмъ округамъ, но главнымъ образомъ сосредоточившихся въ Бзыбскомъ и Абживскомъ округахъ. Сила его основывалась преиму-

...отношеніях на свой счет, и кровнородственники, имъ союзить, подобно другимъ привилегированнымъ фамиліямъ, и потому взаимно связались родственныя общины, союзивъ, въ главѣ ихъ, взаимно непосредственно, оны стояли, окольно и другія привилегированныя фамиліи. Отсюда дѣлается донция антагонизмъ, существовавший между привилегированными фамиліями вообще и антагонизмъ всѣхъ вообще привилегированныхъ фамилій къ фамиліи владѣтельской, общее стремленіе привлечь къ себѣ возможно большее число подвластныхъ, стремленіе каждой привилегированной фамиліи приобрести себѣ союзниковъ въ лицѣ другихъ фамилій, стремленіе вступить съ сильными фамиліями въ родство посредствомъ браковъ, или посредствомъ столь употребительныхъ между воинами жителями вообще, способовъ сближенія съ неродственными фамиліями чрезъ усыновленія или воспитаніе, замѣняющія кровное родство.

Владѣтели, также какъ и другія главы союзовъ, озабочивались объ увеличеніи числа подвластныхъ и, подобно имъ, не пренебрегали связями въ странѣ, взаимно кровнаго родства, приобретаемыми обычными способами.

Владѣтель былъ самый сильный изъ протекторовъ. Каждая привилегированная фамилія въ отдаленности, будучи поставлена въ изолированное положеніе, не могла бороться съ нимъ; союзъ несколькихъ привилегированныхъ фамилій могъ сдѣлаться опаснымъ для владѣтеля или по крайней мѣрѣ послужить источникомъ важныхъ затрудненій. Поэтому, владѣтели не безъ удовольствія смотрѣли на возникновеніе распрій между привилегированными фамиліями; владѣтельская власть была сильна лишь при недостаткѣ единодушія между ними. Владѣтели принимали участіе въ этихъ распряхъ, являясь миротворцами между враждующими фамиліями. Таковая роль была вѣдѣній владѣтели; она увеличивала его вліяніе и значеніе въ глазахъ населенія и давала средства къ действительному усиленію, черезъ приобретеніе новыхъ подвластныхъ.

Противодѣйствіе власти со стороны той или другой привилегированной фамиліи было, конечно, явлениемъ рѣдкимъ, особеннымъ; борьба съ владѣтелемъ была опасна и потому могла имѣть мѣсто лишь въ случаѣхъ, вызывавшихъ необходимость, или иными же, исключительными обстоятельствами. Напротивъ, въ значеніи своемъ, какъ государственной власти, управлявшей страной и руководившей высшими сановниками, по возможности вышшею

поддержки, но положеніе спосну въ общественномъ мнѣніи населенія всей страны, выдвѣшаго во владѣтеля высшаго прокурора, высшаго судью,—владѣтель всегда являлся главою страны, вестдарижъ, и все населеніе считало себя подданными его; привилегированныя сословія считали за честь служить при немъ, сопровождаютъ его въ поѣздкахъ, получаютъ порученія отъ него. Въ случаѣ вѣншихъ предпріятій или принятія мѣръ для обороны той или другой части края, привилегированныя сословія являлись по призыву владѣтеля съ своими подвластными на указанное мѣсто, дабы слѣдовать и дѣйствовать согласно его приказаній. Каждая привилегированная фамилія старалась привлечь къ себѣ расположеніе владѣтеля, стать въ болѣе или менѣе близкіи съ нимъ отношенія и тѣмъ обезпечить себѣ успѣхъ ходатайствъ и представленій по дѣламъ союза и помощь на случай враждебныхъ отношеній съ кѣмъ-либо, возникновеніе коихъ было столь обыкновеннымъ явленіемъ и могло имѣть мѣсто противъ воли и вѣны лицъ, долженствовавшихъ подвергнуться имъ или принять въ нихъ участіе.

Естественно, вниманіе владѣтеля прежде всего было обращено на болѣе сильныя фамиліи, обладавшія болѣе значительными средствами, имѣвшими болѣе подвластныхъ. Уваженіе и почетъ сообразовались съ силою, которая, съ одной стороны, служила защитою отъ неумѣренныхъ требованій его, а съ другой — могла послужить и ему для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Отсюда опять возникаетъ забота каждой фамиліи объ усиленіи, о возможномъ увеличеніи подвластныхъ, о привлеченіи къ себѣ подвластныхъ другихъ фамилій, привлеченіи къ себѣ ассасовъ, переселенцевъ, изъ другихъ союзовъ.

При слабости привилегированной власти, общины должны были главнымъ образомъ сами же принимать мѣры для огражденія безопасности своей и со стороны соседственныхъ народовъ; это въ особенности относилось до общинъ, обитавшихъ смежно съ вѣншею границею. Пехуцы въ набѣгахъ своихъ доходили до внутреннихъ частей страны. Были случаи, что они проникали почти до Сухуна. Въ двадцатыхъ годахъ они проникли до Дыхны и осадили владѣтеля въ мѣстѣ главнаго пребыванія его. Изъза Бзыби вторгались джигеты. Аспа была мѣстомъ главныхъ столкновеній съ этими послѣдними, и воодѣтвіе того эта мѣстность, не смотря на представляемыя ею удобства къ жизни,

оставалось пераселеніем. Въ законѣ, отношенія находились эти два народа въ западной части страны, въ такомъ-же отношеніи находились кебеладидцы и сванеты къ востранству между Келасурю и Ингуромъ. Очевидно, что отраженіе таковыхъ набѣговъ, преслѣдованіе горцевъ, возвращеніе награбленнаго, обратное отбитіе скота и плѣнныхъ, наконецъ набѣги внутрь сосѣдственныхъ странъ въ видахъ кровомщенія или грабежа, для возмѣщенія понесенныхъ при нападеніи горцевъ убытковъ,—все эти операціи находились въ тѣсной связи съ силами союза, съ числомъ входившихъ въ его составъ подвластныхъ. Сила союза могла предотвратить набѣги. Кромѣ этихъ случаевъ, населеніе сталкивалось съ своими сосѣдами лѣтомъ на горныхъ пастбищахъ, и здѣсь, сохраненіе самаго дорогаго предмета для жителей—скота, составлявшаго почти единственный предметъ ихъ богатства,—зависѣло также отъ силы, отъ имѣвшихся для защиты стадъ средствъ.

Съ силою-же союза, съ которою связывалось вліяніе и значеніе привилегированной фамиліи, былъ тѣсно соединенъ успѣхъ и такіе дѣйствія, кои имѣли цѣлю огражденіе или возстановленіе интересовъ союза вообще, или какой-либо части, или кого-либо изъ членовъ его въ отдѣльности, со стороны населенія другихъ союзовъ. Цѣлями такихъ дѣйствій, между прочимъ, были: а) доставленіе удовлетворенія по дѣламъ кровомщенія (по обычаю, патронъ долженъ мстить за кровь своихъ подвластныхъ и, обратно, эти послѣдніе должны мстить за кровь фамиліи своего патрона,—на этомъ основанъ и обычный раздѣлъ платы за кровь); содѣйствіе къ окончанію кровомщенія примиреніемъ посредствомъ суда и къ назначенію для сего, если-бы то понадобилось, владѣтелемъ народнаго суда; б) содѣйствіе отысканію украденнаго (по причинѣ сильнаго развитія воровства, преимущественно скота, это содѣйствіе было дѣломъ большой важности для населенія); в) огражденіе занимаемаго союзомъ пространства, въ видахъ пользованія лѣсными и другими угодами, не состоящими въ чьемъ-либо частномъ владѣніи,—главнымъ образомъ для устройства абтра *) и пасѣбы скота, а также для занятія подъ новыми поселеніями и пашни; г) многіе другіе предметы, возникавшіе изъ отношеній между союзами.

*) Звѣнникъ прѣлотовъ для скота.

Тѣмъ сильнѣе била связь между союзомъ и чѣмъ; следовательно; болѣе была вліянія и значенія привилегированной фамиліи, чѣмъ покровительствовавшихъ, тѣмъ болѣе прибѣгало людей для приобретения такого покровительства.

Внутри общины, вліяніе и значеніе привилегированной фамиліи имѣло послѣдствіемъ энергическую поддержку подвластныхъ во всѣхъ вышнихъ отношеніяхъ, увеличенное отбываніе повинностей (происшедшихъ изъ добровольныхъ приношеній и услугъ, сдѣланныхъ отъ времени обязательными), что, вмѣстѣ съ числомъ подвластныхъ и покровительственной данью со стада другихъ селеній, обуславливало матеріальныя средства фамиліи.

Наконецъ, самое положеніе ахалапшю тѣмъ болѣе удовлетворяло честолюбіе лицъ привилегированныхъ фамилій, чѣмъ болѣе давало оно вліянія на дѣла страны, что завѣствовало отъ внутренней силы союза.

Изъ всего изложеннаго видно, что усиленіе союза, увеличеніе числа подвластныхъ, привлеченіе возможно-большаго числа людей подъ свое покровительство, составляли предметъ насущной надобности для привилегированныхъ фамилій, главнѣйшую дѣль всѣхъ стремленій этихъ фамилій, соперничествовавшихъ между собою на пути къ этой цѣли. Таковыя условія необходимо должны были отразиться на главнѣйшихъ внутреннихъ отношеніяхъ союза: чтобы покровительство цѣнилось, необходимо, чтобы оно удовлетворяло тѣмъ цѣлямъ его, во имя коихъ существовало, (насколько то допускали вышнія препятствія), — и только при этомъ условіи союзъ могъ привлекать въ свой составъ большое число подвластныхъ. Очевидно, что произволъ, производное нарушение личныхъ или имущественныхъ правъ со стороны привилегированной фамиліи, какъ факты, не соответствовавшіе идеѣ покровительства, не могли служить основой дѣйствій привилегированной фамиліи, ибо должны были вести къ устраненію этого покровительства. И дѣйствительно, нарушение какихъ-либо правъ жителей покровительствующей фамиліею было всегда исключительнымъ явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто лишь при какихъ-либо особыхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, соперничество привилегированныхъ фамилій служило къ огражденію правъ другихъ сословій. Сила этого оплота находила твердую поддержку себѣ въ другихъ условіяхъ туземной жизни, главнымъ образомъ въ характерѣ обычныхъ правъ самого многочисленнаго со-

словян, Абхазии и Самурзани — и влиде и шешей, — и въ общемъ
состоянии. Съ понятиемъ о свободе соединяется представление о
свободномъ человѣкѣ, пользующемся въ полной мѣрѣ своимъ лич-
нымъ и имущественными правами. Понимание этого слова
образовалось изъ привычекъ и образуется на глазахъ у всѣхъ
въ наше время, чрезъ повтореніе ихъ втѣченіи большого или
малышаго числа лѣтъ, или же имѣютъ начало въ разныхъ услугахъ и
исполненіи, сформировавшихся правилъ и привычекъ, или воз-
никновеніи близкихъ общечеловѣческихъ отношеній по воспитанію и обы-
чаю. Действительно, многіе аххае и въ настоящее время
не отбываютъ никакихъ обязанностей, за исключеніемъ почетной
службы или выхода на работу по приглашенію, втѣченіи не-
сколькихъ дней въ году (что имѣли скотомъ исполняютъ и въ
отношеніи другъ къ другу). Во многихъ семьяхъ образованіе
родственниковъ имѣло мѣсто по тѣмъ или другимъ обычнымъ шу-
ткамъ на памяти народной. Съ понятиемъ о свободномъ человѣкѣ
не различно право перемѣны мѣстожителства, отсутствіе какихъ-
либо другихъ условій прикрѣпленія къ землѣ или къ данной мѣст-
ности, кромѣ тѣхъ, которыя происходятъ изъ самихъ правъ
аххае, изъ его интересовъ. Таковой характеръ аххае имѣли во
всѣхъ сродственничихъ съ Абхазіею абхазскихъ обществахъ
таковой же характеръ имѣли соответствующей массы населенія
во всѣхъ другихъ горскихъ обществахъ Северо-западнаго Кав-
каза. Между прочимъ, автономія массы аххае представляется
въ полной мѣрѣ въ лѣтъ гагринскихъ аххае, недавнихъ пер-
селенцевъ изъ Садзена (Джигети).
Свобода перехода съ одного мѣстожителства на другое, изъ
одного селенія въ другое, сохранялась до послѣдняго времени,
и только строгое запрещеніе начальства, имѣвшіе въ виду пре-
краденіе бродячаго элемента и уничтоженіе воровства, отдало
переселенія, но они имѣли мѣсто даже въ послѣдніе годы, не
только въ Абхазіи, но и въ Самурзани. Хотя таковая свобода
переселенія д. дала поводъ къ бродяжничеству, однако нельзя не
признать, что она доставляла одно изъ главныхъ оснований для
обеспеченія подвластными своимъ правамъ нарушенія, привилег-
ирированныхъ, семействъ, доставляя возможность действительнаго
протеста, бывшаго однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ переселе-
нію. Аххае составляла одинъ изъ горскихъ обществъ всего

переселенія: съверо-западнаго Кавказа, и гостеприимство всегда считалось священною обязанностью каждаго. Находили-ли ассасы убійца себя въ какомъ-либо бѣдномъ семействѣ; или былъ гостемъ цѣлой фамилии анхасе, или, какъ это было чаще всего, дѣлался гостемъ привилегированной фамилии, во всякомъ случаѣ, онъ вступалъ во все права восточныхъ жителей селенія. Эти условія, а также легкость оставленія прежняго имущественнаго (власть незначительности хозяйства, характера всѣхъ вообще построекъ, которыя могли быть возведены въ несколько дней на новомъ мѣстѣ), возможность заранее распорядиться движимымъ имуществомъ и даже возможность сохранить за собою землю (напримѣръ, въ случаѣ если ассасъ имѣлъ незначительную фамилию родственниковъ въ оставляемомъ селеніи),—все эти условія дѣлали ассасство незатруднительнымъ, удобоисполнимымъ. Ахуйю (дельнахоре) и амацюраспу (мойнале) также находили въ переселеніи, въ ассасствѣ, защиту для своихъ правъ, хотя ассасство отъ нихъ сословіи и было обставлено нѣкоторыми особыми условіями. Даже ахашала, отдаваясь подъ вѣкровительство другихъ, находили защиту тѣхъ немногихъ правъ своихъ, кои предоставляеть имъ обычай.

Такимъ образомъ, свобода переселенія составляла силу, ограждавшую права зависимыхъ сословіи отъ нарушенія ихъ тѣми людьми, отъ коихъ эти сословія зависѣли.

Обычай опредѣлялъ въ подробности обязанности и права каждаго сословія. Обычай не исключаетъ и ахашалъ въ пользованіи известными правами. Главная обязанность, лежащая на всѣхъ вообще членахъ союза, заключалась въ исполненіи военной повинности: каждый долженъ былъ, въ случаѣ надобности, явиться съ оружіемъ для защиты общей безопасности и дѣйствій противъ общаго враговъ. Затѣмъ все остальные повинности, отбывавшіяся зависимыми сословіями, различаются не только по сословіямъ, но и въ каждомъ сословіи представляютъ значительное число родовыхъ и видовыхъ измѣненій. Но при всѣмъ равнообразіи повинностей, нормы ихъ для каждаго дѣла постоянны и не могутъ подлежать произвольному измѣненію ни съ той, ни съ другой стороны. Патрени не можетъ по своему произволу увеличить, зависящій—уменьшить лежаніе на дѣлѣ повинности. Измѣненія въ повинностяхъ могутъ происходить лишь вслѣдствіе известныхъ, опредѣляемыхъ обычаями, причинъ. Еще раньше могъ имѣть мѣсто произволъ въ отношеніи сословныхъ

права, строго опредѣленныхъ обычаемъ. Это одинаково относится до правъ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ. Изъ этихъ послѣднихъ, возмемъ для предѣла почти одинаковыми для всѣхъ сословій. Въ сословіи имѣютъ право частной собственности на извѣстныя категоріи земель, приобретенныя опредѣленнымъ образомъ путемъ, съ ограниченіемъ, лишь въ извѣстныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ, права наследованія въ пользу лица, которому предназначены зависящій. За исключеніемъ названныхъ категорій земель, подлежащихъ частному владѣнію, всѣ оставшіяся земли, лежащія въ районѣ мѣстности селенія, не могутъ быть предметомъ чьего-либо исключительнаго владѣнія и состоятъ въ общественномъ пользованіи, для пасьбы скота, для устройства жилищъ пріютовъ (для этого послѣдняго), для рубки дровянаго и строеваго матеріала, въ размѣрѣ своихъ собственныхъ потребностей; всѣ имѣютъ право свободной расчистки этихъ земель, за нѣкоторыми, установленными обычаемъ, ограниченіями, съ приобретениемъ въ частную собственность расчищенныхъ участковъ. Тяжелый трудъ расчистки земли, по большей части покрытой густою растительностью, даетъ, такимъ образомъ, право частной собственности на оную. Тяжесть этого труда усугубляется крайнею слабостью средствъ, которыми населеніе располагаетъ для того. Вообще, приложеніе къ землѣ труда даетъ право собственности на оную. Земля, расчищенная однимъ лицомъ, до (съ позволенія его) засаженная другимъ, даетъ право частной собственности этому послѣднему на половину засаженнаго участка. Въ поземельномъ отношеніи всѣ сословія равны. Преимущество высшихъ сословій состоитъ лишь въ взиманіи покровительственной дани со ставъ другихъ селеній, кои приходятъ для пасьбы на свободныя земли, за покровительство и обезпеченіе таковой пасьбы, что какъ-бы имѣетъ видъ поземельнаго дохода. Кромѣ того, имѣющимъ въ своей зависимости лицъ другихъ сословій принадлежитъ право пользованія выморочными землями.

Споры между зависимыми сословіями и лицами, коимъ они подвластны, по предмету отбыванія повинностей и обычныхъ правъ, вообще весьма рѣдкіе, разрѣшались посредниками или даже высшимъ обществомъ (авыта); въ случаѣ, если нарушенное право не бывало затѣмъ возстановлено, зависимыя сословія имѣли возможность протестовать прекращеніемъ отбыванія повинностей, не только тѣмъ лицомъ, до котораго обида непосредственно относилась, но и всѣми его однофамильцами,—переселеніемъ въ

другую общину, обидящаго лица, а также и, если оно заранѣе, — и даже абречествомъ.

Вообще, внутрений порядокъ въ каждой общинѣ, особенно давалъ важныя гаранціи противъ нарушенія правъ индивидуальныхъ жителей со стороны, кто бы то ни было: изъ членовъ своей общины, и въ томъ числѣ и лицъ привилегированныхъ сословій. Случаи нарушенія тѣхъ и другихъ правъ происходили главнымъ образомъ изъ вѣщныхъ отношеній общины, изъ коихъ главнѣйшими были:

а) Непріязненные отношенія между общинами, а также и между привилегированными фамиліями въ особенности, тѣмъ болѣе къ концу было много въ абхазской жизни, въ особенности въ кровомщеницкѣ вследствие убійствъ, совершаемыхъ въ средѣ привилегированныхъ фамилій или въ средѣ другихъ сословій. Всякое неудовольствіе, ссора между привилегированными фамиліями, прежде всего отражалась на ихъ подданныхъ: на нихъ вымещалось это неудовольствіе. При кровомщеницкѣ, хотѣвшая сторона вторгалась въ другое селеніе, какъ въ непричужденную страну, предавала все огню, совершала убійства, захватывала плѣнныхъ, угоняла скотъ, забирала все, что только можно было взять, и уходила обратно съ добычею. Преданіе охраняло память о бывшихъ при этомъ примѣрахъ дикаго вѣдѣтва, имѣвшихъ мѣсто даже въ недавнее время. Такъ, Члпцанъ Агелла Мертава убивалъ дѣтей, вырѣзывалъ груди у женщинъ. Жители селенія, подвергшагося такому нападению, оставляли дома и бѣжали искать убѣжища въ другихъ селеніяхъ, подъ покровительство болѣе или менѣе сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, забравъ съ собою, что можно. Для многихъ такое переселеніе было полнымъ, т. е. они водворались окончательно въ новыхъ мѣстахъ; другіе возвращались обратно, если устраивалось примиреніе между враждовавшими, или если кто-либо изъ сильныхъ людей обезпечивалъ безопасность возвратившихся. Такое возвращеніе часто имѣло мѣсто лишь по истеченіи многихъ лѣтъ. Жители смотрѣли на такое событіе, какъ на нестерпимое зло, котораго, нужно было всегда ожидать. Дѣйствительно, нельзя было поручиться, что въ дальнее время не произойдетъ убійства или какихъ-либо другихъ отношеній, которыя не дадутъ повода въ упомянутымъ нападеніямъ. Это обстоятельство заставляло жителей быть всегда наготовѣ къ переселенію, и сообразно тому устроить свое хозяйство.

б) Пльнопродавство, вслѣдствіе огромнаго развитія когоръ

нельзя было ручаться даже втеченіи короткаго времени за безопасность своего семейства, за то, что не произойдет нападенія со стороны кого-либо, главнымъ образомъ жителей другаго селенія, безъ всякаго инаго повода къ тому, кромѣ корыстныхъ цѣлей нападавшихъ, находившихъ легкій сбытъ захваченныхъ людей въ соседнихъ горскихъ обществахъ, преимущественно же у береговыхъ турокъ, которые всегда давали хорошую цѣну за этотъ предметъ своей торговли. Это обстоятельство заставляло быть постоянно насторожѣ, и днемъ и ночью, и всегда держать наготовѣ оружіе.

в) Огромное развитіе воровства, преимущественно скота, которое находило себѣ много оправданій въ общественномъ мнѣніи населенія, и наложеніе штрафовъ за которое не только не прекращало его, но, напротивъ, содѣйствовало еще большому его развитію.

г) Нападенія соседнихъ народовъ.

Но всѣ эти обстоятельства, угрожавшія явнѣ каждой общинѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе причиною тѣснаго соединенія между собою всѣхъ членовъ оней, а также еще болѣе тѣсной связи привилегированной фамиліи съ зависимыми сословіями. Такимъ образомъ, эта, постоянно существовавшая, значительная опасность оказывала благоприятное вліяніе на улучшеніе внутреннихъ отношеній общины и способствовала наибольшему утвержденію цѣннѣйшей правъ каждаго, со стороны членовъ общины вообще и привилегированной фамиліи въ особенности.

Съ другой стороны, какъ было выше упомянуто, внѣшніи отношенія общинъ заставляли покровительственный элементъ каждой изъ нихъ озабочиваться не объ одномъ-только возможно-большемъ увеличеніи числа подвластныхъ, но также и объ устройствѣ связей и приисканіи союзниковъ внѣ предѣловъ общинъ, для обезпеченія себѣ содѣйствія, опоры, на случай могшихъ легко возникнуть неблагоприятныхъ для безопасности общины событій. Поэтому, и покровительственный и покровительствуемый элементы общинъ должны были дорожить хорошими отношеніями съ другими общинами и привилегированными фамиліями, а это обуславливало существованіе извѣстныхъ гарантій для личныхъ и имущественныхъ правъ каждаго, даже и внѣ предѣловъ своей общины.

II.

Краткій очеркъ политическихъ событій въ Абхазіи и Самурзакани въ послѣднія сто лѣтъ и общій взглядъ на отношенія членовъ фамилии Шервашидзе.

По паденіи, въ половинѣ XV столѣтія, Константинополя и, почти одновременномъ съ тѣмъ, распаденіи грузинскаго царства, турки распространили свое вліяніе по всѣмъ берегамъ Чернаго моря. По паденіи Кабы, заключившемъ борьбу генуэзцевъ съ турками, эти послѣдніе подчинили себѣ Абхазію, сдѣлавъ своимъ вассаломъ владѣтеля оной. Не вмѣшиваясь въ дѣло управленія страной и предоставляя владѣтелямъ самимъ справляться, за особыми лишь исключеніями, какъ съ внутренними смутами и беспорядками, такъ и съ непокойными сосѣдями извнѣ, турки ограничивались содержаніемъ въ Абхазіи паши и небольшого гарнизона, полученіемъ дани, внесеніемъ въ страну мусульманской пропаганды и заведеніемъ выгодныхъ для себя торговыхъ сношеній, и, между прочимъ, торговли невольниками. Эта безучастность въ дѣлѣ внутренняго положенія страны нарушалась лишь въ особыхъ случаяхъ, когда внутреннія смуты дѣлались небезопасными для самихъ турокъ и грозили ниспроверженіемъ ихъ власти въ странѣ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, турецкая власть въ Абхазіи, представлявшаяся пашею, занимавшимъ съ небольшимъ отрядомъ войскъ сухумскую крѣпость, должна была принять таковое участіе во внутреннихъ отношеніяхъ страны и содѣйствовать удаленію изъ края въ Турцію владѣтельской фамилии, именно владѣтеля Манучара Шервашидзе и его двухъ братьевъ, Ширвана и Зураба, принявъ, такимъ образомъ, сторону возставшихъ противъ власти владѣтеля. Установившіяся неконя порядокъ внутренняго управленія страной, однако, снова привелъ въ скоромъ времени къ возвращенію въ Абхазію одного изъ трехъ названныхъ братьевъ, именно Зураба, вступившаго во владѣтельскія права, какъ вассалъ Турціи. Въ 1771 году, Зурабу удалось, при содѣйствіи дяди своего Левана, выгнать турокъ изъ Сухума, но послѣдовавшія затѣмъ несогласія Зураба съ дядею повели къ занятію снова Сухума турками, къ лишенію

Зураба владѣтельскаго достоинства и къ поставленію владѣтеля Абхазіи Келишъ-бей, сына Манучара.

Во время высылки Шервашидзевыхъ въ Турцію, въ Абхазіи усилилась фамилія тавадовъ Дзяпшъ-ипа, жившихъ на Гуништѣ. Пользуясь своимъ вліяніемъ, онѣ заняли свободныя мѣста въ окрестностяхъ Сухума и присвоили себѣ разные административные доходы, принадлежавшіе владѣтелю. Зурабъ, по возвращеніи своемъ въ Абхазію, старался сохранить хорошія отношенія съ фамиліею Дзяпшъ-ипа, пользовавшеюся большимъ уваженіемъ въ народѣ, и женилъ на одной изъ дѣвицъ этой фамиліи племянника своего, Келишъ-бей. Келишъ-бей, не любившій дажной ему жены, сдѣлавшись владѣтелемъ, развелся съ нею и началъ стѣснять фамилію Дзяпшъ-ипа, въ видахъ ослабленія ея, такъ какъ сила ея была опасна владѣтелю. Оскорбленіе, потеря вліянія, которымъ пользовались Дзяпшъ-ипа во время изгнанія Шервашидзевыхъ, были причинами возникновенія враждебныхъ отношеній между этою фамиліею и владѣтелемъ. Распря съ Дзяпшевымъ, въ связи съ общимъ тревожнымъ положеніемъ страны, заставили Келишъ-бей быть болѣе осторожнымъ съ другими противниками своими, прискивать себѣ союзниковъ, озабочиваться устроеніемъ благоприятныхъ для себя отношеній. Это тѣмъ важнѣе было для Келишъ-бей, что, не любя жены изъ фамиліи Дзяпшъ-ипа, онъ не былъ расположенъ и къ своему старшему сыну отъ нея, Асланъ-бею, и желалъ передать владѣтельскія права своему любимому сыну, Сеферъ-бею, (рожденному отъ матери изъ сословія анхае (изъ фамиліи Лейба, въ сел. Мгудзырхія)).

Шаткость положенія владѣтельской власти, ограниченность собственныхъ средствъ для сохраненія въ странѣ порядка и своего авторитета, ненадежность поддержки для этихъ послѣднихъ цѣлей со стороны турокъ, заставили Келишъ-бей даже думать объ устраненіи зависимости отъ Турціи и о прискианіи болѣе твердой внѣшней опоры, которую онъ только и могъ найти въ покровительствѣ Россіи. Ходъ дѣлъ не замедлилъ привести Абхазію къ такому покровительству: она вступила въ подданство Россіи, скоро послѣ смерти Келишъ-бей.

Ожиданіе Келишъ-беемъ опасности со стороны Дзяпшевыхъ было справедливо. Дзяпшъ-ипа составили заговоръ совместно съ Асланъ-беемъ, сыномъ Келишъ-бей, на жизнь этого послѣдняго. Предупрежденный своевременно, Келишъ-бей пригласилъ къ себѣ

болѣе вліятельныхъ трехъ братьевъ изъ этой фамиліи и приказалъ умертвить ихъ. Видя замыселъ свой открытымъ, остальные тавады Даяпшъ-ипа, опасаясь мщенія владѣтеля, бѣжали въ Цебельду. Келишъ-бей, въ послѣдніе годы своей жизни, передалъ управление страной Сеферъ-бею, имѣвшему постоянное жительство въ Лыхны. Самъ Келишъ-бей жилъ въ Сухумѣ. Сухумскимъ или Абхазскимъ округомъ управлялъ его сынъ Гасанъ-бей, жившій сначала въ Мерхеулѣ, а потомъ въ Келасурѣ; Абживскимъ округомъ—Бекиръ-бей, родственникъ Келишъ-бей, вызванный имъ изъ Батума, жившій въ сел. Квитаули. Самурзаканъ издавна управлялась особою линією абхазскихъ Шервашидзе, именемъ владѣтеля Абхазіи. Эта линія Шервашидзевыхъ, съ половины прошедшаго столѣтія, т. е. времени возникновенія большихъ смутъ въ Абхазіи и, тѣмъ болѣе, во время высылки абхазскихъ Шервашидзе въ Турцію, приобрѣла полную автономію въ управленіи Самурзаканью. Тѣмъ не менѣе однако-же, нужно полагать, что при Келишъ-бей власть абхазскаго владѣтеля признавалась въ Самурзаканіи, ибо иначе не могло-бы состояться пожалованіе Келишъ-беемъ своему сыну Махмедъ-бею имѣнія въ Анакліи.

Бекиръ-бей, будучи женатъ на Анчабадзе и рассчитывая на поддержку этой многочисленной фамиліи, задумалъ выйдти изъ повиновенія владѣтеля. Келишъ-бей окружилъ Бекира въ крѣпости, находившейся около сел. Атара. Спасенію Бекира между прочимъ способствовала просьба жены его, которую Келишъ-бей взялъ себѣ въ жены, оставивъ Бекира по прежнему управляющимъ Абживскимъ округомъ. Келишъ-бей погибъ въ 1808 году, отъ руки своего сына Асланъ-бей, который занялъ Сухумскую крѣпость и объявилъ себѣ владѣтелемъ Абхазіи.

Сеферъ-бей, второй сынъ Келишъ-бей, бывшій во время смерти отца въ Лыхны, не рассчитывая много на поддержку народа, бѣжалъ въ тестю своему, владѣтелю Мингрелии, искать у него помощи. Дадіанъ предложилъ ему, какъ лучший способъ упрочить за собою владѣтельскія права, привести, въ исполненіе намѣреніе отца—принять подданство Россіи и взялся быть ходатаемъ въ этомъ дѣлѣ. До 1810 года Сеферъ-бей пребылъ въ Мингрелии, выжидая отвѣта на свое прошеніе. Впродолженіи этого времени, Асланъ-бей значительно усилился и различными обѣщаніями успѣлъ склонить на свою сторону управлявшаго Сухумскимъ округомъ брата своего, Гасанъ-бей, и управлявшаго Абживскимъ округомъ, Али-бей. Русскія войска, подъ начальствомъ

князя Горчакова, заняли Сухумъ, изгнали Асланъ-бей и доставили Сеферъ-бею принадлежавшія ему владѣтельскія права.

Въ 1810 году, грамотою Всероссийскаго Императора Александра, Сеферъ-бей, принявшій христіанство, былъ признанъ и утвержденъ владѣтелемъ Абхазіи, вступившей въ подданство Россіи. Съ этого времени русское правительство принимаетъ самое дѣятельное участіе въ судьбѣ Абхазіи и не щадитъ средствъ для того, чтобы оградить ее отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и сохранить весьма непрочную безъ этой поддержки власть владѣтеля.

По смерти Сеферъ-бея, въ 1821 году, Асланъ-бей, при помощи Гасанъ-бея, стремись, помимо сына Сеферъ-бея, Дмитрія, сдѣлаться владѣтелемъ, возмутилъ абхазцевъ противъ законнаго наследника. Русскія войска, подъ начальствомъ князя Горчакова, вторично являюся въ Абхазію, снова изгоняютъ Асланъ-бея и возстансвляють владѣтельскія права въ родѣ Сеферъ-бея, въ лицѣ его старшаго сына, Омаръ-бея (Дмитрія). Гасанъ-бей, каиъ возставшій противъ правительственной власти, былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ 5-ть лѣтъ.

Со смертію Омаръ-бея, русскія войска снова дѣлають походъ въ Абхазію, для утвержденія въ званіи владѣтеля втораго сына Сеферъ-бея, Гамудъ-бея (Михаила). Для опециченія его власти, на этотъ разъ оставляется въ Лыхнахъ постоянный гарнизонъ, которому, въ 1824 году, виѣтъ съ владѣтельской фамиліею, пришлось выдержать нападеніе возмущившихся абхазцевъ. По снятіи лыхнискскаго гарнизона отрядомъ русскихъ войскъ, князь Михаилъ и все семейство владѣтельское перевозятся въ Редуть-Кале, гдѣ около шести лѣтъ они содержатся на ииживеніи правительства. Въ 1830 году, военное занятіе Абхазіи русскими войсками и постройка укрѣпленій Бомборы, Пицуды и Гагры возвращають владѣніе Абхазіею князю Михаилу; скоро послѣ того русскія войска предпринимають походъ на р. Бзыбь, для того чтобы подчинить владѣтелю возмущившагося противу него тавада Нарчу Иналъ-ипа, родственника Гасанъ-бея, дяди князя Михаила Шервашидзе. Таковыиъ-же образомъ русское правительство поддерживало владѣтельскую власть до самаго упраздненія оной, въ 1864 году, и только благодаря этой поддержкѣ, за владѣтелемъ упрочились сила и значеніе, и были предотвращены распри во владѣтельской фамиліи, служившія однимъ изъ главныхъ источниковъ смутъ и беспорядковъ въ странѣ.

Самурзакань составляла часть Абхазии и управлялась особою отраслю абхазских Шервашидзе. Точная степень родства самурзаканских Шервашидзе съ абхазскими неизвестна. Обыкновенно самурзаканскую отрасль начинают отъ Куапа, послѣдняго общаго родоначальника обоихъ отраслей Шервашидзевыхъ, о которомъ преданіе ничего не сохранило, кромѣ имени. Имена потомковъ Куапа самурзаканской отрасли, непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ, неизвестны, также какъ и время прибытія ихъ въ Самурзакань. Достоверныя свѣдѣнія о самурзаканскихъ Шервашидзе начинаются съ Мурзакана, который былъ первымъ самурзаканскимъ владѣтелемъ и отъ имени котораго произошло самое названіе страны. Самурзакань была въ то время заселена главнымъ образомъ только въ сѣверо-западной своей части,—гдѣ Бедіи представляла весьма населенную мѣстность еще задолго до утвержденія турецкаго вліянія въ странѣ,—и въ юго-восточной, насывшей названіе Барбала. Собственно только со времени Мурзакана и началось заселеніе главнаго пространства этой страны; усиленно-шедшая съ того времени колонизація, съ одной стороны изъ Абхазии (преимущественно), съ другой—изъ Мингрелии, при благоприятствовавшихъ оной обстоятельствахъ, привела къ быстрому занятію пространства между Гализгою и Кодоремъ, представляющаго въ настоящее время одну изъ несельныхъ частей края. Автономія самурзаканскихъ Шервашидзе, безъ сомнѣнія, способствовало ему тѣмъ положеніе Абхазии въ прошедшемъ столѣтіи, распри во владѣтельской фамилии и временное удаленіе этой послѣдней изъ страны. Автономія эта была, по всей вѣроятности, не полная, что доказывается, между прочимъ, предоставленіемъ Князь-бею своему сыну, Махмедъ-бею, надѣла въ Анаклии, и тѣмъ значеніемъ, которое придавалъ Сеферъ-бею опекунъ сыновей послѣдняго самурзаканскаго владѣтеля, Манучара, — Леванъ Дадіанъ *), въ дѣлѣ оставленія за собою управленія Самурзаканью, вслѣдствіе несовершеннолѣтія сыновей Манучара. Самурзаканская отрасль Шервашидзевыхъ представляетъ только четырехъ лицъ, носившихъ званіе владѣтеля. Мурзакану наследовалъ его сынъ, Хутунія, послѣ котораго владѣтельское достоинство перешло къ младшему сыну этого послѣдняго, Левану, такъ какъ старшаго, Соломы, не было въ то время въ живыхъ. Младшій сынъ Соломы, Манучаръ (Манча),

*) Владѣтель Мингрелии.

вступилъ въ борьбу съ дядею за владѣтельское достоинство; Леванъ былъ тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Мача, при посредствѣ владѣтеля Мингреліи, сдѣлался владѣтелемъ Самурзакани. Отъ Левана происходятъ бедійскіе Шервашидзе, отъ Соломы—набоковскіе; мѣстопробываніе первыхъ—Бедія, вторые жили въ Барбала. Этимъ послѣднимъ именемъ называлась мѣстность по обѣ стороны рукава нижняго Ингура, отдѣлявшаяся отъ Мингреліи главнымъ русломъ этой рѣки. Ингуръ, направясь въ этотъ рукавъ, раздѣлилъ Барбалу на двѣ части, изъ коихъ главная лежитъ нынѣ на лѣвой сторонѣ Ингура, въ Мингреліи. Лежація здѣсь селенія—Диди, Коки, Орсантіи, Шамгои,—были издавна подвластны Шервашидзевымъ, которые здѣсь жили, вѣроятно, ранѣе Мурзакана. Шервашидзевымъ были также подвластны Анаклія, а по свидѣтельству бедійскихъ Шервашидзевыхъ, и Ліа. Мурзаканъ жилъ и въ Барбала, и въ Бедіи. Распря между Леваномъ и Мачою совершенно раздѣлила двѣ главныя линіи самурзаканскихъ Шервашидзе, была причиною ослабленія этой фамиліи и, подобно тому какъ и въ Абхазіи, послужила источникомъ смуты въ странѣ. Вообще, условія жизни и возникшія изъ нихъ отношенія, были почти тождественны въ Абхазіи и Самурзакани. Страна управлялась особою линіею абхазскихъ Шервашидзевыхъ, руководившаяся тѣми-же стремленіями и преданіями, какъ и эти послѣдніе. Страна заселялась главнымъ образомъ абхазскими колонистами, бравшими рѣшительный перевѣсъ надъ за-ингурскою колонизаціею, производившеюся раздѣльно, безъ связи, тогда какъ абхазскіе колонисты являлись съ твердо-установившеюся общинною организаціею. Внутреннее устройство и отношенія, существовавшія въ Абхазіи, обычай, преданія, перевеслись колонистами и въ Самурзакань. Кромѣ названныхъ двухъ главныхъ линій Шервашидзевыхъ, въ Самурзакани находится еще одна линія этой фамиліи, саберская, родство которой съ главными линіями неизвѣстно положительно. Саберскіе Шервашидзе говорятъ, что они происходятъ отъ Атандела, брата Мурзакана. Саберскіе Шервашидзе жили прежде въ Коныти, части Бедіи, гдѣ они имѣютъ и въ настоящее время своихъ подвластныхъ. Въ Саберіи Шервашидзе—третье поколѣніе. Владѣтель Леванъ передалъ Болхуху, дѣду нынѣшнихъ саберскихъ Шервашидзе, своихъ подвластныхъ въ Гвамгвердіи (части Саберіи), доставшихся ему по смерти шивакмы Пацаліи Гводжава, по выморочному праву, что и послужило поводомъ Болхуху для поселенія въ Саберіи. Судѣ-

ствіе, оказавное Манучару Леваномъ Дадіаномъ *) къ достиженію владѣтельскаго достоинства въ Самурзакани, и родственная связь Манучара съ владѣтелемъ Мингреліи (онъ былъ женатъ на сестрѣ этого послѣдняго) способствовали утверженію вліянія этого послѣдняго на Самурзакань, что имѣло важныя послѣдствія для дальнѣйшей судьбы этой страны. Манучаръ былъ убитъ въ 1818 году въ Ведіи, какъ заявляютъ бедійскіе Шервашидзе, мингрельцемъ Маджемъ Корцхелія, вслѣдствіе сдѣланной этому послѣднему Манучаромъ обиды. У него осталось два сына, Александръ и Дмитрій, изъ коихъ первый долженъ былъ наследовать званіе владѣтеля. Какъ близкій родственникъ малолѣтнихъ сыновей Манучара, именно, какъ родной братъ ихъ матери, Леванъ Дадіанъ принялъ ихъ подъ свою опеку, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своею силою и значеніемъ, присвоилъ себѣ и управленіе Самурзаканью, именемъ наследника Манучара—Александра. Ближайшіе родственники этого послѣдняго по отцу, набакевскіе и бедійскіе Шервашидзе, не могли препятствовать тому, вслѣдствіе слабости своей. Не могли противодѣйствовать стремленіямъ Левана Дадіана и абхазскіе Шервашидзе, вслѣдствіе смутъ, почти непрерывно волновавшихъ Абхазію, начиная отъ смерти Келишъ-бея до 1830 года,—смутъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ даже случаи ниспроверженія владѣтельской власти въ этой странѣ, четырекратно втеченіи 20-ти лѣтъ возстановлявшейся русскими войсками: сначала за Сеферъ-беємъ (Георгіемъ), потомъ за его сыномъ Дмитріемъ, и наконецъ двукратно за Михайломъ. Въ 1829 году, сынъ Манучара, Александръ, по достиженіи въ то время имъ совершеннолѣтія, былъ сосланъ главноуправлявшимъ тогда краемъ, графомъ Паскевичемъ, по донесенію Левана Дадіана, въ Сибирь на поселеніе, но, не достигнувъ мѣста назначенія, умеръ дорогою. Братъ Александра, Дмитрій, погибъ въ 1832 году, въ схваткѣ съ людьми Дадіана. Съ того времени Леванъ Дадіанъ сталъ управлять Самурзаканью своимъ именемъ, какъ владѣтель этой страны. Вслѣдствіе крайняго недостатка свѣдѣній для полной оцѣнки существовавшихъ въ то время отношеній, главное кавказское начальство сначала благопріятно отнеслось къ такому присвоенію Леваномъ Дадіаномъ Самурзакани. Но смутное анархическое состояніе этой страны, вслѣдствіе крайне-слабого

*) Владѣтелемъ Мингреліи.

управленія Левана Дадіана, повлекло къ изслѣдованію правъ этого послѣдняго на Самурзакань, имѣвшее послѣдствіемъ принятіе сей страны въ непосредственное русское управленіе, съ образованіемъ изъ нея приставства, въ 1840 году. Въ 1857 году, съ принятіемъ Мингреліи въ непосредственное русское управленіе, Самурзакань подчинена управляющему Мингрелією. Въ 1865 году, съ образованіемъ Сухумскаго военнаго отдѣла, Самурзакань поступила въ составъ этого послѣдняго, составивъ такимъ образомъ одно цѣлое съ Абхазією, родственною ей и по племенному происхожденію, и по исторической судьбѣ своей, и по характеру внутреннихъ отношеній.

НИЗАМЪ ШАМИЛЯ *).

(Материалъ для исторіи Дагестана).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ переводъ съ арабскаго, сдѣланный есауломъ Подхалюзинымъ 1-мъ, съ слѣдующихъ письменныхъ положеній:

1) *Низамъ Шамиля*, содержащій въ себѣ положенія: а) о наибахъ, состоящее изъ 14 параграфовъ, названныхъ въ арабскомъ текстѣ главами; б) о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію мушкетеръ и кадіевъ, состоящее изъ 2-хъ параграфовъ, названныхъ также главами, и в) о наказаніяхъ, коимъ подвергаются сотенные начальники, десятскіе и рядовые.

2) *Предписаніе Шамиля наибамъ*, по которому вмѣняется въ обязанность, какъ имъ, такъ и всему подвѣдомому ему населенію, руководствоваться означенными выше положеніями, и отвѣтъ наибовъ на это предписаніе.

3) *Актъ о причинахъ сѣзда въ Андіи*, заключающій въ себѣ пункты, обсуждавшіеся и разрѣшенные на этомъ сѣздѣ,

4) *Молитва*, предписанная во время пятничнаго служенія (въ джуму).

5) *Приказаніе Шамиля*, отданное при собраніи въ Хунзахѣ.

*) Редакція «Сборника» объявлена Управленію Сѣвернаго Дагестана, какъ полученіемъ помѣщаемыхъ подъ этимъ заглавіемъ письменныхъ документовъ шамилеваго времени, такъ и свидѣніями, изложенными въ «Предисловіи».

Низамъ, арабское слово, означаетъ строй, лордокъ; низамокъ также называется регулярное войско. У Шамиля же низамъ, или низамское войско, составляли всѣ записанные въ число обязанныхъ явиться на войну.

123

Всѣ эти положенія выписаны изъ книги бывшаго при Шамилѣ наибомъ и извѣстнаго приверженца его, Танусъ-Магомы *). Книга эта заключала въ себѣ сборникъ разныхъ молитвъ, житія мусульманскихъ святыхъ, медицинскихъ наставленій, Дербентъ-намѣ и объясненныя выше положенія. Владѣлецъ ея, Танусъ-Магома, отправясь въ 1864 году на богомолье, умеръ въ Меккѣ, а сынъ его, Малачи, выселился въ 1869 году въ Турцію.

По темнотѣ и ошибочному изложенію нѣкоторыхъ мѣстъ въ арабскомъ текстѣ, для провѣрки и разъясненія его, вызванъ былъ въ Шуру Амиръ-ханъ чиркеевскій, бывшій около 20 лѣтъ секретаремъ Шамиля, и затѣмъ переводъ сдѣланъ частію буквально, а частію согласно истолкованіямъ и исправленіямъ Амиръ-хана.

По поводу-же распросовъ объ обстоятельствахъ составленія этихъ положеній, Амиръ-ханъ разсказалъ слѣдующее:

До объявленія положенія о наибахъ, Шамилемъ не было даваемо никакихъ письменныхъ инструкцій и указаній ни наибамъ, ни другимъ подчиненнымъ ему лицамъ.

Мысль о пользѣ снабженія наибовъ письменнымъ приказомъ объ ихъ обязанностяхъ подавъ Шамилю, находившійся при немъ, нѣкто Гаджи-Юсуфъ, считавшійся выходцемъ изъ Египта, но въ дѣйствительности бывшій уроженецъ Чечни, долгое время жившій въ Каирѣ и служившій при Магомедъ-Али-пашѣ египетскомъ. Этотъ Гаджи-Юсуфъ зналъ многія науки, владѣлъ въ совершенствѣ арабскимъ языкомъ и дотога былъ способенъ ко всему, что не было случая, въ которомъ онъ не нашелся-бы дать полезный совѣтъ.

Первое знакомство Гаджи-Юсуфа съ Шамилемъ завязалось заочно. Гаджи-Юсуфъ написалъ къ нему письмо послѣ движенія Шамиля въ Кабарду (въ 1846 году), изъ какого-то абадзехскаго аула, и предлагалъ ему свои услуги, если-бы Шамиль вздумалъ войти въ сношеніе съ турецкимъ султаномъ, или египетскимъ пашею, объ оказаніи дагестанцамъ помощи въ войнѣ съ русскими.

По этому предложенію, Шамиль составилъ письма къ султану и египетскому пашѣ, въ которыхъ, описывая несообразность силъ своихъ въ сравненія съ русскими, неудачное веденіе съ ними войны, на защиту мусульманства, просилъ себя покровительства и помощи.

*) Уроженецъ Аварскаго округа, селенія Танусъ, по имени Магома, почему и извѣстенъ подъ названіемъ Танусскій Магома.

Письма эти были отправлены съ доверенными людьми Шамиля (въ числѣ коихъ былъ главнымъ самъ Амиръ-ханъ). Посланные успѣли благополучно пробраться, черезъ русскія владѣнія, къ абадзехамъ, нашли тамъ Гаджи-Юсуфа и онъ немедленно направился съ ними къ берегамъ Чернаго моря, для приисканія турецкаго судна, на которомъ могъ-бы отправить посольство Шамиля въ Константинополь. Вскорѣ Гаджи-Юсуфъ приискалъ судно, договорился съ кованномъ и снаряжалъ-было шамилевскихъ посланныхъ въ путь, отказавшись самъ слѣдовать съ ними, по неважной причинѣ; но судно въ ту-же ночь захвачено было русскимъ большимъ кораблемъ, крейсеровавшимъ у береговъ, и сожжено. Тоже самое случилось съ другимъ турецкимъ судномъ, приисканнымъ Гаджи-Юсуфомъ, и затѣмъ посланные, пробывъ на берегу Чернаго моря около трехъ мѣсяцевъ, въ напрасномъ ожиданіи возможности безопаснаго переѣзда въ Турцію, стали собираться въ обратный путь. Только одинъ изъ нихъ, по имени Шейхъ, изъ Чиркея, пожелалъ ждать долѣе и во что-бы ни стало доставить бумаги Шамиля султану и египетскому пашѣ. Шейху переданы были бумаги, а остальные направилсь въ обратный путь. Амиръ-ханъ, сблизившись во время пребыванія у абадзеховъ съ Гаджи-Юсуфомъ и будучи очарованъ обширными его свѣдѣніями, сталъ уговаривать его отправиться съ нимъ къ Шамилю. Гаджи-Юсуфъ согласился и послѣдовалъ за нимъ. Когда они стали приближаться къ Дарго, Гаджи-Юсуфъ началъ беспокоиться о томъ, что неудача посольства, возбужденнаго по его вызову, можетъ огорчить имама и дурно повліять на народъ; поэтому онъ предложилъ Амиръ-хану составить подложную бумагу, въ видѣ фирмана отъ египетскаго пашы, съ разными обѣщаніями, и торжественно возвѣстать ее народу, для ободренія его въ войнѣ съ русскими, если только имамъ одобритъ эту мѣру.

Мысль Гаджи-Юсуфа пришла въ Амиръ-хану по сердцу, потому-что онъ также былъ очень склоненъ неудачею посольства и опасался, дабы она не была отнесена къ излишней его осторожности. Такъ-какъ Гаджи-Юсуфъ зналъ хорошо форму бумаги египетскаго пашы и имѣлъ всѣ необходимые матеріалы, то онъ въ дорогѣ-же составилъ грамоту на имя Шамиля и отправилъ напередъ Амиръ-хана, для испрошенія позволенія имама представиться съ тою грамотою. Шамиль одобрилъ выдумку Гаджи-Юсуфа, и подложная бумага, имъ составленная, возвѣщена

былъ съ большою торжественностію, какъ въ Дарго, такъ и въ другихъ мѣстахъ, подвѣдомыхъ Шамилю *)).

Объ участи Шейха черкесскаго умноно въ послѣдствіи, что онъ успѣлъ пробраться въ Константинополь, подалъ тамъ бывшія при немъ бумаги и, долгое время не могли получить никакого отвѣта, отправился въ Мекку, а на возвратномъ пути умеръ въ Дмедѣ.

Въ короткое время Гаджи-Юсуфъ сдѣлался при Шамилѣ вліятельнымъ человѣкомъ: обо всемъ съ нимъ совѣщались и многое дѣлалось по его совѣту. Онъ-же предложилъ имаму снабдить наибовъ письменнымъ наказомъ и самъ взялся составить его.

Послѣ движенія Шамиля въ Кабарду, въ Дарго доходили свѣдѣнія, что въ отмщеніе за потери, понесенныя русскими во время похода князя Воронцова въ Дарго, русскіе предполагаютъ сдѣлать вторженіе въ земли непокорныхъ имъ горцевъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Чтобы испытать наибовъ и народъ, насколько они готовы продолжать повиноваться и быть способными къ оборонѣ, Шамиль созвалъ въ Андію всѣхъ должностныхъ и именитыхъ людей. Тутъ онъ объявилъ собравшимся, что прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ признанъ имамомъ; что во все продолженіе этого времени онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался служить народу и защищать его отъ враговъ мусульманства; что, не смотря на все его усилія, борьба съ невѣрными будетъ длиться еще долгое время и, можетъ быть, въ томъ-же году придетъ имъ испытать сильныя нападенія; что, чувствуя себя уставшимъ отъ неуспѣшныхъ трудовъ, онъ проситъ сложить съ него званіе имама и избрать человѣка болѣе достойнаго и способнаго, чѣмъ онъ, и что онъ будетъ служить избранному народу въ числѣ другихъ его помощниковъ.

Собраніе единогласно отвѣтило, что оно не знаетъ и не желаетъ никого другаго, кто-бы могъ руководить дѣломъ народа лучше Шамиля; поэтому просило его не отказываться отъ имамства, а въ доказательство своего желанія исполнять безпрекословно его волю, высказало готовность свою на все цѣры, какія онъ найдетъ нужными для защиты мусульманства. Послѣ

*) По покорному намъ Дагестану разнеслась тогда молва, что Гаджи-Юсуфъ пробрался къ Шамилю подъ видомъ дервиша и провезъ бумаги отъ султана въ двойномъ днѣ мѣднаго кувшина, какіе употребляются для омовеній.

такого отвѣта собранія, Шамиль объявилъ, что подчиняется во-
лѣ народа и дастъ письменный наказъ, въ которомъ будутъ
опредѣлены общія и постоянныя обязанности всѣхъ, а также от-
вѣтственность за нарушеніе ихъ.

Затѣмъ происходили совѣщанія по разнымъ предметамъ, а
также прочитаны были наибамъ положенія, изложенныя въ ни-
замѣ, и обязательная молитва въ дни джумы. Низамъ и молитва
составлены были Гаджи-Юсуфомъ и одобрены имамомъ. Сверхъ
того, объявленъ былъ тогда-же актъ, писанный самимъ Амиръ-
ханомъ, о предметахъ, обсуждавшихся и разрѣшенныхъ на андій-
скомъ собраніи (бывшемъ, какъ припоминаетъ Амиръ-ханъ, въ
концѣ 1846 или въ началѣ 1847 года).

Наибы и духовные одобрили все объявленное имъ и тутъ-
же сдѣланы были новыя назначенія муфтіевъ въ каждое наибство
и мудировъ на каждыя четыре наибства.

Должности муфтіевъ сохранились до самаго замиренія Даге-
стана, но назначеніе мудировъ (начальниковъ четырехъ наибствъ)
не удалось. Между ними и подвѣдомыми имъ наибами стали воз-
никать непрерывно такія пререканія и столкновенія, что Ша-
миль вынужденъ былъ отказаться отъ назначенія мудировъ, и въ
последнее десятилѣтіе имамства ихъ уже не было.

Приказаніе, отданное въ 1857 году при собраніи въ Хун-
захъ, имѣло поводомъ начавшееся въ томъ году съ разныхъ сто-
ронъ усиленное наступленіе русскихъ. (со стороны Салатаинъ и
Чечни). Въ этомъ приказаніи между прочимъ говорится о пре-
сѣщеніи корней *назру* и прочихъ ухищреній и коварствъ.

Назръ, т. е. обѣтъ предъ Всевышнимъ (см. Ислам. кан. му-
сульм. закон. барона Торнау, изд. 1850 г., стр. 372 и 373), въ по-
слѣдніе годы имамства Шамиля сталъ заплываться горцами по та-
кимъ дѣламъ, въ которыхъ обнаруживалось, что провозглашеніе
обѣта дѣлалось не по чистому побужденію совершить богоугодное
дѣло, а по другимъ предосудительнымъ побужденіямъ, имѣвшимъ
видъ мошенничества; поэтому, не взирая на всю святость и
неприкосновенность права мусульманъ — дѣлать *назръ*, Шамиль
запретилъ его и строго слѣдилъ за нарушителями такого запрета,
чѣмъ возбуждалъ между учеными много нареканій.

О послѣдующей уч. с. Гаджи-Юсуфа Амиръ-ханъ рассказываетъ,
что, вскорѣ послѣ роспуска собранія въ Андіи, Шамиль назна-
чалъ его наибомъ въ Гехи (въ Чечнѣ), но Гаджи-Юсуфъ не могъ

пробыть тамъ долго. Его дѣйствія не понравились народу и потому Шамиль взялъ его къ себѣ.

Въ 1853 и 1854 годахъ Шамиль снова дѣлалъ нѣсколько попытокъ войти въ сношеніе съ турецкими властями и связать свои движенія съ дѣйствіями турецкой арміи, но ни одна изъ этихъ попытокъ не удалась. Всѣ посланцы отъ него съ бумагами въ Турцію были задерживаемы въ Закавказьѣ русскими караулами. Выходцы-же изъ Турціи часто успѣвали пробираться въ Дагестанъ и доставляли изустныя свѣдѣнія о ходѣ войны между русскими и турками, а иногда приносили и письма, но отъ мало извѣстныхъ лицъ; такъ что Шамиль никогда не получалъ никакихъ фирмановъ не только отъ султана, но и отъ лицъ, могшихъ писать что-либо отъ его имени. Слухи, ходившіе о полученіи имъ такихъ бумагъ, распускались по предположеніямъ и вымысламъ. Такъ, одинъ разъ Шамиль получилъ изъ Карса богато-вышитый коврикъ, для совершенія намаза, и двѣ серебряныя вещи, подъ видомъ завѣщанныхъ ему матерью султана Абдуль-Ависа; но при какой бумагѣ и кѣмъ они были присланы—Амиръ-ханъ не помнитъ.

Въ бумагахъ, писанныхъ въ означенные два года Шамилемъ къ карсскому пашѣ, онъ сообщалъ о числѣ войска коннаго и пѣшаго, могущаго выступить съ нимъ на соединеніе съ турецкою арміею, и о времени, потребномъ для прохода къ разнымъ мѣстамъ.

При послѣднемъ отправленіи подобныхъ бумагъ, чрезъ Гаджи-Исмаила ахалцихскаго, дошло до свѣдѣнія Шамиля, что Гаджи-Юсуфъ далъ Исмаилу секретно какую-то бумагу, сверхъ врученныхъ ему отъ имама. Посланный былъ остановленъ на пути и у него дѣйствительно найдена была бумага, данная Гаджи-Юсуфомъ. По прочтеніи ея оказалось, что Гаджи-Юсуфъ сообщалъ пашѣ, что, когда онъ прибылъ къ Шамилю, у послѣдняго не было никакого порядка и все шло, какъ у людей, незнакомахъ съ требованіями правильнаго строя для управленія народомъ и войскомъ; что онъ, со времени прихода своего, постоянно занятъ введеніемъ во всѣхъ частяхъ должнаго порядка и успѣлъ устроить у Шамиля низамъ и многое другое, о чемъ въ Дагестанѣ не имѣли понятія.

Бумага эта возбудила такое негодованіе въ приближенныхъ Шамиля, что они бросились къ дому Гаджи-Юсуфа съ намѣреніемъ убить его, но имамъ приказалъ удержать ихъ отъ этого намѣренія и велѣлъ привести къ себѣ Гаджи-Юсуфа. Ему прочли

тайное посланіе его къ имамъ. Глубоко пораженный обнаруженіемъ этой тайны, онъ не вымолвилъ ни одного слова. Тогда имамъ сказалъ ему, что хотя онъ вполне заслужилъ казнь, но, въ уваженіе ходатайства Джемаледдина *), даруетъ ему жизнь и ссылаетъ его въ Тинди **), гдѣ приказываетъ ему жить безъ всякихъ ухищреній, подѣ опасеніемъ лишенія жизни.

Въ ссылкѣ этой пробылъ Гаджи-Юсуфъ слишкомъ два года, а затѣмъ бѣжалъ и, пробравшись въ Грозную, умеръ тамъ скоропостижно, въ первую же ночь своего прихода туда.

I.

Положеніе о наибахъ.

Глава первая. Должно быть исполняемо приказаніе имама, все равно—будетъ-ли ово выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будетъ-ли оно согласно съ мыслями получившаго приказаніе, или несогласно, или даже въ томъ случаѣ, еслибъ исполнитель считалъ себя умѣе, воздержанѣе и религіознѣе имама.

Гл. вторая. Должно быть приводимо въ исполненіе приказаніе его векиля ***) по всѣмъ необходимымъ дѣламъ, какъ напр., выходъ на войну или на работу, подобно тому, какъ исполняется приказаніе самого имама, — безъ лицемерія. Неисполнившій сего наибъ низводится на должность начальника сотни.

*) Тестъ Шамилъ.

***) Ауль вышедшаго Андійскаго округа.

***) Повзранный.

Гл. третья. Когда въ чьемъ-либо наибоствѣ произойдетъ несчастіе, прочіе наобы должны спѣшить на помощь, какъ только узнаютъ о томъ, безъ замедленія, и оказать должную помощь, забывъ всѣ враждебныя отношенія другъ къ другу. Неисполнившій сего наобъ низводится на должность начальника сотни.

Гл. четвертая. Не должно быть оставляемо безъ взысканія, когда кто будетъ порицать имама, или этомъ низамъ, или службу наобовъ. Виновный въ такомъ порицаніи наказывается выговоромъ при народѣ.

Гл. пятая. Не должно наговаривать (одному наобу на другого) передъ имамомъ, хотя-бы они знали другъ о другѣ въ дѣйствительности предосудительные поступки.

Гл. шестая. Не должны быть безпечными относительно охраненія страны своей и границъ днемъ и ночью, не взирая на то, находятся-ли границы въ безопасности или въ опасности отъ вторженія непріятеля.

*Гл. седьмая *)*. Не должны одобрительно относиться къ мнѣнію народа, клонящемуся къ нарушенію порядка въ дѣлахъ необходимыхъ; какъ-то: въ постройкѣ оборонительныхъ стѣнъ, въ защищеніи границъ, пресѣченіи непріятелю путей и прочаго. Ви-

*) Глава эта относится до случаевъ, когда народъ, тяготясь какою-либо работою, или другого рода нарядами, заявитъ о бесполезности оныхъ и попроситъ отъязн ихъ.

новный въ этомъ набѣ выводится на должность начальника сотни.

Гл. восьмая. Должны удерживать себя и сослуживцевъ своихъ отъ взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушенія государства и порядка. Взятка отбирается, поступокъ оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей.

Гл. десятая. Если войска отправятся въ какую-нибудь страну съ имаомъ, или съ тѣмъ, кому онъ поручить предводительство надъ ними, то они должны идти въ порядкѣ, куда поведетъ ихъ старшій, — каждая часть подъ значкомъ набѣ своего, отнюдь не смѣшиваясь съ другими частями. Нарушитель порядка сего наказывается публичнымъ выговоромъ.

Гл. десятая. Если случится, что обстоятельства сраженія заставятъ сдѣлать нападеніе, или обратиться въ бѣгство, то этого не слѣдуетъ дѣлать въ разсыпную, въ беспорядкѣ, и не должны оставлять сзади себя имама, или его повѣреннаго, на произволъ судьбы; напротивъ, должны окружать его и не дѣлать безъ него ни одного шагу впередъ. Виновный набѣ смѣщается и записывается въ низамъ (т. е. въ рядовые).

Гл. одиннадцатая. Когда остановятся въ городѣ, селеніи, или въ провинціи, то не должны грабить, или другимъ нечестнымъ образомъ завладѣвать какою-бы то ни было вещью, — безъ позволенія имама или его векиля. — Виновный набѣ выводится на должность начальника сотни.

Гл. двѣнадцатая. Каждый отрядъ охраняетъ порученное ему мѣсто, и если мѣсто открытое, то защита дѣлается посредствомъ возведенія стѣнъ и проч. — Наибы не должны уходить изъ мѣстъ, которыя охраняютъ, безъ разрѣшенія имама или его векила. — Виновный наибъ записывается въ низамъ (т. е. въ рядовые).

Гл. тринадцатая. Не должны никогда открывать секретовъ имама и другихъ (наибовъ) ни семейству своему, ни братьямъ, ни мюридамъ своимъ, потому что распространеніе секретовъ есть одно изъ главныхъ орудій вреда и нарушенія порядка страды; поэтому, всѣми средствами должно стараться сохранять тайну.

Нѣкто сказалъ: «Когда будутъ открыты тайны, то дѣло дойдетъ до погибели». Виновный наказывается 15-ти дневнымъ арестомъ.

Гл. четырнадцатая. (Наибы) должны оставить рѣшеніе дѣлъ по шаріату муфтіямъ и кадімамъ и не входить въ разбирательство тяжбъ, хотя-бы были и адимами *). Имъ предоставляется вести дѣла только военныя.

Симъ низамомъ запрещается вручать одному лицу двѣ должности **), для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе народа относительно наива и пресѣчь всякія дурныя и подозрительныя помышленія о немъ. Виновный наказывается выговоромъ при народѣ.

*) Т. е. учеными.

**) Т. е. судебную и военную.

О дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію муфтіевъ и кадїевъ.

Гл. первая. Муфтіи поставляютъ въ районахъ своего вѣдомства кадїевъ. Если къ нему *) обратится за объясненіемъ какого-бы то ни было судебного вопроса, то онъ рѣшаетъ оный согласно положительнымъ постановленіямъ шарїата.

Если къ нему придутъ судиться, то онъ долженъ рѣшать дѣло справедливо.

Если онъ замѣтитъ гдѣ-либо отступленіе отъ правилъ шарїата, то устраняетъ оное и направляетъ дѣло по пути. Если же не въ состояніи будетъ сдѣлать этого, то извѣщаетъ объ этомъ наїба. По временамъ, муфтіи обязанъ обращаться къ народу съ наставленіями и въ рѣчи своей не долженъ порицать поступковъ наїба какимъ-нибудь намекомъ или общимъ содержаніемъ рѣчи.

Онъ завѣдываетъ дѣлами мечетей своего района и повѣряетъ рѣшенія своихъ кадїевъ.

Гл. вторая. Объ обязанностяхъ кадїевъ. Кадїи должны имѣть надлежащій надзоръ за своею мечетью и своимъ приходомъ и должны исполнить всѣ требы, до него относящіяся, какъ-то: молитвы, погребеніе усопшихъ, джуму **), отправленіе положенной службы во время двухъ праздниковъ ***); онъ рѣшаетъ споры, возникающіе между членами его прихода, и говоритъ наставленія каждую пятницу.—Если же онъ будетъ затрудняться въ рѣшеніи чего-бы то ни было, то долженъ обращаться къ муфтію.—Кадїи должны повиноваться муфтію во всѣхъ положеніяхъ, касающихся религіи.

Въ заключеніе къ этимъ двумъ главамъ нужно прибавить, чтобы каждый—законовѣдъ, ученый, муфтіи и кадїи—былъ готовъ, по первому-же движенію войска, выступить въ походъ противъ невѣрныхъ; если не будутъ сражаться руками, то пусть

*) Т. е. къ муфтію.

**) Пятничную молитву.

***) Курбанъ-байрама и рамазана.

сражаются языками: наставляють, предостерегають, побуждают *) къ тому, что Богъ обѣщаль сражающимся.

О наказаніяхъ, коимъ подвергаются сотенные начальники, десятскіе и рядовые.

За что низводится наибъ на должность сотеннаго, за то же самое сотенный низводится въ десятскіе и, кромѣ того, арестуется на 10 дней.

За вто-же самое смѣщается десятскій и записывается въ низамъ, т. е. въ рядовые, и наказывается еще 15-ю ударами плети.—Рядовой-же арестуется на 15 дней и наказывается 15-ю ударами..

За что наибъ низводится въ десятскіе, за то же сотенный записывается въ рядовые и, кромѣ того, подвергается 19-ти-дневному аресту и наказывается 21-мъ ударомъ плети; десятскій записывается въ рядовые, наказывается 29-ти-дневнымъ арестомъ и 21 ударомъ плети, а рядовой арестуется на 21 день и наказывается 39-ю ударами плети **).

За что подвергается публичному выговору наибъ, за то сотенный начальникъ наказывается 31-мъ ударомъ плети и подвергается трехъ-дневному аресту; десятскій за то же наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 7-ми-дневному аресту, а рядовой арестуется также на 7 дней и наказывается 39-ю ударами плети и, сверхъ того, всѣмъ имъ дѣляется посрамляющій выговоръ при народѣ.

За что наибъ подвергается выговору и аресту послѣ откритія и отобранія взятки, сотенный начальникъ наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 15-ти-дневному аресту; десятскій наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 21-о-дневному аресту, рядовой-же подвергается 15-ти-дневному аресту и наказывается 15-ю ударами плети.

За что смѣщается наибъ и записывается въ рядовые, за

*) Въ подлинникѣ: ясно и живо описываютъ.

**) Надобно полагать, что въ подлинномъ Положеніи о наобазахъ заключалось указаніе такой вины, за которую наибъ низводился въ десятскіе.

тоже самое сотенный начальник смѣняется, подвергается мѣсячному аресту и записывается въ рядовые, съ лишеніемъ права быть когда-либо повышеннымъ; десятскій смѣняется, подвергается мѣсячному аресту и наказывается 39-ю ударами плети; рядовой-же только подвергается мѣсячному аресту.

За что наибъ подвергается пятнадцати-дневному аресту, за тоже самое сотенный начальникъ подвергается мѣсячному аресту и наказывается 31-мъ ударомъ плети; десятскій—тоже мѣсячному аресту и наказывается 39-ю ударами плети; рядовой-же подвергается только мѣсячному аресту.

II.

Предписаніе имама всѣмъ набамъ.

Нѣсколько разъ я видѣлъ ваше положеніе и испыталъ дѣла ваши; я запрещалъ вамъ и увѣщевалъ васъ оставить меркіе поступки и отвратительные происки, въ которыхъ коснѣете,—и такъ-какъ вы все еще не пробудились, то я пожелалъ издать этотъ низамъ и положить его общимъ руководствомъ между людьми.

Вотъ я и написалъ означенныя главы на семь листѣи приличныя наказанія за нарушенія каждой главы. Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лѣни,—и нѣтъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для тѣхъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній. Тѣ изъ васъ, которые одобряютъ этотъ низамъ и согласятся поступать по немъ, пусть подпишутъ свои имена и приложатъ печати свои на этомъ журналѣ *). Это будетъ доказательствомъ (согласія) и пусть каждый изъ васъ сниметъ копію съ этого низама, хранитъ и справляется въ ней.—Если-же между вами найдется такой, который не въ состояніи будетъ перенести его трудностей и привести его въ исполненіе, тотъ пусть оставитъ свою долж-

*) Въ арабскомъ текстѣ употреблено это-же слово.

ность и сойдетъ въ число простонародья. Это дастъ намъ возможность осмотрѣться и обратиться къ тому, кто способенъ занять высшій постъ (наибъ), который могутъ занимать только люди истинно-храбрые и мужественные.

Отвѣтъ наибою.

Мы рассмотрѣли этотъ журналъ и заключающіяся въ немъ новыя положенія, мы видѣли упомянутыя главы и узаконенныя наказанія, назначенныя имамомъ, съ которыми онъ обратился къ намъ. Мы согласны во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполненіе. Въ доказательство чего подписались и приложили свои именныя печати. Да поможетъ намъ аллахъ привести въ дѣйствіе шаріатъ и предписанія, касающіяся религіи, и заставить враговъ рабовъ его — мусульманъ—приложить къ землѣ носы свои. Каждый изъ насъ для руководства и исполненія снялъ копию съ этого низама.

III.

Причины съѣзда въ Андіи.

Причины съѣзда въ Андіи суть слѣдующія:

1) назначеніе муфтіевъ къ каждому наибу для разбора тяжбъ, удержанія народа отъ дурныхъ поступковъ и поученія его къ исполненію долга; 2) указанія муфтію и наибу, по какимъ дѣламъ они должны обращаться къ имаму; 3) совѣщенія о средствахъ содержать солдатъ *), которые намъ такъ необходимы, и о содержаніи бѣдныхъ мугаджировъ **); 4) соглашеніе на счетъ того,

*) Т. е. бѣглыхъ; этииъ бѣглымъ солдатамъ давалось содержаніе изъ байтуль-мала (казеннаго имущества), а мугаджирамъ изъ заката (десятины, жертвуемой на бѣдныхъ).

**) Бѣжавшихъ въ горы мусульманъ.

чтобы не брать имѣнія казеннаго, въ особенности, когда остаются послѣ него сироты; 5) чтобы не копить доходовъ съ байтулъ мада, но расходовать на нужное, какъ на примѣръ: на оружіе, лошадей, на пользу религіи, и чтобы не погупать на эти деньги дорогихъ имѣній; 6) чтобы намъ не выходить изъ пути людей добродѣтельныхъ; 7) чтобы оставить взаимную зависть, притѣсненія и быть рукою (помощью) одинъ другому; 8) чтобы второй не портилъ того, что сдѣлалъ первый, и чтобы преемникъ былъ съ предѣстникомъ въ тѣхъ-же отношеніяхъ, въ коихъ былъ до смѣны его; 9) чтобы взвѣшивать всѣ поступки свои на вѣсахъ шаріата и не идти путемъ эмировъ *) тирановъ, дабы еще болѣе не сбиться съ прежняго пути какъ въ сей, такъ и въ будущій жизни (нужно бояться изреченія Божьяго: „такъ мы подчиняемъ однихъ притѣснителей другимъ за прежніе ихъ „доступы“ **); 10) чтобы смѣщенные наибъ и кадій не были вторично назначаемы на тѣ-же должности въ томъ-же мѣстѣ; 11) чтобы обязать всѣхъ наибовъ—приказать всѣмъ, кто находится въ ихъ вѣдомствѣ, запасаться извѣстнымъ количествомъ пороху; 12) чтобы, когда кто получить предписаніе отъ имама объ удовлетвореніи подателя и когда предписаніе будетъ согласоваться съ сущностью дѣла,—немедленно исполнять оное, въ противномъ-же случаѣ—доносить о настоящемъ положеніи дѣла; 13) чтобы принимать тифлисское серебро въ предѣлахъ нашего шаріатскаго государства, для облегченія обращенія въ народѣ денежныхъ знаковъ, уклоняющихся-же наказывать ***); 14) чтобы обязать отправляющихъ богослуженіе молиться объ укрѣпленіи имама и его наибовъ и объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ мусульманскихъ; 15) чтобы оставить въ пятницу приѣмъ жалобъ и посвящать ее одному богослуженію; 16) чтобы указать всѣмъ частямъ войска для защиты опредѣленную сторону границъ государства; 17) чтобы назначить по одному мудиру ****) на каждыя четырехъ наибовъ.

Мы, жители дагестанскаго государства, мужчины и жен-

*) Эмиръ, арабское слово, значить —имѣющій власть приказывать. Въ настоящемъ случаѣ подъ эмирами разумѣются беки и ханы.

**) Стихъ изъ корана.

***) Двухъ-абазниговъ тифлискаго чекана (40 коп.) не принимали горцы в потому Шамилъ отдалъ приказаніе, чтобы серебро это ходило такъ-же, какъ монеты русскія.

****) Управляющему.

щины, просимъ Бога, да сохранитъ насъ отъ посяраженія въ сей жизни и въ будущей; если проклятые устремятся, — придуть на насъ въ настоящемъ году, то, если позволить Богъ, мы дружно нападёмъ на нихъ и станемъ передъ ними, кто съ чѣмъ можетъ — съ шашкою, копьемъ, кинжаломъ или топоромъ; въ то время мы не будемъ желать оставаться въ живыхъ, потому что, если кто-нибудь изъ братьевъ нашихъ, по религiи, захочетъ силою завладѣть какою-нибудь пустою вещью нашею, то мы не въ состоянiи перенести того, вслѣдствiе кипѣнiя крови и ревности, — то что же мы должны дѣлать, когда устремятся на насъ враги Бога и посланника Его, съ цѣлю искоренить насъ и завладѣть нашими пожитками и семействами? По истинѣ, смерть въ десять разъ легче для насъ.

Да поможетъ намъ аллахъ заставитьъ враговъ нашихъ преклонить носы свои къ землѣ ради пророка, семейства и спутниковъ его.

IV.

МОЛИТВА,

*предписанная къ прочтенiю послѣ хутбы каждому, совершающему пятничное служенiе (джума-намазъ) *).*

Боже исламизма и мусульманъ, даруй намъ явную побѣду; Господи, помоги мусульманскимъ воинамъ и ратникамъ единобожниковъ, ниспошли на насъ, воюющихъ, путешествующихъ и стоящихъ на молитвѣ, миръ и помоги величайшему, имаму Шамилю, наибамъ его и всѣмъ войскамъ его! Господи, сразись съ гяурами, которые не признаютъ посланника Твоего, и обрати на нихъ гнѣвъ Твой и наказанiе Твое.

О Боже истины, Господи, ниспославшiй книгу **), скорорасчитывающiйся, обрати вспять полчища невѣрныхъ и помоги намъ противъ нихъ. Господи, даруй миръ странамъ нашимъ и споспѣшествуй воинамъ нашимъ достигнуть блага въ сей и бу-

*) Хутба—проповѣдь, говоримая въ пятницу на арабскомъ языкѣ.

**) Коранъ.

лучшей жизни. Господи, исправи мусульманскихъ правителей и облегчи имъ—искоренишь дурныя наклонности въ народѣ и оказать ему свои милости и благодѣянія. Господи, помоги помогающему вѣрѣ и попри попирающаго вѣру.

О Владыко міровъ, помоги намъ противъ народа невѣрующаго и спаси насъ Твоимъ состраданіемъ отъ притѣснителей.

V.

Приказаніе,

*отданное имамамъ при собраніи въ Хунзахъ, въ понедельник, 21 дня мѣсяца шеввама 1273 года *).*

Имамъ приказываетъ наибамъ приготовиться къ войнѣ, придерживаясь изреченія: „приготовьтесь, сколько можете;“ имамъ побуждаетъ ихъ сражаться на основаніи стиха изъ корана: „помощь бываетъ только отъ Бога могущественнаго, мудраго;“ назначаетъ каждаго изъ нихъ занять горныя крѣпости и стать для защиты границъ; онъ приказываетъ имъ стоять твердо, какъ камни, перевести семейства свои и имущество въ мѣста защищенныя, чтобы сердце было спокойно; днемъ и ночью находиться вблизи невѣрныхъ, устрашать ихъ и стрѣлять въ нихъ; отсѣкать головы тѣмъ, кои выкажутъ радость при появленіи невѣрныхъ; онъ приказываетъ наибамъ и кадіямъ искренно покаяться, оставить все непозволительное и заниматься своимъ дѣломъ, поучая и наставляя народъ; имамъ приказываетъ наибамъ, кадіямъ и сотеннымъ начальникамъ передать все это рядовымъ, собравши ихъ въ одно мѣсто; осмотрѣть ихъ оружіе и прочія главныя принадлежности, понудить, чтобы у каждаго было не менѣе ста боевыхъ патроновъ, а кто можетъ, то и больше пусть

*) 3 Іюня 1857 года.

приобрѣтаетъ; приказываетъ пресѣкать корни вазру *) и прочія ухищренія и коварства, удерживать людей отъ возобновленія рѣшечныхъ тяжбъ, а тяжбы, которыя будутъ рѣшаты послѣ настоящаго времени, записывать въ особенную книгу.

*) Т. е. обтѣвъ; см. выше, стр. 5.

ГОРСКІЕ ЕВРЕИ.

I.

Горскіе евреи. Ихъ жилища, гостепріимство, пища и напитки.

Горскіе евреи, живущіе съ незапамятныхъ временъ между горскими племенами Кавказа, отличаются весьма рѣзко отъ всѣхъ своихъ европейскихъ соплеменниковъ нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своихъ сосѣдей—горцевъ, живя между ними втеченіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Во время моего двухлѣтняго путешествія по прикаспійскому краю и Терской области, я, по мѣрѣ возможности, изучалъ бытъ этихъ моихъ единоплеменниковъ, — ихъ образъ жизни, обычаи, нравы, обряды, вѣрованія и предрасудки, а также собиралъ ихъ легенды, сказки и національныя пѣсни. Въ предлагаемой статьѣ и представляю собранныя мною этнографическія замѣтки о бытѣ этихъ горскихъ евреевъ, такъ еще мало извѣстныхъ, причемъ надѣюсь, что трудъ мой не будетъ оставленъ безъ вниманія любителями истории и этнографіи.

По пріѣздѣ моемъ въ первый разъ въ г. Дербентъ, тамошній главный раввинъ указалъ мнѣ квартиру въ домѣ одного богатаго еврея, въ еврейскомъ магалѣ. Квартира эта была довольно порядочная, во второмъ этажѣ, съ азіатскимъ убранствомъ, т. е. стѣны ея были покрыты шелковыми одѣялами и коврами, на нихъ висѣло много зеркалъ самой простой персидской работы и между зеркалами висѣли шелковыя шали. Подъ верхнимъ гарнизомъ сдѣланы были длинныя полки, на которыхъ разставлена была разная посуда—фаянсовая, мѣдная и стеклянная; подъ полками висѣли тарелки и мѣдные подносы, круглые, большихъ

размѣровъ; тарелки и подносы навѣшены были на тоненькихъ ниткахъ, для того чтобы казалось издали, что они висятъ на воздухѣ. Полъ былъ устланъ персидскими хорошими коврами. Собственно для меня, хозяинъ досталъ гдѣ-то столъ и стульевъ; но спать все таки пришлось мнѣ по-азіатски—на хорошей постели на коврахъ. Такую роскошную квартиру я имѣлъ въ Дербентѣ; но мнѣ пришлось побывать въ еврейскихъ сакляхъ и въ горахъ. Вотъ какъ онѣ устраиваются и убираются:

Всѣ сакли въ Южномъ Дагестанѣ и въ Терской области, также въ Нухинскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ, выстраиваются изъ камня, на грязи или глинѣ. Крыши дѣлаются плоскія; онѣ смазываются глиною, съ примѣсью самана (мѣшанной соломы), убираются и укатываются такъ твердо, что составляютъ сплошныя твердыя массы. Потолки подшиваются или короткими досками, на протяженіи балки отъ балки, или камышомъ. Въ каждой саклѣ дѣлаютъ одно или два маленькихъ окна и одну или двѣ двери; окна безъ рамъ и стеколъ, съ ставнями простой, топорной, но прочной работы, безъ всякой оковки, запирающіяся извнутри толстыми деревянными засовами. Внутри комнатъ, между окнами и дверью, устраиваютъ каминъ, безъ дверецъ и заслонокъ, съ плотною трубою изъ глины; на верху крыши труба закрывается доскою и на доску кладутъ тяжелый камень, чтобы она не упала во время сильнаго вѣтра. Зимомъ, каминъ постоянно топится и тлѣющіе угли поддерживаются въ немъ по цѣлымъ суткамъ. Возлѣ дверей дома устраиваютъ нѣчто въ родѣ коридора или галереи, также съ каминами на обоихъ концахъ, съ полами, хорошо вымазанными глиною и покрытыми коврами. Здѣсь, лѣтомъ, женщины работаютъ, готовятъ кушанья или проводятъ время съ своими гостями.

Сакли эти устраиваются о двухъ или трехъ комнатахъ; въ каждой комнатѣ сдѣлана въ стѣнѣ маленькая дверца или лазейка, наравнѣ съ поломъ; чрезъ нее они пролазятъ въ другія комнаты, и ея не видно, такъ какъ она постоянно закрыта стѣннымъ покрываломъ. Стѣны и полы комнатъ смазываются еженедѣльно, предъ субботой, весьма чисто выбѣливаются известью, а нижній карпизъ вымазывается по большей части красной или сѣрой глиной, добываемой ими намѣстѣ въ изобиліи. Комнаты убираются такъ: на верхнихъ полкахъ разставлена, какъ я уже выше сказалъ, разная посуда, какъ-то: чайники, полоскательныя чашки, бутылки, глиняныя кувшины для вина и мѣдныя кувшины

для воды, старой азиатской формы, и разная мелочь. Одна стѣна украшается зеркалами, и между ними висятъ шали, шелковыя или шерстяныя, а также группируется разными фигурами оружіе — шашки, кинжалы, пистолеты и ружья. Вторая стѣна украшается большими, висящими на ней, круглыми подносами, изъ красной мѣди, и тарелками, раскрашенными цвѣтами и фигурами; внизу, подъ этими украшеніями, поставлены сундуки, одинъ на другомъ, — внизу самый большій, а наверху самый маленькій, въ видѣ пирамиды; въ нихъ помѣщается одежда и другое имущество хозяевъ. Третья стѣна украшается постелями: верхняя половина стѣны уложена подушками и одеялами, сложенными въ порядкѣ до самаго потолка, а у нижней части стѣны сдѣланы квадратныя отверстія, замѣняющія наши швабры; въ нихъ держатъ разныя хозяйственныя вещи, а у равниневъ помѣщаются такъ книги. Эти отверстія или швабры закрываются занавѣсами. Въ савяхъ бѣдныхъ, у которыхъ немного постельныхъ принадлежностей, цѣлая стѣна завѣшивается, съ потолка до самаго низу, занавѣсами. Четвертая стѣна образуетъ каминъ, окна и двери. Около дверей и въ углахъ комнаты я замѣчалъ большіе, въ полтора аршина вышины, глиняные сосуды, въ которыхъ держатъ муку и крупу; они служатъ вмѣсто амбаровъ. По срединѣ комнаты стоитъ столбъ, а въ большихъ савяхъ и два столба, которые подпираютъ потолокъ; на этихъ столбахъ висятъ со всѣхъ сторонъ одежды и оружіе. Въ нѣкоторыхъ савяхъ я видѣлъ длинную палку, которая виситъ на двухъ веревкахъ, привязанныхъ къ потолку; на палкѣ этой вѣшаютъ иногда одежду, а иногда копчоную говядину, баранину или сало. Полъ застилается хорошими коврами или весьма искусно и красиво сплетенными изъ камыша рогожами; но изъ нихъ нужно часто выбивать пыль и сбрызгивать ихъ водой. Такъ украшенная комната служитъ вообще пріемной для гостей и пріѣзжающихъ и называется кунацкой. Вторая-же половина сави опредѣлена для кухни и для помѣщенія семейства. Дѣтомъ, когда женщины готовятъ свои кушанья на дворѣ и работаютъ или бесѣдуютъ на галереяхъ своихъ домовъ, тогда въ ихъ комнатахъ очень чисто и опрятно; но зимою тамъ большая нечистота и грязь. Посуда съ водой, бурдюки съ виномъ, корзины съ мукой и крупой — все это помѣщается на женской половинѣ сави; тутъ-же говядина, баранина и сало висятъ на крючкахъ и коптятся; мѣдные и глиняные сосуды, старыя тряпки и тому подобный хламъ разбросаны повсюду: въ такомъ хаосѣ живетъ семейство зимой.

Decorations

Trunks filled one on another

Свѣтъ входитъ въ комнату чрезъ маленькія окошка и чрезъ отворенныя постоянно двери, а также проникаетъ сверху, чрезъ прямую трубу камина. Зимомъ, окна и двери также отворены, и теплота, вмѣстѣ съ дымомъ, выходятъ изъ комнаты на дворъ, а жильцы сидятъ и грѣются возлѣ огни камина. Вообще, горцы-мусульмане и горцы-евреи не заботятся, чтобы теплота сохранялась у нихъ въ комнатахъ на продолжительное время.

Иногда хозяинъ устраиваетъ у себя на дворѣ огороженное плетнемъ помѣщеніе для скота и лошадей; но по большей части я встрѣчалъ въ деревняхъ такія помѣщенія, въ родѣ сарайчиковъ, выстроенными подъ поломъ саклей. У нѣкоторыхъ богатыхъ бываютъ двухъ-этажныя сакли; въ такихъ сакляхъ принимаютъ они своихъ гостей во второмъ этажѣ, а нижній этажъ служитъ для семейства. Двери они дѣлаютъ вообще и вездѣ весьма низкія и узкія, такъ что нужно сгибаться при входѣ и выходѣ чрезъ нихъ; нужно также быть осторожнымъ при ходѣ по лѣстницамъ и чрезъ пороги, иначе легко себя сломать съ непривычки руки и ноги.

При окончаніи постройки сакли, собираются женщины, молодежь и дѣвушки къ хозяину сакли, и они должны помѣчь ему въ послѣдній разъ вымазать крышу новопостроенной сакли. Въ то время, хозяинъ угощаетъ ихъ водкой или виномъ, и они отсюда возвращаются съ торжествомъ. Мнѣ разъ пришлось видѣть такое торжество въ деревнѣ Арага, въ Кюринскомъ округѣ (въ Южномъ Дагестанѣ). По улицамъ деревни слышались зурны, съ аккомпаниментомъ барабановъ; партія за партіей, молодежь и женщины, ходили и громко распѣвали разныя пѣсни; дѣвушки съ весельемъ оглашали воздухъ звуками ударовъ въ ладоши: это было торжество при возвращеніи изъ новооконченной сакли у ихъ односельца. Вечеромъ того-же дня, хозяинъ новой сакли приглашаетъ къ себѣ всѣхъ хозяевъ деревни изъ евреевъ и дѣлаетъ для нихъ большой ужинъ, за то, что они помогали ему въ его постройкѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Дербентѣ, Кубѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Хасавъ-Юртѣ и Грозномъ, я видѣлъ у горскихъ евреевъ порядочные европейскіе дома, но они принадлежатъ, разумеется, богатымъ, которые ѣздятъ ежегодно на нижегородскую ярмарку. У такихъ евреевъ находится одно отдѣленіе, убранный по-азиатски, гдѣ они живутъ съ семействами своими, особое отдѣленіе — мунакъна — для горскихъ гостей, и еще одно отдѣленіе,

убравное совершенно по-европейски; это последнее стоит не-
обитаемо, назначаясь только для европейских гостей.

Самый древний обычай, оставшийся в наследство потом-
камъ человеческого рода въ Азін, есть гостепрїимство. Всѣ му-
сульманскіе и языческіе народы Азїи крѣпко придерживаются
этого обычая и донинѣ. Горскіе евреи, заброшенные судьбою
изнутри Азїи сюда, въ горы Кавказа, почти за 7 столѣтїй
до Р. Х., сохранили нѣкоторые изъ обычаевъ своихъ пред-
ковъ-патрїарховъ въ первобытной формѣ, какъ напр. гостепрїи-
мство и обмываніе ногъ (I кн. Бытїя, гл. XVIII, 1 — 8), до
настоящаго времени. Если какой-либо хахамъ (ученый) изъ Па-
лестины или изъ Россїи прїѣзжаетъ къ нимъ въ деревню, то
каждый изъ жителей деревни проситъ его настойчиво захватъ
къ нему въ гости; но большею частїю хахамъ захватъ или
къ богатымъ хозяевамъ или къ равнине. Тогда тотъ хозяинъ,
къ которому захватъ гость, обязанъ вѣсть изъ рукъ его вещи и
отнести ихъ въ гостинную комнату; указать ему лучшее мѣ-
сто на постели для отдыха съ дороги, и тутъ-же обмыть его
ноги. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, исполняетъ этотъ обы-
чай сама хозяйка дома. Скоро затѣмъ собираются въ этотъ домъ
старикн и почетные люди и подають гостю руки, съ привѣт-
ствованїемъ на библейскомъ языкѣ, словами: «шаломъ алейхемъ»,
т. е. здравїя вамъ желаю, или «барухъ-габо», что значитъ: да
будетъ благополученъ вашъ прїѣздъ, а гость долженъ имъ отвѣ-
чать: „алейхемъ шаломъ!“ т. е. будьте вы здоровы и благопо-
лучны! Всѣ бесѣдуютъ съ нимъ, а хозяинъ подаетъ въ то время
разныя угощенїя, и всѣ садятся съ гостемъ обѣдать или ужинать.
Гостю не должно быть скучно, а потому жители деревни не да-
ють ему скучать, — одинъ отъ него выходитъ, другой заходитъ,
и каждому деревенскому жителю желательно узнать причину его
прїѣзда или тѣ новости, какія онъ привезъ имъ; поэтому, въ одинъ
часъ уже извѣстно всѣмъ въ деревнѣ, даже женщннамъ и дѣтямъ,
зачѣмъ прїѣхалъ гость. Когда гость желаетъ отъѣхать, хозяинъ
проситъ его, чтобъ онъ остался у него еще на нѣкоторое время.
Если тотъ бѣденъ и нуждается въ помощи, тогда общество по-
могаетъ ему денежнымъ пособїемъ, по возможности. Хозяинъ
дастъ ему съѣстные припасы на дорогу и одинъ или нѣсколько
человѣкъ изъ этой деревни провожаютъ его до слѣдующей дерев-
ни. Кромѣ такихъ гостей, прїѣзжаютъ къ нимъ свои едино-
вѣрцы изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, по дѣламъ торговли,

Hospitality
147

Jews came
to Can. 7
cent B.C.

Washing feet

Greetings

0

по знакомству или для отдыха и ночлега; въ такомъ случаѣ, каждый имѣеть своего кунака, т. е. добраго знакомаго или пріятеля. Хозяинъ обязанъ встрѣтить гостя, взять у него изъ рукъ оружіе, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъѣздѣ провести его за ворота, съ пожеланіемъ ему счастливаго пути. Подобное-же гостепрѣимство хозяинъ надѣется встрѣтить и въ свою очередь. Такимъ-же образомъ принимаютъ они и гостей изъ мусульманъ, заѣзжающихъ къ нимъ по разнымъ обстоятельствамъ, или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманинъ имѣеть своихъ кунаковъ въ еврейскихъ деревняхъ и каждый еврей имѣеть такихъ-же пріятелей въ мусульманскихъ деревняхъ.

Европейскому человѣку весьма трудно привыкать къ ихъ кушаньямъ и способу ихъ приготовленія, потому что горцы-евреи ѣдятъ весьма нечисто. Вообще я замѣтилъ, что они подаютъ кушанья въ такой посудѣ, которая по нѣскольکو недѣль не мыта, и на ней остатки прежнихъ кушаній накопилены одни на другіе; иногда подаютъ стаканъ или рюмку для напитка также нечистые, замаранные мухами, грязью или пылью, да и вообще о чистотѣ всѣ горскіе евреи мало заботятся. Кромѣ того, они прикасаются къ каждому кушанью руками, и хотя и находятся у многихъ изъ зажиточныхъ изъ нихъ ложки и вилки, но они все-таки, по привычкѣ, ѣдятъ руками. Большою частію всѣ кушанья ихъ пахнутъ потому, что отвратительно для непривычнаго человѣка.

Обычай у нихъ таковъ, что гость не долженъ ѣсть отдѣльно, а только вмѣстѣ съ хозяиномъ; если же хозяинъ нѣтъ, то съ членами семейства: ибо стыдомъ считается у нихъ, если гость будетъ кушать отдѣльно. Еще есть у нихъ адатъ, что кто бы ни зашелъ къ нимъ во время ѣды, непременно долженъ сѣсть и участвовать въ компаніи, для чего они нерѣдко готовятъ столько кушанья, чтобы достаточно его было по крайней мѣрѣ для десяти постороннихъ человѣкъ.

Въ домашнемъ быту женщины ѣдятъ вмѣстѣ съ мужчинами, чего у мусульманъ не бываетъ, а когда заходитъ посторонній человѣкъ, то онъ удаляется и ѣдитъ отдѣльно, въ своей комнатѣ.

Въ будничные дни, въ обѣдъ и ужинъ, кушанья подаются на большихъ круглыхъ деревянныхъ подносахъ, а въ праздничные дни или въ присутствіи гостей — на большихъ круглыхъ мѣдныхъ подносахъ. Подносъ ставится на полу, на коверъ, который

51

покрыть ситцевымъ платкомъ, а въ праздникъ или при гостяхъ—шелковымъ. Подъ платкомъ лежитъ хлѣбъ, т. е. чуреки, которые они пекутъ разъ въ недѣлю, отъ одной пятницы до другой (когда же прѣзжаетъ къ нимъ знатный гость, то они тогда особо пекутъ свѣжій хлѣбъ); возлѣ чурековъ разложены соль, чеснокъ и лукъ, а въ праздничные дни и для гостей прибавляются разные фрукты; вокругъ подноса садятся, поджавъ ноги, мужчины; возлѣ дверей стоитъ нѣсколько человѣкъ для прислуги, а въ семейномъ быту—кто-нибудь изъ членовъ семейства. Прислуга подаетъ къ столу, т. е. къ подносу, воду для обмыванія рукъ, потомъ хозяинъ читаетъ молитву и беретъ чурекъ, разламываетъ его на столько кусковъ, сколько сидитъ вокругъ подноса людей, и бросаетъ каждому по куску, послѣ чего каждый, прочитывая короткую молитву, т. е. благодаря Бога за хлѣбъ и за соль, обмакиваетъ свой кусокъ чурека три раза въ соль и съ странными гримасами начинаетъ ѣсть; потомъ хозяинъ беретъ другой чурекъ, разламываетъ его на куски, обмакиваетъ всѣ куски въ соль и отсылаетъ ихъ чрезъ прислугу женщинамъ, въ ихъ комнату; потомъ пробуютъ фрукты, для того чтобы поблагодарить за нихъ Бога; послѣ фруктовъ ѣдятъ лукъ и чеснокъ съ хлѣбомъ, вмѣсто перваго блюда. Въ это время является хозяйка, съ покрытымъ платкомъ лицомъ, и подаетъ кушанья; за ней идетъ и прислуга съ остальными блюдами, потому что всѣ блюда подаются вмѣстѣ, за одинъ разъ. Тутъ образуется смѣсь всякихъ кушаньевъ: супъ съ бараниною, говядиною или курдючимъ саломъ, съ клецками, сдѣланными квадратиками или трехугольниками изъ пшеничной муки, сваренными жидко въ водѣ и приправленными уксусомъ и чеснокомъ, что называется у нихъ хинкаль; или супъ изъ фасоли съ говядиною, бараниной или съ саломъ, приправленный чеснокомъ и кислыми ягодами; пловъ изъ крупъ, съ курдючимъ саломъ, приготовленный густо, какъ каша, приправленный изюмомъ и покрытый сверху яичницею; иногда яичница особо; отваренная баранина или говядина; жаркое особо; къ нему добавляется маринованный чеснокъ и маринованные огурцы, на особомъ блюдѣ, что замѣняетъ нашъ салатъ; наконецъ—сладкія кушанья, состоящія изъ жареныхъ или вареныхъ грушъ, яблокъ и сливъ, въ меду или сахарѣ, съ курдючимъ саломъ, съ изюмомъ, что замѣняетъ нашъ компотъ. Всѣ вышеупомянутыя кушанья приготовляются съ большимъ количествомъ чесноку, что непривычному европейцу трудно переносить. Берутъ они понемногу отъ всѣхъ

Таб
Ceremonies connected with eating

Kinds of food

52
Handwritten notes: *Handwritten*
Handwritten for
Handwritten

блюды, смешиваютъ вмѣстѣ и ѣдятъ руками; ложки употребляютъ для супа, но очень рѣдко, а говядину берутъ или руками, или заостренными деревянными палочками, или же каждый особо разрываетъ свой кусокъ на кусочки руками или рѣжетъ ножикомъ своимъ, имѣющимся подъ кинжаломъ у каждого мужчины.

Drinking

Къ столу подаются и напитки, — водка и вино, приготовляемое ими изъ своихъ виноградниковъ или купленное у своихъ собратій; они пьютъ много за столомъ, такъ что поминутно, немного закуся, пьютъ за чье-либо здоровье; но я рѣдко встрѣчалъ между горскими евреями людей, которые-бы напивались до того, чтобы свалиться съ ногъ.

На ужинъ большею частію подаютъ или хинкаль, или жареную и копченную соленую рыбу, называемую ими *кутумъ*, или-же жарятъ фасоль въ маслѣ и салѣ съ чеснокомъ, солью и лукомъ. Всѣ эти кушанья они приготовляютъ для праздничныхъ дней и для важныхъ гостей; въ семейномъ-же быту обходятся хлѣбомъ, съ сыромъ или съ кутумомъ, лукомъ и чеснокомъ.

Greens

Сверхъ этихъ кушаньецъ, они любятъ еще зелень и ѣдятъ ея весьма много, безъ всякаго приготовленія, иногда съ хлѣбомъ, иногда безъ хлѣба. Въ Кубѣ я былъ приглашенъ въ гости къ нѣкоторымъ богатымъ евреямъ, которые угощали меня виномъ и водкой и подали закусить однѣхъ только травъ болѣе 5-ти сортовъ разнаго вкуса. Лѣтомъ они ѣдятъ ихъ постоянно съ хлѣбомъ.

Вообще, при случаѣ, всѣ они безъ исключенія кушаютъ весьма много; большой круглой подносъ съ пловомъ подается нѣсколько разъ къ столу, сверхъ остальныхъ блюдъ, да кромѣ того каждый изъ нихъ можетъ сѣсть за столомъ 2 и 3 большихъ чурека. Зато въ дорогѣ они могутъ обходиться только чуреками, лукомъ, чеснокомъ и сыромъ на очень продолжительное время.

Если гость заѣхалъ въ домъ какого-либо хозяина и квартира ему не нравится или неудобна, то онъ не можетъ перейти на другую квартиру, потому что это почитается большою обидою для хозяина квартиры, а также большимъ стыдомъ для того, кто его приметъ въ свой домъ; между этими двумя хозяевами непременно произойдетъ ссора и они могутъ сдѣлаться навсегда между собою врагами.

II.

Національный характер горскихъ евреевъ, ихъ языкъ и письменность. — Грамотность горскихъ евреевъ, обученіе ихъ дѣтей и училища. — Склонность горскихъ евреевъ къ праздности; любознательность ихъ къ новостямъ и разсказамъ. — Три мѣстные разсказа.

Горскіе евреи, съ тѣхъ поръ какъ лишились своего отечества и были поселены, какъ плѣнники, въ горахъ Кавказа, усвоили себѣ обычаи и нравы тѣхъ племенъ, между которыми жили. Въ первые времена ихъ пребыванія на Кавказѣ, они сохраняли еще національный характеръ и даже языкъ своихъ отцовъ, какъ это видно изъ біографіи святой Нины: когда она пришла въ Грузію изъ Іерусалима, для распространенія христіанской вѣры, то была весьма рада, что нашла своихъ соотечественниковъ въ городѣ Урбнисѣ, въ Карталинѣ, гдѣ она цѣлый мѣсяцъ бесѣдовала съ ними, на ихъ національномъ, древне-еврейскомъ языкѣ, равно и съ евреями, жившими тогда въ Мпхетѣ, языкъ которыхъ она знала отлично еще въ Іерусалимѣ. Тогда ихъ типъ и характеръ былъ еще чисто-патріархальный. Но во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ, евреи усвоили себѣ древне-персидскій языкъ, который они называютъ фарсидскимъ и татскимъ, и, вѣроятно, образовался у нихъ жаргонъ, составленный изъ этихъ двухъ языковъ, съ примѣсью древне-еврейскихъ, т. е. библейскихъ словъ, и со множествомъ словъ изъ языковъ мѣстныхъ, сосѣднихъ племенъ. Письменность у нихъ, на этомъ жаргонѣ, производилась еврейскимъ ввадратнымъ шрифтомъ, называемымъ ассирійскимъ.

Во время мусульманскаго владычества въ Закавказьѣ, евреи совершенно отатарились, приняли мусульманскій характеръ и многое изъ обычаевъ, нравовъ и образа жизни мусульманъ; но языкъ ихъ остался тотъ-же самый, фарсидско-татскій, на которомъ они и нынѣ разговариваютъ между собою. Я привожу здѣсь нѣсколько словъ этого языка и сказку, записанную мною на ихъ языкѣ, для примѣра:

Ма—я.
 Ты—ты.
 У—онъ.
 Иму—мы.
 Ишму—вы.
 Уно—они.
 Худо—Вогъ.
 Аасму—небо.
 Саръ—шаръ.
 Земи—земля.
 Нишь—сиди.
 Нишятъ—сидите.
 Баба—отець.
 Дадай—мать.
 Бироръ—братъ.
 Хахаръ—сестра.
 Духтаръ—дочь, дѣвушка.
 Кукъ—сынъ.
 Гуфтере—говорить.
 Иста—хочеть, желаетъ.
 ъвзумъ—дрова.
 Тахайръ—вечерь.
 Нунъ—хлѣбъ.
 Ширъ—молоко.
 Корда—ножь.
 Ма аморумъ—я пришелъ.
 Ты амори—ты пришелъ.
 У амори—онъ пришелъ.
 Иму аморимъ—мы }
 Ишму аморить—вы }пришли.
 Уно амо—они }

Еки—1, дидо—2, сеса—3, чоръ—4, пѣнджъ—5, шешъ—6, хагъ—7, шаптъ—8, нэ—9, tha—10, јаһозда—11, дуһозда—12, саһозда—13, чорда—14, поһозда—15, шоһозда—16, һавда—17, һашда—18, ноһозда—19, бистъ—20, бистъ-пѣнджъ—25, биһзда—30, биһздоһозда—35, дубистъ—40, дубистъ-пѣнджъ—45, дубистһа—50, сабистъ—60, сабистһа—70, чорбистъ—80, чорбистһа—90, сатъ—100, дусатъ—200, сасатъ—300, чоръ-сатъ—400, пѣнджъ-сатъ—500, һазоръ—1000, ду-һазоръ—2000 и т. д.

Хубъ }
 Хубо }хорошо.
 Амбаръ—очень.
 Амбаръ хубо—очень хорошо.
 һисты—естъ.
 Нисты—нѣтъ.
 Хубъ-һисты—нехорошо, худо.
 Биоръ—дай, принеси.
 Оу—вода.
 Хурумъ—пить.
 Оу-биоръ-хурумъ—дай воды напиться.
 Діа-ма—дай мнѣ.
 Чи—что.
 Чи у гуфтерени—что онъ говоритъ?
 Чи у иста—что онъ хочеть?
 Чи у биоръ—что онъ принесъ?
 һузумъ биоръ—дрова принеси.
 Нунъ биоръ—хлѣбъ принеси.
 Гуштъ-кови—говядина.
 Гуштъ-пенды—баранина.
 Нумо—имя.
 Кейфъ—какъ.
 Духтаръ амбаръ гукчеги—красавица.
 Сахъ-баши—очень благодаренъ.
 Даһстены—понимаете?
 Чулъ—деревня.
 Кейфъ ты хуби—какъ твое здоровье?
 Кейфъ ишму хуби—какъ вы пожи-
 ваете?
 Кейфъ зенты хуби—какъ твоя жена
 поживаетъ?

Разказъ на этомъ языкѣ. А пѣнджъ һазоръ, пѣнджъ сатъ, чорбистъ чоръ даһсалъ, кей рагъ Мусурмоһо ези чулъ Арагъ а Мурсуль-ханъ а куфта а Хайтахъ, ја Мусурмоһ нумы Дамуръ,

муръ азъ Хайтаъ ја Сейфертейра *) дуһузди азъ намавъ Исраильно Хайтахъ а Арагъ.—Вагурдъ ванджи Сейфертейра чекмъ кушкердъ аре хушта, вагурдъ ти ваһо бахешъ кертъ Мусурмоһора уһо арехишта хошкина чекмъ, хошъ кердетъ а Сейфертера вапой ханжалъ тано ахариши ханжалһора.—Гуестурутъ Исраильно а Мусурмоһ аричу ванджирены и чи Худоһи, арчу ира азинчиһо хошъ кердени? Худо ишмуре мидады.—Мусурмоһо хостамаъ берутъ пискунуть рахъ Исраиһла, вагурдуть Сейфертейра тано-риды арадъ маладъ, уһо хандустуть, уһо бешмердуть Худо Исраиһла.—Ја рузъ борда азарло бисто мусурмо Дамуръ, амбаръ сахтиназарло бисто, у джурай-за асахтъ-дзуһунъ новазъ джурай за у гуеты: вай! сухтумъ, сухтумъ! дулма сухтә! Га рузъ чуруй за ношоман **) вода раеть.

У Мусурмоһо дурудъ ки уаде һаджъ мурда, Худо додо мурдъ, тарсирудъ байгурдудъ ути келоһо Сейфертейра ки айшу бегурдуть торудъ а Исраильно. Исраильно бегурдуть танородъ а намавъ.

Переводъ. Въ 5,594 году отъ сотворенія мiра, когда мусульма не, жители деревни Арага, отправились съ Мурсуль-ханомъ воевать съ жителями селеній Кайтага, одинъ мусульманинъ, именемъ Дамуръ, взялъ Пятикнижнiе Моисея, на пергаментѣ написанное, которое онъ похитилъ изъ синагоги кайтагскихъ евреевъ, и принесть въ селенiе Арага. Этотъ мусульманинъ взялъ пергаментъ Пятикнижiя, разрѣзалъ его на куски, сдѣлалъ изъ нихъ себѣ башмаки, и много еще кусковъ роздалъ другимъ мусульманамъ, чтобы они также сдѣлали себѣ изъ нихъ башмаки и чехлы для винжаловъ и пистолетовъ своихъ. Евреи говорили имъ: «зачѣмъ вы дѣлаете такъ, это святая книга, за что вы оскорбляете ее такъ? Богъ накажетъ васъ за такое преступленiе и взыщетъ съ васъ такую обиду».

Мусульмане-же насмѣхались, и для того, чтобы еще больше разсердить евреевъ, взяли куски рукописи и топтали ихъ въ грязи, хохотали, хулили и ругали Бога евреевъ.

*) Сейфертейра есть древне-еврейское слово, означаетъ Пятикнижiе Моисея, которое написано на пергаментѣ квадратнымъ шрифтомъ и содержится въ синагогальныхъ кивотахъ.

**) Ношоман означаетъ по-древне-еврейски—человѣческая душа.

Черезъ день заболѣлъ весьма сильно мусульманинъ Дамуръ; онъ кричалъ изо всѣхъ силъ каждую минуту: «о, я горю, я горю! я сгорѣлъ, сердце мое горитъ!»—Нѣсколько дней сряду онъ такъ кричалъ, пока душа изъ него вышла, и онъ скончался.

Мусульмане, видя, что Дамуръ умеръ и такъ жестоко мучился, стали разсуждать и пришли къ убѣжденію, что Богъ его наказалъ за оскорбленіе святыни; они стали сильно бояться за себя, собрали всѣ куски пергамента Пятикнижія и возвратили ихъ евреямъ. Евреи-же съ радостію спрятали ихъ въ своей синагогѣ и восхваляли Бога своихъ предковъ.

Сверхъ древне-еврейскихъ словъ, которыя мнѣ пришлось слышать въ ихъ разговорѣ, я еще замѣтилъ много халдейскихъ словъ и талмудскихъ фразъ. Они, вѣролтно, приняли талмудъ во время его изданія. Раввины ихъ разсказали мнѣ, что у нихъ есть преданіе, что нѣкоторые изъ ученыхъ, входящихъ въ составъ талмудскихъ толкователей, жили въ при-каспійскомъ краѣ, какъ напр. Нахумъ *Гамадай*, т. е. мидійскій, жилъ въ старой Шемахѣ, въ Ширванѣ, и Симонъ *Сафро* (т. е. Симонъ ученый или писатель, ибо сафро есть халдейское слово и значить авторъ, сочинитель), жилъ въ г. Дербентѣ, и поэтому-то встрѣчается въ талмудѣ много фарсидско-татскихъ словъ. Судя по этому, можно предположить, что въ древности были у нихъ ученые раввины и что народъ тогда могъ находиться на гораздо высшей степени умственного развитія. Теперь-же ихъ нравственное положеніе весьма въ упадкѣ. Я познакомился со всѣми горскими раввинами въ мѣстахъ ихъ пребываній и нашелъ только въ г. Дербентѣ ихъ главнаго раввина, который, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, отлично знаютъ ученіе талмуда, всѣ законы и установленія еврейской религіи, знакомы съ новой еврейской литературой и даже знаютъ грамоту русскую. Въ другихъ-же мѣстахъ раввины или знаютъ еврейскій законъ весьма неудовлетворительно, или-же почти ничего въ немъ не смыслятъ.

Вообще, еврейское народонаселеніе въ при-каспійскомъ краѣ и Терской области не обучается своей грамотѣ, и мнѣ приходилось всякій разъ слышать на мой вопросъ: знаете-ли говорить

по древне-еврейски? одинъ отвѣтъ: «моя амхаарець», что значить по-библейски: «я простакъ, неграмотный». Съ трудомъ я могъ объяснить по-древне-еврейски и съ ихъ раввинами. Даже шѣстной грамотѣ они не обучаются, хотя имъ и необходимо знать ее, по торговымъ ихъ дѣламъ. Во всѣхъ деревняхъ они платятъ мусульманскому муллѣ, а въ городахъ какому-нибудь грамотному татарину, чтобъ имъ писали письма и разныя бумаги, за что каждый мулла получаетъ отъ общества годовое жалованье или отъ каждаго особую плату за письмо, за просьбу и т. п., примѣрно по 10 коп. Объ обученіи своихъ дѣтей грамотѣ они мало или и вовсе не заботятся. Преподавателями у нихъ рѣзники, которые вмѣстѣ съ тѣмъ занимаютъ и раввинскія должности. Когда они свободны отъ рѣзки скота, тогда только занимаются обученіемъ дѣтей. Они обучаютъ мальчиковъ читать и писать, а также и библію, съ переводомъ на фарсидско-татскій языкъ. Кто изъ хозяевъ желаетъ отдать своего сына въ ученіе, тотъ платитъ раввину два абаза въ годъ, т. е. 40 к.; сверхъ того, раввинъ получаетъ отъ такихъ хозяевъ на праздники муку, соль, куръ и другіе съѣстные продукты; если-же хозяинъ занимается торговлею, то приноситъ раввину въ подарокъ двѣ пары чулокъ или кусокъ ситцу на платье для его жены. Если кто изъ молодыхъ людей стремится достигнуть раввинскаго званія, то отправляется въ Дербентъ, къ тамошнему главному раввину, и тамъ обучается, или-же ѣдетъ въ Россію, къ русскимъ евреямъ, и у нихъ изучаетъ правила, установленныя для званія рѣзниковъ. Больше этого имъ не нужно, ибо они стремятся только быть хорошими рѣзниками, такъ-какъ ремесло это достаточно для обезпеченія ихъ жизни. Другія познанія ихъ не интересуютъ, и лишь только такой молодой горскій еврей получилъ или успѣлъ получить свидѣтельство, что онъ можетъ быть хорошимъ рѣзникомъ, какъ спѣшить ужъ онъ на свою родину. По пріѣздѣ его изъ Россіи въ деревню, къ своимъ односельцамъ, эти послѣдніе встрѣчаютъ его съ радостью и почестями; каждый изъ деревни считаетъ себя счастливымъ, если скажетъ ему ласковое слово; женщины желаютъ, чтобъ Богъ осчастливилъ ихъ такими-же сыновьями, дѣвушки рады имѣть такихъ жениховъ. Его принимаютъ вездѣ съ большимъ уваженіемъ, точно возвратился онъ къ своимъ роднымъ, окончивъ курсъ наукъ въ какомъ-либо университетѣ, со степенью доктора, а въ сущности, этотъ ученый горець, окончивши свое ученіе въ какомъ-нибудь эшпобѣ

*Education
of children*

или у одного изъ рѣзниковъ, ничего не знаетъ, да и не можетъ ничего знать, потому что, когда онъ прѣзжаетъ къ русскимъ евреямъ, то онъ, во-первыхъ, языка русскихъ евреевъ не понимаетъ: какимъ-же образомъ онъ можетъ успѣвать въ ученіи своемъ, когда не понимаетъ объясненій и толкованій своего учителя? А когда, въ нѣсколько лѣтъ, начнетъ онъ немного понимать разговоръ евреевъ, то все-таки вполнѣ не можетъ понять толкованія закона; стараться-же образовать самого себя по-европейски онъ не находитъ нужнымъ, потому что ему желательно выучиться только своему ремеслу и получить свидѣтельство. Такимъ образомъ, возвращается онъ на родину безъ всякаго образованія, безъ всякихъ успѣховъ въ наукахъ, и остается тамъ такимъ-же полудивнымъ горцемъ, какимъ былъ прежде, хотя и играетъ роль ученаго раввина и всѣ односельцы имъ весьма довольны.

Въ каждомъ еврейскомъ обществѣ въ горахъ — какъ я сказалъ — найдется нѣсколько человекъ, которые могутъ объясниться по-древне-еврейски, т. е. сколько-нибудь могутъ читать и понимать библію; но такихъ весьма мало. Напримѣръ, въ Дербентѣ, гдѣ находится до 200 дымовъ евреевъ, найдется около 20 человекъ, знающихъ немного еврейскую грамоту; въ Арагъ около 90 дымовъ и не больше 8 человекъ грамотныхъ; въ Кубъ около 1000 дымовъ и только около 25 или 30 грамотныхъ; въ Грозномъ до 200 дымовъ, а грамотныхъ всего 5 или 6. Столько-же найдется ихъ въ Хасавъ-Юртъ, въ Мюджи, а въ остальныхъ аулахъ могутъ только одни раввины, да развѣ 1 или 2 изъ мирянъ, объясниться по-древне-еврейски.

По прѣздѣ моемъ въ какую-нибудь деревню, я считалъ нужнымъ посѣщать училища, чтобы видѣть, гдѣ и какъ учатъ дѣтей. Меня обыкновенно вводили въ сакли, которые большею частію помѣщаются возлѣ синагогъ или въ домахъ раввиновъ. Помѣщенія для училищъ оказывались обыкновенно тѣсными, грязными; учащихся насчитывалось, примѣрно, на 200 дымовъ не болѣе 15. Обучаютъ такимъ образомъ: раввинъ сидитъ на землѣ или наковрѣ, а вокругъ него — всѣ мальчики; вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, они киваютъ головами, читая молитвы или библію, съ татско-фарсидскимъ переводомъ и съ татарскимъ напѣвомъ. Печатныя еврейскія азбуки у нихъ рѣдко бываютъ; большею-же частію раввины рисуютъ на таблицахъ буквы алфавита и дѣти учатся читать и писать съ этихъ прописей. Они всѣ пишутъ на колѣнѣ, по мусульманскому способу, къ чему такъ привыкаютъ,

59

что имъ трудно и неудобно писать на столѣ. Въ г. Дербентѣ находится школа, въ родѣ раввинскаго училища; она помѣщается при синагогѣ, въ хорошей комнатѣ—свѣтлой, съ окнами европейской формы и довольно чистой; тѣ, которые кончаютъ курсъ въ этомъ заведеніи, получаютъ свидѣтельство на званіе раввина или рѣвника отъ тамошняго главнаго раввина. Остальныя же училища въ г. Дербентѣ, а также училища въ Грозномъ, Хасавъ-Юртѣ, Т.-Х.-Шурѣ и въ деревняхъ находятся въ весьма жалкомъ видѣ.

Разъѣзжая въ горахъ по деревнямъ, съ еврейскимъ населеніемъ, вездѣ я встрѣчалъ евреевъ, праздно расхаживающихъ съ трубами по аулу или сидящихъ возлѣ лавогъ, мечтающихъ богъ-знаетъ о чемъ, или бесѣдующихъ около своихъ домовъ. Большею-же частію они собираются возлѣ синагогъ или рѣвницъ и на площадкахъ деревни, гдѣ проσιживаютъ долгое время, разсуждая между собою или-же толкуя по-пустому.

St. Petersburg

Вообще они любятъ выслушивать всякаго рода новости. Если кто-либо проѣзжаетъ, еврей или мусульмаинъ, чрезъ ихъ деревню, они останавливаютъ его, — и вдругъ около него собирается толпа, съ распросами о новостяхъ изъ его аула или что онъ знаетъ о другихъ деревняхъ; любятъ они также разсказывать другъ другу религіозныя сказки и въ этихъ разсказахъ проводятъ день до вечера. Я приведу здѣсь нѣкоторые изъ ихъ разсказовъ, которые они сообщали мнѣ весьма охотно.

Еврейские
for names

Разсказъ 1-й. Предки наши, которые жили въ деревнѣ Кусары (нынѣ штабъ-квартира, недалеко отъ Кубы), передали намъ, что въ 5,496 году отъ сотворенія міра, когда Надиръ-шахъ разорилъ еврейскую деревню Колкоту (нынѣ развалины на берегу рѣки Кудіаль-чай, въ двухъ верстахъ отъ г. Кубы), избилъ и взялъ въ плѣнъ многихъ изъ тамошнихъ евреевъ, — въ то время, разъ, утромъ, когда раби Реувинъ-бенъ-Самуилъ кончилъ утреннюю молитву и сѣлъ съ своими учениками на дворѣ синагоги читать, по обыкновенію своему, опредѣленную для каждаго дня, талмудическую диссертацию, прибылъ предводитель войскъ Надиръ-шаха и проходилъ съ своими войсками мимо синагоги. Увидѣвъ раввина, съ его учениками, и много евреевъ изъ постороннихъ слушателей, предводитель вздумалъ прежде напасть на это сборище и убить ихъ, а потомъ уже разорить деревню. Предводитель подошелъ съ своими воинами къ раввину, вынулъ свою саблю и занесъ ее на его голову; раввинъ, испугавшись, какъ держалъ въ то время книгу въ ру-

Religious
tales

какъ, такъ и поднялъ ее противъ сабли, чтобы защитить себя. Сабля не попала на его голову, а прямо на книгу и книга была разрублена пополамъ. Предводитель, видя, что раввинъ остался неповрежденнымъ, сказалъ ему: „я вижу, что Богъ вашъ предохранилъ тебя отъ жестокости меча моего; за изученіе Его святыхъ законовъ, будь ты спасенъ съ твоимъ народомъ!“ Потомъ онъ обратился къ своимъ воинамъ и приказалъ имъ не трогать и не беспокоить никого изъ евреевъ. Попрощавшись съ раввиномъ, онъ, съ своимъ войскомъ, оставилъ деревню Кусары, и, по милости Бога Авраама, Исаака и Иакова, она была спасена тогда отъ нападенія Надиръ-шаха.“

Книгу эту показывалъ мнѣ кубинскій раввинъ Гершонъ. Дѣйствительно, она пополамъ искусно разрублена; сохраняется она у него, какъ драгоценный талисманъ, предохранившій его предковъ отъ злыхъ намѣреній враговъ; она заключаетъ въ себѣ: описаніе св. града Іерусалима, служеніе первосвященниковъ въ судныя дни, въ храмѣ Соломона, и нѣкоторыя толкованія кабалистическія; печатана въ Венеціи въ 1587 году.

Разсказъ 2-й. • Въ смутныя времена Надиръ-шаха, евреи много страдали отъ нападеній различныхъ войскъ и шаекъ разбойниковъ, такъ, что не проходило дня безъ приключенія и несчастія; хлѣбъ на поляхъ и домашнее имущество были постоянно уничтожаемы, голодъ постепенно увеличивался, и евреи, не будучи уже въ состояніи терпѣть болѣе жестокую участь свою, стали оставлять свои обиталища и расходиться по разнымъ мѣстамъ; нѣкоторые поселились въ г. Кубъ, но большая часть евреевъ рѣшилась оставить навсегда этотъ край и предпринять путь въ Багдадъ и Палестину. Они собрали оставшееся имущество свое, приготовили съѣстныхъ припасовъ на дорогу, забрали свои семейства и, въ надеждѣ на Бога своихъ патріарховъ, пустились въ путь. Раби-Давидъ-бенъ-Реувинъ былъ ихъ наставникомъ и путеводителемъ. Они странствовали съ мѣста на мѣсто, пока дошли до Каспійскаго моря; тамъ они сѣли на корабль. Во время поѣздки по морю, они потерпѣли большое кораблекрушеніе. Раби-Давидъ-бенъ-Реувинъ и всѣ старики облеклись въ талеты (т. е. въ покрывала, которыми всѣ евреи покрываются во время молитвы въ синагогахъ), и стали молиться Творцу земли и морей; женщины идѣти въ отчаяніи рыдали съ воплями и молились. Все это не помогло; корабль сталъ разбиваться и разрушаться. Наконецъ, въ послѣднія ужасныя минуты, Богъ умилосердился надъ ними и сотво-

речь имъ чудо, — они были спасены на одномъ островѣ, который представился имъ предъ глазами при потопленіи корабля.

Тамъ, на островѣ, они жили пять дней; съѣстныя ихъ припасы изгубились въ море и они пропитывались вельею и овощами; чрезъ пять дней, по благой волѣ Господа Бога, проходила мимо того острова другой корабль. Корабельщикъ былъ евдѣй старикъ. Увидѣвъ островъ и на немъ много людей, онъ весьма удивился, потому что въ жизнь свою, сколько разъ онъ ни бродилъ по морю, никогда не видѣлъ никакого острова на этомъ мѣстѣ; изъ любопытства, принявъ онъ къ тому острову и вѣрность евреевъ: «кто вы и изъ какой страны?». Они отвѣчали ему: «мы горсіе еврей; съ нами случилось несчастье, но вѣдьсть съ тѣмъ и чудо Божіе: нашъ корабль утонулъ, а мы были спасены на этомъ островѣ». Шкиперъ имъ отвѣчалъ: «если вы израильскіе, то предки ваши давно уже привыкли къ божескимъ чудесамъ, и, какъ я вижу, самъ Богъ привелъ меня сюда окончательно спасти васъ; я весьма радъ быть посланникомъ отъ Бога; переходите всѣ ко мнѣ на корабль, — я васъ доведу до материка». Они остановились возлѣ береговъ Ширвана, всѣ высадились съ корабля на берегъ, а оттуда опять странствовали, пока не дошли до старой Шемахи; отсюда они отправились къ своимъ братьямъ, въ селеніе Мюджи. Только что вошли они въ селеніе, какъ скончался ихъ вѣрный путеводитель, раби-Давидъ-бенъ-Реувиякъ, изнемогши отъ изнуреній дороги; онъ былъ погребенъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ, въ селеніи Курдовонъ, мѣстопребываніи въ древности евреевъ, плѣнниковъ Салманасара, ассирійскаго царя. Пришельцы рассказали своимъ братьямъ свои приключенія на морѣ и на сушѣ и всѣ пославили Бога Израиля.

Разказъ дербентскихъ и кубинскихъ евреевъ. По бакинско-кубинской почтовой дорогѣ, недалеко отъ Девичинской почтовой станціи, въ горахъ, находится деревня Кала-Чирахъ, въ которой жили еврей, еще задолго до прибытія сюда Надиръ-шаха. Когда Надиръ-шахъ сталъ нападать на эту страну и притѣснять ея жителей, еврей особенно пострадалъ тогда отъ жестокихъ гоненій; они принуждены были выселиться изъ Кала-Чираха въ г. Кубу. Ханъ кала-чирахскій, видя, что еврей оставилъ свой жилища навсегда, велѣлъ собрать всѣ надгробныя камни, находившіеся на еврейскомъ кладбищѣ, и выстроить изъ нихъ ему дворецъ. Жители исполнили съ радостію его приказаніе.

ніе, и выстроили ему изъ этихъ камней великолѣпный дворецъ. Когда ханъ съ своимъ семействомъ и вои́мъ имуществомъ перебрался во дворецъ, то не прошло и нѣскольکو недѣль, какъ заболѣла его жена и умерла, потомъ дѣти всѣ заболѣли и померли, наконецъ и самъ ханъ жестоко заболѣлъ, сильно мучился и подлѣ необыкновенно-тяжкой болѣзни скончался, такъ что изъ цѣлаго семейства хана не осталось ни одной живой души; даже всѣ лошади на ханскихъ конюшняхъ погибли. Сколько разъ пробовали тамошніе жители-мусульмане сесть въ дворецъ, — они также умирали. Дворецъ этотъ стоитъ пустой, никто не обитаемый и до сихъ поръ. Мусульмане боятся по вечерамъ проходить мимо него. Евреи увѣряютъ, что Богъ наказала хана за ваятіе надгробныхъ камней съ еврейскаго владіища на постройку дворца, и что мертвецы, за обиду, нанесенную имъ, передушили его съ семействомъ, а также душатъ и другихъ мусульманъ, которые поселились послѣ въ томъ дворцѣ; даже и невинныхъ лошадей они не пощадили.

III.

Вѣрованія горскихъ евреевъ въ безсмертіе души. Вѣрованіе въ переселеніе душъ послѣ смерти въ животныхъ. Понятія объ адѣ, верховномъ небесномъ судѣ и раѣ. Господствующія болѣзни и способы ихъ леченія. Похоронные обряды. Женщины-плакальщицы. Горскія еврейки.

Вѣрованія въ безсмертіе души у горскихъ евреевъ различны; нѣкоторые вѣрують, что душа чело́вѣка, по оставленіи ею мертваго тѣла, не отлучается отъ могилы тѣла ея цѣлый годъ, а по окончаніи года возвращается къ тому мѣсту на небѣ, откуда взята, и тамъ въ царствѣ небесномъ покоится вѣчно. Нѣкоторые полагають, что, скоро по выходѣ изъ тѣла, она улетаетъ на небо, нѣкоторые-же вѣрують, что она цѣлый годъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вышла изъ тѣла, а потому горитъ у нихъ постоянно лампа на томъ мѣстѣ, въ честь ду-

ше. Некоторые также вѣруютъ, что душа посѣщаетъ каждый день могилу ея тѣла на кладбищѣ; по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай, что ставятъ воду на кладбищѣ, для душъ человѣческихъ, чтобы всѣ души въ ней выкупались и очистились отъ нечистоты мертвыхъ обиталищъ, прежде чѣмъ онѣ поднимутся въ свои святые мѣста на небесахъ.

Горекіе евреи вѣруютъ также въ переселеніе человѣческой души, послѣ выхода ея изъ тѣла, въ различныхъ животныхъ, чистыхъ и нечистыхъ. Она бываетъ въ нихъ иногда долго, иногда короткое время, и перемѣщается изъ одного животного въ другое. По мнѣнію горскихъ евреевъ, душа извѣстный срокъ страдаетъ въ тѣлѣ животныхъ. По окончаніи-же срока, она переходитъ въ адъ и тамъ должна очиститься отъ нечистоты своей, черезъ огонь, а потомъ отправляется на покой въ мѣсто, для ней назначенное.

Адъ они представляютъ великимъ безконечнымъ чертогомъ, въ которомъ находится множество отдѣленій. Въ каждомъ отдѣленіи есть ангелы-истребители и черти, которые терзаютъ грѣшниковъ различными жестокими мученіями, какъ на примѣръ: бросаютъ ихъ въ кипящія котлы, ставятъ на раскаленные сковороды, обмазываютъ ихъ нестью и зажигаютъ, бьютъ ягучими желѣзными прутьями, бросаютъ въ пропасти, кидаютъ въ воздухъ съ одного конца міра до другаго. Ангелы-же истребители исполняютъ въ точности волю верховнаго небеснаго суда. Въ субботній день не производится никакихъ наказаній въ адѣ,—грѣшники отдыхаютъ. Въ субботу-же вечеромъ уже повсемѣстно раздаются въ адѣ вопли и жалобные крики.

Верховный небесный судъ представляется большимъ чертогомъ, въ которомъ горитъ безчисленное множество свѣчей; равнины и великіе люди древняго міра, сѣдые старики, сидятъ въ бѣлыхъ саванахъ вокругъ длинныхъ столовъ. Тамъ висятъ большіе вѣсы, на которыхъ вѣсятъ добрыя и злыя дѣла человѣка. Если грѣхи превышаютъ добрыя дѣла, то рѣшается участь грѣшника по общему совѣту, именно, какія наказанія онъ долженъ принять на себя. Чертогъ наполненъ постоянно мертвыми людьми, прибывающими туда изъ всѣхъ концовъ земнаго шара. Тамъ дозволяется присутствовать ихъ предкамъ и ближайшимъ родственникамъ, которые давно уже покоятся въ раю; они имѣютъ право вышнваться въ общемъ совѣтѣ,—просить за своихъ осужденныхъ родственниковъ; они также могутъ находить для нихъ

какія-нибудь оправданія, въ облегченіе ихъ жестокой участи. Плачь, крики, вопли и рыданія слышны по всему чертогу; тутъ просятъ покойный отецъ о своемъ сынѣ, тамъ мать о своемъ дитяти и т. д. Подобно тому, какъ за свои злыя дѣла человекъ получаетъ наказаніе, такъ за добрыя дѣла онъ удостоивается награды, т. е., по очищеніи души отъ грѣховъ, впускается въ рай.

Рай они представляютъ себѣ на самомъ высшемъ небѣ, гдѣ стоитъ тронъ Творца міровъ; предъ нимъ безчисленное множество ангеловъ и херувимовъ въ великомъ благоговѣннѣмъ расхваливаютъ имя Иеговы Савароа и стоятъ готовыми ежесекундно исполнять волю Его.

Все праведники и благочестивые люди, которые отличались своими добродѣтелями на землѣ, сидятъ и наслаждаются вѣчнымъ невыразимымъ умственнымъ наслажденіемъ о Божьемъ величїи. Каждая душа изъ мужскаго и женскаго пола имѣетъ свое назначенное мѣсто. Праведники и добрые люди сидятъ въ золотыхъ и брилліантовыхъ вреслахъ, ближе къ Господу Богу, другіе же, которые, по грѣхамъ своимъ, того не заслуживаютъ, — стоятъ подале: это для нихъ непереносимый стыдъ предъ прочими навсегда.

Теперь сообщу я нѣсколько свѣдѣній о болѣзняхъ, господствующихъ въ горскомъ еврейскомъ населенїи, о опоробахъ ихъ пользованїи, а также объ обрядахъ, сопровождающихъ у этихъ евреевъ смерть и погребенїе.

Болѣзни у нихъ бываютъ различныя, не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаковыя, но большею частью они болѣютъ лихорадками и глазами, также золотухою и бугорчаткою, въ особенно-сти въ Кумыкскомъ округѣ, въ деревняхъ Андреевой, Аисаевской и Костевъ, по причинѣ узкихъ улицъ, тѣсныхъ жилищъ и ихъ нечистоты.

Если кто заболѣетъ, то они прибѣгаютъ въ своимъ бабьимъ средствамъ, а иногда призываютъ аульнаго знахаря, и рѣдко случается, чтобъ они довѣрили больного окружающему медику. Чаше призываютъ цирюльниковъ, прїѣзжающихъ изъ Персіи. Эти послѣдніе имѣютъ свои лекарства, приготовляемые изъ разныхъ травъ; для продажи ихъ они нанимаютъ лавку на базарѣ. Все медикаменты ихъ заключаются въ большомъ мѣшкѣ и завязаны въ грязныхъ тряпкахъ. Такіе медики, повидимому, нигдѣ не учились, не имѣютъ никакого понятїя о медицинѣ и только знаютъ по практикѣ разныя врачевныя средства. Къ та-

лигъ несознающимъ и полудикамъ азіатцамъ горскіе евреи питають полное доверіе; ученые-же медики не имѣють у нихъ никакого авторитета: они презирають лекарства, прописываемыя ими, полагая, что въ этихъ лекарствахъ они видѣваютъ свинину или другія грѣшныя вещи, т. е. запрещенныя по закону Моисея.

Во время боляни обязаны всѣ односельцы навѣщать больного, почти каждый день. Когда же больной умретъ, тотчасъ же собирается цѣлое общество въ домъ умершаго. (Раввинъ, его ученики и нѣкоторые грамотные изъ поселянъ садятся около мертвеца. Мертвецъ лежитъ на полу, покрытъ чернымъ покрываломъ и вокругъ него горять свѣчи,—всѣ читають псалмы Давида, а раввинъ съ учениками читають мишну въ честь души, находящейся тогда въ домѣ, возлѣ тѣла ея. Усопшій лежитъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока приготовляютъ для него одежду, называемую по-библейски *тахрихимъ*.) Цѣлое общество сидитъ возлѣ дома умершаго или на дворѣ его и шьетъ этотъ тахрихимъ; въ то же время женщины-плакальщицы собираются на дворъ, садятся группой, въ большой кругъ, и оглашаютъ воздухъ протяжнымъ плачевнымъ напѣвомъ. Одна изъ нихъ стоитъ на колѣняхъ и расхваливаетъ достоинства умершаго; въ это время она бьетъ себя кулаками въ лицо, въ голову и въ обнаженныя груди, такъ сильно, что другія женщины, сидящія возлѣ нея, удерживають руки ея съ обѣихъ сторонъ. Когда она кончаетъ одну фразу, всѣ женщины отвѣчаютъ ей словами: *hija-алла! hija-алла!* о Боже! о Боже!, бьютъ себя между тѣмъ въ голову и дѣлають такія странныя гримасы и движенія, что страшно смотрѣть на нихъ. Всѣ онѣ сидятъ съ растрепанными волосами, одѣты въ весьма старыя оборванныя платья, а нѣкоторыя покрыты бѣлыми покрывалами. Когда стоящая въ срединѣ женщина кончаетъ свою рѣчь, то за ней изъ группы выходитъ по очереди другая и т. д. Чѣмъ болѣе онѣ при этомъ выразятъ свои чувства краснорѣчивыми словами, тѣмъ болѣе заслуживають славу у другихъ женщинъ. Оттого яная плакальщица, въ разгарѣ своего вдохновенія, совершенно теряетъ себя, глаза у нея, какъ и у другихъ плакальщицъ, горятъ огнемъ и налиты кровью, свирѣпая дикость выражается на лицѣ. Въ то время подходятъ къ нимъ нѣкоторые мужчины, по два и по три человека, слушаютъ ихъ рѣчи, кивають головами и рыдаютъ, какъ дѣти. Нѣсколько минутъ они такъ участвуютъ въ плачѣ женщинъ, потомъ удаляются, другіе на мѣсто ихъ подходятъ и т. д. Муж-

Funerals

чины также бьютъ себя кулаками въ грудь, въ голову и лицо, когда участвуютъ въ плачѣ съ женщинами. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока готовится одежда тахрихимъ для умершаго. Потомъ ставятъ палатку на полѣ и переносятъ трупъ въ нее. На полѣ раскладываютъ огонь и на немъ согревають воду для обмыванія тѣла умершаго. Потомъ одѣваютъ его въ одежды изъ бѣлаго коленкора—сперва въ рубашку, сшитую съ башлыкомъ, а рукава выѣстъ съ перчатками, такъ что лицо и голова закрываются башлыкомъ, а пальцы рукъ перчатками рукавовъ; потомъ въ штаны съ чулками, выѣстъ сшитые, для закрыванія ногъ. Далѣе, заворачиваютъ трупъ въ талетъ, т. е. въ покрывало, которымъ евреи покрываютъ себя въ синагогахъ, во время молитвы, и надѣваютъ на него бѣлый саванъ; наконецъ кладутъ трупъ на носилки, покрываютъ его или чернымъ сукномъ, или краснымъ персидскимъ шелковымъ большимъ платкомъ. Носилки бываютъ временныя и постоянныя. Временныя дѣлаютъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ деревянныхъ палокъ, переплетенныхъ короткими вѣтвями дерева, на подобіе лѣстницы, а постоянныя дѣлаются столаромъ и укрѣплены желѣзомъ, въ видѣ рѣшетчатого ящика, съ ножками и ручками; таковыя стоятъ постоянно въ переднихъ синагогахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ обычаѣ временныя носилки, евреи считаютъ грѣхомъ имѣть постоянныя, ибо они живутъ съ надеждою, что настанетъ день, въ который прекратится смерть, и во-вторыхъ, они вѣрують, что если носилки стоятъ готовыми, а равно если могила вырыта безъ надобности, то непременно долженъ еще кто-нибудь умереть; поэтому, скоро послѣ похоронъ, носилки разламываютъ и бросаютъ въ огонь. Женщины провожаютъ мертвого,—съ воплями и рыданіями, съ ужаснымъ крикомъ и плачемъ, причемъ бьютъ и колотятъ себя руками въ голову, лицо и груди,—только со двора; потомъ онѣ или возвращаются назадъ, въ домъ умершаго, или расходятся по своимъ домамъ и начинаютъ расхваливать тѣхъ женщинъ, которыя отличились своими рѣчами и движеніями. Мужчины-же отправляютъ съ трупомъ на кладбище, порою останавливаясь на нѣскольکو минутъ, причемъ читаютъ или одну главу изъ псалтыря Давида или молитву за усопшаго. Подходя къ кладбищу, они останавливаются на нѣкоторое время на полѣ и становятся въ полукругъ: равнины читаютъ молитвы, а народъ въ это время бросаетъ въ воздухъ кусочки разломленной старой азіатской серебряной монеты, думая этимъ задобрить злыхъ духовъ. По окончаніи этого обряда,

направляется въ могилы. Когда, вырывается глубиною около 2 1/2 аршина и болта; покойника кладутъ лицомъ вверхъ, покрываютъ, въ видѣнку одного аршина надъ нимъ, досками, чтобъ онъ могъ свободно лежать, и доски засыпаютъ землею. На могилѣ ставятъ надгробный камень съ надписью; большею частію, кромѣ имени умершаго, пишется слѣдующая фраза изъ книги пророковъ: «И много изъ спящихъ въ землѣ пробудятся и встанутъ къ вѣчной жизни». Кромѣ того обозначаютъ день, въ который потребованъ (такой-то), сынъ (такого-то), въ верховный небесный судъ, число мѣсяца и годъ, по-еврейскому лѣтосчисленію, отъ сотверенія міра. На нѣкоторыхъ памятникахъ описываютъ добродѣтели и достоинства покойника, напр. то, что онъ дѣлалъ добро всякому, помогалъ бѣднымъ, не обидѣлъ ближняго, былъ гостеприименъ, не былъ гордъ и тому подобное.

Description on tombstone

Возвращаясь съ могилы, срываютъ три раза траву, растущую на кладбищѣ, и бросаютъ ее черезъ плечо, говоря: «Да превратится смерть на вѣки въковъ, аминь!». Когда выходятъ съ кладбища, всѣ обмываютъ руки, становятся въ большой кругъ, въ средину котораго входитъ сынъ или наследникъ покойника, или же ближайшіе родственники его, если сыновей нѣтъ; раввинъ читаетъ молитву за покойника, а потомъ всѣ утѣшаютъ роднаго или родныхъ его, и оттуда отправляются въ домъ покойника. Тамъ готовится обѣдъ или ужинъ (если поздно бываютъ похороны); раввины читаютъ тамъ молитвы, мишну, талмудъ и книгу Иова, въ честь души покойника. Цѣлый мѣсяцъ, а иногда цѣлый годъ, горитъ лампа съ масломъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ душа вышла изъ тѣла, по причинѣ вышеописанной; цѣлый мѣсяцъ читаютъ тамъ молитвы по три раза въ день и по цѣлымъ днямъ до глубокой ночи женщины-плакальщицы просиживаютъ тамъ и плачутъ; другія женщины деревни и дѣвушки приходятъ туда, также ежедневно, участвовать въ общемъ рыданіи. Обѣдъ и ужинъ обязаны кушать въ томъ-же домѣ, и сюда каждый хозяинъ приноситъ свои кушавья. Мужчины кушаютъ отдѣльно, въ комнатѣ покойника, а женщины тоже отдѣльно; такіе общіе обѣды и ужины продолжаются тоже цѣлый мѣсяцъ. По окончаніи-же мѣсяца, наследникъ покойника, или вдова, приготовляетъ обѣдъ и ужинъ для цѣлаго селенія; если они бѣдные, то общество помогаетъ имъ въ этомъ. Тогда опять раввины читаютъ молитвы, ради успокоенія души покойника и скорого вхожденія ея въ рай. Такія поминки возобновляютъ по окончаніи года, въ тотъ самый день,

May Day

Samuel's house at ...

въ который покойникъ умеръ; тогда дѣлаются еще разъ всеобщій обѣдъ и ужинъ для цѣлаго общества. Трауръ по усопшему исполняютъ по установленію религіи: разрываютъ верхній кусокъ платья подъ воротникомъ, возлѣ груди, и такъ ходятъ въ разорванномъ платьѣ цѣлый годъ. Въ Кубъ мнѣ рассказывали евреи, но я самъ не видѣлъ, что, втеченіи перваго года отъ смерти какого-нибудь молодаго храбраго человѣка, женщины не разъ берутъ его лошадь, надѣваютъ на нее сбрую, на коня садится верхомъ молодая женщина, ростомъ съ умершаго, причемъ она одѣта въ его костюмъ, съ его пистолетами, ивизаломъ и шапкою. Всѣ женщины и дѣвушки собираются и окружаютъ коня, начинаютъ при этомъ плакать, кричать и рыдать, бьютъ себя въ груди, зовутъ эту женщину его именемъ и оглашаютъ воздухъ воплями. Этимъ они себя воображаютъ, что покойникъ самъ сидитъ верхомъ на конѣ и одѣтъ какъ живой предъ ними. Представленіе такого рода доводитъ ихъ до экстаза. Вообще, женщины горскихъ евреевъ очень склонны къ плачу и ищутъ случая, для того чтобы было о чемъ поплакать. Такъ, когда я объѣзжалъ при-каспійскій край и Терскую область, я вездѣ встрѣчалъ женщинъ, оплакивающихъ покойниковъ. Онѣ говорятъ: «у насъ такой адатъ, — когда мы выплачемся, то на сердцѣ легче дѣлается». Помню, напр., что по прїѣздѣ моемъ въ сел. Явги-кентъ, лежащее недалеко отъ сел. Маджалиса, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, я услышалъ издали пѣніе женщинъ; съ тамошнимъ раввиномъ я отправился по тому направленію, откуда оно слышалось, и спросилъ раввина, что это за пѣніе? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это не пѣніе, а плачь женщинъ. И дѣйствительно, когда мы подошли поближе, то увидѣли, что почти всѣ женщины деревни сидятъ въ живописной группѣ и плачутъ съ такой странной мелодіей, что издали казалось будто онѣ пѣли; ихъ глаза уже опухли отъ рыданія и всѣ онѣ были избиты страшнымъ образомъ. Я спросилъ ихъ, давно-ли умеръ тотъ, котораго онѣ оплакиваютъ? Представьте мое удивленіе, когда я услышалъ, что уже 25 лѣтъ прошло послѣ смерти оплакиваемаго!

Кромѣ наклонности къ такому странному оплакиванію покойниковъ, я замѣтилъ еще, что горскія еврейки любятъ заводить между собою перебранки, доходяція до схватокъ. Во всѣхъ почти еврейскихъ деревняхъ въ горахъ, пришлось мнѣ видѣть ссоры и драки между прекраснымъ поломъ. Мужчины въ этомъ отношеніи гораздо скромнѣе. За какую-нибудь мелочь, еврейки

могут поссориться между собою, причемъ поднимаютъ крики и шумъ. Смѣшно смотреть, какъ онѣ бранятся, — одна противъ другой киваютъ тѣлами, махаютъ руками на все стороны и кричатъ на всѣхъ силъ, проклиная одна другую. Подобныя ссоры происходятъ и среди улицъ, и на крышахъ савлей; съ большимъ трудомъ мужчины разгоняютъ ссорящихся по домамъ. Но, упомянувъ объ этой слабой сторонѣ горскихъ евреекъ, я долженъ сказать, что онѣ вообще добросердечны. Онѣ душевно рады принять гостя, услужить и угодить ему. Онѣ вообще весьма трудолюбивы — занимаются хозяйствомъ, приготовленіемъ пищи, присмотромъ за домашнимъ скотомъ, рубкою дровъ, носятъ на себѣ въ кувшинахъ воду, — богатыя и бѣдныя, безъ различія; онѣ также занимаются шитьемъ одежды для всѣхъ членовъ семейства, какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Въ свободное отъ домашнего хозяйства время, онѣ ткуть разноцвѣтные шнуры для продажи, занимаются сушеніемъ табаку и другими разными работами. Между ними попадаются искусныя рукодѣльницы, которыя вышиваютъ кисеты для табаку и денегъ, бисеромъ, съ разными украшеніями, а также изготовляютъ различныя принадлежности женскихъ уборовъ. Кроме всего этого, женщины занимаются печеніемъ хлѣба. Печи для хлѣба устроены только у нѣкоторыхъ хозяекъ, для всей деревни; этими печами пользуются и остальные хозяйки. Большею частію пекутъ онѣ хлѣбъ только разъ въ недѣлю, подъ праздникъ, но иногда случается, что пекутъ и въ другіе дни недѣли, въ особенности, когда призываетъ въ нѣмъ гость. Печи эти устроены въ особой комнатѣ, или же на дворѣ, возлѣ дома. Это большія ямы, сдѣланныя въ землѣ и обмазанныя глиною и известью. Каждая хозяйка приноситъ туда хворостъ и одно-другое полѣно дровъ для топки, также приноситъ съ собою готовое тѣсто, изъ котораго дѣлаетъ чурекъ, пригѣпливая ихъ къ внутреннимъ стѣнамъ ямы, въ какомъ положеніи они и выпекаются. Возлѣ такихъ печей собирается много женщинъ, и каждая ожидаетъ своей очереди, а между тѣмъ, въ ожиданіи ея, рассказываютъ сказки, новости и разныя сплетни, болтаютъ безъ умолку, хохочутъ, шепчутся, повѣряя иногда другъ дружиѣ любовныя свои интрижки.

Между молодыми женщинами встрѣчаются франтихи, которыя красятъ себѣ волосы и брови. Встрѣчалъ я и такихъ, которыя разрисовываютъ себѣ лицо, возлѣ глазъ и на щекахъ: онѣ рисуютъ красками разныя фигуры, въ родѣ маленькихъ ша-

риговъ и кривыхъ линий, чернаго, краснаго и каштаховаго цвѣта, и въ такомъ видѣ онѣ весьма покои на дндарокъ. Заднюю косу онѣ постоянно носятъ въ длинномъ шелковомъ мѣшкѣ, похожемъ на рукавъ. Этотъ рукавъ на головѣ, пока покрывальнымъ платкомъ, виситъ сзади плечь, какъ хвостъ.

IV.

Свадьба у гарскихъ евреевъ. Одежды и наряды, мужскіе и женскіе. Обряды при рожденіи дѣтей мужскаго пола. О древнихъ именахъ мужскаго и женскаго пола. Богослуженіе и молитвенные дома.

Горскіе евреи совершаютъ брачныя союзы большею частію между своими родственниками, рѣже съ своими единовѣрцами изъ другихъ ауловъ. Дѣвушка 12-ти лѣтъ и далѣе уже выдается замужъ. Помолвка дѣлается у нихъ съ младенчества. Иногда два друга или родственника, когда у одного родился сынъ, а у другаго дочь, заключаютъ между собою нѣчто въ родѣ брачнаго условія, въ томъ, что дѣти ихъ уже считаются засватанными. Въ тотъ день они пируютъ. Когда дѣти вырастаютъ, то изъ дома невѣсты, или сама невѣста, посылаетъ каждую субботу жениху подарокъ, а женихъ въ свою очередь посылаетъ подарокъ невѣстѣ, также каждую субботу. Подарки состоятъ изъ различныхъ фруктовъ и субботнихъ кушаньевъ. Невѣста должна непременно попробовать кушаній, приготовляемыхъ въ домѣ жениха, а женихъ долженъ попробовать кушаній, приготовляемыхъ въ домѣ невѣсты. Сверхъ этихъ подарковъ, женихъ посылаетъ невѣстѣ часто и другіе подарки, какъ напр., что-нибудь изъ предметовъ одежды и разныя золотыя и серебряныя вещи для украшенія. Невѣста-же вышиваетъ жениху кисеты для табаку, арахины, т. е. ермолки, обдѣланныя въ азіатскомъ вкусѣ, съ галунами, бисеромъ и мишурными украшениями. Кто приноситъ невѣстѣ подарокъ жениху, тому даетъ женихъ подарокъ за труды. Женихъ завязываетъ монету въ платокъ, въ которомъ былъ не-

вѣстину подарокъ, и отсылаетъ это секретно къ невѣстѣ. Женихъ называется *арасъ* (халдейское слово, означаетъ «засватанный»); невѣста называется *аруба* (тоже слово халдейское, означаетъ «засватанная»). Втеченіи времени отъ обрученія до свадьбы, которое продолжается нѣсколько лѣтъ, невѣста, лишь только увидитъ своего жениха или кого-нибудь изъ его родственниковъ, должна сейчасъ-же пріесть на землю, закрыть лицо свое платкомъ, а женихъ, увидѣвши невѣсту или ея родныхъ, отъ стыда стѣсняется даже говорить. Втеченіи обаваннаго времени, когда случается посторонняя свадьба, на которую женихъ и его невѣста обое приглашены, то женихъ дѣлаетъ тамъ для своей невѣсты *шабашъ*. Шабашъ дѣлается такимъ образомъ: женихъ даетъ нѣсколько монетъ распорядителямъ танцами; эти распорядители берутъ сперва одну монету и объявляютъ громкимъ голосомъ слѣдующее: «Арасъ, филокесъ, биръ монать шабашъ айлади», т. е. женихъ такой-то далъ одну монету для танца и круженія. Всѣ молодые люди отвѣчаютъ затѣмъ громно: «гой шабашъ! гой шабашъ!» вотъ и танецъ! вотъ и танецъ! т. е. скоро и потанцуемъ! Потомъ опять распорядители танцами кричатъ: вотъ еще монета въ честь приглашенныхъ гостей, и молодежь опять отвѣчаетъ: гой шабашъ! гой шабашъ! Потомъ распорядители танцами еще разъ говорятъ: вотъ еще монета въ честь музыкантовъ (зурначей), а молодежь опять отвѣчаетъ: гой шабашъ! гой шабашъ! Послеъ этого распорядители опять говорятъ: еще монета въ честь всего общества, а молодежь отвѣчаетъ громко: гой шабашъ! гой шабашъ! Тогда зурначи начинаютъ играть, съ акомпаниментомъ барабановъ, невѣста танцуетъ, а распорядители танцами и молодые люди приглаютъ кругомъ невѣсты. За мѣсяць до бракосочетанія, приходитъ отецъ жениха съ двумя свидѣтелями въ домъ невѣсты, отдать отцу ея опредѣленную вышнюю сумму денегъ, которую согласился женихъ выплатить за невѣсту. Отецъ невѣсты дѣлаетъ за эту сумму своей дочери одежды и наряды; если-же онъ хочетъ, то беретъ эту сумму себѣ и требуетъ у жениха, чтобы онъ выплатилъ ему еще столько, сколько издержано на воспитаніе невѣсты, съ младенчества ея до свадьбы; иногда-же, сверхъ суммы жениха, онъ самъ еще прибавляетъ какую-либо сумму въ приданое своей дочери,—все зависитъ отъ доброй воли отца невѣсты. Въ старину былъ у нихъ адатъ, что женихъ долженъ былъ дать отцу невѣсты предъ свадь-

бой 1 корову, 12 рубль (18 пудовъ) пшеницы, 2 рубль (3 пуда) сарачинскаго пшека, 20 куриць, 3 аршина шелковой матеріи и 1 бѣлую простыню; въ настоящее время, онъ даетъ только 10 куриць, 1 рубль (1 $\frac{1}{2}$ пуда) сарачинскаго пшека, 3 аршина шелковой матеріи и 1 бѣлую простыню.—Брачное условіе, или свадебный контрактъ, заключаетъ равнять, въ присутствіи родителей жениха и невесты и при свидѣтеляхъ. Въ условіи говорится, что мужъ долженъ кормить и одѣвать жену, жить честно и хорошо съ нею, въ случай-же развода, когда того захочетъ мужъ, онъ обязанъ выплатить ей сумму, по обычаю (если онъ женился на дѣвушкѣ, то слѣдуетъ ей 35 руб. сер., если-же на вдовѣ или на разводной, то 15 руб., кромѣ того разводной остается та одежда, которую женихъ ей сдѣлалъ до брака); если-же причиною развода будетъ жена, то она должна возвратить мужу всю одежду, исправленную имъ ей на свадьбу, и родители ея должны выплатить ему всѣ расходы, издержанные имъ на свадьбу. Всѣ европейскіе евреи, по обычаю и установленію Европы, имѣютъ только по одной женѣ; но по закону Моисея не запрещается многоженство, а потому горскіе евреи, по закону и обычаю своихъ предковъ, а также по примѣру тѣхъ мусульманскихъ племенъ, между которыми они живутъ, имѣютъ и болѣе, чѣмъ по одной женѣ, но не болѣе трехъ.

За недѣлю до свадьбы, женихъ преготовляетъ кушанье для раздачи тѣмъ лицамъ, которыя находятся въ траурѣ по своимъ роднымъ, умершимъ въ томъ году; это дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы они дали ему позволеніе сдѣлать свадьбу въ ихъ траурное время, ибо безъ такого позволенія нѣтъ обычая играть свадьбу.

Въ началѣ этой недѣли, предъ свадьбой, невеста требуетъ къ себѣ двухъ дѣвушекъ изъ своихъ подругъ,—онѣ должны прислуживать ей, помогать шить ея свадебныя одежды и находиться при ней до бракосочетанія ея; онѣ получаютъ наименованіе *согдуши*, т. е. прислужаицы. Въ субботу вечеромъ, эти двѣ согдуши отправляются ко всѣмъ дѣвушкамъ по деревнѣ звать ихъ къ невестѣ, причѣмъ онѣ говорятъ: дѣвушка такая-то (ими ея и имя ея отца), приходите спать въ невестѣ (ими ея и имя отца ея): васъ просятъ.—Дѣвушки, собравшіяся къ невестѣ, должны оставаться у ней до выхода ея замужъ. Обыкновенно совершаютъ бракъ въ среду, вечеромъ, и очень рѣдко въ четвергъ и пятницу. Отъ воскресенья до среды, всѣ дѣвушки сидятъ у невесты по

дѣльмихъ днями; тамъ онѣ кушаютъ, поютъ и танцуютъ. Втеченіи этихъ трехъ дней, каждое утро и вечеръ, невѣста съ дѣвушками выходитъ на крышу своей савли и тамъ онѣ поютъ татарскія пѣсни. Когда кончаютъ пѣть на савлѣ, невѣста отправляется съ визитами къ тѣмъ родственникамъ своимъ, которыхъ она приглашаетъ на свадьбу. Она рассказываетъ въ сопровожденіи дѣвицъ по улицамъ деревни, съ пѣніемъ, игрою на барабанахъ и съ танцами, и заходитъ по домамъ приглашаемыхъ; тамъ принимаютъ ее весьма хорошо. Послѣ угощенія, приглашаемые даютъ невѣстѣ подарки, и она, съ своими дѣвицами, какъ прежде, съ музыкою, танцами и пѣніемъ, возвращается къ себѣ домой. Тамъ проводитъ время невѣста втеченіи послѣднихъ трехъ дней до свадьбы.

Теперь посмотримъ, что дѣлается у жениха. Втеченіи этой-же самой недѣли, къ жениху собираются женщины изъ его фамиліи, шить и готовить ему одежды къ свадьбѣ, за что онъ ихъ угощаетъ и даритъ имъ разные подарки, какъ напр. шелковые рубашки и платки. Въ четвергъ вечеромъ, къ жениху приходятъ два шафера, называемые *бирорами* (если-же одинъ изъ этихъ бироровъ есть братъ жениха, то онъ называется *думоромъ*). Эти два думора или бирора должны неотлучно находиться при женихѣ до субботы.—Въ пятницу, готовятъ кушанья для гостей, и вечеромъ, послѣ молитвы, отправляются оба шафера къ жителямъ деревни, приглашать ихъ къ жениху, и говорятъ тамъ молодымъ парнямъ, еще холостымъ, когда такіе находятся въ какомъ-либо домѣ: «Кто еще не былъ вѣнчанъ, да будетъ у него вѣнчанье такое-же,—къ жениху пожалуйте!» За это приглашеніе тамъ ихъ хорошо угощаютъ. Приглашенные собираются въ домъ жениха и пируютъ до глубокой ночи. Въ субботу, послѣ утренней молитвы, шафера приглашаютъ всѣхъ домохозяевъ еще разъ къ жениху на угощеніе. Въ старину былъ обычай, что въ субботу утромъ приходили къ жениху только одни старики, но теперь приходятъ всѣ мужчины, безъ исключенія; тамъ они веселятся до полудня. Въ поддень мужчины уходятъ, а вмѣсто нихъ являются женщины; онѣ поютъ и танцуютъ тамъ до вечера.

Въ воскресенье, отправляются молодые люди въ лѣсъ, набирать дровъ для топки и приготовленія свадебныхъ надобностей. Когда привозятъ эти дрова на своихъ ешакахъ, то женихъ приказываетъ платокъ каждому ешаку на голову,—подарокъ хозяйну ешана за труды.

Въ поведѣльникъ, вечеромъ, всѣ молодые люди, которые при-

везли дрова, собираются къ жениху, и тамъ они гуляютъ цѣлый вечеръ. Еще за день до этого, приходятъ музыканты (зурначи и барабанщики); женщины и дѣвушки встрѣчаютъ ихъ на улицѣ съ радостью: каждая женщина выноситъ имъ на встрѣчу посылку съ чурками, держа ее на головѣ. Когда музыканты входятъ во дворъ жениха, всѣ дѣвушки начинаютъ пѣть и плясать, а старухи бьютъ въ ладоши, подъ оглушительные звуки зурначей и барабанщиковъ. Такъ гуляютъ въ домѣ жениха до среды.

Во вторникъ, готовится въ домѣ невесты обѣдъ, состоящій изъ плова и куриць, взятыя у жениха, для всѣхъ жителей деревни; въ числѣ ихъ находятся отецъ и братья жениха, но самъ женихъ тамъ не бываетъ. По окончаніи обѣда, который продолжается до вечера, всѣ отправляются оттуда къ жениху; тамъ забираютъ всѣ одежды, наряды и подарки, которые женихъ приготовилъ своей невестѣ, и относятъ ихъ къ невестѣ, съ особымъ церемоніаломъ, который совершается такимъ образомъ: каждый мужчина беретъ изъ дома жениха факель, чтобы освѣщать улицы, а женщины берутъ большой круглый мѣдный подносъ, на который кладутъ двѣ килы (около двухъ гарнцевъ) сарачинскаго пшена и двухъ куръ, на нихъ-же кладутъ всѣ подарки жениха для невесты; этотъ подносъ поднимаетъ одна женщина и ставитъ его на свою голову; держащіе факелы идутъ впереди, а за ними слѣдуетъ эта женщина съ подносомъ; за ней другія женщины несутъ на головахъ своихъ подносы съ чурками; затѣмъ идутъ зурначи и барабанщики и играютъ; за музыкантами слѣдуетъ остальной народъ съ факелами, крича: ура! Старики и старухи танцуютъ, а дѣвушки поютъ всю дорогу, до прибытія къ дому невесты. Оттуда выходятъ имъ навстрѣчу, принимаютъ отъ нихъ факелы и ставятъ ихъ на дворѣ; музыканты играютъ, всѣ танцуютъ, а молодые люди, въ честь невесты, стрѣляютъ изъ своихъ ружей и кричатъ: ура! Изъ тѣхъ двухъ килъ пшена и двухъ куриць, которыя женихъ послалъ невестѣ, готовится закуска для согдушей и дѣвушекъ, находящихся неотлучно при невестѣ. Въ тотъ самый вечеръ, эти дѣвушки цѣлую ночь поютъ и увеселяютъ невесту и говорятъ ей: «*Ja шевла минмунъ дадай, ja дувла русмунъ дадай, . т. е., только этотъ вечеръ ты гостя у матери твоей, еще послѣднее веретенце осталось тебѣ выпрясть для матери твоей,—потому что завтра среда,—она послѣ свадьбы оставить домъ родныхъ и перейдетъ въ домъ мужа. Невѣста въ тотъ вечеръ одѣвается во всѣ лучшіе наряды свои, а сверху за-*

крывается шелковымъ платкомъ; дѣвушки поютъ и танцуютъ у ней до полуночи. Въ этотъ вечеръ также въ обычаѣ выкрашивать невѣсту и подругъ ея, т. е. ихъ руки и пальцы, красною краскою.

Въ среду, утромъ, отправляются шаера и музыканты ко всемъ хозяевамъ за полученіемъ отъ нихъ подарковъ, какъ напр., табаку, вина, платковъ и т. п. Потому они приходятъ къ молодымъ женщинамъ, которыя въ тотъ годъ вышли за-мужъ, и берутъ ихъ въ домъ жениха (потому что со дня ихъ свадьбы до этихъ поръ онѣ еще не выходили изъ дома, ибо почти полгода послѣ свадьбы онѣ стыдятся выходить на улицу). Когда эти молодницы приходятъ въ домъ жениха, въ то время двѣ женщины изъ того дома даютъ мимическое представленіе. Одна изъ нихъ одѣта какъ мужчина, вооружена съ ногъ до головы и держитъ палку въ рукѣ; лицо ея покрыто платкомъ, а на головѣ папахъ; другая одѣта какъ обыкновенная татарка; онѣ обѣ танцуютъ, прыгаютъ и целуются. Тутъ музыка начинаетъ играть и народъ окружаетъ ихъ. Женщина, которая одѣта по-мужски, разгоняетъ его палкою своею, но въ это время кто-нибудь изъ народа похищаетъ другую женщину, ея любовницу, и потомъ прячутъ ее гдѣ-нибудь; одѣтая по-мужски ищетъ ее и, не находя, начинаетъ сильно плакать, бьетъ себя въ голову и въ грудь и падаетъ на землю въ обморокъ. Въ то время является любовница и, увидѣвши ее лежащею въ обморокъ, подходитъ къ ней, разсматриваетъ ее осторожно, не дышетъ-ли она, плачетъ, рыдаетъ, бьетъ себя кулаками въ груди и голову, какъ-бы оплакивая своего любовника или мужа. Скоро мертвый поднимается съ земли, — она радуется, — обвиняетъ его и целуетъ; потомъ обѣ начинаютъ своими палками разгонять и бить народъ, отчего поднимается страшный и дикій смѣхъ; всѣ хохочутъ, бьютъ въ ладоши и кричатъ: ура!

Въ тотъ день (среду) женихъ и невѣста постятъ, т. е. они ничего не ѣдятъ и не пьютъ цѣлый день. Въ то время, когда женихъ брѣетъ свою голову, молодые люди выѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ, разгуливаютъ по деревнѣ и джигитуютъ. Когда женихъ окончитъ бритье головы, ему подаютъ лошадь; онъ садится на нее и вскачь пускается къ своимъ товарищамъ, и когда онъ подъѣзжаетъ къ нимъ, они всѣ встрѣчаютъ его съ большимъ радушіемъ, крича ему: «Ой атланъ, атланъ гювъ, Темиръ-ханъ атланъ гювъ!» т. е. ты, женихъ, ѣдешь на конѣ сво-

емъ, какъ Темиръ-ханъ ѣздилъ во время своего царствованія! Когда женихъ проѣзжаетъ мимо домовъ деревни, то всѣ женщины выбѣгаютъ изъ своихъ садей и бросаютъ муку на его плечи. Потомъ женихъ пускается вскачь впередъ, вся молодежь за нимъ вслѣдъ, прямо къ берегу рѣки, — тамъ женихъ купается, а молодые люди надѣваютъ на него вѣнчальные одежды, кладутъ ему на лобъ немного перегорѣвшаго пепла, въ знакъ траура по Иерусалиму, и поютъ всѣ вмѣстѣ плачевнымъ тономъ 137 псаломъ Давида: «На рѣкахъ Вавилонскихъ, мы сидѣли и плакали, вспоминая Сионъ» и пр. Въ то самое время, невеста должна также выкупаться или въ рѣкѣ, или въ одѣланной нарочно для такой цѣли у евреевъ купальнѣ, называемой *миква* *). Когда женихъ одѣнется, молодые люди занусываютъ тѣмъ, что они съ собою привезли; но женихъ не участвуетъ въ этой закускѣ, по причинѣ поста, какъ я выше сказалъ. Когда они всѣ готовы возвратиться, женихъ говоритъ имъ: «Кто желаетъ изъ васъ поскакать и прилетѣть поскорѣе къ невестѣ, извѣстять ее, что я уже совсемъ готовъ?» Два или три изъ нихъ пускаются какъ стрѣлы, и кто скорѣе успѣетъ прискакать къ невестѣ и передать ей это извѣстie, тотъ получаетъ отъ нея шелковый платокъ; этотъ платокъ привязываютъ на шею коня, а на лбу его разбиваютъ яйцо, чтобы коню не повредилъ дурной глазъ. Второй и третій, прискакавшie послѣ, получаютъ по одной курицы и по кувшинчику вина. Когда женихъ самъ вѣзжается въ селеніе, съ своими проводниками, то всѣ жители деревни выходятъ къ нему на встрѣчу съ виномъ и шашлыками, угощаютъ ими его проводниковъ и пьютъ за здоровье жениха, цапаю его въ голову, а остальное раздаютъ бѣднымъ семействамъ. Тутъ женщины, изъ фамиліи жениха, подходятъ къ нему, неся на головахъ своихъ подносы, на которыхъ лежатъ чуреки, а въ чуреки вставлены восковыя тоненькія свѣчи, нѣкоторыя-же держатъ еще свѣчи въ рукахъ. Между этими женщинами стоитъ *сига*, т. е. сестра жениха или одна изъ ближайшихъ его родственницъ; ея обязанность стоять возлѣ жениха со свѣчкой въ рукѣ и пѣть до вечера: «ой атланъ, атланъ гювъ, Темиръ-ханъ атланъ гювъ!» Всѣ женщины танцуютъ въ присутствіи жениха. Тогда развинъ, съ своими учениками, подходитъ къ нему и поетъ слѣдующую пѣсню: **)

*) Древне-еврейское слово и означаетъ: собраніе воды въ одномъ мѣстѣ.

**) Переводъ съ древне-еврейскаго стихотворенія.

Израильтине, вѣйте въ честь жениха гвѣию,—женихъ радуется своею невѣстою, невѣста радуется своимъ женихомъ. Аллилуя! Аллилуя!

Женихъ сіяетъ, какъ утренняя звѣзда, и невѣста прекрасна, какъ царица, — да будутъ они оба сіять утромъ и вечеромъ, постоянно, въ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

Божеское благорасположеніе да будетъ къ намъ во время жениха и невѣсты, — да будетъ радость и веселье въ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

Избавитель отъ всѣхъ бѣдъ да прибѣдетъ во время жениха и невѣсты, окажетъ подвиги, какъ Іонаанъ,—и доживемъ мы до пира левіаана *) въ храмѣ іерусалимскомъ.

Израильтине, и пр.

Женихъ и невѣста, какъ звѣзды, блестятъ,—да будутъ благословенны они Богомъ Израила!

Израильтине, и пр.

Женихъ въ кругу своемъ какъ царь,—бесѣда его усладительна. И невѣста его—какъ Сара, дорогая мать израильскаго народа.

Израильтине, и пр.

Всѣ дѣла его добры и справедливы, да спасетъ его Богъ отъ всѣхъ бѣдъ! И невѣста его, какъ Ревекка, да заслужитъ славу въ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

Да проживетъ женихъ долго и невѣста да будетъ благословенна до тѣхъ поръ, пока вспомнитъ Царь Небесный о бѣдномъ разсѣянномъ израильскомъ народѣ.

Израильтине, и пр.

*) По вѣрованію простаго народа изъ евреевъ, во время прішествія Мессіи, Богъ сдѣлаетъ большой пиръ для праведниковъ; на этомъ пирѣ будетъ большое блюдо изъ кита, называемаго евреями левіаанъ. Простой народъ полагасть, что левіаанъ занимаетъ свою величіюю весь океанъ и что его мяса достаточно будетъ для всѣхъ праведниковъ міра.

Женихъ очень милостивъ, душа его весьма добра, и невеста его, какъ Дин, да оставитъ по себѣ имя въ израильскомъ народѣ.

Израильтяне, и пр.

Да будетъ онъ счастливъ, ибо его грѣхи сегодня Богомъ прощены *), и невеста его да будетъ какъ Рахиль, жена Иакова, отца и патріарха израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Да снабдитъ его Господь всѣмъ добромъ и да отмститъ его врагамъ, а невеста его да будетъ какъ Йохеведъ, мать Моисея, пророка и законодателя израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Женихъ вѣнчанъ, какъ царь, и одѣтъ въ лѣпоту,—да будетъ онъ сіять, какъ звѣзда, въ израильскомъ народѣ.

Израильтяне, и пр.

Во время его да распространится ученіе, какъ свѣтлые лучи солнца, и невеста его да будетъ какъ Дебора, вѣрная правительница израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Невесту онъ выбралъ благочестивую: она хороша, какъ Милка, мать Беоуила.

Израильтяне, и пр.

Женихъ сіяетъ, какъ луна,—да будетъ онъ жить сто лѣтъ, и его невеста да будетъ какъ Анна, мать пророка Самуила.

Израильтяне, и пр.

Помоги намъ, Боже, чтобы мы во время жениха увидѣли возобновеніе нашего храма на святой горѣ Моріа, и невеста его да будетъ какъ Авигайль, мать пророка Данила.

Израильтяне, и пр.

*) По вѣрованію евреевъ, въ день бракосочетанія подъ балдахиномъ, прощаются Богомъ жениху всѣ грѣхи, какіе онъ сдѣлалъ съ 13-го года до свадьбы, ибо за грѣхи отъ рожденія до 13-го года отвѣтствуютъ родители.

Женихъ нашъ весель, Богъ простиъ ему грѣхи, и невѣ-
ста—какъ Эсенра, дочь Амгаламъ, спасаемаго израильскій народъ.

Израильтяне, и пр.

Помогите пѣть въ честь жениха и невѣсты, кои обде чисты
отъ грѣховъ, сияють и блестятъ въ израильскомъ народѣ.

Израильтяне, и пр.

Пой и ты, женихъ, вмѣстѣ съ твоею невѣстою; радость
ваша теперь велика; обрадуйте также и увеселите израильскій
народъ.

Израильтяне, и пр.

Женихъ высокъ, какъ кедръ ливанскій: да поможетъ ему
Богъ Всемилостивый съ нами вмѣстѣ повеселиться въ храмѣ
иерусалимскомъ.

Израильтяне, и пр.

Повеселите всѣ нашего жениха и его невѣсту,—да процвѣ-
тутъ они, какъ розы и цвѣты душистые, и да доживемъ воѣ уви-
дѣть святыи градъ Иерусалимъ — мѣстопробываніе вѣкогда Іе-
гови, Бога израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Благослови ихъ, Боже, съ высоты Твоей, и да будутъ дѣти
ихъ и внуки людьми благочестивыми, добрыми, честными и богобояз-
ливыми въ средѣ израильскаго народа.

Израильтяне, и пр.

Раввинъ кончаетъ эту пѣсню и провожаетъ, съ своими уче-
никами, жениха домой; тамъ предъ женихомъ танцуютъ старши
и старухи,—и этотъ обычай у нихъ весьма древній. Въ то время
раввинъ, отецъ жениха, его остальные сыновья, старшина съ
депутатами отъ общества, всѣ отправляются къ невѣстѣ, повѣ-
рять по счету весь гардеробъ ея, вещи, посуду, постель, а так-
же деньги и вообще все приданое ея. Когда окончатъ оцѣн-
ку и повѣрку (эта оцѣнка необходима для внесенія ея въ усло-
віе, на случай развода), всѣ они возвращаются къ жениху и ве-
дутъ его съ собою къ тѣмъ лицамъ, которые носятъ трауръ въ
томъ году по умершимъ своимъ родственникамъ. Женихъ дол-
женъ [еще разъ просить у нихъ извиненія и разрѣшенія на

свадьбу. Дѣло комитное, — его хорошо и ласково принимаютъ, дарятъ ему еще подарки, а онъ, цалуя руки у хозяевъ, уходитъ съ своими провожатыми домой, откуда ведутъ его уже въ домъ не-вѣсты. Тамъ для него готово особое мѣсто; возлѣ него садится вся молодежь и почетные старики. Въ то время входитъ мать не-вѣсты. По обычаю, она должна подойти къ жениху, держа въ рукахъ новую папаху, серебряный поясъ и красный шелковый платокъ. Женихъ тотчасъ встаетъ съ мѣста, сложивъ руки на крестъ на груди, наклоняетъ голову и стоитъ предъ нею, какъ подчиненный, цалуетъ руки ея и хочетъ упасть на колѣни, но она не допускаетъ его до этого. Она надѣваетъ папаху на его голову, опоясываетъ его серебрянымъ поясомъ и навѣшиваетъ на поясъ красный шелковый платокъ, цалуетъ его въ голову и затѣмъ танцуетъ съ нимъ немного. Въ эту минуту молодежь кричитъ: гой шабашъ! гой шабашъ! Мать не-вѣсты уходитъ, а старики и старухи, изъ фамиліи не-вѣсты, начинаютъ танцовать предъ женихомъ, по обряду своихъ предковъ; послѣ танца они цалуютъ его въ голову и дарятъ ему подарки. Въ то время не-вѣста сидитъ въ особой комнатѣ, окруженная своими согдушами и дѣвками, которыя поютъ различныя пѣсни, бьютъ въ ладоши и въ барабаны. Между тѣмъ, на дворѣ готовъ уже балдахинъ, который составленъ изъ четырехъ длинныхъ палокъ, накрытыхъ большимъ шелковымъ платкомъ; молодые люди держатъ эти палки, а другіе окружаютъ балдахинъ, держа въ рукахъ зажженные нефтяныя факелы; женщины же держатъ въ рукахъ восковыя свѣчи.

Подъ этотъ балдахинъ подводятъ жениха; отецъ его съ раввиномъ заходятъ также къ жениху подъ балдахинъ, и всѣ ожидаютъ не-вѣсты. Тогда братъ не-вѣсты отправляется и зоветъ ее къ вѣнчанію, а согдуши берутъ и ведутъ ее къ балдахину. — Такъ бываетъ въ такомъ случаѣ, когда вѣнчаніе происходитъ на дворѣ не-вѣсты. Когда же вѣнчаніе бываетъ на дворѣ синагоги, то, въ такомъ случаѣ, не-вѣста должна ѣхать туда верхомъ, на хорошемъ конѣ, братъ же ея долженъ вести этого коня; согдуши ея должны провожать ее, также верхомъ на лошадяхъ, и держать зажженные свѣчи въ рукахъ. Когда не-вѣста подойдетъ подъ балдахинъ, въ сопровожденіи своихъ согдушъ, тогда отецъ и братья ея также подходятъ подъ балдахинъ. Раввинъ исполняетъ всѣ обряды вѣнчанія точно такъ же, какъ и у европейскихъ евреевъ, т. е. по религиознымъ установленіямъ талмудистовъ; разница только въ томъ, что у европейскихъ евреевъ не-вѣста обходитъ

крутомъ жениха семь разъ, а у горскихъ евреевъ такого обычая не существуетъ. Когда раввинъ прочтетъ всѣ молитвы и брачныя условія, тогда вся публика кричитъ громкимъ голосомъ: ура! Согдуши выводятъ невѣсту изъ-подъ балдахина, братъ ея подсаживаетъ ее на коня, и въ это время всѣ молодые люди начинаютъ стрѣлять, одинъ за другимъ, въ честь новобрачныхъ. Сестра невѣсты, называемая енгой, должна ѣхать также верхомъ, на другомъ конѣ, позади невѣсты, и держать свѣчку въ рукѣ. Если-же у невѣсты сестры нѣтъ, то должна другая дѣвушка, изъ ближайшихъ ея родственницъ, исполнить обязанность енги. Братъ ведетъ коня, на которомъ сидитъ невѣста, и всѣ дѣвушки провожаютъ ее пѣшкомъ, до самаго дома жениха. Когда невѣста отправляется, женихъ еще остается подъ балдахиномъ, и раввинъ съ учениками поютъ тогда слѣдующую пѣсню *):

Адамъ въ нарядѣ обвинчался съ Евою,—онъ знаменитъ между мужами, она знаменита между женами **).

Ной въ нарядѣ обвинчался съ Наамюю.

Авраамъ въ нарядѣ обвинчался съ Сарою.

Исаакъ въ нарядѣ обвинчался съ Ревеккою.

Иаковъ въ нарядѣ обвинчался съ Лиею и Рахилью.

Иосифъ въ нарядѣ обвинчался съ Оsnатою.

Моисей въ нарядѣ обвинчался съ Цеперою.

Ааронъ въ нарядѣ обвинчался съ Элисевою.

Давидъ въ нарядѣ царскомъ обвинчался съ Батшевою.

Соломонъ въ нарядѣ царскомъ обвинчался съ Наамюю.

*) Переводъ съ древне-еврейскаго.

***) Последнія слова повторяются послѣ каждаго куплета.

Женихъ (имя его и имя его отца) въ нарядѣ обвиняется съ невѣстою (имя ея и имя ея отца),—онъ знаменитъ между мужа-ми и она знаменита между женами.

По окончаніи этой пѣсни, равнинъ съ учениками провожаютъ жениха домой. По дорогѣ новобрачной въ домъ мужа, всѣ женщины выбѣгаютъ изъ домовъ своихъ и бросаютъ на нее сарачинское пшено, въ пожеланіе ей плодородія, т. е., чтобы она родила много дѣтей. Такимъ-же образомъ встрѣчаютъ ее и всѣ женщины, находящіяся въ домѣ новобрачнаго, осыпая ее сарачинскимъ пшеномъ. При входѣ въ домъ, она должна перешагнуть черезъ кусокъ желѣза, положенный при самыхъ дверяхъ,—это дѣлается въ залогъ ея здоровья и счастья. Тутъ-же подносятъ ей два стакана, одинъ съ медомъ, а другой съ масломъ; невѣста кладетъ свою правую руку въ масло, а лѣвую въ медъ, и должна помазать немного надъверный косякъ обѣими руками,—это дѣлается въ знакъ благополучной и роскошной жизни. При входѣ въ домъ, братъ невѣсты, который велъ коня ея, дѣлаетъ въ честь ея шабашъ, т. е. онъ танцуетъ съ нею лезгинку, а молодые люди стрѣляютъ и кричатъ: ура!, прислуга подноситъ народу вино, и всѣ пьютъ за здоровье невѣсты. Невѣсту отводятъ въ особую комнату; возлѣ нея должна сидѣть енга, съ двумя согдушами. Изъ каждаго дома приносятъ на свадьбу по 3 чурека, съ яичами и мясомъ; возлѣ дверей стоитъ человекъ, который все это принимаетъ отъ приносящихъ. Вечеромъ, собираются жители на свадьбу; женихъ садится и возлѣ него разстилаютъ большой шелковой платокъ, на который кладутся подарки, деньги или различные серебряныя и золотыя вещи, отъ лицъ, подходящихъ къ жениху съ поздравленіемъ; возлѣ платка стоитъ человекъ, который провозглашаетъ, кто именно и сколько даетъ, причемъ онъ говоритъ: гой шабашъ! такой-то сегодня принесъ въ честь сына, дочери или брата пять рублей. Въ это время подходитъ мать жениха, съ его родственниками; она держитъ тарелку, на которой лежитъ три чурека, окрашенныхъ разными красками; въ каждый изъ этихъ чурековъ вставлено по три тоненькія восковыя зажженные свѣчи, а возлѣ свѣчей лежатъ три яйца и три яблока; въ яблоки воткнуты монеты. Мать подаетъ это сыну, а глашатай объявляетъ, сколько денегъ дастъ мать и сколько родственники. Такіе-же подарки собираются и невѣстою отъ женщинъ. Когда всѣ подарки собраны, же-

нихъ принимаетъ ихъ по счету, при свидѣтеляхъ, и потомъ всѣ садятся ужинать. / Послѣ ужина, кому угодно, тотъ уходитъ домой, а остальные мужчины и женщины танцуютъ лезгинку, при звукахъ зурны и барабана, до самаго разсвѣта. Когда наступаетъ полночь, согдуши и енга выходятъ изъ комнаты невѣсты, а шафера вводятъ къ ней жениха. По окончаніи брачнаго акта, женихъ немедленно выходитъ оттуда, и въ ту-же минуту входятъ туда опять согдуши съ енгою; молодой мужъ отправляется въ особую комнату, и въ это время шафера его стрѣляютъ изъ своихъ ружей, чѣмъ даютъ знать, что дѣло окончено благополучно. Молодая жена его не слѣзаетъ съ постели 7 дней; енга со согдушами прислуживаютъ ей втеченіи этого времени; каждый день приходятъ къ молодой женѣ всѣ ея подруги — веселить и утѣшать ее. Въ субботу и въ слѣдующую среду послѣ семи дней свадьбы, собираются къ молодому мужу всѣ молодые люди, а къ новобрачной—всѣ дѣвушки, и пируютъ у нихъ—поютъ и танцуютъ въ послѣдній разъ: молодой четѣ дается тогда свобода и право заниматься съ того дня своими дѣлами.

Горскіе евреи, мужчины и женщины, одѣваются въ тѣ-же костюмы, какіе носятъ племена, между которыми они живутъ.

Лучшіе наряды женщинъ постоянно заперты въ сундукахъ, и онѣ ходятъ одѣтыми весьма просто и бѣдно, другія даже въ лохмотьяхъ; но въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. на свадьбы и въ годовые праздники, онѣ наряжаются довольно щеголевато.

Мнѣ пришлось видѣть обряды, какіе бываютъ у нихъ при рожденіи дѣтей. Въ селеніи Мамрашъ, въ Кюринскомъ округѣ, хозяйка, у которой я стоялъ на квартирѣ, родила сына. Рожала она, лежа на землѣ, въ особой комнатѣ; постелью ей служила солома. Когда дали знать хозяину, что жена его родила, онъ пришелъ и первымъ дѣломъ его было заячь свѣчи и прибить къ стѣнамъ бумажки, на которыхъ написаны имена различныхъ ангеловъ, предохраняющихъ новорожденнаго отъ злыхъ духовъ и недобрыхъ приключеній; постороннимъ былъ запрещенъ входъ къ родильницѣ. Черезъ нѣсколько дней, стали посѣщать ее деревенскія женщины. На 8-й день отъ рожденія, дитя было обрѣзано по установленію закона Моисея. Рѣзникъ, занимающій должность раввина, сдѣлалъ эту операцію весьма искусно, да и вообще

горцы мастера заживляют раны, въ особенности-же евреи: они имѣютъ такой порошокъ, который насыпаютъ на рану, и она очень скоро заживаетъ. Церемоніаль обрѣзанія бываетъ или въ синагогѣ, или въ домѣ родильницы. Въ укр. Грозномъ, я присутствовалъ также при обрѣзаніи. Церемоніаль былъ на дворѣ родильницы и въ самое холодное время декабря мѣсяца 1868 года; общество собралось тамъ на дворѣ, и не смотря на большой морозъ, рѣзникъ, тамошній раввинъ, совершилъ операцію весьма хорошо. Послѣ обрѣзанія, устроили длинные столы на дворѣ; на столахъ поставили кувшины съ виномъ и водкою, вареныхъ и жареныхъ куръ и гусей, которыхъ они, безъ помощи ножей и вилочекъ, разрывали пальцами на куски и ѣли безъ хлѣба, стоя по колѣни въ снѣгу.

Есть у нихъ еще обычай, что если родильница сильно страдаетъ при родахъ, то берутъ на кладбищѣ землю отъ могилы кого-либо, умершаго втеченіи 40 дней до времени ея родовъ, кладутъ эту землю въ стаканъ съ водою и даютъ родильницѣ выпить эту воду, съ вѣрою, что это будетъ полезно для родовъ и плодородія вообще; если-же такое средство не помогаетъ, то выкапываютъ изъ глубины той-же самой могилы еще разъ землю, кладутъ ее, также какъ и прежде, въ воду и даютъ ее выпить. Все это дѣлается безъ позволенія раввина, ибо раввины строго запрещаютъ такой способъ леченія.

Они даютъ своимъ дѣтямъ имена самыя древне-еврейскія, которыя теперь не въ употребленіи у европейскихъ евреевъ. Это доказываетъ, что они должны быть потомки тѣхъ евреевъ, которые взяты были въ плѣнъ Салманасаромъ ассирійскимъ, еще во времена перваго существованія храма іерусалимскаго, ибо употребляемыя у нихъ имена, мужескія и женскія, употреблялись еще во время странствованія евреевъ въ Аравійской пустыни и во время судей и царей израильскихъ. Привожу здѣсь нѣкоторыя изъ такихъ именъ, для примѣра. *Имена мужескія:* Мамре, Гамлилъ, Аминодавъ, Нахшовъ, Эльдодъ и др., принадлежащія ко времени странствованія евреевъ въ пустыни; Элькона, Оснілъ, Устахъ и Монеахъ, принадлежащія ко времени судей; Авнеръ, Беноіогу, Іоавъ, Цезаня и много другихъ, принадлежащихъ ко времени израильскаго царства, при первомъ храмѣ. *Женскія имена:* Авигаилъ, Авишагъ, Оснатъ, Билга, Махласъ, Серахъ, Пенина, Керенгапухъ, Шунамитъ, Іоэлъ, Темима, Иска и пр., не существующія вовсе теперь у европейскихъ евреевъ. Молитвы у

85

горскихъ евреевъ тѣ-же самыя, какъ у европейскихъ евреевъ-гамудистовъ, большею частію по ритусу знаменитаго раввина Х. Г. Азуловъ. Молитвы они совершаютъ: утреннюю, когда солнце восходитъ, и вечернія—при заходженіи солнца и при явленіи звѣздъ на небѣ.

Синагоги у горскихъ евреевъ устроены вездѣ по одному плану, въ татарскомъ вкусѣ, и всё походитъ на мусульманскія мечети. Женщины не посѣщаютъ синагогъ, а во время молитвы въкоторыя приходятъ и становятся подъ окошками синагоги, до окончанія богослуженія. Большею частію читаетъ только раввинъ; всё-же остальные стоятъ или сидятъ молча и слушаютъ моленія раввина. Раввинъ, во время молитвы, стоитъ лицомъ къ западу, противъ храма Соломонова въ Иерусалимѣ.

V.

Статистическія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, горскіе евреи населяютъ въ прикаспійскомъ краѣ и Терской области слѣдующія мѣста:

ВЪ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ:		Число мамовъ.	Число раввиновъ.	Число синагогъ.	Число училищъ.
<i>Въ Сѣверномъ Дагестанѣ:</i>					
Въ сел.	Тарки.....	50	1	1	1
—	Буйнаки.....	15	1	1	1
—	Карабудах-кентъ.....	18	1	1	1
—	Дургеи.....	25	1	1	1
—	Б. Дженгутай.....	6	—	—	—
— г.	Т.-Х.-Шуръ.....	35	2	1	2
— уар.	Чиръ-Юргъ.....	10	—	—	—

		Число домовъ.	Число равинногъ.	Число синегогъ.	Число училицъ.
<i>Въ Южномъ Дагестанѣ:</i>					
Въ загорной части г. Дербента.	Въ г. Дербентъ.....	200	1	2	7
	— с. Хошманзыль.....	21	1	1	1
	— Аглаби.....	6	—	—	—
	— Нюнди-Мюшкуръ..	68	1	1	2
	Въ с. Рувель.....	30	—	1	—
Въ Кайтаго-Та- басаранскомъ округѣ.	— Мугатырь.....	29	1	1	1
	— Марага.....	16	1	1	1
	— Хели-Шенжди....	18	1	1	1
	— Гемейды.....	22	1	1	1
	— Маджалисъ.....	100	1	1	2
Въ Кюрин- скомъ округѣ.	— Янги-кентъ.....	116	2	2	2
	Въ с. Мамрачь.....	82	1	1	1
	— Ханджалъ-Кала..	30	1	1	1
	— Арагъ.....	87	1	1	2
	— Барчагъ.....	25	1	1	1
	— Имамъ-Кули-кентъ	11	—	—	—
	— Джерахъ.....	20	1	1	1
Итого.....		1040	21	22	30
<p><i>Примѣч.</i> Во всей Дагестанской области евреи живутъ только въ Северномъ и Южномъ Дагестанѣ, въ 24 мѣстахъ; въ Западномъ и Среднемъ евреевъ нѣтъ.</p>					

ВЪ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ:				
<i>Въ Кумикскомъ округѣ:</i>				
	Число сельн. дворовъ.	Число равнинн. дворовъ.	Число синагогъ.	Число учащнцъ.
Въ укр. Хасагъ-Юртъ.....	40	2	2	2
— сел. Андреевомъ.....	23	1	1	1
— — Бостекъ.....	37	1	1	1
— — Кази-Юртъ.....	1	—	—	—
— — Аксай, или Ташкичу.....	81	2	1	2
<i>Въ Чеченскомъ округѣ:</i>				
Въ укр. Грозномъ.....	197	2	2	2
<i>Въ Кабардинскомъ округѣ:</i>				
Въ укр. Налчикъ.....	74	1	1	1
<hr/>				
Всего.....	453	9	8	9
<i>Примѣч. Во всей Терской области живуть евреи только въ 7 мѣстахъ.</i>				
ВЪ БАКИНСКОЙ ГУБЕРНИИ:				
Въ г. Кубъ.....	952	10	10	20
— Шемахинскомъ уездѣ—въ сел. Мюджи.	145	3	1	2
ВЪ ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ:				
Въ Нухинскомъ уездѣ—въ с. Варташияъ.	190	5	2	5
<hr/>				
Всего.....	1287	18	13	27
<hr/>				
Всего во всей Дагестанской и Тер- ской областяхъ, въ Бакинской и Елисавет- польской губерніяхъ.....	2780	48	43	66

Горскіе евреи занимаются преимущественно торговлею. Но многие изъ нихъ выдѣлываютъ также сафьянъ, закупаются мареноводствомъ, разведеніемъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ; для которыхъ потребное количество земли арендуютъ у землевладельцевъ, на разныхъ условіяхъ, или приобретаютъ покупкою, занимаются еще винодѣліемъ и разведеніемъ простаго сорта табаку. Жизненные припасы они приобретаютъ у туземцевъ или у русскихъ, на деньги, или вышнвиваютъ на мелкіе товары.

Иуда Черный.

Теленъ.
1869 г.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ СОСЛОВІЯ КА- БАРДИНСКАГО ОКРУГА *).

Собственно въ Большой и Малой Кабардахъ существуютъ слѣдующія сословія: *воркъ* (благородный) и *пшитль* (неблагородный). Къ первому сословію относятся: *пши*, видъ его—*тума*, *тлакотлешъ*, *джинуго*, *беслень-воркъ* и *воркъ-шаотлаха*-*са*; ко второму: *пшекеу*, *азеть*, *логанпуть*, *огъ* и *унауть*.

Въ горскихъ обществахъ, присоединенныхъ къ управленію Кабардинскаго округа, высшее сословіе называется *тауби*, а низшія: *каракиши*, *чагаръ* и *казахъ*.

Сословіе *пши* съ давниго времени во всѣхъ сношеніяхъ нашего правительства съ кабардинскимъ племенемъ именуется князьями (горскими).

Сословіе это по дѣйствительно благородному своему происхожденію стоитъ въ главѣ кабардинскаго народа, и въ древности воля князя составляла въ Кабардѣ законъ. Съ умноженіемъ-же числа князей и съ постепеннымъ распространеніемъ въ обѣихъ Кабардахъ магометанскаго исповѣданія, власть князей начала раздѣляться: первоначально, въ управленіи Кабардою принялъ

*) Настоящая статья представляетъ отрывокъ изъ трудовъ Комисіи по разбору личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Терской области. Комисіи заявила свою дѣятельность, между прочимъ, составленіемъ особыхъ записокъ о привилегированныхъ сословіяхъ туземцевъ всѣхъ округовъ этой области. Записка о кабардинскихъ сословіяхъ редактирована членомъ Комисіи, г. Масловскимъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой запискѣ, заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: Грузинскихъ лѣтописей; Общаго Свода Законовъ Россійской Имперіи; сочиненія Дебу (о Кавказской линіи и присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ); Дюбуа де-Монпере (Путешествіе по Кавказу); описанія Кабарды Шоры-Ногмова, записки Якуба Шарданова, приложенной къ прокламаціи генерала Ермолова кабардинскому народу, и, наконецъ, собственныхъ розысканій Комисіи.

участіе народъ, посредствомъ выборныхъ изъ среды себя представителей, а затѣмъ—и духовенство.

Въ послѣднее время независимаго существованія Кабардѣ главными факторами дѣйствовавшей въ нихъ власти были: валиі и мехкее. Должность валия принадлежала старшему по лѣтамъ кабардинскому князю, который, съ помощью наиболѣе именитаго тлакотлеша, по своей должности называемаго кодъзъ, управлялъ внутренними и вѣшними дѣлами своей родины. Мехкее-же, составленное изъ духовенства и почетныхъ ворковъ, съ участіемъ валия и кодъза, чинило судъ и расправу, а также, согласіемъ своимъ, узаконяло постановленія валия касательно введенія новыхъ и отиѣны старыхъ обычаевъ.

По понятіямъ кабардинцевъ, князья ихъ были, да и теперь еще считаются, естественными и прямыми покровителями народа; вслѣдствіе этого, съ весьма давняго времени вся Большая Кабарда раздѣлена на четыре части, между четырьмя княжескими фамиліями: Кайтукина, Бекъ-Мурзина, Мисостова и Атажукина, а Малая Кабарда, иначе называемая Гелистаномъ, по имени родоначальника мало-кабардинскихъ князей,—на двѣ: Мударова и Таусултанова.

Такое раздѣленіе Кабардѣ существуетъ и въ настоящее время, хотя и не имѣетъ первоначальнаго своего характера.

Званіе князя столь было священно для кабардинцевъ, что всякій изъ нихъ для защиты своего владѣльца обязанъ былъ жертвовать не только своимъ имуществомъ, но и самою жизнію. Состояніе подданства, въ которомъ находился кабардинскій народъ въ отношеніи своихъ князей, отчасти существовало и до послѣдняго времени, т. е. до освобожденія въ Кабардѣ зависимыхъ, которыхъ они называли своими подвластными. Еще не такъ давно кабардинскій князь отъ подвластнаго ему кабардинца (исключая тлакотлеша и джинуго) могъ требовать и присвоить себѣ все его состояніе, въ томъ числѣ дочь и даже жену; не властенъ былъ только надъ его жизнію.

Въ случаѣ убійства князя бесленъ-воркомъ или воркъ-шаутлахусою, убійца и ближайшіе взрослые его родственники мужскаго пола, по кабардинскому обычаю, лишались жизни, а остальное семейство отдавалось въ рабство наслѣдникамъ убитаго князя, домъ-же и имущество убійцы подвергались разграбленію.

Въ случаѣ-же убійства князя тлакотлешемъ или джинуго,

эти послѣдніе присуждались только къ уплатѣ за кровь, конечно — весьма значительной суммы. Впрочемъ, сколько известно, подобнаго рода убійствъ въ Кабардѣ еще не было *).

Вообще положеніе кабардинскаго князя до того было высоко поставлено, что всякое малѣйшее оскорбленіе его личности, напр. воровство лошади изъ его табуна, неминуемо влекло за собою тяжелое возмездіе. Изъ такого порядка вещей и вслѣдствіе чрезвычайно развитаго въ Кабардѣ конокрадства **), между кабардинцами существуетъ обыкновеніе отдавать своихъ лошадей въ княжескіе табуны, для того именно, чтобы, прикрывшись именемъ князя, сохранить ихъ въ цѣлости.

Знаки наружнаго уваженія, оказываемыя кабардинцами своимъ князьямъ по народному этикету (адиге-хабзе), отлично выясняютъ ту высоту, на которой находятся они среди своего народа.

Такимъ образомъ, если князь находится въ обществѣ, состоящемъ изъ лицъ не равныхъ ему по происхожденію, то первое мѣсто въ этомъ обществѣ принадлежитъ князю.

Находясь внѣ своего дома, князья должны быть постоянно окружены своими приближенными, которые, составляя почетную ихъ свиту, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ имъ разнаго рода услуги, какъ-то: подводятъ и принимаютъ лошадей, подаютъ и принимаютъ оружіе, за сѣдломъ своимъ возятъ княжескую бурку и всякій другой багажъ, если такой случится; въ случаѣ нужды изготовляютъ ему въ полѣ обѣдъ и т. п.

Окружающіе князя, при слѣдованіи сего послѣдняго верхомъ или пѣшкомъ, размѣщаются слѣдующимъ образомъ: почетвѣйшій воркъ — съ лѣвой стороны князя, другой воркъ, по лѣтамъ или знанію своему слѣдующій за первымъ, — съ правой стороны его; остальные размѣщаются свади и по сторонамъ, по своему усмотрѣнію.

Всякій верховой кабардинецъ, при встрѣчѣ съ княземъ въ полѣ, обязанъ вернуться назадъ и провожать его до тѣхъ поръ,

*) Потомки старшаго сына Инала-Шеченуха истреблены не узденями, а кабардинскими князьями, происходящими отъ младшихъ сыновей Инала (Иналъ считается родоначальникомъ кабардинскихъ князей).

***) Нужно замѣтить, что конокрадство въ Кабардѣ не имѣетъ тѣхъ губительныхъ послѣдствій въ экономическомъ быту кабардинскихъ простолудниковъ, какъ это бываетъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, потому что кабардинцы употребляютъ лошадей только подъ верхъ, а не въ упряжь.

пока имъ не будетъ отпущенъ. Если-же князь не на конѣ, а въ пш-комъ, то встрѣчающіе его кабардинцы обязаны спѣшиться. Обычай эти въ настоящее время находятся въ полной силѣ и могутъ быть нарушены развѣ такими только лицами, которыя по чину, или занимаемой ими должности, составляютъ въ Кабардѣ исключительный кружокъ.

Извѣстно, что въ прежнее время кабардинскіе князья были весьма требовательны въ оказаніи имъ чести описаннымъ образомъ и что требовательность эта иногда доходила до того, что они не только встрѣчающихся верховыхъ кабардинцевъ, но и ѣдущихъ на тяжело-нагруженныхъ арбахъ заставляли ворочаться назадъ и сопутствовать себѣ на далекое разстояніе. Въ поступкахъ этого рода особенно отличались князья Тахтамышевы, которые своей заносчивостью и непомерной гордостью до того раздражили народъ, что общественнымъ приговоромъ сего послѣдняго лишены были княжескаго званія.

Подробное описаніе всѣхъ правилъ вѣжливости и уваженія, оказываемыхъ кабардинцами своимъ князьямъ, заняло-бы слишкомъ много мѣста въ настоящей запискѣ, почему, воздерживаясь отъ описанія подобнаго рода, достаточно сказать, что такія событія въ жизни кабардинскихъ князей, какъ напр. свадьба, возвращеніе аталыками дѣтей въ родительскіе дома, обрѣзаніе мальчиковъ, посвященіе ихъ военному ремеслу (полученіе оружія и первая ѣзда верхомъ) составляютъ не столько семейные праздники, сколько народные.

По тому-же наружному этикету, умершіе князья не хоронятся на общественныхъ кладбищахъ. Уединенныя могилы ихъ всегда находятся на болѣе выгодныхъ мѣстахъ, причемъ устраиваются прочныя памятники, нерѣдко съ поставленіемъ вблизи ихъ столбовъ для привязыванія лошадей. Памятники эти, во множествѣ разсыянные по всей землѣ, нѣкогда принадлежавшей кабардинскому народу, ясно свидѣтельствуютъ какъ о высокомъ уваженіи сего послѣдняго къ памяти почившихъ князей, такъ и о бывшемъ могуществѣ адигейскаго племени.

Похороны князей совершаются по мусульманскому обряду, т. е. безъ всякой пышности и безъ всякаго отличія отъ похоронъ простолюдина; особенность состоитъ только въ томъ, что каждый взрослый кабардинецъ обязанъ посѣтить домъ умершаго князя, для совершенія заупокойной молитвы. Исполнять этотъ долгъ считаютъ своею обязанностію и благородные роды сесѣд-

ныхъ Кабардѣ племенъ—Тагауріи, Дигоріи, Балкаріи, Хулама и прочихъ.

По брачнымъ союзамъ, между кабардинцами существуетъ весьма странный обычай, въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляющій женщинамъ болѣе преимуществъ, чѣмъ мужчинамъ, именно при передачѣ дѣтямъ правъ своего состоянія. Такимъ образомъ, рожденный отъ холопа и свободной женщины считается свободнымъ; рожденный-же отъ князя и женщины не княжескаго происхожденія не считается княземъ. Дѣтей отъ подобнаго брака называютъ тумами, которые въ сословномъ порядкѣ хотя и стоятъ выше тлакотлешей, но полныхъ княжескихъ правъ не имѣютъ. Для пріобрѣтенія этихъ правъ необходимо тумамъ быть признанными настоящими князьями своей фамиліи за равныхъ себѣ *), и совершеніемъ вахлхъ-либо подвиговъ пріобрѣсти народное уваженіе. Поэтому-то въ прежнія времена всѣ тумы отличались наѣздничествомъ, щедростію, отвагою въ набѣгахъ, ловкостію въ воровствѣ, и каждое мгновеніе права свои на княжеское званіе готовы были подкрѣпить силою оружія. Последнимъ типомъ тумы этого рода, безъ сомнѣнія, былъ извѣстный наѣздникъ и абрегъ князь Таусултанъ-Атажукинъ.

Дѣти тумы пріобрѣтали полное княжеское достоинство, если отцы ихъ вступали въ бракъ съ природными князьями.

Воспитаніе княжескихъ дѣтей до семп-лѣтняго возраста **) и послѣ, почти до шестнадцати-лѣтняго, т. е. до совершеннолѣтія, никогда не происходитъ въ домѣ родителей; обыкновенно, княжескія дѣти отдаются въ домъ какого-либо ворка, и какъ подобное аталычество составляетъ особенную для атылыка честь, то верѣдко добиваются ея тлакотлеши и джипнуго; сами-же князья на воспитаніе къ себѣ постороннихъ дѣтей не берутъ, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ, а именно—или въ знакъ особеннаго

*) Признаніе это обыкновенно высказывалось при раздѣлѣ имѣнія, выдачею изъ него тумакамъ одинаковой части съ прочими дѣлящимися между собою.

**) Въ этомъ возрастѣ оканчивается воспитаніе мальчиковъ на женской половинѣ. Затѣмъ, по исполненіи надъ ними въ родительскомъ домѣ обряда обрѣзанія, они передаются другимъ аталыкамъ, подъ исключительный надзоръ мужчинъ, у которыхъ выучиваются ѣздить верхомъ, владѣть оружіемъ и, въ прежніе годы, подъ ихъ руководствомъ участвовали въ первыхъ набѣгахъ и первыхъ воровствахъ.

своего благоволенія къ вору, или призирають у себя въ домѣ сиротъ своихъ аталыковъ.

Тираническая власть и высокое значеніе кабардинскихъ князей далеко не ограничивались предѣлами ихъ родины. Вліяніе ихъ, хотя и въ неравной степени, распространялось на всѣ окружающія Кабарду племена. Такимъ образомъ, племена болѣе отдаенныя, напр. ингуши, карабулаки, вистинцы, тагаурцы и др. орцы были только данниками кабардинскихъ князей, а ближайшія, какъ-то: карачаевцы, чегемцы, хуламцы и безенгевцы (балкарцы, благодаря своей числительности и труднымъ доступамъ къ ихъ жилищамъ, сдѣлали сохранивъ свою относительную независимость) находились у нихъ почти-что въ состояніи рабства. Степень зависимости послѣднихъ четырехъ племенъ отъ кабардинскихъ князей легко усматривается изъ слѣдующаго факта: если княжескимъ холопомъ положенъ былъ камень у дверей сакли горца, или на его пахатномъ или покосномъ мѣстѣ, то этого дѣйствія вполне достаточно было для воспрещенія владѣльцамъ сакли входа въ нее и выхода изъ нея, а владѣльцамъ пахоты и покоса пользованія ими. Что касается имущества карачаевцевъ, чегемцевъ, хуламцевъ и безенгевцевъ, то кабардинскіе князья распорядились имъ по своему усмотрѣнію, т. е., безъ малѣйшаго со стороны горцевъ прекословія, брали себѣ все, что было въ немъ лучшаго.

Грузинскіе цари, крымскіе ханы, шамхалы тарковскіе, владѣтельные князья Абхазіи и Мингрелии и дагестанскіе беки, а также турецкіе пашы, бывшіе въ Анапѣ, постоянно оказывали вниманіе и уваженіе кабардинскимъ князьямъ, изъ рода которыхъ Марія Темрюковна была супругою царя и самодержца всея Руси Іоанна Васильевича Грознаго. Князья Россійской Имперіи: Алеуковы, Бековичи-Черкасскіе и просто—Черкасскіе происходятъ изъ кабардинскихъ князей.

Однако-же, не смотря на достоинство, силу и деспотическую власть кабардинскихъ князей, въ обихѣ Кабардахъ существовали такіе благородные роды, оскорблять которыхъ боялись князья; у которыхъ они нерѣдко искали себѣ покровительства и мнѣнія которыхъ въ народѣ бывали дѣйствительнѣе и сильнѣе голоса князей. Роды эти принадлежали къ сословіямъ *тлакотлеш*, что въ переводѣ означаетъ «рожденный отъ могущественнаго», и *джинуго*, буквальный переводъ котораго—«позолоченное серебро». У этихъ двухъ сословій находились въ подданствѣ или зависимости *воркъ-шаотлазусы*.

Кромѣ права надъ сказанными ворками, одно изъ главныхъ преимуществъ тлакотлеша и джинуго передъ низшими сословіями состояло въ томъ, что они всегда жили особенными отъ князей аулами (при этомъ тлакотлеша на земляхъ своего наименованія, входившихъ въ общее дѣленіе Кабарды на четыре княжескія части) и имѣли право по своему благоусмотрѣнію со всѣмъ своимъ ауломъ переселяться съ одного мѣста на другое, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы таковое переселеніе совершено было въ пределахъ участка, называющагося именемъ природнаго ихъ князя.

Въ брачные союзы тлакотлеша и джинуго вступали только между собою, или брали женъ изъ домовъ тагаурскихъ алдаръ, дворянскихъ бадилъ и горскихъ таубіевъ, т. е. изъ равныхъ себѣ сословій. На княжнахъ-же и княгиняхъ никогда не женились. Между тлакотлешами и джинуго случаются, конечно, и неравные браки; но лица, рожденныя отъ этихъ браковъ, не лишаются, подобно тумамъ, правъ состоянія своихъ отцовъ.

Плата за кровь тлакотлеша и джинуго ниже княжеской кровной платы и значительно выше платы за кровь прочихъ ворковъ. Личное оскорбленіе тлакотлеша и джинуго, кѣмъ-бы то ни было совершонное, всегда считалось у кабардинцевъ большимъ преступленіемъ, и въ настоящее даже время, виновные въ подобнаго рода преступленіяхъ со всѣмъ семействомъ своимъ немедленно бѣгутъ изъ Кабарды за Кубань или въ Осетію, гдѣ ищутъ покровительства тамошнихъ именитыхъ людей, и только съ ихъ помощью кое-какъ оканчиваютъ свое дѣло.

На кабардинскомъ языкѣ слово *бесленъ* (производное отъ собственнаго имени), въ опредѣленіи сословій, означаетъ тоже что и шиш, подѣ которыми обыкновенно разумѣется князь. Посему *бесленъ-воркъ* означаетъ княжескаго ворка.

Званіе *бесленъ-ворка* безъ особенныхъ затрудненій приобреталось воркъ-шаотлахусами, а также и выходцами изъ мѣстностей, населенныхъ адигейскимъ племенемъ. Приобрѣтеніе этого званія совершенно зависѣло отъ желанія ворковъ и всегда сопряжено было съ полученіемъ такъ называемой княжеской дани, т. е. князь обязывался дать ворку, желающему быть его *бесленъ-воркомъ*, какой-нибудь цѣнный подарокъ, въ большинствѣ случаевъ состоявшій изъ дорогаго оружія и серебряныхъ издѣлій, какъ то: чашъ, кубковъ и т. п. Кромѣ этого *бесленъ-ворки* имѣли свою часть изъ получаемого князьями калыма и, вообще, много другихъ выгодъ въ матеріальномъ отношеніи. Взамѣнъ получаемого отъ

князей, бесленъ-ворки обязаны были жить въ аулѣ своего князя или, по крайней мѣрѣ, на землѣ его пмени, сопутствовать ему во всѣхъ его поѣздкахъ (если князь этого пожелаетъ) и во всѣхъ обстоятельствахъ служить ему словомъ и дѣломъ.

Въ случаѣ ссоры князя съ бесленъ-воркомъ, сей послѣдній, возвративъ князю полученную отъ него дань, имѣлъ право переселиться къ другому князю или тлактлешу и такимъ образомъ прекращалъ взятыя на себя обязательства, не утрачивая при этомъ своего званія. Но подобные случаи если и были, то чрезвычайно рѣдко. Обыкновенно, ссора князей съ своимъ бесленъ-ворками, содѣйствіемъ стороннихъ людей, оканчивалась примиреніемъ; необходимость-же примиренія происходила отъ того, что по понятіямъ кабардинцевъ оставленіе бесленъ-воркомъ своего князя составляло неизгладимый позоръ, какъ для того, такъ и для другаго.

Первоначальное происхожденіе воркъ-шаотлахусовъ достоверно неизвѣстно; быть можетъ, это аборигены занимаемаго ими края. Съ того же періода времени, когда въ Кабардѣ установились обычаи, основанные на сословномъ раздѣленіи народа, званіе воркъ-шаотлахуса пріобрѣталось только *бесленъ-пшитлями* (внѣжескими холопами) или посредствомъ выкупа, или посредствомъ даровой уступки ихъ тлактлешамъ и джигунго.

Бесленъ-пшитли всѣ безъ исключенія непривродные кабардинцы, а выходцы изъ другихъ мѣстъ, покинувшіе свою родину вслѣдствіе кровомщепій. Сначала они были совершенно вольными людьми и находились только подъ покровительствомъ князей, у которыхъ нерѣдко исполняли обязанность домашней прислуги; съ теченіемъ-же времени князья задумали обратить ихъ въ полное рабство; но такъ какъ къ исполненію этого намѣренія предстояли почти непреоборимыя препятствія, то князья употребили въ дѣло подкупъ и хитрость, и такими средствами успѣли склонить депутатовъ, выбранныхъ этимъ сословіемъ для защиты своихъ правъ передъ шаріатомъ, сказать слѣдующую фразу: «мы, бесленъ-пшитли, претендуемъ на князей, за намѣреніе ихъ обратить насъ въ рабство». Фраза эта обращена была шаріатомъ противу жалующихся, какъ личное свидѣтельство ихъ въ несправедливости нека, и они торжественно признаны были бесленъ-пшитлями. Но какъ слово пшитль выражаетъ понятіе о рабствѣ, а между тѣмъ каждому кабардинцу извѣстно было свободное происхожденіе жаловавшихся, то послѣдовало дополнительное постановленіе, гласившее, что бесленъ-пшитли продаваемы быть не могутъ,

что полную свободу приобретаютъ они или посредствомъ выкупа, или чрезъ даровую уступку тлакотлешамъ и джинуго, и что съ полученіемъ свободы должны считаться воркъ-шаотлахусами.

Впрочемъ, обычай этотъ въ настоящее время не имѣетъ никакой силы. Такимъ образомъ, въ 1862 году, при разборѣ личныхъ нравъ кабардинцевъ, выкупившіеся на волю бесленъ-пшитли причисляемы были кабардинскими депутатами не къ сословію воркъ-шаотлахусовъ, а къ сословію азетъ.

Многіе воркъ-шаотлахусы, ради подарковъ и другихъ матеріальныхъ выгодъ, добровольно поступали къ подданству тлакотлешей и джинуго, принимая на себя въ отношеніи ихъ такія-же обязательства, исполненіе которыхъ въ отношеніи князей составляло долгъ бесленъ-ворковъ.

Характерное отличіе воркъ-шаотлахуса отъ бесленъ-ворка между прочимъ состояло въ томъ, что для перваго не считалось стыдомъ лично заниматься черною работою, напр. пахать, косить, возить дрова и проч., а для втораго подобныя занятія были совершенно неприличны.

Пшекеу. Въ буквальной переводъ слово это означаетъ: «княжеская ограда». Сословіе это образовалось изъ вольноотпущениковъ (азетъ). Пшекеу, обязанные исполнять волю князей, находились у нихъ въ сильнѣйшемъ подчиненіи, за что со стороны князей пользовались собственнымъ ихъ покровительствомъ, простиравшимся до того, что въ случаѣ убійства кѣмъ-нибудь пшекеу, кровомщеніе, какъ-бы за своего родственника, бралъ на себя тотъ князь, у котораго состоялъ на службѣ убитый; при чемъ большая часть кровной платы поступала въ пользу истившаго князя.

Званіе пшекеу наследственно и—во время самовластия кабардинскихъ князей—было весьма выгодно, потому-что лица этого сословія, всегда приводившіе въ исполненіе волю князей, имѣли вліяніе въ средѣ простолюдиновъ и нерѣдко были ими щедро одаряемы. Въ настоящее-же время сословіе пшекеу, хотя и не сближается съ азетами, но въ народѣ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія.

Азетъ (вольноотпущеникъ). Сословіе это произошло изъ крѣпостнаго состоянія (пшитль), посредствомъ выкупа или чрезъ добровольное дарованіе свободы рабамъ; послѣдній случай освобожденія ихъ по большей части происходилъ изъ религіозныхъ побужденій, а именно—во спасеніе душъ усопшихъ рабовладѣльцевъ.

Особенность сословія азетъ состояла до послѣдняго времени въ томъ, что выпускаемые на волю пшители не вовсе прекращали обязательныя отношенія къ бывшимъ своимъ владѣльцамъ. Такииъ образомъ азеты были обязаны: во-первыхъ, жить при своихъ владѣльцахъ, при чемъ удерживали за собою названіе ихъ вольноотпущенниковъ и, во-вторыхъ, подъ страхомъ величайшаго стыда, не могли отказаться отъ исполненія нѣкоторыхъ ихъ требованій, напр.: отъ дачи владѣльцу подъ сѣвѣзъ верховой лошади; отъ прислуживанія въ кунацкой, если въ ней находится гости; отъ выдачи на угощеніе ихъ провизіи (преимущественно барашка, если у вольноотпущенника были овцы); отъ сопутствованія владѣльцу въ его поѣздахъ, если онъ этого требовалъ, и отъ поѣздки въ разныя мѣста.

Въ горскихъ обществахъ, подчиненныхъ управленію Кабардинскаго округа, привилегированное сословіе, какъ сказано было выше, называется таубіи. Наименованіе это допущено правительствомъ съ 1852 года, т. е. со времени принятія Императоромъ Николаемъ I депутаціи отъ этого общества; до того-же времени, лица, принадлежащія къ сословію таубіи, во всѣхъ правительственныхъ и административныхъ сношеніяхъ нашихъ съ горцами, всегда именовались горскими старшинами (названіе это въ настоящее время осталось за почетными фамиліями Карачаевскаго общества, — Крымшамхаловыми, Дудовыми и др.). Имеретинцамъ же, мингрельцамъ, сванетамъ и другимъ племенамъ Кутаисской губерніи таубіи извѣстны подъ именемъ бассіятъ *).

Горскіе старшины, или таубіи, по своему родопроисхожденію, дѣйствительно гораздо выше прочихъ своихъ соотечественниковъ, которые до самаго послѣдняго времени находились отъ нихъ въ крайне-стѣснительной зависимости.

Первое проявленіе стремленія чернаго народа (караиши) къ независимой жизни относится къ концу 1855 года, и то только въ Чегемскомъ и Хуламскомъ обществахъ.

Въ брачныя союзы таубіи вступали только съ тлакотлешами, джигнуго, алдарами и бадилатами, наравнѣ съ которыми пользовались уваженіемъ сосѣднихъ туземныхъ племенъ.

Плата за кровь таубіевъ была весьма значительна, даже выше платы за кровь дигорскихъ бадилатъ.

*) По преданіямъ горцевъ, Бассіятъ былъ родной братъ Бадилы, отъ котораго произошли дигорскіе Бадилаты.

Что касается *карашим* (черный народъ), то сословіе это, будучи совершенно вольнаго происхожденія, вслѣдствіе одной только крайней своей неразвитости находилось въ полномъ подчиненіи у таубіевъ, которые эксплуатировали ихъ по своему усмотрѣнію.

О прочихъ кабардинскихъ и горскихъ сословіяхъ, находящихся въ крѣпостномъ состояніи, въ настоящей запискѣ не упоминается.

Генералъ Ермоловъ, по окончательномъ покореніи Кабарды, приказалъ находящемуся тогда при немъ капитану Ямбу Шарданову составить записку о кабардинскихъ народныхъ обычаяхъ и о существѣ бывшаго въ Кабардѣ управления.

Въ запискѣ этой, весьма подробно и довольно обстоятельно изложенной, между прочимъ всѣ кабардинскіе вюрки названы узденями и раздѣлены на четыре степени. Къ первой степени отнесены тлаотлеши и джинуго; ко второй — бесленъ-вюрки; къ третьей—вюркъ-шаотлахусы и къ четвертой—пшекеу.

Въ послѣдніи сорокъ лѣтъ, пережитыя кабардинцами подъ непосредственнымъ управленіемъ русскаго правительства, бывшія междусословныя отношенія въ Кабардѣ совершенно измѣнились. Сила и значеніе князя каждый день утрачиваютъ свое обаяніе и съ каждымъ днемъ народная масса становится самостоятельнѣе, въ особенности-же начинаютъ жить независимо бесленъ-вюрки и вюрки-шаотлахусы. Такихъ-же князей, которые-бы образомъ жизни соответствовали прежнему понятію кабардинцевъ о княжескомъ достоинствѣ, въ фамиліяхъ Кайтукина, Бекъ-Мурзина и Мисостова нѣтъ никого; только въ фамиліи Атажукіна есть еще одинъ представитель древняго типа кабардинскаго князя, измѣненный впрочемъ влияніемъ своего времени. Со смертію-же и этого представителя *), останется въ Кабардѣ ничего незначащій княжескій титулъ, и нѣкогда широкая жизнь кабардинскаго племени перейдетъ въ область легендарнаго преданія.

Объяснивъ междусословныя отношенія кабардинскаго народа, остается сказать нѣсколько словъ о значеніи его самого среди другихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа.

Кабардинцы принадлежатъ къ многочисленному и знатному племени, называемому ими адиге,—туркамъ, татарамъ и русскимъ извѣстному подъ именемъ черкесъ, грузинамъ—черкесіанъ, а осе-

*) Умеръ въ 1868 году.

тянамъ—казахе. Въ концѣ прошлаго столѣтія жилища этого племени простирались отъ хребта Рогъ-Роха (близъ Владикавказа) до устьевъ Кубани; абхазы и татары жили между ними разсѣянно.

Черкесы, или адигейцы, отъ всѣхъ кавказскихъ народовъ разнятся своимъ языкомъ, который ни съ какимъ другимъ изъ теперъ извѣстныхъ никакого сходства не имѣеть.

Раздѣленные на множество коленъ (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, махочевцы, бжедуха и проч.), нерѣдко враждовавшихъ между собою, тѣмъ не менше адигейцы единствомъ своего языка и общностью обычаевъ составляли мощный народъ, сила и преимущество котораго надъ прочими племенами Сѣвернаго Кавказа ясно выражались рабскимъ подражаніемъ сихъ послѣднихъ—одеждѣ, правамъ и обычаямъ, усвоеннымъ адигейцами вообще и кабардинцами въ особенности. И дѣйствительно, благородный типъ кабардинцевъ, изящество ихъ манеръ, искусство одѣваться и умѣніе держать себя въ обществѣ до того поразительны, что самый поверхностный наблюдатель, по одному наружному виду, тотчасъ отличитъ кабардинца отъ всякаго другаго горца. Подобное явленіе есть несомнѣнный признакъ лучшей расы людей, — той расы, которая равнымъ внушаетъ симпатію, а низшимъ невольное къ себѣ уваженіе.

Примѣчаніе. Такъ какъ приведенная статья была составлена еще до освобожденія зависимыхъ сословій въ Кабардинскомъ округѣ, состоявшагося въ 1867 году, то редація «Сборника» позволила себѣ сдѣлать въ ней нѣкоторыя, весьма впрочемъ незначительныя, измѣненія. Эти измѣненія коснулись тѣхъ мѣстъ статьи, въ которыхъ упоминалось о низшихъ сословіяхъ, какъ-бы еще состоящихъ въ зависимости 'у сословій высшихъ. Объ освобожденіи зависимыхъ въ Кабардѣ, равно объ ихъ подраздѣленіи по степенямъ зависимости, а также о характерѣ послѣдней,—«Сборникъ» уже представилъ особую статью, помѣщенную въ I его выпускѣ, въ отдѣлѣ *Горская жизнь*, подъ заглавіемъ: «*Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе*».

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ И ДОМАШНІЙ БЫТЬ ЖИТЕЛЕЙ Горскаго участка Ингушевскаго округа.

На юго-востокъ отъ укрѣпленія Джераховскаго (по военно-грузинской дорогѣ) идетъ глубокое ущелье, образуемое теченіемъ р. *Армъ-хи* (Клестинка), въ которомъ обитаютъ два горскихъ общества: *Джераховское* и *Кистинское*; далѣе, за гребнемъ *Коджаръ-Догунты*, служащимъ переваломъ въ ущелье р. *Ассы*, лежатъ поселенія *галгавцевъ* и *цоринцевъ*; на востокъ же отъ послѣднихъ, по р. *Гехи*, обитаютъ *акинцы* и по р. *Фортангъ* — *мереджинцы*. Въ 1865 году эти шесть обществъ составили Горскій участокъ Ингушевскаго округа *).

Прежде чѣмъ приступить къ выясненію экономическаго и, въ главныхъ чертахъ, домашняго быта горцевъ, нелишнимъ будетъ сдѣлать легкій топографическій очеркъ ихъ угодій и указать на нѣкоторыя особенности внѣшней обстановки, окружающей ихъ жизнь.

Жилища горцевъ состоятъ изъ каменныхъ построекъ, сгруппированныхъ у оконечностей гребней или на выступахъ скалъ; двѣ-три подобныхъ постройки, вмѣщающія въ себѣ нѣсколько семействъ, составляютъ горскій аулъ; въ участкѣ этихъ ауловъ насчитывалось до 120-ти. Между всѣмъ этимъ количествомъ ауловъ, встрѣчаются только три или четыре, которые, по числу помѣщеній и живущихъ въ нихъ семействъ, имѣютъ право на такое наименованіе. Всѣ эти аулы находятся одинъ отъ другаго на разстояніи не болѣе получаса ходьбы; отдѣлены они другъ отъ

*) Въ 1866 году, по распоряженію начальства, акинцы и мереджинцы отдѣлены отъ Ингушевскаго и подчинены управленію Аргунскаго округа, какъ вслѣдствіе одноплеменности съ населеніемъ послѣдняго, такъ и потому, что, по мѣсту своего жительства, они ближе находятся къ центру управленія его.

друга небольшими ущельями, глубокими оврагами и перевалами через гребни. Ущелья, которые населяют горцы, по большей части сжаты между двух главных горных отроговъ, разбрасывающихъ въ свою очередь отъ себя множество мелкихъ и большихъ гребней, представляютъ весьма привлекательный видъ для глазъ. Хотя такимъ образомъ всѣ горскія поселенія отличаются красотой своихъ мѣстоположеній, грандіознымъ складомъ и поэтическою разбросанностью жилищъ, но всѣмъ этимъ особенно поражаетъ аулъ *Арзи* (въ Кистинскомъ обществѣ), слышущій, совершенно справедливо, самымъ живописнымъ въ цѣломъ участкѣ. Въ немъ превосходно сохранилось нѣсколько пирамидальныхъ башенъ, стройно возвышающихся одна надъ другою; башни эти имѣютъ въ основаніи вадратъ въ $2\frac{1}{2}$ — 3 сажени; постепенно суживаясь къверху, онѣ достигаютъ, по видимому, до 10 — 12 саженой высоты и оканчиваются тамъ остроконечною крышею. Выглядывая изъ руинъ и уцѣлѣвшихъ каменныхъ построекъ, башни эти представляютъ весьма привлекательную группу, увлекающую зрителя въ міръ фантазіи. Только, къ сожалѣнію, въ этомъ мірѣ долго обрѣтаться нельзя: довольно одного взгляда на блѣдныя лица обитателей этихъ чарующихъ башенъ, чтобы убѣдиться, что жизнь здѣсь далеко не обставлена хорошими матеріальными условіями. Окружающая нищета, грязь, оборванные и голыя дѣти и несчастныя женщины какъ нельзя лучше подтверждаютъ эту догадку и обращаютъ наблюдателя, на минуту очарованнаго красотой мѣстности, въ міръ самой жалкой дѣйствительности, на самыя невеселыя размышленія. Своеобразнымъ и дивнымъ характеромъ отличается еще необитаемый аулъ *Кауси*, находящійся въ Акинскомъ обществѣ, въ Галанчоджскомъ ущельи. Этотъ аулъ, каменные зданія котораго еще хорошо сохранились, построены на небольшомъ выступѣ скалы, круто обрывающейся саженой на сорокъ къ рѣкѣ, и имѣетъ видъ крѣпости, прилѣпленной къ другой скалѣ, отвѣсно поднимающейся вверхъ; тропинка къ нему вьется по ступенямъ, выбитымъ въ камень. Кауси, какъ всякое заброшенное людьми мѣсто въ горахъ, служитъ надежнымъ убѣжищемъ для барановъ, загоняемыхъ туда во время непогоды. На той-же скалѣ, къ которой примыкаютъ постройки Кауси, приблизительно саженой на десять выше, видѣется одна сажля съ деревяннымъ, хорошо сохранившимся, балкономъ, висящимъ надъ пропастью. Снизу, сверху и по бокамъ около одинокой сажли, глазъ не встрѣчаетъ ни одного выступа, на который можно было-бы

✓
Towers

↓
Cliff.
обитатели

поставить ногу: кругомъ отвѣсная и голая скала. Взглядъ на эту постройку невольно рождаетъ вопросъ: какимъ способомъ обитатели ея могли сообщаться съ поверхностью земли, если, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, балконъ произведеніе рукъ человѣческихъ? По сохранившемуся у акинцевъ въ преданіи разсказу, въ этой саклѣ жилъ когда-то знаменитый *джигитъ* съ любимой женою. Отправившись однажды на промыселъ поливны, онъ былъ убитъ, и когда извѣстіе объ этомъ дошло до жены — она съ балкона бросилась въ пропасть. Пораженные этимъ случаемъ, бывшіе обитатели аула Кауси, изъ суевѣрнаго страха, не ходили въ эту саклю, и впослѣдствіи, окрестные жители, не смотря на предположеніе о несмѣтныхъ богатствахъ, хранящихся въ ней, не отваживались проникать туда, изъ боязни быть пораженными громомъ. Это опасеніе сложилось по поводу будто-бы такого случая: одинъ смѣльчакъ рискнулъ пробраться въ таинственную саклю, но когда уже былъ близокъ къ достиженію своей цѣли, — на безоблачномъ небѣ разразился громъ и убилъ его. Вѣрнѣе-же предположить, что не находится охотниковъ пробраться туда именно потому, что это было-бы попыткою къ невозможному или, по крайней мѣрѣ, стоило-бы неимоверныхъ усилій и большаго риска. Достигнуть сакли снизу никакимъ образомъ нельзя, и возможно развѣ только сверху, такимъ путемъ: на вершинѣ скалы прикрѣпить канатъ и по немъ совершить путешествіе надъ пропастью не менѣе чѣмъ въ 1500, а можетъ быть и болѣе, футовъ. Понятно, что на такое воздушное странствіе едва-ли найдутся желающіе.

✓
Inaccessibility of this cliff. Dwell-ing.

У ручьевъ, протекающихъ вблизи горскихъ ауловъ, взоры путника невольно останавливаются на какихъ-то маленькихъ безобразныхъ грудяхъ, только верхомъ своимъ напоминающихъ, что онѣ похожи на строеніе. По однообразному шуму внутри этого оригинальнаго строенія можно только догадаться, что это мельница. Устройство мельницъ у горцевъ чрезвычайно просто: складываются четыре бревенчатыхъ или каменныхъ стѣнки, послѣднія безъ цемента, высотой въ 1½—2 аршина, и набрасывается земляная крыша; внутри, гдѣ могутъ, сидя на корточкахъ, помѣститься три человѣка, вдѣлываются въ коробку, изъ древесной коры, два жернова, одинъ изъ которыхъ (верхній) вращается на оси, прикрѣпленной къ сколоченному крестообразно изъ двухъ досокъ колесу, приводимому въ движеніе струею воды, бьющею подъ полъ мельницы, гдѣ находится и колесо. Такъ какъ горцы

✓
mills

при водопроводахъ къ мельницамъ не имѣютъ обыкновенія дѣлать шлюзы, то жерновое колесо находится въ постоянномъ вращеніи. Мельницы эти служатъ для добыванія довольно крупной муки изъ кукурузы и ячменя и даютъ хозяину порядочный доходъ; по большей части, мельницы бываютъ общественныя, устроенныя цѣлымъ ауломъ. Не смотря на свою незатѣйливость, эти крошечныя строенія вполне удовлетворяютъ назначенію и вромѣ того служатъ и мѣстомъ для любовныхъ интрижекъ молодежи и часто бываютъ свидѣтелями довольно трагическихъ представленій, оканчивающихся нерѣдко смертію и зачастую тяжкими пораненіями кого-либо изъ соперниковъ, а случается—и предмета ихъ битвы. На мельницахъ, расположенныхъ всегда болѣе или менѣе вдали отъ жилищъ, обитаютъ старухи, и подъ ихъ-то благосклоннымъ покровительствомъ устраиваются свиданія любовниковъ; этимъ почтеннымъ женщинамъ также недешево обходится подчасъ такое покровительство: онѣ терпятъ жестокіе побои и иногда отъ обидъ враждующихъ сторонъ: одни бьютъ по подозрѣнію въ предательствѣ, а другіе — за оказанное покровительство.

Каждый изъ болѣе зажиточныхъ горцевъ, кромѣ помѣщенія, необходимаго для семейства, имѣетъ еще и кунацую—помѣщеніе для пріѣзжающихъ гостей. Убранство жилыхъ сакель и кунацкихъ далеко незатѣйливо. Въ первыхъ встрѣчаются вокругъ стѣнъ поля, на которыхъ уложены тюфяки, одѣяла, подушки и разныя тряпки; тутъ-же около помѣщаются корзины съ какимъ-нибудь хлѣбнымъ зерномъ или мукою, кадки съ водою и котлы; всю эту, довольно грязную на видъ картину дополняютъ очагъ посрединѣ сакли, да до невѣроятности прокопченныя, черныя стѣны. Кунація поопрятнѣе: вмѣсто очага, въ нихъ дѣлаются камины; у маленькаго окошечка сбоку камина, на почетномъ мѣстѣ, стоитъ мѣстнаго издѣлія кровать; около дверей висятъ двѣ три бычачьихъ шкуры, служація правовѣрнымъ подстилкою при совершеніи намаза, а на колышкахъ, вбитыхъ по стѣнамъ вокругъ всей сакли, на четверть отъ потолка, обыкновенно красуются разныхъ формъ и величинъ бутылки, привязанныя веревочками за горлышка, глиняныя и деревянныя тарелки и чашки, также скваченныя шнуркомъ въ просверленныя около краевъ дырки. Все это, нужно замѣтить, почти всегда служитъ не болѣе какъ украшеніемъ, и чѣмъ больше развѣшено такихъ украшеній, тѣмъ почтеннѣе хозяинъ, тѣмъ гостепріимнѣе считается ку-

✓
Guest
room

✓
Kitchen

✓
Guest
room

нацная. На тѣхъ-же самыхъ колышкахъ прїѣзжіе развѣшиваютъ свое оружіе, сѣдла и платье.

Прїѣзжаго гостя встрѣчаетъ самъ хозяинъ, или, за отсутствіемъ его, кто-нибудь изъ его домашнихъ мужчинъ, или-же просто сосѣдъ; въ дверяхъ кунацкой съ гостя снимаютъ оружіе, послѣ чего онъ уже и входитъ въ нее. Такъ какъ прїѣздъ въ горы кого-либо, а особенно русскихъ, весьма рѣдкое явленіе, то горцы никогда не пропускаютъ случая поглазѣть на прїѣзжаго и потолковать съ нимъ. Подъѣзжая къ аулу, можно уже видѣть, какъ толпа полунагихъ ребятшегъ и дѣвочекъ своимъ пискомъ и прыгавьемъ возвѣщаетъ прїѣздъ гостя. Какъ только гость вошелъ въ кунацкую, за нимъ тотчасъ-же вваливается туда и толпа праздныхъ зѣвагъ. Чуть не взобравшись другъ на друга, вся толпа обыкновенно тѣснится въ небольшомъ пространствѣ отъ дверей до камина и вдоволь болтаетъ, благодаря представившемуся случаю. Вскорѣ въ кунацкую входитъ и самъ хозяинъ, распорядившійся въ домѣ о прїемѣ гостя. Хозяинъ безъ приглашенія гостя никакъ не сядетъ, а если послѣдній къ тому же еще не простой смертный, а чиновный, то много и положается, пока согласится на просьбу присѣсть; посидѣвъ немного и поговоривъ вскользь о разныхъ пустякахъ, онъ снова удаляется изъ кунацкой. Удаленіе это служитъ выраженіемъ обычнаго прїема, по которому хозяинъ дома, какъ-бы изъ желанія не стѣснять гостей, не долженъ долго оставаться съ ними.—Спустя часъ или два послѣ прїѣзда гостя, въ кунацкую обыкновенно является мальчикъ съ кумганомъ (рукомойникомъ), тазомъ и полотенцемъ черезъ плечо. Тазъ прежде ставится передъ почетнѣйшимъ гостемъ, который первый и умываетъ руки, а за нимъ и остальные. Если тутъ оказывается чиновный гость, то честь вытереть руки полотенцемъ предоставляется исключительно только ему, а прочіе предоставляютъ своимъ рукамъ обсохнуть самимъ. Это умываніе рукъ служитъ вѣстникомъ появленія закуски. И дѣйствительно, какъ только мальчикъ съ кумганомъ скрылся за двери, въ нихъ показывается кругленькій, низкій, на трехъ ножкахъ, туземный столикъ, наложенный кусками шашлыка, сыру и овсянаго чурека. Если у гостя нѣтъ равныхъ ему товарищей, то бываетъ очень трудно уговорить когъ-нибудь изъ присутствующихъ въ кунацкой, или сопровождавшихъ гостя въ поѣздкѣ, сѣсть закусывать вмѣстѣ съ нимъ: обычай не позволяетъ сидѣть за однимъ столомъ съ старшимъ. Вслѣдствіе-ли убѣжденія со сто-

роны гостя или изъ уступки къ требованію желудка, но упрашиваемые соглашаются раздѣлить трапезу съ гостемъ; затѣмъ въ кунацкой раздается звучное причмокиванье, какъ нужно полагать, очень возбуждающее аппетитъ присутствующихъ, которые все время, молча, прислонясь къ стѣнѣ, созерцаютъ, какъ куски шашлыка и сыру экстренно отправляются во рты закусывающихъ. Это первое блюдо, попадающее обыкновенно на голодные зубы, представляетъ въ концѣ лишь скудное напоминаніе, что оно существовало. На вниманіи къ этому блюду голодныхъ желудковъ, разбиваются надежды присутствующихъ получить съ него что-нибудь и на свою долю; но тѣмъ не менѣе, столы, даже когда на немъ остаются одиѣ кости отъ шашлыка да крошки сыру, все-таки переходить къ стоящимъ у дверей. Затѣмъ они усаживаются за подобный столы и ради чего также чмокаютъ губами, — какъ будто вкушая нивѣсть какое лакомое блюдо, — обляется обычаемъ, требующимъ изъ приличія сѣсть даже за пустой столъ, чтобы только не компрометировать хозяина. После шашлыка подается вареный баранъ, разрѣзанный на куски. По принятому обычаю, это блюдо гости должны начинать съ курдюка, а голова предназначается старшему, который впрочемъ изъ любезности можетъ предоставлять ее въ распоряженіе и меньшей братьи. По обычаю, во время закуски, гость также можетъ дѣлать честь наиболѣе почетнѣйшимъ изъ присутствующихъ при этомъ; эта честь заключается въ томъ, что гость подаетъ избранному кусокъ баранины и чурека. Остатки также переходятъ въ высшую инстанцію. Взаключеніе подается супъ, въ которомъ варился баранъ, приправленный сметаной и чеснокомъ, въ деревянныхъ небольшихъ чашкахъ. Эти кушанья составляютъ въ горахъ почти всегдѣшнее угощеніе. Во время закуски хозяинъ не присутствуетъ, но появляется по окончаніи ея. Если это бываетъ вечеромъ, то, посидѣвъ немного, онъ уходитъ, пожелавъ покойной ночи; за нимъ исчезаетъ и вся остальная публика, торчавшая въ кунацкой; взамѣнъ ея является одинъ или два человѣка съ тюеками, подушками и одѣялами. Кровать всегда предназначается въ распоряженіе самому почетному изъ гостей; послѣднему нерѣдко приходится плохо отъ таковой чести: кровать обыкновенно въ кунацкой поставлена головами къ окну, въ которое немилосерднѣйшимъ образомъ свистеть вѣтеръ, особенно въ зимнюю непогоду. Чтобы избавиться отъ неприятныхъ послѣдствій простуды, зачастую необходимо становится или вовсе отоставлять

107

кровать отъ огня, или перекидывать подушки на другую сторону.

Дороги, служившія сообщениями въ горахъ въ описываемое мною время, за рѣдкими исключеніями, представляли довольно сносный путь; затрудненія случались лишь зимою. Одна дорога въ Горскій участокъ съ плоскости начинается напротивъ сел. Балты, по правую сторону р. Терека; здѣсь она разработана русскими войсками и идетъ до р. Ассы, на протяженіи около ста верстъ; такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога эта проходитъ далеко и выше ауловъ, то горцы предпочитали ей свои узкія тропинки, и потому, заброшенная, она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была испорчена обвалами; другая—черезъ Тарскую долину и гору Бугучаръ; зимою эта дорога для вѣды негодилась; третья—изъ ст. Алкунской въ Мереджинское и Акинское общества; эта дорога также была разработана русскими войсками и изъ ст. Алкунской достигала до акинскаго аула Вауги, пограничнаго съ Цоринскимъ обществомъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, Горскій участокъ, въ 1865 году, представлялъ слѣдующія статистическія цифры.

Все населеніе состояло изъ 1,342 семействъ (дымовъ), вандячавшихъ въ себѣ 3,429 душъ мужскаго и 3,325 душъ женскаго пола.

Скотоводство изображалось такими цифрами:

Лошадей.....	769	штукъ.
Ешаконъ.....	544	—
Рабочаго рогатаго скота *).....	1,360	—
Коровъ и телятъ.....	3,770	—
Барановъ.....	28,121	—

Число собраннаго хлѣба равнялось 2,386 четвертямъ.

По обществамъ-же число семействъ, душъ въ нихъ и скота распредѣлялось такъ:

Въ Джераховскомъ — 109 семействъ: 288 душъ мужскаго и 256 женскаго пола.

Лошадей.....	58	штукъ.
Ешаконъ.....	36	—
Рабочаго рогатаго скота.....	169	—

*) Отдѣляю этотъ скотъ для того, чтобы дать понятіе о средствахъ горцевъ при обработываніи полей.

Коровъ и телятъ.....	436 штукъ.
Барановъ.....	2,700 —
Хлѣбъ (ичмень, овесъ и небольшая часть пшеницы) до 280 четв.	

Въ Кистивскомъ—329 семействъ: 884 души мужскаго и 824 женскаго пола.

Лошадей.....	143 штуки.
Ешakovъ.....	185 —
Рабочаго рогатаго скота.....	296 —
Коровъ и телятъ.....	782 —
Барановъ.....	4,597 —

Хлѣба до 807 четвертей.

Въ Галгаевскомъ—558 семействъ: 1,414 душъ мужскаго и 1,452 женскаго пола.

Лошадей.....	303 штуки.
Ешakovъ.....	308 —
Рабочаго рогатаго скота.....	583 —
Коровъ и телятъ.....	1,683 —
Барановъ.....	12,380 —

Хлѣба до 1,023 четвертей.

Въ Цоринскомъ—122 семейства: 292 души мужскаго и 302 женскаго пола.

Лошадей.....	74 штуки.
Ешakovъ.....	9 —
Рабочаго рогатаго скота.....	106 —
Коровъ и телятъ.....	324 —
Барановъ.....	1,317 —

Хлѣба до 76 четвертей.

Въ Агинскомъ—153 семейства: 363 души мужскаго и 320 женскаго пола.

Лошадей.....	133 штуки.
Ешakovъ.....	6 —
Рабочаго рогатаго скота.....	154 —
Коровъ и телятъ.....	410 —
Барановъ.....	5,157 —

Хлѣба до 200 четвертей.

Въ Мереджинскомъ — 71 семейство: 186 душъ мужскаго и 171 женскаго пола.

Лошадей.....	58 штукъ.
--------------	-----------

Рабочаго рогатаго скота.....	52 штуки:
Коровъ и телятъ.....	135 —
Барановъ.....	1,970 —
Посѣвомъ хлѣбовъ не занимаются.	

Раздѣливъ итогъ всего имущества этого по семействамъ, получимъ такой выводъ: на каждое семейство въ участкѣ — 0,5 лошадей, 0,4 ешаковъ, 1 штука рабочаго рогатаго скота, 2,8 штукъ коровъ и телятъ, 20,9 барановъ и 1,7 четвертей хлѣба.

По обществамъ-же, на каждое семейство приходилось: въ Джераховскомъ—0,5 лошадей, 0,3 ешаковъ, 1,5 штукъ рабочаго рогатаго скота, 4 штуки коровъ и телятъ, 24,7 барановъ и 2,5 четвертей хлѣба; въ Кистинскомъ — 0,4 лошадей, 0,5 ешаковъ, 0,9 рабочаго скота, 2,3 коровъ и телятъ, 14 барановъ и 2,4 четвертей хлѣба; въ Галгаевскомъ—0,5 лошадей, 0,5 ешаковъ, 1 штука рабочаго скота, 3 штуки коровъ и телятъ, 22 барана и 1,8 четвертей хлѣба; въ Цорнинскомъ—0,6 лошадей, 0,9 рабочаго скота, 2,6 коровъ и телятъ, 10,8 барановъ и 0,6 четвертей хлѣба; въ Акинскомъ—0,9 лошадей, 1 штука рабочаго скота, 2,7 коровъ и телятъ, 33,7 барановъ и 1,3 четвертей хлѣба; въ Мереджинскомъ—0,8 лошадей, 0,7 рабочаго скота, 1,9 коровъ и телятъ и 28 барановъ.

Подобный выводъ, ознакомляя съ экономическимъ положеніемъ горцевъ вообще, все-таки не даетъ понятія о частномъ хозяйствѣ ихъ, а потому считаю нелишнимъ привести здѣсь кѣйствительно существовавшее раздѣленіе имущества.

Каждый изъ такъ называемыхъ зажиточныхъ людей имѣлъ: двѣ-три лошади, пару ешаковъ, двѣ пары быковъ, десять-двѣнадцать штукъ коровъ и телятъ и 200 барановъ; но такіе богатые люди весьма рѣдки: каждый изъ наибольшей части горцевъ-хозяевъ довольствуется одною лошадыю или однимъ ешакомъ, однимъ быкомъ, парю коровъ и 10—12 баранами; многіе-же имѣютъ лишь одну корову; нерѣдко можно встрѣтить и такихъ, которые ровно ничего не имѣютъ.

Чтобы не подать повода заподозрить горцевъ въ недостаткѣ желанія къ труду, я постараюсь объяснить здѣсь тѣ мѣстныя препятствія, которыя ставятъ ихъ хозяйство въ неблагоприятныя условія.

Земля горцевъ, за рѣдкими лишь исключеніями, состоитъ

изъ крутыхъ покатостей, зачастую не дающихъ ровно никакой растительности. Эту-то землю горцы принуждены были приспособить къ тому, чтобы она служила средствомъ имъ къ существованію.

Вблизи жилищъ встрѣчаются искусственно-устроенныя террасы для посѣва хлѣбовъ. Нужно видѣть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потребовавшася на устройство ихъ; онѣ находятся обыкновенно на такихъ мѣстахъ, гдѣ сама природа отказалась дать что-либо. Чтобы устроить площадку въ 10—12 аршинъ длины и въ 5 ширины, необходимо было горцу расчистить и сравнять выбранную для этого мѣстность; но такъ какъ и послѣ этого площадка кромѣ камня ничего другаго не представляла, то понадобилось натаскать туда земли и вообще удобрить ее настолько, чтобы она могла приносить желаемую пользу. Конечно, все это удобно было сдѣлать тому, у кого оказался на тотъ разъ рабочій скотъ.

На устроенныхъ такимъ образомъ поляхъ горцы засѣваютъ хлѣбъ—ячмень, овесъ и отчасти пшеницу. Собираемая ежегодно пропорціи, по словамъ жителей, далеко не обезпечиваетъ семействъ, часто многочисленныхъ, на круглый годъ; поэтому болѣе состоятельные люди приобрѣтаютъ недостающій хлѣбъ покупкою на плоскости или нанимаютъ тамъ поля для посѣвовъ; бѣдные-же добываютъ его частью выпрашиваніемъ у своихъ плоскостныхъ родственниковъ, а преимущественно—подежнымъ трудомъ во время уборки посѣвовъ. Кромѣ этихъ средствъ, не всегда вѣрныхъ по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, горцы, за исключеніемъ джераховцевъ и мереджинцевъ, другихъ средствъ почти не имѣютъ, и бываютъ времена, когда бѣдные люди перебиваются кое-какъ: то выпросятъ у сосѣдей хлѣба, то сбудутъ для покупки его послѣднюю коровенку; говорятъ, случается зачастую, что бѣдныя семейства, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, кромѣ овсяныхъ лепешекъ ничего не ѣдятъ; неудивительно поэтому, что они во время свадебъ, похоронъ и тому подобныхъ чрезвычайныхъ случаевъ, съ невѣроятною жадностью набрасываются и истребляютъ приготовленныя яства.

Большими средствами для добыванія себѣ пропитанія пользуются лишь джераховцы и мереджинцы: первые, живя недалеко отъ г. Владикавказа и имѣя подъ рукою сносною для аробной ѣзды дорогу, сбываютъ тамъ на базарахъ камень и глѣсъ, а вторые довольно выгодно пользуются соляными колодцами, вы-

мѣнивая въ Чечнѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстахъ соль на хлѣбъ. Нужно полагать, что этотъ промыселъ для мерджинцевъ и въ самомъ дѣлѣ очень прибыльный, ибо они, какъ оказалось при собраніи свидѣній, совсѣмъ не занимаются хлѣбопашествомъ.

Самый-же крайній недостатокъ хлѣба чувствуется у доринцевъ. Въ весьма немногихъ мѣстахъ этого общества земля представляется удобною для обработки и мѣстные жители не оставляютъ ее безъ посѣвовъ; но ежегодно бывающіе тамъ періодическія сильныя бури и градъ, по словамъ туземцевъ, доходящій величиною до голубиного яйца, истребляютъ совершенно посѣянный хлѣбъ. Горцы для пріобрѣтенія его принуждены были, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, сбывать имѣвшійся у нихъ въ достаточномъ количествѣ скотъ. Разведеніемъ скотоводства — этою главною отраслю хозяйства, встрѣчаемою обыкновенно во многихъ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа, — горцы Ингушевскаго округа, какъ видно изъ приведенныхъ выше статистическихъ цифръ, также особенно не отличаются. И въ этомъ случаѣ обвинять ихъ въ равнодушіи къ своему хозяйству нельзя: горецъ прилагаетъ все свое стараніе, всѣ свои физическія силы, чтобы достигнуть улучшенія домашняго быта; но суровая природа, какъ-бы насмѣхаясь надъ усиліями бѣднаго человѣчества, разрушаетъ попытки его улучшить свое хозяйство.

Человѣку, первый разъ попавшему въ горы, придется конечно удивляться тѣмъ нечеловѣческимъ усиліямъ, которыми употребляетъ горецъ для того, чтобы находящіеся въ его распоряженіи скудные клочки земли служили ему подмогою въ средствахъ для жизни.

Приготовить покосное мѣсто въ горахъ и потомъ собрать съ него сѣно также трудно, какъ и приспособленіе полей для посѣвовъ. Прежде всего нужно было крутыя покатости горъ очистить отъ камня; но такъ какъ величина многихъ изъ этихъ камней не позволила людской силѣ сдвинуть ихъ, то покосныя мѣста должны были остаться между ними. Здѣсь-то, подъ пальцами лучами солнца, горецъ работаетъ косякомъ и сгребаетъ въ небольшія копны накошенную траву. Непривычный человѣкъ едва-ли-бы сумѣлъ свободно ходить по этимъ покоснымъ мѣстамъ. Только доставка сѣна внизъ горцу нетрудна: конна обыкновенно туго переплетается древесными гибкими прутьями и въ такомъ видѣ сталкивается подъ гору; нѣрѣдко, впрочемъ, случается, что копыя, ударившись о камень, разрываетъ связывающіе ее

Handwritten notes and checkmarks on the right margin, including a large checkmark and some illegible text.

шрутъ, и сѣно, всегда легкое и безъ бурьяна, разлетается по воздуху; горцу-же остается смотреть, какъ исчезаетъ быстро его трудъ, да снова взяться за другую копну.

Джераховцы, какъ сами они показываютъ, имѣли прежде довольно большія стада рогатаго скота и барановъ; но когда часть ихъ земли, принадлежавшая имъ въ Тарской долинь *), поступила во владѣніе казаковъ, они принуждены были сбывать этотъ скотъ, не имѣя возможности обезпечивать его ни пастбищными мѣстами, ни заготовленіемъ на зиму сухаго корма, и оставили у себя лишь то количество, которое оказалось возможнымъ содержать для своихъ домашнихъ потребностей.

Галгаевцы имѣютъ скота нѣсколько болѣе и имъ-то, главнымъ образомъ, поддерживаютъ свое существованіе; но такъ какъ владѣемая ими земля, можно сказать, самая непронзводительная во всемъ участкѣ—усѣяна камнями и состоитъ изъ множества балокъ, разорванныхъ крутыми покатостями,—то для содержанія своего скота, они занимали принадлежащую казакамъ гору *Ушкотъ* **) и пастбищныя дачи у цоринцевъ.

Выше уже было сказано, что цоринцы имѣли достаточное количество скота и это не кажется сомнительнымъ: земля цоринцевъ дѣйствительно представляетъ всѣ тѣ удобства, которыя необходимы для разведенія его; но большая часть земли этой, въ описываемое время, за неимѣніемъ скота, пропадала безъ употребленія или на нее пускался скотъ сосѣдей, которые, за прокормъ самаго большаго стада въ продолженіи лѣта, платили *двухъ* барановъ.

Земля акинцевъ и мерджинцевъ представляетъ также весьма выгодныя условія для скотоводства, но оно, какъ видно изъ тѣхъ-же статистическихъ свѣдѣній, неособенно было развито у нихъ, и причину тому, по всей вѣроятности, нужно искать въ тѣхъ неблагоприятныхъ для экономическаго быта обстоятельствахъ, въ кои они, и особенно акинцы, были поставлены до 1858 года—времени покоренія ихъ.

Всѣ приведенныя мѣстныя неудобства, само собою разу-

*) Долина эта находится въ верховьяхъ р. *Камбилески* и верстахъ въ 12-ти отъ г. Владикавказъ. Тамъ поселена была ст. *Тарская*, принадлежавшая 2 Владикавказскому казачьему полку.

**) Горы *Ушкотъ* и *Бутучаръ*, очень богаты по своей расцительности, сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время предоставлены во владѣніе галгаевцевъ.

112

иется, устраняют поводъ обвинять горцевъ въ лѣни и недостаткѣ желанія устроить лучше свой бытъ. Что большая часть изъ нихъ бѣдствуетъ главнымъ образомъ лишь отъ недостатка земли—самаго существеннаго элемента благосостоянія страны,—можно подтвердить еще одною особенностію, встрѣчаемою въ горахъ: недостатокъ ея такъ ощущителемъ, что горцы не имѣютъ даже обыкновенныхъ кладбищъ, а складываютъ, или вѣрнѣе сваливаютъ трупы умершихъ въ нарочно-устроенные изъ земли склепы. Подобный обычай погребенія, какъ говорятъ сами жители, сложился единственно вслѣдствіе недостатка земли. Это показаніе подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ: склепы обыкновенно находятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ, дѣйствительно, сдѣлать что-нибудь другое нельзя было.

0. 5. 5. 5. ✓
Ince...
by cut...
2 hr...
yars

Немногіе изъ зажиточныхъ горцевъ имѣютъ по нѣскольку сашетокъ пчелъ, лишь для домашняго своего употребленія.

Земля въ часткѣ раздѣляется на частную и общественную собственность: къ первой принадлежатъ пахатные участки, лѣсныя дачи; а ко-второй—выгоны и во многихъ мѣстахъ покосныя земли и лѣса.

Лѣсъ въ горахъ состоитъ: у джаракцевъ изъ чинара (бука), мелкихъ деревьевъ ольхи, орѣха и кустарниковъ лоховника и барбариса; у кистинцевъ, галгаевцевъ и цорикцевъ встрѣчаются сосны, растущія въ глубокихъ ущельяхъ или на крутыхъ возвышенностяхъ, а также береза, ольха и барбарисъ. Весь этотъ лѣсъ, преимущественно, растетъ на сѣверныхъ склонахъ горъ. У акинцевъ чувствуется особенно большой недостатокъ въ немъ; кромѣ мелкихъ кустарниковъ ольхи, березы и рододендрона, прозябающихъ въ Галанчорджскомъ ущельи,—другаго лѣса нѣтъ. Зато это благо вполне далось мереджинцамъ: ущелье р. Фортанги, у котораго они живутъ, покрыто сплошнымъ чинаровымъ лѣсомъ; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ встрѣчается и дубъ.

Хлѣбъ, сѣно и дрова перевозятся жителями на выюкахъ ешаками и лошадьми; но въ мѣстахъ, гдѣ дорога сколько-нибудь представляется возможною для колесной ѣзды, есть что-то въ родѣ аробъ. Эти своеобразныя арбы состоятъ изъ трехъугольнаго плоскаго плетешка, прирѣпченнаго къ оси, на которой вѣрнутся два колеса, имѣющія не болѣе полуаршина въ диаметрѣ и вырубленныя просто изъ доски. Въ эти арбы, кажушіяся по виду не больше какъ дѣтскою забавою, впрягаются, безъ различія, лошади, ешаки и волы; о сбруѣ также неособенно заботятся;

✓

она состоитъ изъ чего-то похожаго на шлею, въ которой веревками прикрѣпляютъ оглобли; другія принадлежности сбруи не въ употребленіи.

Торговля горцевъ находится еще въ первобытномъ состояніи: она заключается въ обоюдномъ обмѣнѣ между собою предметовъ первой необходимости; да и трудно найти у нихъ какіе-нибудь другіе предметы для сбыта, а если-бы и нашлись, то туземецъ, изъ обычнаго предрасудка, считающаго непозволительнымъ торговать мелкими избытками своего хозяйства, не поведетъ ихъ куда-бы то ни было на продажу. Хорошимъ матеріаломъ для торговли могъ-бы служить кистинцамъ и галгаевцамъ имвющійся у нихъ сосновый лѣсъ; но недостатокъ удобнаго сообщенія и трудность вывоза его изъ мѣста, гдѣ онъ растетъ, до того велики, что жителямъ стѣдуетъ большихъ усилій доставка нѣсколькихъ бревенъ для своего домашняго обихода. Эти-то причины оставляютъ богатый матеріалъ безъ употребленія.

Горскія женщины, въ свободное отъ полевыхъ и домашнихъ работъ время, занимаются производствомъ туземнаго плохаго сукна изъ бараньей шерсти,—но и только; всѣ остальные матеріалы, необходимыя для одежды и обуви мужчинъ и женщинъ, покупаются на плоскости или доставляются горскими евреями.

Обыкновенно, верхняя одежда горцевъ-мужчинъ состоитъ изъ черкески туземнаго сукна, ситцеваго бешмета, папахы и чевякъ, дѣлаемыхъ изъ лошадиной кожи, или изъ сабына, съ подошвами изъ этой кожи; зимою сверхъ этого костюма носится овчинная шуба, а ноги облекаются въ полстяные теплые чевякъ, похожіе на валенки. Женщины, сверхъ обыкновенной кумачной рубахи, доходящей до колѣнъ, носятъ бешметы изъ такой-же матеріи; остальной костюмъ составляютъ широкіе шаравары, подвязанные у чевякъ; голова повязывается кускомъ бѣлой бязи; костюмъ дѣвушки нисколько не отличается отъ женскаго, но голова послѣднихъ повязывается особеннымъ манеромъ. Женщины зимою носятъ шубы, но надѣвать ихъ дѣвушкамъ считается большимъ срамомъ. Предполагается, что молодая кровь должна согрѣвать ихъ. Дѣти лѣтъ до четырехъ не облекаются почти ни въ какую одежду, и исключеніемъ въ этомъ служатъ только дѣти болѣе состоятельныхъ родителей. Съ четырехъ-лѣтняго-же возраста ихъ одѣваютъ въ рубашки, а дальше даютъ и шаравары; зимою-же одѣваютъ въ полушубки. Весь костюмъ горцевъ-мужчинъ и женщинъ, по обыкновенію, до невѣроятности грязенъ и особенно грязно нижнее

бѣлье; последнее, одишь разъ уже надѣтое, не снимается до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочья. Подобная неопрятливость—само-собою—вызываетъ назожныя болѣзни и заводитъ мнѣряды насѣкомыхъ; дѣти особенно подвержены этимъ болѣзнямъ и рѣдкаго изъ нихъ можно встрѣтить безъ коросты и лишаевъ. Все это, взятое вмѣстѣ съ недостаткомъ здоровой пищи и тяжелой работой, дѣлаетъ горцевъ блѣднотлицыми и на видъ несо-всѣмъ здоровыми. Недостатки эти, въ свою очередь, отразились и на умственномъ развитіи ихъ. Нельзя сказать, чтобы они отъ природы были лишены способностей; но въ нихъ замѣчается недостатокъ быстрой сообразительности и потому всякое толкованіе понимается ими чрезвычайно туго. Нужно пріобрѣсти особенную сноровку говорить съ ними такъ, чтобы они понимали то, что имъ говорятъ; малѣйшія недомолвки ставятъ ихъ въ тупикъ, и въ такихъ случаяхъ они всегда обращаются за разъясненіями къ постороннимъ или къ переводчикамъ, хотя въ тоже время увѣряютъ, что они поняли сказанное. Впрочемъ, здѣсь нерѣдко бываютъ виноваты и сами переводчики. Эти люди, мало-мальски выучившіеся говорить по-русски, уже воображаютъ себя нѣвѣсть какими знатоками нашего языка и стараются всегда передавать смыслъ разговора въ цѣлующей формѣ, чѣмъ нерѣдко искажаютъ самый смыслъ. Впрочемъ, между горцами можно встрѣтить и довольно толковыхъ людей и они особенно нерѣдко выдаются между джераховцами. Причина этого развитія ихъ, нужно полагать, зависитъ отъ болѣе частаго столкновенія съ жителями плоскости и вообще отъ болѣе широкой дѣятельности во внѣшней ихъ жизни.

Такъ какъ между описываемыми горцами сословныхъ подраздѣленій не существуетъ, то и женщины у нихъ пользуются большими правами свободы, но зато и обременены большею долею труда. Ихъ трудовая дѣятельность не ограничивается домашнимъ очагомъ: онѣ, наравнѣ съ мужчинами, занимаются полевыми работами. Только жены лицъ болѣе состоятельныхъ и пріобрѣвшихъ себѣ уваженіе личными заслугами не простираютъ занятій за предѣлы своей сахи; но и онѣ не считаютъ необходимою врататься отъ взоровъ постороннихъ, какъ это дѣлается у другихъ почетныхъ горцевъ, и если случается, что онѣ прячутся, то это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ жилища посѣщаютъ посторонніе люди—русскіе и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ гости. Совсѣмъ иначе на свои заслуги

✓
Intellect

✓
work of women

смотреть мужчины. Они несколько не выжидаются приобретенными ими уваженіемъ къ себѣ, и во время работы, какъ самый простой туземецъ, трудятся надъ своимъ добромъ: Мнѣ приходилось встрѣчать многихъ туземцевъ-офицеровъ, которые, нисколько не стѣсняясь аваніемъ, очень усердно работаютъ косою, топоромъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можно работать.

Не смотря на самую жалкую обстановку жилищъ, нищету и бѣдность, встрѣчаемыя почти на каждомъ шагѣ, горцы отличаются чрезвычайно-радушнымъ гостепріимствомъ. Кромѣ наружныхъ знаковъ почтенія къ гостю, самый бѣднѣйшій изъ жителей старается окружить его всевозможнымъ довольствомъ. По понятіямъ горцевъ, гость—лицо священное для нихъ; украсть что-нибудь у гостя—значить кровно обидѣть хозяина, у котораго онъ остановился. Этотъ хозяинъ также считаетъ величайшимъ стыдомъ для себя позволить арестовать или вообще обидѣть ступившаго за порогъ его савли человека. Бывало нерѣдко, что въ подобныхъ случаяхъ хозяева брались за оружіе и умирали, защищая гостя.

Джераховцы, кистинцы и галгаевцы считаютъ себя магометанами, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ встрѣчаются нѣкоторые христіанскіе и языческіе обряды; особенно рѣзко выдаются послѣдніе. Не знаю, какъ теперь, но въ 1865 году еще можно было видѣть тѣхъ людей, на которыхъ лежала роль жрецовъ—исполнителей различныхъ религіозныхъ церемоній.

Многія мѣста въ горахъ названными обществами считаются священными. У джераховцевъ и кистинцевъ, напримѣръ; признаются священными: такъ называемая Столовая гора, видимая изъ Владиваива на югъ, на которой есть часовня, известная подъ именемъ *Мацели* (въ переводѣ на русскій языкъ—Божіей Матери), пещера *Тамичъ-эрдъ*, находящаяся около аула Хули, и свала вблизи этого-же аула, на которой лежитъ желѣзный крестъ, вдѣланный въ камень. У галгаевцевъ: часовня *Джерахъ-деель* и церковь *Тхаблй-эрдъ*. Святость этой послѣдней галгаевцы настолько уважаютъ, что оставляютъ около нея, безъ всякаго присмотра, хлѣбъ, сѣно, дрова и проч., нисколько не опасаясь, чтобы кто-нибудь осмѣлился похитить вѣренное подъ защиту церкви. По разсказу стариковъ, въ одной изъ полуразрушенныхъ келій, окружающихъ церковь; есть отверстіе (заложенное), ведущее въ подземелье, въ которомъ хранится человѣческая кость—бедро, имѣющее въ длину слишкомъ два аршина.

Когда въ торжестве свисают занавеси (райское жилище), и жрецы открывают
нижъ занавесъ собираются въ церковь и получают одному изъ
посвященныя старцевъ отприветствіе въ назначенное подземное ме-
стце оттуда востанетъ съ ними, ослепотевший народомъ, выборный
идеть въ рудасы, потрушивать его и сколько разъ въ воду и за-
тѣмъ идти отсюда въ нѣкую кривизну ея. Туземцы уверя-
ютъ, что всегда какъ бы прибываютъ въ этой перемѣнѣ, дождь
идеть на нихъ. Кроме этого, некоторые туземцы по секрету раз-
сказываютъ, что тамъ же, въ другой подземельи, хранится
жизни и первоначальная жизнь, но никто не выказывается указать это
мѣсто, какъ и то, гдѣ хранится благодѣтельная кость. Если
ублаженные туземцы не считаютъ эту послѣднюю исторію лишь
для удовлетворенія любознательности путешественниковъ, то, мо-
жетъ быть, и представится современемъ возможность открыть эти
дворцы памятники и ими освѣтить темное прошлое этихъ горъ.
Во время этихъ священныя ивѣстѣ, въ различное вре-
мя года, названные туземцы собираются совершить свои праз-
днества*). Для этого берутъ съ собою жезлы, обреченный на
жертву, прочь того каждый объявить, пришедши туда, обнести на-
кое-нибудь, по средствамъ, приношеніе: стаканъ, комокъ чихи, и
значить или другую мелочную вещьцу. Такимъ образомъ, свя-
щенныя ивѣста забалены костями и рогами приносимыхъ въ
жертву животныхъ и лучами названныхъ предметовъ, все это
считается неприкосновеннымъ и никто, подъ страхомъ бже-
скаго гнѣва (библейское понятие), не можетъ право уносить ихъ
оттуда:

По словамъ туземцевъ, для слѣдованія на празднество
у нихъ существуетъ особый церемоніаль, заключающійся въ слѣ-
дующемъ. Одинъ изъ жрецовъ, по общему согласію, избирается
управлять церемоніею. Наканунъ дня праздника, онъ дѣлаетъ
распоряженіе, чтобы всею взрослыми дѣвушки, поутру на другой
день, собрались на назначенный пунктъ; сюда же спѣшатъ и вѣсь
мужчины, желающіе принять участіе въ торжественномъ шествіи.
Когда весь этотъ людъ соберется, жрецъ-церемоніеистеръ
выбираетъ изъ присутствующихъ самую красивую дѣвушку и
предлагаетъ ей идти впередъ, а самъ идетъ за нею, держа въ

*) Во время магометанскаго праздника *бейрама* и одобрѣ въ новый годъ
а также, наизвѣстнаго дачу, и въ половинѣ юня мѣсяца, въ это послѣд-
нее время ходятъ на Столовую гору, къ часовнѣ Мацели.

ей, владык, призыву предъ собой, и дружица. Такихъ случаевъ составило много, некоторые даже со друзей, доправившись къ назначенному дню, вразумивъ, вступили въ путь. Пришедши туда, бьютъ святъ и праздникъ, ставившаясь браво, шарлемъ иль пивкою ниве, а вгортавлямаго ради галлия, олушевъ, всегда въ боть шидъ равнѣрайтъ, и наивольнъ, новогонъ, а самъ бьота иривидъ ства отстоитъ далеко отъ олушъ. Подлѣдному случаемъ бывають очель ради молодежи, которая на прочъ завеси; любовная тѣл тришня. Первыкъ случается, также, что разгоревшаяся (пивоши) молодежь даетъ замъ различные обѣты: возмнцата въ олушѣ, мач; добности другъ друга, мотатъ оловымъ вратамъ и т. д. Бывають даже и такъ, что, послѣ данной клятвы, кто-нибудь, развѣдатель, изъ боть отъмашныхъ и разгораченныхъ, свидѣтъ на дощъ иу бѣтъ нескать возможности немедленно метить сводимъ кровью камъ *), которые есть нуть-ли на у дощѣго зрѣнма. Нушна, впроче,мъ, полагать, что эргодъ щель одывають на 10—15-той вортъ, такъ какъ горцы, за рѣдкими лишь исключеніями, всегда побѣгаютъ не только умышленной, но и олучайной встрѣти съ кровниками; только при невозможности избѣгнуть да—враги беруться за оружіе.

Джераховны и кистины слѣдуютъ въ большей части олучшевъ магометанскому ученію. Галдаевцы, же, хотя и считають себя магометанами и у нихъ есть мудлы, но придерживаються все-таки пражнихъ обрядовъ своего страннаго богороду жеванъ, т. е. молятся только по ночамъ, у особе устроенныхъ дѣл камня, на возвышенныхъ мѣстахъ, близъ владбищъ, четырахъ:

Кровавая вражда возникаетъ вследствие убійства во время споръ, дракъ и даже отъ неосторожности. Съ момента убійства, родственники убійцы и убитаго становятся кровниками; послѣдніе стараются отмстить первыми, также убійство, не разбирая, въ какой степени родствъ находится первый встрѣченный со сторою убійцы, но, конечно, жаждутъ всегда скорѣе отмстить самому убійцу; въ кровавой враждѣ неприкосновененъ только женскій полъ. Убійства до 1865 года рѣшались въ народныхъ судахъ по обычаю (адату); съ этого-же времени они подлежатъ суду по русскимъ законамъ. Эта новая мѣра, удаляющая всегда убійцу изъ края—наказаніе очень не-приятное для туземцевъ, — больше сдерживаетъ ихъ отъ подобнаго врасуду пленія, тогда какъ при обычномъ рѣшеніи они отдѣлывались только установленною кровною платою. Попадались въ народные суды и такіа кровныя дѣла, по разборѣ которыхъ оказывалось, что вражда длилась втѣченіи 100 и 150 лѣтъ и въ каждой изъ враждовавшихъ сторонъ чело убитыхъ доходило до 20 душъ.

31000
1870-1875

указанным образом у ног человека; у подмышк стелба; съ восточной стороны; сидела на маленьком ящике, в котором могла сидеть владетельное животное; ставъ на ноги. Весь процесс молельно заключался относительно магическимъ образомъ. Но и Сосналь также встрѣчается у «принцевъ», аканцевъ и ирредивинцевъ: они чистые магетане, но крайней мѣрѣ въ настоящее время. Судя по тѣмъ остаткамъ христіанства, которые сохранились у нихъ въ видѣ каменныхъ арестовъ, конечно нѣтъ сомнѣній, что, до появления имамовъ, они поклонялись одну и ту же религію, какъ и сосѣди ихъ — талганды, но съ появленіемъ тѣхъ строгихъ религіозныхъ магетанства и съ политическимъ подчиненіемъ ихъ власти, акинцы и ирредивинцы принуждены были оставить религію предковъ и перейти въ исламизмъ. У принцевъ же, оставшихся все время покорными русскому правительству, магетанство развилось уже, вѣроятно, отъ чистыхъ споспѣевъ сосѣдями — авдыми магетанцами и отъ большей доступности въ пребываніи въ ихъ аулахъ муллъ.

Не удалось въ историческомъ изслѣдованіи о происхожденіи вышеприведенныхъ сказанныхъ вѣрованій горцевъ, никогда невозможны при отсутствіи сколько-нибудь положительныхъ данныхъ о прошломъ, можно однако же предполагать, что весь этотъ религіозный сумбуръ возникъ отъ тѣхъ, по всей вѣроятности, частыхъ переходовъ отъ христіанства въ магетанство, которые дѣлались на догѣ этихъ горцевъ въ разные эпохи появленій между ними многочисленныхъ пришельцевъ. Подобное предположеніе не покажется страннымъ, если припомнить, что въ послѣднія времена грузинская догора; въ сосѣдствѣ съ которой обитаютъ джераковцы, кистинцы и прочіе описываемые мною горцы, самая изданная чуть-ли не единственный сообщеніемъ между сѣверными Кавказомъ и Грузіею.

У горцевъ обряды, сопровождающіе рожденіе, свадьбу и похороны, совершенно одинаковы, какъ и у плоскогорныхъ ингушей.

Рожденіе младенца мужескаго пола встрѣчается всегда съ большимъ торжествомъ. Появленіе на свѣтъ такого ребенка воздвигается въ страсти. Какъ только въ родильницѣ слышится крикъ ребенка, присылаютъ гусакую, если такая имеется, или въ другую отдѣльную саклю, собираются принести поздравленіе сосѣди и вообще одноаульцы. Счастливый хозяинъ, считающій рожденіе мальчика благодатью, посланною свыше на его семью, радушно встрѣчаетъ гостей, и если онъ человекъ содей-

Всѣ ✓

✓
Сватовство
Сватовство

тедьный, рѣшотъ быка или нѣсколько барановъ. Сидящихъ собираютъ дѣвущыя. Вассель и танцы продолжаются три дня. Чтобы дать дню новорожденному, выбираютъ нѣсколько молодыхъ людей, которые берутъ себѣ каждый по одной лядынкѣ отъ зарванныхъ барановъ; затѣмъ они усаживаются кружкомъ въ сторуки и начинаютъ по очереди ладать на землю лядынки. Нѣтъ ладъ этихъ лядынокъ прежде свалить на землю ребромъ, или зор и даютъ младенцу. Рожденіе дѣточки не сопровождается какъ торжественно: поздравлять приходять одни женщины и своего праздника не устраиваютъ. Имя новорожденной дается танцующимъ порядкомъ, какъ и мальчику, но съ такою разницею, что въ этомъ случаѣ лядынки бросаютъ дѣвущыя.

Сватовство и затѣмъ самая свадьба происходятъ такъ. Одинъ изъ родственниковъ замужаго жидится отправляется къ роднымъ дѣвущки, которую хотять сватать, и дѣлаетъ предложеніе выдать ее замужъ. Если родные согласны выдать ее за называемаго человека, зовутъ дѣвущку и спрашиваютъ, согласна ли она выйти за него. Это спрашиваніе ни больше, ни меньше какъ форма, которую обычно требуютъ исполнить, и послѣ этого, согласна или нѣтъ дѣвущка, рѣшаютъ выдать ее. Конечно, бывають случаи, что на подобное рѣшеніе жалуются протесты со стороны дѣвущекъ, но они, какъ вездѣ и всегда дѣлается, вызываються только тогда, когда дѣвущка выйдетъ въ виду другаго жениха или ужъ черезъ чуръ преубѣждена противъ сватающагося человека; въ большинствѣ же случаевъ актъ безропотно покарятся своей участи. Когда танцы образуютъ соглашеніе состоялось, предъявляется агульвай мулла и два свидетеля, въ присутствіи которыхъ дѣлается формальное условіе; затѣмъ вносится женихомъ, въ видѣ выкупа, 25 руб. *) на приданое девѣсты и предоставляется право ему взять ее въ опредѣленный

*) До 1863 года калымъ за невесту въ Ингушскомъ округѣ определялся 16-ю коровами или, считая за каждую среднимъ числомъ по 10 р., — 180 руб. Такъ какъ подобная плата, при экономическихъ условіяхъ Ингушъ, для большинства была обременительна, то въ названномъ году сдѣлано предложеніе варадану суку, при предложеніи же женителю некоторыхъ обычаевъ, измѣнить и настояній. Тогда суды постановили: вмѣсто сватовскаго калама, вносить только 25 р. и 80 р. назначена собственнаго обязательства выходящей замужъ, на случай смерти мужа или развода съ нимъ. Первые деньги должны вноситься при заключеніи условій, а послѣднія, т. е. 80 руб., предоставляется дѣвущкѣ получить при выходѣ въ замужество, или вполнѣтвѣ, когда она выйдетъ въ супружество.

*Widman
proceeds*

автом. Въ этотъ срокъ являются къ новобрачнымъ люди, въ сопровожденіи ихъ и подружки. Она, мать, покрываломъ, доставляется въ домъ жениха; во время этого перепада, девушки поютъ песни, а молодежь занимается джигитовкою. По прибытіи же въ домъ жениха, начинается настоящее веселье; пляшутъ, поютъ, едятъ и пьютъ. Вся это продолжается втеченіи трехъ сутокъ. Какъ во время пересяденія невесты, такъ и во все дни праздника, женихъ не показывается и водушается въ избе супруга только по окончаніи этого веселья.

У горцевъ, какъ вообще у малометанъ, допускается многоженство. И этимъ правомъ одесываемые горцы пользуются очень часто; многие изъ нихъ имѣютъ по два, а случается — и до три жены. Рельзякъ говоритъ, чтобы эту роскошь позволяли себѣ одни состоятельные люди; нѣрѣдко можно встрѣтить двухъ жень и у бѣдняка. Результатомъ подобныхъ содружествъ, само собою разумеется, является почтенная дѣра дѣтей, доходящая очень часто до 17-ти душъ однихъ живыхъ. Кроме этого, горцы большіе охотники имѣть жень, т. е. разводиться съ прежними и брать новыхъ. Эту прелесть они оправдываютъ, обыкновенно, тѣмъ, что прежняя жена была бесплодна или давала дѣтей только женскаго пола. Матеріальное состояніе подобныхъ людей, какъ и нужно ожидать, представляетъ всегда весьма плачевное положеніе; надерзки, требующи на неоднократную женитьбу, окончательно подрываютъ благосостояніе ихъ, почему и неудивительно, что этотъ разрядъ людей бѣдствуетъ больше, чѣмъ другіе.

Независимо отъ описаннаго законнаго пути вступленія въ содружество, горцы придерживаются и другого: дохищаютъ жень. Дѣлается это частію изъ желанія добычу лишнихъ трагъ, необходимыхъ при нормальномъ бракосочетаніи, а иногда и просто изъ глупства. Но люди, поступающіе такъ, будто изъ экономіи, всегда жестоко ошибаются, потому что, кроме установленнаго казны, они обязаны платить и за безчестье, нанесенное семейству, изъ котораго дохищена дѣвушка, если на то не было ея согласія. Плата за это безчестье определяется тремя лошадыми. Потому, не смотря на предпріятыя мѣры къ устраненію всякихъ случайностей, зачастую бываетъ, что рожные догадываются или узнаютъ о дохищеніи и начинаютъ преслѣдованіе. Если отставнымъ молодому не удается скрыться, то происходитъ драка, послѣдствіемъ которой бывають убійства и раненія. Въ видахъ устраненія этихъ несчастныхъ случаевъ, мѣстная

122 X

✓
Darth
burial

власть не была необходима запретить подобныя молодечества и строго наказывать провинившихся.

Умерших людей, если смерти предшествовала явная болезнь, хоронят въ тотъ-же день; если-же она послѣдовала скоропостижно и неожиданно, то тѣла такихъ людей оставляютъ непогребенными втеченіи трехъ дней, это отступленіе отъ общаго правила дѣлается для того, чтобы дать возможность роднымъ и знакомымъ повидаться въ послѣдній разъ и проститься съ покойникомъ, тогда какъ при трудной болѣзни это прѣпятствіе дѣлается во время посещеній больного. По совершеніи омовенія покойника, на него надвигаютъ чистую длинную рубашку и потомъ заворачиваютъ въ нарочно-спитый бѣлый саванъ; въ такомъ видѣ оставляютъ его на кладбищѣ, если оно недалеко, покойника несутъ на рукахъ, а въ противномъ случаѣ кладутъ въ арбу; на кладбищѣ, безъ особенныхъ церемоній, умершаго хоронятъ въ могилу и кладутъ на правый бокъ, головою на югъ, т. е. къ Меккѣ. Какъ только человекъ умеръ, во дворъ его собирается народъ; сюда-же стекаются и аульные женщины; послѣднія, расположившись на дворѣ въ кружокъ, начинаютъ причитанія. Вся эта толпа, за исключеніемъ женщинъ, слѣдуетъ за покойникомъ на кладбище; женщины-же, проводивъ трупъ по своему аулу, возвращаются во дворъ умершаго, садятся въ кружокъ и начинаютъ снова свою музыку, до тѣхъ поръ, пока ихъ не позовутъ ѣсть. Недавно существовалъ обычай при похоронахъ бить себя, но онъ въ настоящее время уже вывелся и встрѣчается какъ исключеніе.

Если семья умершаго богата, она нанимаетъ на первыя три сутокъ послѣ погребенія муллу, который въ это время долженъ оставаться на могилѣ и читать молитвы; независимо отъ втораго; читаются другими шугою или учениками молитвы также и въ домѣ умершаго.

Для поминокъ рѣжется быкъ, корова, бараны, смотря по состоянію покойнаго. Эти поминки, по обычаю, должны продолжаться не менѣе трехъ дней, но у людей почетныхъ и богатыхъ они бываютъ продолженія цѣлой недѣли. Кроме того обычай требуетъ, въ первую послѣ смерти покойника пятницу, зарѣзать также какое-нибудь животное; и мясо его, въ выроль видѣ, раздать бѣднымъ. Люди-же менѣе состоятельные раздаютъ хлѣбъ, соль и другіе жизненные продукты. Затѣмъ надлежитъ правосторонній обрядъ, одѣвать покойника по умершему родственнику въ пред-

X
123

никъ, Бадрама, а люди богатые доверять имъ въ этотъ праз-
никъ три года спяку.

Кромѣ этихъ обычныхъ обрядовъ, сопровождающихъ, такъ
сказать, обыкновенныя явленія жизни горцевъ, встрѣчались недавно
между ними еще два чрезвычайно интересныхъ обычая — примире-
нія между собою кровныхъ враговъ.

Было я уже упомянулъ о тѣхъ обыкновенныхъ способахъ,
которыми означивалась эта вражда; интересъ же упомянутыхъ
сейчасъ заключался въ слѣдующемъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда
вражда длилась очень долго и рядъ убійствъ слѣдовалъ одинъ за
другимъ, посторонніе люди брались соглашать враждующія сто-
роны къ примиренію; но такъ какъ оно состоялось тѣмъ путемъ,
какимъ вообще означиваются ссоры и неудовольствія между людь-
ми двандеоранскими, не могло, по той простой причинѣ, что
кровники не должны лично встрѣчаться безъ того, чтобы не взяться
за оружіе, — то и прибѣгали къ такому обороту: родственники
той стороны враговъ, которая считала за собою кровь, т. е.
слѣдела послѣднее убійство, соглашались идти на могилу послѣд-
няго убитаго ими. Пришедши туда, они ложились ничкомъ на мо-
гилу, начинали рыдать и бить себя, и оставались въ такомъ по-
ложени до тѣхъ поръ, пока не являлась поднять ихъ враждую-
щая сторона. Какъ только желающіе пресить прощаніи прихо-
дили на могилу, объ этомъ тотчасъ же давали знать противни-
камъ посторонніе, нарочно взятые для этого. Подобное извѣстіе
встрѣчалась всегда со стороны женщинъ ужаснымъ крикомъ, пла-
чемъ и закидываніемъ своихъ не прощатъ враговъ. Родственники
убитаго, всегда на первыхъ порахъ старались доказать не-
желаніе къ примиренію, срывались куда-нибудь изъ аула, но
ихъ преслѣдовали свои односельцы и другіе посторонніе люди и,
отыскавши, начинали уговаривать помириться съ кровниками.
Такъ какъ обычай не только допускалъ подобное примиреніе, но
и влечилъ стыдомъ людей, не соглашавшихся на него, то, въ
большинствѣ случаевъ, они поддавались на уговоры и наконецъ
соглашались на мирную. Тогда, обрѣвши выходы въ сопро-
тивленіи постороннихъ, шли на кладбище и тѣмъ въывали про-
щаніе. Звонки слѣдовали вѣру. Бывало впрочемъ и такъ, что
оставшіе на мѣстѣ, не дожидаясь степенія вѣсковныхъ дней
прихода противниковъ и извѣщенные объ умеренности ихъ отъ
примирителю, оставали кладбище; послѣ этого вражда заключалась
съ новымъ слогомъ. Чѣмъ дольше примиренія на могилу оставалась

✓
Ceremony of
peace-
making
between
blood enemies

тамъ, тѣмъ болѣе имъ давало это чести; зато, на оборотъ, все
общее презрѣнiе падало на долю тѣхъ, которые упорно не согла-
шались помириться и вынудили этимъ протививовъ удалиться
съ кладбища.

✓
Suckling 0
most of
man kills

Другой способъ вѣрнѣе достигалъ желаемого результата:
убійцу уговаривали пойти секретно къ матери убитого и посо-
сать у нея грудь. Для этого нарочно прискивали случаи и на-
талкивали на него виновнаго. Женщины-матери, увидѣвши врага
и догадавшись о предательствѣ, всегда старались всѣми мѣрами
не допустить убійцу къ себѣ, но постороннiе помогали послед-
нему и въ этомъ случаѣ—схватывали и держали сопротивлявшу-
юся женщину. Какъ только кровникъ успѣлъ пососать грудь—
онъ становится такимъ-же сыномъ ея, какъ и убитый. Съ этого
момента уже никто не вправе былъ мстить ему. И нужно замѣ-
тить, что подобное, такъ называемое, родство оказывалось всегда
гораздо прочтѣе, чѣмъ кровное.

Въ дракахъ, гдѣ, вмѣсто оружія, употреблялись, напримѣръ,
палки. Какъ довольно обыкновенныя явленія, подобныя драки не
влекли за собою особенныхъ послѣдствій и скоро забывались,
если въ такой дракѣ, по случаю, не задѣвали кого-либо по голо-
вѣ, но совсѣмъ иной оборотъ принимало дѣло, когда кто-нибудь
получалъ ударъ въ голову. Если ударъ бывалъ такого свойства,
что оставлялъ видимыя слѣды поврежденія, то жалоба обижен-
нымъ заявлялась немедленно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда тако-
вой былъ неособенно чувствителенъ, дѣло кончалось, по види-
мому, само-собою и совсѣмъ забывалось. Проходилъ такимъ об-
разомъ годъ-другой. Случая это время, получившій когда-то ударъ
вдругъ начиналъ чувствовать головную боль, недолго задумы-
ваясь, онъ приписывалъ причину этой боли именно тогда-то полу-
ченному удару, и только тогда заявлялъ на ударившаго его жалобу.
Такая жалоба могла быть рѣшима и обиженный получить удо-
влетвореніе только въ томъ случаѣ, когда туземные медики, посред-
ствомъ вѣрнѣи покрывающей голову кожи, находили какое-нибудь
поврежденіе въ черепѣ, въ видѣ, напримѣръ, какъ они говорили,
трещины въ кости. Многочисленныя дѣла и неслучайныя
подобныя случаи рѣшались дѣла, но если не существовало
теперь, то по крайней мѣрѣ, недавно существовало въ обществѣ
описываемаго народа. Я знаю лично много туземцевъ, ранившихъ
свои дѣла по ударамъ, получившимъ въ голову палками, тѣмъ об-

#.

разомъ, а иногда самимъ головамъ, составляя въ себѣ ось для одной или двухъ операций. При вскрытїи черепной коробки головы, обычно требуется присутствие акушера и онъ обыкновенно добросовестно наблюдаетъ со стороны за врачомъ. Когда тазовые кости подвижны, туберкулы дуги въ просвете, начинаются скелетъ разрастаться головные позвонки на четыре части и отворачивать вправо или влево, и наоборотъ, тогда можно въ некоторыхъ случаяхъ избежать поврежденій, докторъ начинаетъ тѣмъ же ножомъ скоблить утолщенныя части и т.д.; когда же и эти части начнутъ оказываться, операторъ приложитъ напередъ свое тазовое давление, и начинается въ; а музыка и движение, въ основномъ изъясненіи медикъ и по своему личному убѣжденію, объясняютъ врачу, что жалоба его несправедлива и что онъ не имеетъ права пропускать своей искъ. Отъ рѣшеніемъ истецъ совершенно удовлетворенъ и послѣ уже действительно не требуетъ тѣмъ же. Въ другомъ случаѣ, когда открываются какія-либо поврежденія въ головѣ, операторъ вырываетъ поврежденную часть, а судителю приговариваютъ отвѣчать отъ установленной, обычной платы, и этотъ беспрекословно даетъ ее. Подобная операция, по убѣренію туземцевъ, является не трудной и вращаютъ железную пилу: суматохають болѣзнь. Насколько это справедливо, — не знаю, но могу положительно сказать, что я не помню ни одного такого случая, гдѣ-бы истецъ, послѣ произведенной малъ его головною операциою, жаловался снова на боль головы, хотя съ этою похвально, какъ я замѣтила выше, обращаетъ всеобщимъ безразличіемъ.

Многo было упомянуто, что въ такихъ случаяхъ, какъ намъ примѣръ рожденіе мальчика и свадьба, молодые люди затѣваютъ танцы. Слѣдуетъ танецъ малундскихъ горцевъ ничѣмъ особенно не отличается отъ танцевъ другихъ мадагаскихъ туземцевъ, — это на большае часть лезгинка, отличающаяся своеобразнымъ, мѣтлымъ характеромъ; но музыка для этого танца разнится даже и отъ той, которая употребительна на плоскоути. Въ горяхъ она состоитъ изъ инструмента, называемаго *чандиръ* — роль скрипки, о трехъ струнахъ. Извлекаемые на этомъ инструментѣ, посредствомъ волнообразнаго смѣченія, звуки чрезвычайно слабы и дурно похожи на жужжаніе мухъ, чѣмъ на музыку. Встрѣчается и другой инструментъ — *пандиръ*, балайва о двухъ струнахъ, на которой играютъ указательнымъ пальцемъ. Подъ одинъ изъ нихъ, съ мѣрнымъ отбиваніемъ такта въ ладоши, танцуетъ молодежь. Вслѣдствіе-ли суровыхъ условій горной мѣстности, и др.

✓
Dancer

✓
Musical
instrument

детому что горцы нередко довольно сметливы, тогда между ними вообще не въ таломъ ходу, какъ у плоскогорныхъ племенъ. Башни строятъ всегда они только на одинаковомъ, обыкновенно пошлѣе имъ таломъ дѣлѣ три известныя мѣста, а въ исключительныхъ случаяхъ приближаютъ къ вырваннаго камня. Таломъ имеетъ особенность безначальности односторонней и, благодаря приливному давленію, неприятно дѣйствуетъ на службу восторонняго, потому земля.

Описываемыя выше горцы, въ исключительной значительности и народности, считаются издавна покорными русскому правительству. Въ постоянную вражду съ соседями своими — акинами, они вступаютъ всегда наединею оплетомъ военно-границной дорогѣ съ наиболѣе непокорныхъ: До сихъ поръ еще между ними сохранялась правая ненависть и она такъ велика, что горцы, безъ особеннаго крайняго необходимости, не только не вступаютъ другъ друга, но и избегаютъ пробѣгать чрезъ земли своихъ противниковъ. Само собою разумеется, что условия такого рода и прошедшая боевая жизнь выработали изъ горцевъ, балканскихъ пограничныхъ османъ съ акинами, людей болѣе воинственныхъ, чѣмъ однополосенники ихъ — галгасины, истины и джарахины.

Важное нелишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о здѣшнихъ башняхъ. Они состоятъ преимущественно изъ каменныхъ старыхъ башенъ; въ два-три яруса, сложенныхъ безъ цемента и, или можно предположить, безъ участія какого-либо оружія, употребленнаго для отѣлки камня. Это предположеніе основывается на томъ, что камни въ стѣнахъ башенъ вовсе не носятъ слѣдовъ обработки и приложены одинъ къ другому такъ, какъ этого требовала натуральная форма ихъ. Не смотря на это, башни чрезвычайно прочны, чѣмъ далеко превосходятъ новѣйшія постройки горцевъ. Что новѣйшія этихъ башенъ принадлежатъ къ довольно отдаленнымъ временамъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, даже если судить только по наружному ихъ виду; не къ имъ и когда онѣ построены — въ сказаніяхъ горцевъ, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось. Характеръ мѣстностей, на которыхъ обыкновенно красуются башни *), равняется только одну доказательство, что первоначальные обитатели ихъ, предпринимая эти стро-

*) Онѣ построены болѣею частью на выступахъ скалъ, на оконечностяхъ гребней и вообще на такихъ мѣстахъ, которыя ни для чего другаго пригодными быть не могли.

надныя постройки, независимо отъ обремененія удобныхъ для обработыванія земель, имѣли еще въ виду и оборонительную цѣль.

Нынешніе обитатели башенъ для жилищъ занимаютъ преимущественно верхніе этажи; нижніе-же служатъ помѣщеніемъ для скота. Въ каждой башнѣ встрѣчается по нѣскольکو семействъ, котормя, обитая въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, нисколько не мѣшаютъ другъ-другу, потому что живутъ на разныхъ отдѣленіяхъ, перегородочныхъ капитальными стѣнами; всѣ имѣютъ только общіе корридоры.

Между такими просторными и служащими для жилья башнями, встрѣчаются довольно часто и другія — высокія, пирамидальныя. Видъ этихъ послѣднихъ, какъ нельзя болѣе ясно, говоритъ объ ихъ исключительно-оборонительномъ назначеніи: отъ самаго низу до верху, стѣны имѣютъ множество амбразуръ, расположенныхъ причудливою рукою строителя въ формѣ треугольниковъ, крестовъ, звѣздъ и другихъ изображеній. До сихъ-поръ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ верхнихъ большихъ амбразурахъ подъ крышею, видѣются груды покрытыхъ мхомъ камней, которые, по всей вѣроятности, предназначались служить боевыми снарядами при оборонѣ. Кроме того, башни эти попадаются всегда на самыхъ неприступныхъ возвышенностяхъ, командующихъ надъ окружающею мѣстностью; и рекомендуютъ не лишними ронованія стратегическія соображенія бывшихъ строителей ихъ.

✓
Defensive
Towers

Въ Анненкомъ обществѣ всѣ подобныя башни, служившія убѣжищемъ абренамъ и людямъ вообще преслѣдуемыхъ правительствомъ, были взорваны русскими отрядами въ 1860 году. Теперь отъ нихъ видѣются лишь одні развалины:

Гравовскій.

30 мая 1868 года.

Нальчикъ.

Въ предъидущей статьѣ, стр. 10, вскользь упомянуто объ
 обычаѣ горцевъ стекаться на похороны, съ цѣлю хорошо по-
 вѣсть. Тамъ-же, стр. 22, описаны нѣкоторые обряды, сопровождаю-
 щіе у горцевъ погребеніе умершихъ. Въ дополненіе къ этому,
 считаемъ умѣстнымъ привести доставленное въ редакцію „Сбор-
 ника“ уроженцемъ Горскаго участка, г. Чахъ Ахріевымъ, опи-
 саніе похоронъ и поминокъ, какъ они совершаются въ этомъ
 участкѣ.

Приложеніе.

Въ предъидущей статьѣ, стр. 10, вскользь упомянуто объ
 обычаѣ горцевъ стекаться на похороны, съ цѣлю хорошо по-
 вѣсть. Тамъ-же, стр. 22, описаны нѣкоторые обряды, сопровождаю-
 щіе у горцевъ погребеніе умершихъ. Въ дополненіе къ этому,
 считаемъ умѣстнымъ привести доставленное въ редакцію „Сбор-
 ника“ уроженцемъ Горскаго участка, г. Чахъ Ахріевымъ, опи-
 саніе похоронъ и поминокъ, какъ они совершаются въ этомъ
 участкѣ.

Отъ тѣхъ поръ какъ распространилась магометанская рели-
 гія между жителями Чечни, на плоскости ей стали хоронить покой-
 никовъ скоро послѣ смерти, не устраивая никакихъ похоронъ и по-
 минокъ; но въ горахъ, гдѣ еще весьма замѣтны слѣды замисова-
 нья съ кригіею христіанства, — тамъ сохранился еще обычай устра-
 ивать похороны и поминки.

Похороны составляютъ важное событіе въ горахъ, и по-
 тому быстро разносится слухъ о смерти кого-либо. Весь народъ
 изъ окрестностей стекается въ ауль, гдѣ совершаютъ похороны.
 Въ числѣ другихъ свѣшать въ такой ауль и женщины, такъ
 какъ только на похоронахъ имъ позволяетъ обычай собираться
 изъ другихъ ауловъ и составлять свой женскій кругъ. На по-
 хоронъ онѣ идутъ отдѣльно отъ мужчинъ; по дорогѣ, ведутъ
 между собою оживленные житейскія бесѣды, но какъ скоро при-
 ближаются къ аулу, гдѣ лежитъ *тазетъ* *), тотчасъ начинаютъ

*) Тамъ называется мѣсто, на которомъ собирается народъ, чтобы изъ-
 лавить свое сожалѣніе по покойнику.

плавать. При этомъ, едва ли кто изъ нихъ плачетъ въ роу: задрала, присовокупивъ слово, стиромидица до умершаго, и ударяя себя въ лицо то однимъ, то другимъ кулакомъ. Какъ только она перестаетъ плавать, остальные женщины, которыя цѣли и слушали ее молча, начинаютъ рыдать всею грудью, въ одинъ голосъ, причемъ произносятъ только одно слово: *гададай*, что значитъ про-чтеніемъ — бѣда. Потомъ опять первая солистка надрываетъ свой плачь, и такимъ образомъ онъ входитъ во дворъ, гдѣ находится тавотъ. Завѣсь, посреди двора, ложить постель и на ней платъ покойника. Кругомъ постели сидятъ аульныя женщины; когда онѣ увидятъ, что приближаются женщины изъ другихъ ауловъ, то поспѣшно встаютъ и сами начинаютъ плавать. При этомъ онѣ соблюдаютъ слѣдующій порядокъ: четыре изъ дальнихъ родственницъ покойника стоятъ посреди, а ихъ окружаютъ остальные женщины. Одна изъ этихъ стоящихъ посрединѣ, неcessуетъ при плачѣ все тѣ доблести, какими отличился покойникъ, называя его по имени, какіе онъ мудрыя планы задумывалъ, но увя! ранняя смерть помѣшала ему выполнить ихъ, и проч. и проч. Она протягиваетъ каждое слово и, при произношеніи его, она и всею остальными женщинами ударяютъ себя кулаками въ грудь, восклицая все въ высотѣ: *гададай!* Нѣкоторыя изъ нихъ въ это время царапаютъ собѣ лицо. После всѣхъ этихъ церемоній, онѣ заводятъ между собою оживленный разговоръ, забывая горе и печаль по усопшему. Уже поздно вечеромъ, онѣ возвращаются домой, а тѣ, которыя пришли изъ дальнихъ ауловъ, остаются ночевать у семейства покойника. Такимъ образомъ собирается въ домъ семейства покойника каждый день около двухсотъ женщинъ, и этотъ сборъ продолжается три дня, а иногда цѣлую недѣлю. Число посѣтителей зависитъ отъ большаго или меньшаго числа родныхъ и знакомыхъ умершаго: чѣмъ больше онъ имѣлъ родныхъ и знакомыхъ, — тѣмъ больше народа собирается на его похороны. Что касается до мужчинъ, то они преимущественно собираются въ день похоронъ, когда ихъ бываетъ нѣрѣдко челевѣкъ до пятисотъ; считая въ томъ числѣ и мальчиковъ, приходящихъ съ торбачами, чтобы имѣть въ нихъ мясо, которое достанется на ихъ долю на похоронахъ.

Каждый посѣтитель, пришедши въ домъ покойника, подходитъ съ печальнымъ видомъ къ ближайшимъ его родственникамъ, причемъ изъясняетъ имъ свое соболѣзнованіе; если же покойникъ доводится ему родственникомъ, то онъ долженъ привести

129
leid.
woman
"misfortune"

р/1

съ собой барама или пригнати дончичи семейству покойника, иначе оно прекратитъ съ нимъ всякую родственную связь. Вызываютъ случаи, что семейство покойника такимъ образомъ собираетъ около трехсотъ рублей.

Прежде у горцевъ хоронили покойника чрезъ три или четыре дня послѣ его смерти, а теперь стали хоронить тотчасъ же послѣ смерти, похоронный же пиръ устраиваютъ на другой день. Для этого пира рѣжутъ много скотины и барановъ. Родственники покойника рассаживаютъ весь народъ, собравшійся на похороны, на дворъ, группами, по пяти человекъ каждая, и подаютъ столько говядины и баранины, что каждому человеку можетъ достаться по большой порции.

Горецъ вѣруеть, что покойникъ на томъ свѣтѣ лежитъ на своей постели до тѣхъ поръ, пока на этомъ свѣтѣ не сдѣлаютъ по нему поминки; поэтому, родственники его, послѣ похоронъ спороше стараются устроить поминки, хотя они имъ обходятся дороже похороннаго пира. Кроме того что нужно рѣзать больше скотины и барановъ, потому что больше народа собирается на поминки, чѣмъ на похороны, нужно еще приготовить пива и арани, да нужно ктому же исправить чересну, башметъ, башлыкъ и вообще весь героній костюмъ для приза тѣмъ, которые пускаютъ своихъ лошадей на сначу въ честь покойника. За день до поминовенья долженъ явиться къ родственникамъ покойника всякій, желающій пустить свою лошадь на сначу. Родственники отбираютъ у нихъ лошадей, предназначенныхъ для этой цѣли, и назначая призами для первой выскакавшей лошади чересну, для второй башметъ, для третьей башлыкъ и ноговицы, а для четвертой рубашку и штаны, выбираютъ четырехъ лошадей и отправляютъ ихъ, за день до поминовенья, въ какой-нибудь дальний аулъ, къ своему родственнику или къ знакомому, съ проводникомъ. Такого проводника можно отличить еще издали, — онъ держитъ въ рукахъ бѣлый значокъ. Всадники, отправляющіеся на згихъ избранныхъ лошадяхъ, тоже держатъ въ рукахъ вѣтвятыя палки, съ привѣшенными къ нимъ яблоками и орѣхами. Когда они достигнутъ аула, предназначеннаго одужить для нихъ и тотомъ ночлега, то тамъ они отдають свои палки почетнымъ старикамъ, оставляя только одну изъ нихъ для того родственника покойника, у котораго они должны ночевать. На слѣдующій день, рано утромъ, они выѣзжаютъ отъ него въ обратный путь, причемъ проводникъ ихъ мѣняетъ свой значокъ. Сначала они идутъ шагомъ, а дог-

Всего же
время до
время до

да... оставшаяся! Вороты двенадцать до аула, где делают по
чехи, по двенадцати конюхъ лошадей во весь опоръ. Между тѣмъ
каждый изъ хозяевъ, отъавленныхъ, каждой собираетъ навозни-
ковъ, чтобы встрѣтить въ ямки свою лошадь. Обязанность встрѣ-
чальщиковъ состоитъ въ томъ, чтобы подгонять скачущую ло-
шадь. Отъ небережливости и отъ большого пространства, принадлежа-
щаго скачкамъ, всѣ скачущія лошади обыкновенно сильно утомля-
ются и еле-еле могутъ дотануться до жюста, такъ что даже
первая лошадь доходитъ до него только рысью. Еще до прибытiя
скачущихъ лошадей, родственники покойника ставятъ мишень, и
тотъ, кто попадаетъ пулею изъ ружья въ ямку, получаетъ за это
воза. После стрѣльбы въ цель и послѣ скачки, весь народъ,
который собрался на поминки, разсаживается грушами, по пяти
человѣкъ каждая; имъ приносятъ баранину и говядину; потомъ
имъ подносятъ араку и пиво, кричащъ каждый навивается до
пьяна. Замѣтите, чѣмъ больше дьяныкъ, тѣмъ больше чести род-
ственникамъ покойника. Когда народъ кончается ѣсть и пить, въ
то время родственники покойника приглашаютъ хозяевъ лошадей,
бывшихъ на скачкѣ, чтобъ каждый изъ нихъ подвелъ отдѣльно
свою лошадь къ старику, который умѣетъ посвятить ихъ по-
койникамъ. Старикъ этотъ держитъ въ одной рукѣ чашку пива,
въ другой три чурека и кусокъ баранины. Когда подводитъ къ
нему первую выскакавшую лошадь, онъ начинаетъ говорить, что
хозяинъ этой лошади позволяетъ покойнику, въ честь котора-
го устроена была скачка, называя его по имени, свободно
ѣздить на этой лошади на томъ свѣтѣ куда-угодно, и заставляетъ
лошадь пить пиво, хозяину-же ея отдаетъ кусокъ баранины и три
чурека. Потомъ онъ беретъ другую чашку пива, другой кусокъ
баранины и чурекъ, къ нему подводитъ вторую выскакавшую ло-
шадь, и онъ начинаетъ говорить точно также, какъ говорилъ и при
посвященiи первой лошади, но съ той разницею, что вторую ло-
шадь онъ посвящаетъ не покойнику, въ честь котораго устроена
была скачка, а его родственнику, прежде умершему, и этого по-
слѣдняго тоже называетъ по имени. Родственники покойника дол-
жны указать старику, кому именно изъ умершихъ посвящать
всѣхъ остальныхъ лошадей, бывшихъ на скачкѣ. Такимъ обра-
зомъ къ старику подводятъ всѣхъ этихъ лошадей и онъ всѣхъ
ихъ посвящаетъ покойникамъ. После этой церемонiи, ѣздомъ
выносятъ вѣтвистыя палки, на которыя навѣшаны яблоки и орѣхи,
и они джигитуютъ предъ народомъ въ продолженiи часа. Этимъ за-

*Отъ...
въ...
...*

*Съ...
...
...*

качиваются поминки, называемыи постельными. Потому дѣлают-
ся еще чрезъ два года, такъ называемыи, большіи поминки. Эти
послѣднія еще дороже обходятся роднымъ покойника. Поминки
дѣлаютъ только по мужчинамъ, женщины же лишены этого права.
Если покойникъ былъ женатъ, то вдова его должна носить по
немъ трауръ, не крайней мѣрѣ три года, послѣ чего можетъ снять
трауръ и выйти замужъ за брата покойнаго мужа или за его
родственниковъ. Но прежде чѣмъ снять трауръ, она должна одѣвать
новыя поминки по своему мужу и устроить въ честь его омову.
Въ концѣ концовъ выходитъ, что семейство покойника разоряет-
ся на всѣ эти поминки. Я знаю многія семейства, которымъ жила
прежде богато, но обѣднѣли вслѣдствіе такого разорительнаго
обычая. Впрочемъ, этотъ обычай уже понемногу выводится въ
горахъ. Вотъ число поминковъ, устроенныхъ въ Джераховскомъ
обществѣ впродолженіи послѣднихъ девяти лѣтъ:

Въ 1860 году устроено малыхъ, или постельныхъ
поминковъ..... 8, большихъ 4

Въ 1861	5	—	—	2
— 62	6	—	—	3
— 63	3	—	—	1
— 64	2	—	—	•
— 65	1	—	—	•
— 66	2	—	—	1
— 67	1	—	—	•
— 68	2	—	—	•

Часть Ахривъ.

ИЗДАНО ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ТИПОГРАФИИ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ОСЕТИНСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Собирая народныя сказанія осетинъ, я, по необходимости, на первый разъ записалъ изъ нихъ только наиболѣе характеристичныя. Безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе на лицо ихъ, тѣмъ рельефнѣе и яснѣе можетъ обрисоваться по нимъ прошедшее и настоящее народа, но, какъ сказалъ я выше, ограничиваюсь на первый разъ предлагаемыми здѣсь образцами.

Осетинскія народныя сказанія подраздѣляются на *собственно-осетинскія* и *нартовскія*. Мною записаны только собственно-осетинскія; нартовскими-же сказаніями я рѣшу въ виду заняться послѣ. Изъ собственно-осетинскихъ сказаній, бабни, сказки и анекдоты я записывалъ изъ устъ народа слово-въ-слово, на своемъ-же родномъ осетинскомъ языкѣ. Перевода ихъ потомъ на языкъ русскій, я старался, чтобы переводъ былъ, по возможности, дословный, что, впрочемъ, легко замѣтить по характеру самаго перевода; къ этому я считъ излишнимъ присоединить отъ себя нѣкоторыя примѣчанія. Что-же касается легендъ, преданій и повѣрій осетинъ, то при записываніи этого рода сказаній я уже не могъ держаться указаннаго мною пріема: здѣсь, выраженія моихъ рассказчиковъ я перекладывалъ на свою рѣчь, на рѣчь болѣе живую и складную, причемъ, передавая точно и послѣдовательно содержаніе слышаннаго мною, я старался сохранить все его оригинальныя черты и подробности.

Замѣчу еще, что все предлагаемыя мною осетинскія сказанія я записалъ изъ устъ осетинъ, живущихъ въ предѣлахъ Терской области.

Джантемиръ Шанаевъ.

Тбились. 1869 года.

I.

СКАЗКИ, БАСНИ И АНЕКДОТЫ *).

Сѣрый Волкъ.

Рано утромъ, Сѣрый Волкъ повстрѣчался съ Барсукомъ.— «Да выпрямитесь ваша дорога, Барсукъ!» сказалъ Сѣрый Волкъ. Барсукъ испугался, такъ-какъ встрѣтились они внезапно, и проговорилъ: «Ахъ, да будетъ прямо дѣло твое, Сѣрый Волкъ!» — «Откуда, Барсукъ?» съ вечера до утра гдѣ былъ ты?—«Все искалъ тебя». — «Эхъ, ты обманчивая собака, Барсукъ! А все-таки, бѣдняжка, я тебя съѣмъ», сказалъ Сѣрый Волкъ.— «Я не го-жусь тебѣ для ѣды», отвѣчалъ Барсукъ.— «Гам-гам дѣлая, съѣмъ тебя... »), продолжалъ Волкъ.— «Ахъ, Сѣрый Волкъ, ты и не знаешь, какъ предки твои ѣли», сказалъ Барсукъ.— «Какъ-же ѣли предки мои, Барсукъ?» спросилъ Волкъ.— «Когда, бывало, предки твои ѣли барсука, то прежде чѣмъ съѣсть его, они поймать его на дорогѣ и, взявъ его за шиворотъ, три раза швырнуть его по-верхъ дороги, три раза по-низъ дороги, и потомъ ужъ ѣдятъ его». Волкъ поймалъ Барсука за шиворотъ, швырнулъ его по-верхъ дороги, потомъ—по-низъ дороги,—Барсукъ и очутился въ своей норкѣ. Волкъ заглянулъ въ ея отверстіе и говоритъ: «Эй, какой-же обманъ ты учинилъ со мною, а!» На это ему Барсукъ: «мой предокъ твоего предка такъ надувалъ». Сѣрый Волкъ и говоритъ: «на этотъ разъ, если-бы ты вылезъ изъ норки, мы познакомились-бы, подружались. Пуховый тюфякъ я

*) Сказки, басни и анекдоты извѣстны у осетинъ подъ именемъ *ал-бисенд*, что значить «удивительное», «диковинное».

1) Для усиленія представленія о ѣдѣ, осетины очень часто произносятъ самый звукъ губъ, языка и неба, слышимый при ѣдѣ.

подстлалъ-бы подъ тебя, круглую подушу я подложилъ-бы тебѣ подъ голову, красно-шелковымъ одѣломъ я накрылъ-бы тебя». Барсукъ отвѣтилъ ему: «Ахъ, ахъ, Сѣрый Волкъ, не надуешь меня этимъ! Если я вылъзу, ты растерзаешь меня, сръжешь съ меня все мясо, подложишь его подъ меня, — вотъ мнѣ и пуховый тюфякъ! Отрѣжешь мнѣ голову, подложишь ее подъ меня, — вотъ мнѣ и круглая подушка! Снимешь съ меня шкуру, накинешь ее на меня, она будетъ кровью лосниться, — вотъ мнѣ и шелковое одѣло! Такъ меня ужъ не надуешь!».. Волкъ такъ съ горя и издохъ ²⁾).

Два сосѣдства.

Медвѣдь, Волкъ и Свинья жили въ одномъ мѣстѣ, а Барашекъ, Козленокъ и Пѣтухъ въ другомъ. Однажды, у первыхъ погасъ огонь, и они отправили Волка добыть огня. Волкъ кликнулъ ко вторымъ, говоря: «Эй, домъ! подайте огня» ¹⁾! Тѣ, въ безпокойствѣ, бросились въ разные стороны. Но, ободрясь, Барашекъ отозвался: «Войди во внутрь дома, зачѣмъ изъ-за дверей кличешь? Вотъ — покушай волчьяго мяса и огня возьми». — «Да откуда у васъ волчье мясо?» — Барашекъ и говоритъ: «Козликъ о двухъ рогахъ — онъ намъ бьетъ волковъ, и мы наслаждаемся». Волкъ обратился въ бѣгство, прибѣжалъ домой и сказалъ: «Отправляйся, Медвѣдь, иди къ нимъ, — мнѣ они не даютъ».

Пошелъ къ нимъ Медвѣдь и крикнулъ: «Эй, домъ, подайте-ка мнѣ огня!» Тѣ опять перепугались. А Барашекъ отозвался: «Войди во-внутрь дома: вотъ — покушай медвѣжьего мяса и огня возьми». — «Да откуда у васъ медвѣжье мясо?» — Козликъ о двухъ рогахъ — онъ убилъ, и мы наслаждаемся. — «Да неужели онъ вамъ медвѣдей бьетъ?» И обратился въ бѣгство, сказавъ такъ: «убьетъ-же онъ и меня!»

«Иди, свинья, они не даютъ мнѣ; ты принеси намъ», сказалъ Медвѣдь. Свинья пошла и кликнула: «Эй, домъ, подайте-на мнѣ огня!» Тѣ очень перепугались, говоря: «ну, съѣсть насъ

¹⁾ Въ подлинникѣ: «взять свой духъ», т. е. испустить духъ.

²⁾ «Эй, домъ», вместо «живущіе въ домѣ» — выраженіе, употребительное у осетинъ, какъ въ эмбисондахъ, такъ и въ обиховномъ разговорѣ.

эта шестилетка! Барашек опять отозвался: «отчего не зайти
дежду на заплурь джид? Погушай свиинны; — вотъ, посмотри-на, са-
ле съ наа сочитод, — и огна возьми». — «Откуда-же это у васъ
свиинна?» — «Козликъ о двухъ рогахъ — онъ набилъ намъ свиной,
и мы наслаждаемь», сказала Барашекъ. Свииня убивала, гово-
ря: «о, о! тамъ онъ и мени убьетъ!», — пришла донья и разска-
зала сотоварищамъ. Волкъ сказалъ: «зды онъ и инъ тоже отъ-
тилъ. Ну, такъ не оставитъ-же насъ тотъ Козликъ! Онъ убьетъ
и онъ насъ съѣдетъ!.. — Ну, такъ давайте, подолушаемъ ихъ»,
сказали они, и все трое отправились къ нимъ. Козликъ, задрвавъ
морду вверхъ, жевалъ жвачку; Барашекъ, въ испугъ, оглядывал-
ся по сторонамъ, а Пытухъ кричалъ — пилъ. Медвѣдя говорятъ:
«А тотъ Козликъ наблюдаетъ за нами въ небѣ». Волкъ говоритъ:
«А тотъ барашекъ наблюдаетъ за нами въ горахъ». — «Ну, а тотъ
Пытухъ», сказала свииня, «угрожаетъ намъ, говоря: если-бы я на-
шела ихъ, я бы ихъ вотъ такъ скушала» (при этомъ она губами
и зубами выразила, какъ-бы онъ скушалъ). Потомъ они бѣжали
отъ своихъ сосѣдей и укрылись подъ навѣсъ скалы, а тѣ тоже
бѣжали и остановились какъ-разъ надъ ними. Козликъ посмотрѣлъ
внизъ и увидѣлъ ихъ: «вонъ неприятели наши, — ну, съѣдятъ
насъ! Тутъ сильно захотѣлось ему помочиться, да сильно и боялся
онъ отойти въ сторону. Барашекъ и говоритъ ему: «ты ло-
жись брюхомъ вверхъ, а моча всосется въ шерсть». Тотъ
легъ на спину и скатился внизъ, прикатился близко-близко къ
Медвѣдю и его сотоварищамъ, а Барашекъ кричитъ ему
вслѣдъ: «ты держи изъ нихъ одного, а остальныхъ поручи мнѣ, —
я имъ задамъ!.. Волкъ вскринулъ: «убѣгайте отсюда, вонъ
Козликъ спѣшитъ къ намъ! и здѣсь насъ не оставитъ!.. И ра-
зомъ всѣ трое бросились съ обрыва.

Мужчина и Женщина.

По одной дорогѣ отправился мужчина, по другой — женщи-
на; потомъ, обѣ дороги слились въ одну, — мужчина и женщина
пошли вмѣстѣ. У мужчины на спинѣ былъ котелъ, въ одной рукѣ
курица, въ другой палка, и самъ ведетъ еще за собой возла. Имъ
нужно было проходить черезъ оврагъ. Женщина и говоритъ Муж-

чидъ: «Какъ-бы ты не схватилъ меня и не сдѣлалъ-бы со мною чего-нибудь, когда будемъ переходить вѣтъ черезъ топа оврага». Мужнина сказалъ: «если-бы ты боялась того, то не шла-бы со мною. На спинѣ у меня котель, въ одной рукѣ курица, въ другой палка, да, вдобавокъ, веду еще за собой козла, — видъ вѣтъ какъ я связать!» — А если палку въ землю всадишь, а къ палкѣ привяжешь козла, котель-же опрокинешь вверхъ-дномъ, посадивши подъ него курицу, да и сдѣлаешь со мною чего не слѣдуетъ?!»... Тамъ и обрадовалось сердце Мужнины: «да пойдетъ твое дѣло прямо, о Женщина! Никогда-бы я не придумалъ такого средства», сказалъ про себя Мужнина. Потомъ, достигши до оврага, онъ всадилъ въ землю палку, привязалъ къ ней козла, курицу подаль Женщинѣ, говоря: «держи-ка, я нарву травы для козла», а самъ, опрокинувъ котель, вверхъ-дномъ, и посадивъ подъ него курицу, сдѣлалъ то, чего домогалась Женщина...

Боголюбимый пророкъ.

Жилъ боголюбимый пророкъ; дѣтей у него не было. Онъ, разумѣя въ писаніи Божиѣмъ, однажды, читая книгу, вычиталъ, что у него родится дочь и что Богъ назначилъ ее въ удѣлъ сыну одного княжескаго кусака ¹⁾. Пришедши къ женѣ, пророкъ сказалъ: «Ахъ, ахъ! что теперь пророчество наше! Единственная дочь родится у насъ, да и ту Богъ назначилъ въ удѣлъ сыну княжескаго кусака!..» Потомъ, еще сказалъ: «Но, если пожелаетъ Богъ, и противъ этого найдемъ какое-нибудь средство».

Пророкъ отправился къ князю и выпросилъ у него себѣ въ подарокъ мать мальчика ²⁾, когда тотъ еще не родился. Онъ увезъ ее, беременную, въ поле, рубилъ ее по брюху наискось лезвеемъ пашки и, такимъ образомъ убивши, оставилъ ее

¹⁾ Т. е. раба, холопа.

²⁾ Т. е. пророкъ отправился къ князю просить подарка (лавар-кур), что въ обычаѣ и по настоящее время между осетинами и другими горцами. Намѣревающійся просить чего-либо, обыкновенно, приготовляетъ бузу, араку и пышки, съ чѣмъ и отправляется къ обладателю желаемой вещи и просить его уступить ему эту вещь.

Посетомъ, такъ-какъ это было дѣло Божіе, ребенокъ вы-
Косъ изъ чрева матери, всполазъ къ сосцамъ и пососалъ. Одинъ
госудѣтннй князь, будучи на охотѣ, найхалъ на этого ребенка,
велѣлъ поднять и отправить его къ себѣ домой. Отсюда послали
всюду вѣстниковъ *), съ извѣстіемъ, что, наконецъ, у князя ро-
дился сынъ. Тотъ князь возрастилъ его у себя.

«Почитаю-ка я книгу,» сказалъ однажды пророкъ, — и про-
челъ, что мальчикъ живъ. Узнавши объ этомъ, онъ сказалъ:
«ахъ, ахъ!», и отправился къ тому князю, который возрастилъ
у себя мальчика. Остановившись въ его кунацкой, †) онъ ска-
залъ князю: «тебѣ весьма важному дѣлу мнѣ нужно отправить до-
мой письмо. — Ты только напиши письмо, а тамъ, ради этого,
даже двѣнадцать всадниковъ посадишь верхами и отправимъ,»
отвѣтилъ князь. — «Ни на кого и не надѣюсь, кромѣ какъ на тво-
его сына: посету, пошла его съ письмомъ». — «Хорошо,» ска-
залъ князь: «да и зачѣмъ-бы я столько трудился и заботился о
немъ, какъ не для такихъ случаевъ?»...

Пророкъ написалъ письмо такъ: «проведи мужей и не упу-
скай этого мальчика живымъ назадъ,» и отдалъ его мальчику,
сказавъ: «неси». Мальчикъ отправился, и была еще ночь, какъ
онъ ужъ остановился въ кунацкой пророка. Усталый, онъ за-
снулъ у дверей кунацкой, и письмо выпало у него изъ-подъ мыш-
ки. Дѣвушка, дочь пророка, вставши рано утромъ, увидѣла маль-
чика, взяла у него письмо и, прочитавши, изорвала его. Она
полюбила мальчика, — это было дѣло Божіе. А написала она на-
скоро другое письмо такъ, какъ говорило ей ея сердце, и, поло-
живши написанное около мальчика, сама ушла. Когда мальчикъ
проснулся, отнесъ онъ письмо къ женѣ пророка, а та прочла;
обрадовалась она письму, говоря: «вотъ влѣтъ къ намъ прїѣхалъ!»
потомъ, какъ написала дѣвушка, такъ и приготовили для нея
все лучшее и отправляли ее вѣсть съ мальчикомъ. Такимъ об-
разомъ, предстали они передъ пророка. Пророкъ остолбенѣлъ:
«о, единый Богъ! ничто не можетъ совершиться безъ Твоей во-
ли!»

*) Вѣстникъ (характерное слово отъ словъ: *веръ* — хорошее, *звѣкъ* — гово-
рить и *курмъ* — просить), возвѣстившій о какомъ-либо радостномъ событїи,
получаетъ, по народному обычаю, что-нибудь въ подарокъ за добрую вѣсть.

†) По-восточному — *указанъ*, гостиница.

«бы со мною»
«драгъ»

Богъ.

Однажды вышелъ Богъ, чтобы посмотреть на людей Св. ихъ. А они черезъ-чуръ возгордились, — не стали курдюка бараньяго вѣсть ^{*)}. Богъ надѣлъ на Себя дохметье, подобное вѣть моей черкескѣ, а рабовъ Своихъ нарядилъ богато. Онъ пришелъ въ одинъ аулъ, расположенный на берегу моря: тамъ не нашлось ни одного человека, который-бы сказалъ Ему даже «здравствуй». Поэтому, Онъ остановился въ полѣ.

Возвращаясь домой, зашелъ Онъ по пути въ Джалъ ^{*)} и остановился на ночлегъ недалеко отъ жилища одного бѣднаго человека. Бѣднякъ вышелъ къ нимъ: «здравствуйте, гости», привѣтствовалъ онъ ихъ. — «Да достанется тебѣ милость Божія, бѣднякъ!» отвѣтили ему рабы Божіи. — «Идите, — вотъ у меня есть маленькій курятникъ, — идите ко мнѣ туда ^{*)}: зачѣмъ вы тутъ сидите?»

Самъ онъ пошелъ впередъ и, хорошенько подмелъ свою кинжину; потомъ, воротившись къ нимъ, ввелъ ихъ къ себѣ. Они услѣдъ. «Что-же зарѣзать мнѣ для васъ, когда у меня ничего нѣтъ, кромѣ коровы и теленка?» — «Богъ тебѣ дастъ», сказали они. Онъ вышелъ и привалъ корову для зарѣзан; но они не допустили его это сдѣлать. «Ахъ! что-же вамъ зарѣзать, когда у меня больше ничего нѣтъ?!» сказалъ тогда бѣднякъ. Они опять сказали: «Богъ тебѣ дастъ». Онъ пошелъ и зарѣзалъ въ хлѣвъ теленка, сдѣлалъ изъ него шашлыкъ и наварилъ гостей своихъ.

Тогда Богъ отправился въ Свое жилище, поочинивъ таинкъ образомъ свой осмотръ, въ продолженіи котораго ни одинъ человекъ не сказалъ Ему даже «здравствуй», кромѣ бѣдняка. По дорогѣ повстрѣчался съ нимъ волкъ и говоритъ Ему: «Боже, умираю я у Тебя съ голоду». — «Иди и съѣшь того бѣдняка», сказалъ ему Богъ. Повстрѣчался и другой волкъ. «Что съ тобой, волкъ?» спросилъ его Богъ. — «Умираю съ голоду, Боже!» — «Иди и съѣшь жену того бѣдняка», говоритъ ему Богъ. Повстрѣчался и третій волкъ: «Иди, съѣшь корову у того бѣдняка!» сказалъ Богъ.

^{*)} Для обозначенія гердаго у осетинъ есть поговорка: «ахъ, прощай шарды!» и курдюка бараньяго не сталъ даже вѣсть.

^{*)} Гизель-ауль, названіе въ Черкесіи.

^{*)} Подъ курятникомъ бѣднякъ разуваетъ адасы свое жаме.

Потомъ всѣ они ¹¹⁾ очутились въ большомъ галуанѣ ¹²⁾. Корова была привязана подъ такимъ деревомъ, на которомъ были всѣ плоды, какіе можно встрѣтить на свѣтѣ. Около нея игралъ теленокъ. А бѣднякъ съ женой сидѣли въ большомъ галуанѣ.

Однажды Богъ подалъ сосудъ одному изъ своихъ рабовъ, сказавъ при этомъ: «пойди, вонъ около того галуана, набери мнѣ воды». Посланный, когда воротился, сказалъ Ему: «о Боже! бѣднякъ съ женой, котораго Ты отдалъ волкамъ на съѣденіе, находится въ этомъ самомъ галуанѣ, съ женой своей, съ коровой и теленкомъ». — «Я странствовалъ по свѣту Своему и, кромѣ одного бѣдняка, никто мнѣ даже «здравствуй» не сказалъ», отвѣтилъ Богъ: «за это я ему дарю сто дворовъ въ крестьяне, а его дѣлаю господиномъ этихъ ста дворовъ».

Потомъ, у бѣдняка родилось семь сыновей; онъ женилъ ихъ на семи женахъ. Такъ стали они жить, и денегъ некуда имъ было дѣвать. Отецъ раздавалъ ихъ по ауламъ. Тридцать рублей его денегъ находилось у одного бѣдняка. Этотъ бѣднякъ уплатилъ ему эти тридцать рублей, но остался еще должнымъ двадцать пять копѣекъ, нарощія на тридцать рублей. «Отдай мнѣ мои двадцать пять копѣекъ!» сказалъ ему однажды старшій сынъ ¹³⁾. — «Нѣтъ у меня, да съѣмъ я всѣ твои болѣзани!» отвѣтилъ ему бѣднякъ. За это онъ крѣпко побилъ его. Богъ видѣлъ это: «да будетъ это тебѣ прощено», сказалъ Онъ ему. Другой разъ Богъ посмотрѣлъ и глаза Его встрѣтились съ тѣмъ, какъ старшій сынъ ударялъ винжаломъ бѣдняка по головѣ. Тогда Богъ сбросилъ къ бѣдняку ¹⁴⁾, къ женѣ и къ сыновьямъ его кошель, полный гнѣва, и сдѣлалъ такъ, что они тамъ-же провалились сквозъ землю. Сто дворовъ крестьянъ остались свободными.

¹¹⁾ Т. е. всѣ съѣденные: бѣднякъ, его жена и корова.

¹²⁾ Галуанъ—каменный домъ, съ каменной оградой, и нѣрѣдко съ башнею. Такіе дома сохранились въ горахъ по сіе время; въ плоскостной-же Осетіи ихъ не строятъ.

¹³⁾ Т. е. старшій сынъ бывшаго бѣдняка.

¹⁴⁾ Т. е. къ бывшему бѣдняку.

Богачъ и Бѣднякъ *).

Жилъ Бѣднякъ съ своей женой. Однажды Богачъ сказалъ ему: «завтра я иду на охоту; пойдешь, *бибауинахъ* ⁴²⁾, и тебя поведу на охоту». — «Какъ же мнѣ идти, когда у меня нѣтъ ничего съѣстнаго?» — «Скажи женѣ, чтобъ она пошла просить: кто-нибудь въ аулѣ дастъ ей чашку муки; ну, и прикажи ей изготovitъ тебѣ съѣстнаго на дорогу, и она изготovitъ». Пошелъ Бѣднякъ къ женѣ и говоритъ: «охотникъ-богачъ приглашаетъ меня съ собою на охоту, да съ чѣмъ-же мнѣ идти? Вѣдь у меня нѣтъ ничего съѣстнаго на дорогу». Жена пошла и, откуда-то добывъ чашку муки, изготovitила ему съѣстное.

На другой день Бѣднякъ и Богачъ отправились на охоту. Стали они охотиться; охотились цѣлый день и ничего не убили. На ночь они остановились въ одномъ мѣстѣ, развели огонь и усѣлись около него. Такъ сидѣли они долго; наконецъ, Бѣднякъ сказалъ: «не пора-ли намъ ужинать?» — «Да, пора уже», отвѣтилъ Богачъ. Достали они все съѣстное Бѣдняка и, поѣвши, легли спать на томъ-же мѣстѣ. Съ разсвѣта до вечера, на слѣдующій день, они охотились и опять ничего не убили; на ночлегъ они пришли къ прежнему мѣсту. Долго они сидѣли; наконецъ, когда наступила пора ужина, Бѣднякъ сказалъ: «давай будемъ ужинать». — «Что-жъ мы будемъ ужинать? Можетъ быть, у тебя есть еще что-нибудь съѣстнаго?» отвѣтилъ ему Богачъ. Изъ своего-же съѣстнаго онъ ничего ему не далъ: самъ онъ ѣлъ, а Бѣднякъ только смотрѣлъ на него. Насмотрѣвшись вдоволь, Бѣднякъ только произнесъ: «дай-же и мнѣ!» — «Подставь одинъ глазъ свой, я его выколю, — тогда дамъ», сказалъ Богачъ. Нечего было дѣлать, Бѣднякъ подставилъ глазъ, а Богачъ выкололъ его, и за это давши ему кусочекъ пышки, прогналъ его отъ себя, говоря: «пошелъ вонъ! твое несчастье и меня даже обожгло». Онъ не далъ ему даже переночевать тамъ.

Бѣднякъ отправился оттуда ночью, ставши кривымъ; когда онъ вышелъ изъ лѣса на поляну, то увидѣлъ вдали, подъ не-

⁴²⁾ Сказка эта, равно какъ и помѣщенная выше сказка о Старомъ Волкѣ, принадлежать къ наиболѣе любимымъ, а потому и самымъ распространеннымъ сказкамъ осетинъ.

⁴³⁾ Слово, означающее презрѣнiе, знач. «обреченный на гибель цѣлымъ домохъ».

большимъ курганомъ, свѣтъ и направился къ этому свѣту. Наконецъ, онъ пришелъ къ свѣту и видитъ — стоитъ домъ. Онъ посмотрѣлъ изъ-за дверей во-внутрь — тамъ никого нѣтъ; онъ вошелъ туда и спрятался на чердакъ его⁶⁶⁾.

Къ тому времени пришли въ домъ Медвѣдь, Волкъ и Лисица. Стали они ужинать. Вотъ Медвѣдь и говоритъ: «вѣдь мы сидимъ вмѣстѣ, спимъ также вмѣстѣ: почему-бы намъ и не кушать вмѣстѣ? Почему мы не вмѣстѣ ѣдимъ свои съѣстные припасы? Итакъ, что у кого есть, пусть принесетъ!» — «Вотъ что есть у меня», сказала Лисица, принесши штуку золотого тына: ⁶⁷⁾ «это заключаетъ въ себѣ все мои сокровища, этимъ кускомъ тына я живу, онъ составляетъ и ѣду мою, и питье мое: беру я этотъ тынъ, если хочу ѣсть, тряхну имъ раза два—и питье разное, и яства разные, какія только сотворилъ Богъ, сыплются изъ него». — «Это чрезвычайная драгоценность, Лиса!» сказалъ Медвѣдь: «а у меня есть полная яма денегъ: вотъ-что есть у меня». Онъ повелъ и показалъ имъ яму, полную денегъ. Волкъ указалъ имъ на одно дерево, говоря: «когда я получаю рану во время похищенія у пастуховъ овецъ, я прихожу къ этому дереву и тру о него свое тѣло—все проходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало». Такимъ образомъ, все трое, они соединили вмѣстѣ все свое имущество и все свое могущество.

Когда они все свое имущество и все свое могущество соединили вмѣстѣ, Медвѣдь и говоритъ Волку и Лисицѣ: «если мы закончимъ все свое припасенное, то вѣдь это дѣло будетъ не доброе; поэтому, давайте-на станемъ работать. Кто теперь куда отправляется?» спросилъ Медвѣдь. — «Я иду за курами», сказала Лисица. Волкъ сказалъ: «я иду къ господскимъ пастухамъ, опять принесу оттуда овцу». — «А я пойду жрать овса», сказалъ Медвѣдь.

Такія распоряженія на счетъ работъ сдѣлали они ночью. Утромъ, когда разсвѣло, отправились они на свои работы, каждый — кто куда сказалъ. Бѣднякъ-же былъ на чердакѣ. Когда

⁶⁶⁾ Чердакъ въ осетинскихъ домахъ дѣлается такъ: на перекладинахъ, съ обѣихъ сторонъ дымовой трубы, кладутся доски; эти-то доски, положенныя на перекладинахъ въ-поперекъ, и составляютъ чердакъ осетинскаго дома (хазара).

⁶⁷⁾ Тынъ—шерстяная матерія, изъ которой горцы дѣлаютъ черкески.

ушли они на свои работы, онъ слѣзъ съ чердака и все, что было у нихъ—лисій тынъ, полную медвѣжьёю ему денегъ, — положивъ въ мѣшокъ, отправился оттуда вонъ, къ дереву, указанному Волкомъ. Пришедши къ этому дереву, онъ потеръ о него тотъ глазъ, который былъ выколотъ богачемъ: глазъ, какъ былъ прежде, такъ опять слѣзъ на своемъ мѣстѣ. Потомъ Бѣднякъ отправился отсюда, изъ-подъ дерева волчьаго, и пришелъ къ пастухамъ. И говорятъ ему пастухи: «Гдѣ ты былъ, бѣднякъ? Что несешь на спинѣ?» — Онъ имъ отвѣтилъ: «Богачъ повелъ меня на охоту, и что-же мнѣ теперь нести, какъ не уголье себѣ?»

Потомъ кричитъ къ пастухамъ Волкъ: «бросьте-ка мнѣ дань мою!» А они кричатъ ему: «взойди повыше»¹⁸⁾. Подкрадываясь, Волкъ началъ взбираться все выше и выше, а пастухи пасутъ. Потомъ, говоря: «не оставитъ онъ насъ въ покоѣ», они погнались за нимъ, выстрѣлили въ него — и что-же? Да будетъ такъ и съ твоимъ врагомъ: головной мозгъ выпалъ. Бѣднякъ подбѣжалъ и, поднявъ волчій мозгъ, говоря, что онъ лекарство, положилъ и его въ мѣшокъ. Оттуда Волкъ прибѣжалъ къ дереву и началъ тереться о него, но оно уже не помогло ему. Пошелъ Волкъ домой и началъ, слегши, хворать: дерево уже не стало помогать ему, счастье его досталось бѣдняку. Бѣднякъ тоже отправился оттуда и пришелъ въ одинъ княжескій аулъ.

Князь этого княжескаго аула былъ боленъ, и со всѣхъ сторонъ стекались къ нему¹⁹⁾. Бѣднякъ спрашиваетъ: «что вы за люди?»²⁰⁾ Они отвѣтили: «князь нашъ весьма боленъ». — «Такъ если-бы милость ваша была ко мнѣ, то вы-бы мнѣ показали его». — «Гм! Что-же тебѣ смотрѣть его!» сказали они. — «Ахъ, если-бы мнѣ увидѣть его!» — Это услышалъ князь и приказалъ впустить его. Пришелъ онъ къ князю, слѣзъ на сѣдалище и сказалъ: «да будетъ въ тебѣ сила живаго», какъ слѣдуетъ сказать больному²¹⁾. Потомъ бѣднякъ спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ

¹⁸⁾ Пастухи стояли на горѣ, а Волкъ кричалъ имъ снизу; вотъ почему тутъ выраженіе: «взойди повыше».

¹⁹⁾ Обычай посѣщать трудно-больныхъ почти повсемѣстенъ въ горахъ. Въ Чечнѣ и Кабардѣ даже устраиваютъ пляски для развлечения больнаго, въ Осетинъ же это вышло изъ обычая, за исключеніемъ Дигорин и нѣкоторыхъ уголковъ горной Осетин. Эти пляски, собственно у осетинъ, замѣнились болшею частью игрою на скрипкѣ (на фандырѣ).

²⁰⁾ Т. е. «Зачѣмъ вы собрались? Что у васъ дѣлается?»

²¹⁾ *Ассандъ-да-уа* (да будетъ въ тебѣ свойство живаго существа), — фраза, съ какой обыкновенно обращаются къ больнымъ.

относительно лекарств. — «Ахъ, если-бы я имѣлъ такого, кто-бы меня пользовалъ лекарствами, я далъ-бы ему все, чего-бы онъ ни попросилъ», сказалъ больной. Тогда Бѣднякъ приказалъ, чтобы надели молока. Принесли молока. Бѣднякъ взялъ волчій мозгъ и сварилъ его въ молокѣ. Потомъ попросилъ онъ чашку, въ которую налилъ нѣсколько этого навара, и подалъ его князю, съ просьбою, чтобы тотъ выпилъ. Князь выпилъ и сталъ подобенъ оленю ²⁹⁾ — вылезся. Князь послалъ слугъ своихъ, говоря: «подите, пригоните табуны мои». Пригнали табуны его. Онъ вышелъ, поймалъ самую лучшую лошадь и убралъ ее какъ слѣдуетъ. Когда убралъ лошадь, пошелъ и вынесъ шашку, кинжалъ, пистолетъ и ружье, все самые лучшіе. Потомъ, когда Бѣднякъ сѣлъ на лошадь, князь подарилъ ему стадо овецъ съ пастухомъ. Бѣднякъ выѣхалъ оттуда и, искривъ, направился по дорогѣ.

Богачъ, узнавши Бѣдняка, вышелъ къ нему на встрѣчу и говорить ему: «гдѣ ты добылъ все это? Скажи мнѣ, гдѣ ты все добылъ, не то я отниму у тебя половину — вѣдь мы были вмѣстѣ». — «Давай, выколю тебѣ глазъ—и тогда скажу, гдѣ я добылъ все это», сказалъ Бѣднякъ. Тотъ, нечего было дѣлать, подставилъ глазъ, а Бѣднякъ выкололъ его тѣмъ самымъ кинжаломъ, который подарилъ ему князь. Потомъ онъ сказалъ ему: «Ночью, когда я ушелъ отъ тебя, пришелъ я по слѣту огня къ одному кургану, гдѣ жили Медвѣдь, Волкъ и Лисица: вотъ отъ нихъ я и добылъ все это. Тогда богачъ отправился къ дому Медвѣдя, Волка и Лисицы; пришедши туда, онъ спрятался на чердакъ. Въ эту пору тамъ никого изъ нихъ еще не было,—всѣ были на работѣ. Потомъ, вечеромъ, покончивъ работы, вернулись они домой; Волкъ—прежде всѣхъ, и сталъ онъ хворать въ домѣ. Когда они посидѣли довольно долго, Медвѣдь спросилъ: «ну, кто что изъ васъ заработалъ?»—«Я пошелъ къ пастухамъ, и ничего не досталось на мою долю», сказалъ Волкъ: «получилъ я рану, пошелъ и теръ-теръ свое тѣло о свое дерево, но оно ничуть не помогло мнѣ,—и вотъ теперь я хвораю».—«Я тоже обошла всѣ курятники, нягдѣ ничего не добыла и возвратилась ни съ чѣмъ»,

²⁹⁾ Обычное выраженіе для опредѣленія здоровья и бодрости духа. Будучи въ обществѣ осетинъ, вы часто услышите, что, если одинъ осѣдомляется у другаго о здоровьи кого-либо, другой отвѣчаетъ: *саджы-гузаны* (подобенъ оленю), т. е. здоровъ и бодръ, подобно оленю. Такимъ отвѣтомъ спрашивающій вполне удовлетворяется.

сказала Лисица. — «А я ходилъ ѣсть овесъ; такъ какъ онъ еще зеленъ, то и я возвратился ни съ чѣмъ,» сказалъ Медвѣдь. Когда просидѣли они такъ долго и когда наступила пора ужинать, Медвѣдь сказалъ Лисицѣ: «Лиса, принеси-ка намъ чего-нибудь». Лисица зажгла свѣчу и пошла искать: тына ей не оказывается. «Что-же ѣсть намъ, когда нѣтъ здѣсь моего тына?» Потомъ всталъ Медвѣдь, говоритъ: «да ты дразнишь насъ... Но вотъ я хоть рубль достану изъ своей ямы». И въ ямѣ ничего не оказывается. Засуетились они, а Медвѣдь сказалъ: «Это никто другой, какъ Волкъ спряталъ». — «Я хворалъ, я ничего не видалъ,» говоритъ Волкъ. Медвѣдь-же сказалъ: «Это ты, больше никто не можетъ быть; ты-же и притворяешься больнымъ... Но насъ этимъ не надуешь!» При этомъ Медвѣдь и Лисица бросились на него и съѣли его.

Когда они съѣли Волка, Лисица вскочила на чердакъ и вскричала: «да вотъ на чердакѣ какой-то человѣкъ, спрятавшись, находится... Вотъ кто нашъ воръ! Зачѣмъ-же товарища своего мы понапрасну зарѣзали?!» Тогда Медвѣдь стащилъ его оттуда и растерзалъ. Онъ было отговаривался, что не онъ воръ, да гдѣ ужъ Медвѣдю послушаться его! Медвѣдь и Лисица съѣли его. Товарищу-же его Богъ даровалъ житье; онъ и теперь еще живъ.

Бычачья лопатка *).

Быкъ стоялъ на Гарамоновомъ полѣ, а пасся на берегу Терека ²⁵⁾. Вотъ, спустился ястребъ, вонзилъ въ быка свои когти и унесъ его. Потомъ, съѣлъ онъ на одно дерево, подъ которымъ скрывался пастухъ со стадомъ отъ солнечнаго жара, и началъ пожирать его. Съ этого-то дерева упала бычачья лопатка и попала пастуху въ глазъ. Вечеромъ пришелъ пастухъ домой и говорить матери: «Матушка, что-то попало мнѣ въ глазъ:

*) Этотъ анекдотъ (амбисондъ) представляетъ сопоставленіе чрезвычайныхъ несообразностей, чѣмъ и возбуждаетъ смѣхъ слушателей.

²⁵⁾ Гарамоновымъ полемъ называется плоскость, начиная отъ Ассиинской станицы 1-го Сунженскаго полка до бывшаго укрѣпленія Ачхоевскаго. Расстояніе-же отъ этой плоскости до береговъ р. Терекъ почти-что 70 верстъ.

поглядн-ка въ него. Та пошла, принесла лопату и, прочищая ея глазъ, выбросила оттуда бычачью лопатку. На этой-то лопаткѣ, потомъ, зазеленѣлъ дугъ, на которомъ поселился цѣлый аулъ. Повадилась лиса къ лопаткѣ и, хватая ее за чашечку и опрокидывая ее то на одинъ, то на другой бокъ, беспокоила аулъ. Аулъ дивился много, говори: «что это за напасть на насъ?» Въ одну ночь выслѣдили лисацу и убили ее. Съ одного ея бока содрали шкуру и не могли перевернуть ее на этотъ бокъ, чтобы и съ другаго содрать шкуру. Поутру шла по воду новобрачная *) и, толкнувъ убитую лису кончикомъ ноги, опрокинула ее на другой бокъ. Взявши хвостъ ея въ руки, она содрала шкуру, говори: «а вотъ мнѣ и околышъ на шапку для сына!» Между тѣмъ, шкуры не хватило и на полшапки!

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ И ПОВѢРЬЯ.

Дѣвочка-чародѣйка *).

«Это мнѣ разсказывалъ мой отецъ, бѣдный,—и теперь всякій въ нашемъ краю знаетъ объ этомъ. Предки мои жили въ Уналѣ, въ Аллагирѣ. Запомни это, потому что этотъ случай происходилъ тамъ. Одинъ изъ моихъ предковъ, Мисика, имѣлъ двухъ сыновей—Габана, отца моего, и Хорана. Габану и Хорану родилась сестра. Женщины, присутствовавшія при родахъ, были удивлены исчезновеніемъ только-что родившейся дѣвочки. Онѣ и не знали, гдѣ ея искать; но все-таки обшарили комнату **), гдѣ она родилась. Тамъ онѣ ея не нашли, и вошли въ ту комнату, гдѣ, усѣвшись вокругъ огня, грѣлись отецъ поворожденной и братья ея, Габанъ и Хоранъ. Всѣ они съ недоумѣніемъ смотрѣли на

*) *Нон-киндз*—молодая, недавно вышедшая за-мужъ, невѣста.

*) Разсказъ этотъ записанъ мною со словъ осетина Магомеда, изъ Унала.

**) Комната—*уамъ*; потомъ, *уамъ* значить еще — постель и комната, гдѣ помѣщается постель.

чрезвычайно маленькую незнакомую дѣвочку, преспокойно грѣвшуюся тамъ-же. Наконецъ, вошедшія женщины рассказали о случившемся. Тогда недоумѣвающіе отецъ и братья обратились къ дѣвочкѣ съ вопросомъ, нѣсколько разъ повтореннымъ: «чья ты дочка? откуда ты пришла сюда?» На всѣ эти вопросы она ничего не отвѣчала, а только спокойно улыбалась. Это чрезвычайно перепугало отца и братьевъ: они немало дивились тому небывалому до-сихъ-поръ случаю, что дитя, только-что родившееся, могло ходить и въ добавокъ такъ скоро, что глазъ не могъ прослѣдить его движеній. Всѣ они тутъ-же положили, что родившаяся дѣвочка та самая, которая сидитъ и грѣется у огня, тѣмъ болѣе, что они не знали ни у кого изъ сосѣдей такой дѣвочки. Поэтому, они сказали, что это родилась у нихъ нечистая сила въ образѣ дѣвочки. Они рѣшили погубить ее заранѣе и втайнѣ, чтобы это не разошлось по людямъ. Каждый изъ нихъ изобрѣталъ казнь, какой лучше будетъ подвергнуть дѣвочку. Наконецъ всѣ они порѣшили—сбросить ее съ той высокой горы, которая высилась надъ ихъ головой, въ глубокую пропасть. Гора эта по своей крутизнѣ называется *Амайга-хохъ* (обтесанная гора). Они взяли дѣвочку, крѣпко связали ей руки и ноги, чтобы она не ворочалась, положили ее въ мѣшокъ, мѣшокъ также крѣпко окрутили веревкой и, такимъ образомъ, отнесли ее на ту высокую гору. Оттуда они сбросили ее, а сами пошли домой, въ томъ убѣжденіи, что она разбилась о камни и скалы. Каково-же было ихъ удивленіе, когда они, по приходѣ своемъ домой, увидѣли ту-же самую дѣвочку, сидѣвшую около огня и спокойно улыбающуюся. Тогда они немало задумались; но все-таки сказали, что не оставятъ ее жить. Они опять взяли ее, завязали ей руки и ноги и бросили ее въ рѣку Ардонъ, въ томъ убѣжденіи, что тамъ она ужъ не спасется, потому что въ Ардонѣ вода въ то время была сильная, да къ тому еще Ардонъ, при своемъ началѣ, имѣетъ большіе пороги, о которые непременно должна была разбиться дѣвочка. Бросивъ дѣвочку въ рѣку и проводивъ даже ее, поплывшую по теченію, нѣсколько времени глазами, они возвратились домой, не надѣясь уже найти ее тамъ и потому нѣсколько успокоившись. Но не такъ случилось: она, по прежнему, спокойно сидѣла у очага и улыбалась. Тогда братья, посоветовавшись между собою, задумали уничтожить ее оружіемъ. Съ этой цѣлью, они нѣсколько разъ обнажали шашку и кинжалъ противъ дѣвочки; но, къ удивленію собравшагося народа, они только блѣднѣли съ

неподвижно занесенною на нее рукою, при каждом покушеніи ихъ противъ жизни маленькой дѣвочки. Видя, что оружіемъ невозможно ее уничтожить, они оставили-было свои покушенія на жизнь ея. Между тѣмъ, мулъ узналъ объ этомъ происшествіи, и цѣлыя толпы приходили смотрѣть на эту дѣвочку-чародѣйку и немало дивились. Тогда два брата попросили своихъ родственниковъ, чтобы тѣ навезли имъ побольше хвороста. Родственники исполнили просьбу ихъ немедленно. Она общими силами сдѣлала огромную кучу изъ хвороста, подъ него положили огонь и раздули его. Когда пламя значительно усилилось, они бросили въ него дѣвочку, въ томъ убѣжденіи, что пробуютъ послѣднее и самое рѣшительное средство. Они даже видѣли, какъ пламя охватило дѣвочку. Потомъ два брата возвратились въ саклю, въ надеждѣ, что теперь отдѣлались отъ своей сестры-чародѣйки. Но какъ только они переступили за порогъ, то, казалось, остолбѣтели отъ удивленія и испуга, увидѣвъ около очага сидящую дѣвочку. Они не въ шутку начали беспокоиться, что въ домѣ у нихъ растетъ нечистая сила, можетъ быть, для ихъ-же погибели. Они долго выдумывали различныя козни, чтобы только избавиться отъ этой дѣвочки; но всѣ ихъ ухищренія оставались тщетными, потому что дѣвочка не только не пропадала, но, напротивъ, быстро росла. Въ это время два брата получили слѣдующую вѣсть отъ *Тхоста*, тамошняго *дзуара* *): «Что вы грѣшите на свою голову своими кознями; развѣ вы не знаете, что вы можете избавиться отъ нея лишь съ моей помощью? Приведите ее ко мнѣ, только непременно въ сопровожденіи двѣнадцати ея сверстницъ,—я вамъ помогу избавиться отъ нея». Вскорѣ два брата отправили ее въ сопровожденіи двѣнадцати сверстницъ къ *дзуару Тхосту*. Онъ вышелъ къ нимъ, держа въ рукъ серебряныя оковы. Привѣтствовавъ дѣвочекъ, какъ слѣдуетъ, онъ началъ подзывать ихъ къ себѣ по одной и примѣрять къ ногамъ каждой серебряныя оковы. Но ни къ одной изъ сверстницъ маленькой дѣвочки не подошли оковы. Все время, какъ *Тхостъ* примѣрялъ другимъ дѣвочкамъ оковы, маленькая дѣвочка-чародѣйка, ставши по-одаль, съ безпощадностію смотрѣла на это. Потомъ, когда очередь дошла и до нея, ее попросили подойти поближе. Она, чувствуя предстоящую бѣду, отбивалась долго. Потомъ, къ ней

*) *Дзуаръ*—святая, патронъ, крестъ. Этотъ *дзуаръ* находится въ Уналь, въ Аллагарѣ.

обратился самъ Тхостъ съ такими словами: «Дѣвочка, подойди ко мнѣ; я примѣрю къ твоимъ ногамъ вотъ эти оковы. Ты не бойся, подойди; я же ничего не сдѣлаю; только хочу знать, подойдутъ-ли эти оковы къ твоимъ ногамъ». Нѣсколько усвокоенная, дѣвочка подошла къ Тхосту. Онъ началъ примѣрять оковы къ ея ногамъ. Онѣ оказались ей какъ-разъ въ пору. А Тхосту больше ничего и не нужно было. Онъ заверъ ихъ и ключъ взялъ къ себѣ, а ее, плакавшую, посадилъ въ своемъ домѣ. Такъ она и осталась у него.

Съ того дня, какъ она была закована, и по это время, вся наша фамилія поддерживаетъ память объ ней ежегодными поминками. Поминки эта бываютъ, какъ-разъ, во время нашего сѣнокоша. Они состоятъ въ томъ, что одинъ домъ изъ нашей фамиліи, наваривъ бузы или пива, приготовивъ много пышекъ, сдѣлавъ двѣ палочки—одну желѣзную, другую деревянную, въ три дюйма длины каждая, относитъ все это въ то мѣсто, гдѣ была закована дѣвочка, и приглашаетъ туда остальныхъ родственниковъ. Здѣсь они произносятъ слѣдующія слова: «и доброе и худое питай вотъ къ этому (при этомъ они указываютъ на палочки и на все изготовленное), а къ намъ не питай ничего,—ни добраго, ни худаго». Затѣмъ приступаютъ къ ѣдѣ. Когда кончается ѣда, всѣ присутствовавшіе встаютъ и бѣгутъ вонъ оттуда, стараясь одинъ обогнать другаго. Они бѣгутъ потому, что если кто останется послѣднимъ изъ нихъ, то, по простествіи одного года, непременно, умираетъ. Да! еще я забылъ сказать тебѣ, что, обыкновенно, изъ всего, приготовленнаго для поминокъ этой дѣвочки, ничего не даютъ женщинѣ, особенно беременной, потому что она можетъ сдѣлаться совершенно безплодною, если только отвѣдаетъ отъ тѣхъ блюдъ.

Какъ исчезъ дзуаръ Тхостъ *).

Говорятъ, что Тхостъ бывало выѣзжалъ всегда на *фадисъ* **),

*) Разсказъ того-же Магомеда.

**) Фадисъ соответствуетъ русскому слову *караулъ*!, т. е. призывъ на помощь.

какъ только слыжалъ его. И вотъ, однажды, въ Каздонѣ, недалеко отъ Унала, два мальчика пасли стадо овецъ. «Правду-ли говорятъ, что Тхость выѣзжаетъ на адисъ?» спросилъ одинъ мальчикъ другаго.

— „Какъ-же не правду?—разумеется, правду... ты еще этого не знаешь?!“ отвѣчалъ другой мальчикъ.

— „Я хочу видѣть его,“ сказалъ первый мальчикъ.

— „Ты не можешь видѣть его,“ отвѣчалъ другой, „онъ къ тебѣ не покажется.“

— „Во что-бы то ни стало, я хочу его видѣть,“ сказалъ опять первый.

— „Но какъ-же ты это сделаешь? вѣдь это невозможно!“

— „Какъ невозможно? Вѣдь говорятъ-же, что онъ выѣзжаетъ на адисъ,—вотъ я и закричу: «адисъ!», а онъ, если только правду говорятъ, и прискачетъ къ намъ.“

Онъ такъ и сдѣлалъ: закричалъ во все горло: «адисъ,» три раза. Прошло немного времени, какъ приближалъ къ нимъ всадникъ, съ полуобритой головой, весь одѣтый въ бѣлое платье, сидя на обромъ конѣ.

— „Куда, мальчикъ, просить на помощь?“ обратился онъ съ вопросомъ къ крикнувшему мальчику. Мальчикъ, улыбувшись, сказалъ: «куда-угодно—туда! мнѣ хотѣлось видѣть тебя, поэтому я и закричалъ адисъ.»— „А! а! такъ это я слышу ужъ предметъ смѣха!“ сказалъ Тхость. «Съ этого времени мнѣ больше уже не выѣзжать, а ты съ своимъ стадомъ окаменѣй! Такъ сказалъ Тхость, и съ этихъ поръ его не видно,—онъ не сталъ уже выѣзжать на адисъ. Мальчикъ-же съ своимъ стадомъ окаменѣлъ, и теперь еще торчитъ онъ съ окаменѣвшимъ стадомъ въ Каздонѣ. Жилище Тхоста также окаменѣло; на томъ мѣстѣ видно, что какъ будто въ скалѣ стоитъ каменный домъ. Даже косяки дверей его совершенно ясно видны и теперь.“

Двѣ жены Уастырджи *).

У Уастырджи было двѣ жены. Самъ онъ находился въ годовой отлучкѣ ¹⁾). Вотъ ужъ настала пора возвращенія его домой,

^{*)} Уастырджи томе что Георгій.

¹⁾ Эта годовая отлучка на осетинскомъ языкѣ выражается словомъ *балл*. Баллъ могъ быть двенадцати-годичный, двадцати-годичный, мѣсячный и даже недѣльный. Я говорю «могъ быть,» т. е. говорю прошедшимъ време-

какъ посорились между собою двѣ жены его. Старшая говоритъ младшей: «всегда прѣидеть на лог (нашъ мужъ)^{*)}, я постараюсь, чтобы онъ у тебя отрязалъ ухо; постой!». Младшая говоритъ ей: «о! чтобы тогда ты твердила, если бы на лог подобенъ былъ Маргуцу?!». Вечеромъ прѣехалъ Уастырджя.

Старшая жена пожаловалась Уастырджя на младшую, говоря, что младшая осмѣливается даже его не сравнивать съ Маргуцомъ, находя, что Маргуцъ мужественнѣе его. Онъ въ тотъ-же часъ сѣлъ на коня, подвѣхалъ къ дверямъ комнаты своей младшей жены и сказалъ ей: «если Маргуцъ въ самомъ дѣлѣ окажется мужемъ лучше меня, и тебя буду содержать въ большой нѣжбѣ, а если не окажется, то отрѣжу тебѣ носъ!!», и съ тѣмъ отправился въ путь, ища Маргуца. Шестъ мѣсяцевъ онъ ѣздилъ. Наконецъ, прѣехалъ онъ къ пастухамъ, стерегшимъ стада Мар-

нужь, потому что балць этотъ теперь теряетъ то значеніе, которое имѣлъ прежде, значеніе большею частью безцѣльной поѣздки въ дальніе края—въ Чечню, въ Кабарду и проч., ради того только, чтобы провѣдать своихъ знакомыхъ и прожить у нихъ безъ всякой цѣли все время, предвзятое на балць. Но балцы предпринимались и съ видимой цѣлью, не безъ дѣла; такіе балцы отличались кратковременностію и носѣвшностію. Лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, въ сѣверной, или плоской Осетии, даже въ Чечнѣ и Кабардѣ, балць былъ въ большомъ ходу, и онъ-же служилъ довольно осязательною причиною всею тогда распространеннаго увода скотины, лошадей и проч. Предприниматели такихъ балцовъ не только были терпимы въ народѣ, но даже пользовались уваженіемъ, какъ люди не деревенщина, а благородные наѣздки. Въ наше время эти балцы хотя еще и существуютъ, но уже носятъ характеръ поѣздокъ по дѣламъ домашнимъ, безъ тѣхъ скандальныхъ послѣдствій, какія случались прежде, хотя иногда и тутъ не обходится безъ увода скотины или лошадей, не смотря на то, что начальство старается искоренить это зло. Вообще-же, теперь народъ, принявшійся за скромныя занятія земледѣльства и оставляя подвиги удали въ сторонѣ, сталъ почти-что предосудительно смотреть на балць, а еще пуще на предпринимателей его. Въ нашемъ аулѣ я знаю такихъ молодцовъ, которые изъ-за частыхъ этихъ балцовъ то въ Кабарду (Касагма), то въ Чечню (Макалма), заслужили себѣ названіе бродягъ. Изъ этого можно заключить, какъ теперь терпимъ въ народѣ балць, бывшій въ столѣ большомъ почетѣ между предками нѣвшнихъ осетинъ, особенно тагаурцевъ.

*) По обычаю всѣхъ почти кавказскихъ горцевъ, чувство стыдливости не позволяетъ женамъ именовать по имени не только своихъ мужей, но и братьевъ и родственниковъ ихъ; впрочемъ, что касается до послѣднихъ, то женамъ не запрещается именовать только тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онѣ значительно превосходятъ лѣтами. Такъ по-крайней-мѣрѣ у осетинъ. Въ случаѣ же нарушенія этого обычая, т. е. если-бы жена, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ назвала по имени одного изъ родственниковъ мужа, значительно

гуца, къ тридцати челоѣкамъ: такъ много было у Маргуца скотины, что тридцать челоѣкъ пасли стада его! Пастухи зарѣзали для гостя быка ³⁾).

Утромъ, когда Уастырджи отправлялся въ дальнѣйшій путь, онъ спросилъ пастуховъ: «гдѣ живетъ Маргуць?»—Мы тоже не лучше тебя знаемъ, гдѣ онъ живетъ. Самъ онъ прѣзжаетъ къ намъ, осматриваетъ насъ, но мы не знаемъ, гдѣ его домъ. Вотъ когда ты дойдешь до другихъ его пастуховъ, а дойдешь до нихъ только черезъ мѣсяць, они тебя скажутъ, гдѣ онъ живетъ. Такъ сказали они ему. Онъ отправился — и по прошествіи этого мѣсяца прѣхалъ къ новымъ пастухамъ Маргуца. Эту ночь онъ переночевалъ у нихъ. Утромъ-же спросилъ онъ: «гдѣ живетъ Маргуць?» Они сказали ему: «повѣжай, — и по прошествіи мѣсяца прѣдешь къ одному арикку ⁴⁾); когда ты посмотришь съ вершины его, то увидишь его кунацкую (узагдон), на подобіе маленькой звѣздочки.»

Прѣхавъ къ этому арикку и посмотрѣвъ съ вершины его, онъ увидѣлъ кунацкую на подобіе маленькой звѣздочки. Онъ направился къ ней. Подѣхавъ туда, онъ слѣзъ съ коня, а къ нему вышелъ Маргуць и сказалъ: «здравствуй, мой гость!»

Они привѣтствовали одинъ другаго. Тогда Уастырджи обратился къ Маргуцу съ такими словами: «позови ко мнѣ Маргуца, я его еще не знаю». Тотъ отвѣчалъ: «вѣдь я самый и есть Маргуць.» Уастырджи посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что у Маргуца носъ по самое основаніе былъ отрѣзанъ. Девять дней пробылъ тамъ Уастырджи, и наконецъ сказалъ: «я не кушать прѣхалъ

превосходящаго ее лѣтами, то присутствующія женщины смѣются съ большимъ хохотомъ надъ этой ошибкой и толкаютъ учинившую такую ошибку, съ этими словами: «а чтобы тебя толкнулъ камень съ его величиною!» т. е. съ величиною названнаго рожденина. Это чувство стыдливости занесено осетинани и во все славянѣ и пѣни ихъ. Поэтому осетинки, какъ въ обыденной жизни, такъ и во всѣхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ, избѣга названія мужей, говорятъ, гдѣ нужно только указать или упомянуть о нихъ, не *ла*, а это въ дословномъ переводѣ значитъ, прежде всего, — *наше челоѣкъ*, потомъ — *наше мслаблн*, *наше муж*; въ этомъ послѣднемъ значеніи и въ значеніи *наше мслаблн* должно понимать «на лар»; но уже ни въ какомъ случаѣ не въ смыслѣ *наше челоѣкъ*, хотя это прямое значеніе этихъ двухъ словъ.

³⁾ Для почетнаго гостя рѣзать барана или быка (на народномъ языкѣ — *длать кусаръ*), хотя-бы оказывалась полная достача мяса у хозяевъ, — одно изъ правилъ гостепріимства.

⁴⁾ Ариккъ — невысокій горный връкъ.

скда, в дай-ка мѣ возможность воспользоваться какой-нибудь добычей! Маргуцъ велѣлъ привести своего коня, осѣлать его, и они оба поѣхали вмѣстѣ. Многие дни они проѣздили; наконецъ пріѣхали къ одному табуну лошадей. «Давай, угонимъ этихъ лошадей», сказалъ Уастырджи. — «Эти лошади мои, — а вотъ татары и турки, дамники мои, ежегодно ко дню взиманія дани запасаются для меня настоящимъ пивомъ, которое хранится у нихъ въ пивоварномъ котлѣ, скованномъ изъ серебра: этотъ-то котель я и ухвачу у нихъ для тебя.» Оттуда они отправились и достигли берега Фурда *).

— «На этомъ конѣ если въѣдешь въ воду, она унесетъ тебя!» *) сказалъ Уастырджи. — «Не будь упрямъ, гость мой!...» сказалъ ему Маргуцъ. Скоро они переправились черезъ Фурдъ, пріѣхали къ татарамъ и туркамъ, достали наваренное пиво и начали пить. Окончивъ питья пива, Маргуцъ сказалъ Уастырджи: «садись на коня своего и скачи!» Когда Уастырджи сѣлъ на коня, Маргуцъ схватилъ пивной котель, — и, такимъ образомъ, оба они усакали. За ними погналась погоня. Маргуцъ усакалъ впередъ, оставилъ пивоварный котель на берегу Фурда и возвратился къ оставшемуся позади Уастырджи, говоря, что, пожалуй, еще убьютъ его гости. Доскакавши до Уастырджи, онъ взялъ его къ себѣ на *фасартъ* †) и такимъ образомъ спасъ его †).

*) Осетины называютъ *Фурдомъ* прежде всего нижнее теченіе рр. Терекъ и Малки. Потому, это названіе перенесено вообще на большую и тихо-текущую рѣку.

*) Тутъ, очевидно, Уастырджи подсмѣивается надъ конемъ Маргуца, съ виду нестатнымъ и некрасивымъ.

†) Фасартъ—незанятое мѣсто на конѣ позади всадника, гдѣ обыкновенно помѣщаются переметныя сумы.

*) Уастырджи выѣхалъ изъ дому съ полною надеждою, что онъ превзойдетъ по мужеству Маргуца, мужество котораго превозносятся одинъ только женщинами, малки и ничтожными созданія, по мнѣнію Уастырджи. Уже одно то, что Маргуца превозносятся только одна баба, даетъ ему право думать, что онъ недалеко по мужеству и, должно быть, женоподобенъ, такъ какъ о подвигахъ его не знаетъ ни одинъ мужчина, и только между бабами ходитъ пустой слухъ о его мужествѣ. И вдругъ, какой ударъ для геройскаго самодлюбія или, лучше сказать, для геройской самонадѣянности Уастырджи! Какое стеченіе обстоятельствъ, когда, вмѣсто того, чтобы скомпрометировать Маргуца съ его восхваляемымъ мужествомъ,—при первомъ-же нападѣ, онъ попадаетъ на фасартъ его и тѣмъ обязанъ ему спасеніемъ жизни! Его чуть-чуть не догнала погоня, но Маргуцъ посадилъ его къ себѣ на фасартъ и усакалъ съ нимъ на прекрасномъ, но быстромъ скакунѣ, достойномъ такого нападника, какъ Маргуцъ.

Потомъ, вѣзши котла, она переправилась черезъ Фурдъ, и вскоре прѣехали въ домъ Маргуца. Половину своего большого табуна лошадей Маргуцъ подарилъ Уастырджи, который съ тѣмъ и отправился домой.

Съ полпути онъ возвратился назадъ, говоря себѣ: «а вѣдь Маргуцъ на самомъ дѣлѣ *хорз лаи* (доблестный мужъ): что-же была за причина, что онъ лишился носа? Во чтобы то ни стало, я узнаю это». И онъ спросилъ Маргуца: «скажи мнѣ, отчего ты лишился носа, чтобы я могъ объ этомъ рассказать въ своемъ краѣ». Маргуцъ отвѣтилъ: «никто мнѣ не отрѣзалъ его, а отрѣзалъ его я самъ. Двѣнадцать лѣтъ я былъ въ *балитъ*. Увзжая, оставилъ я жену беременною. Спустя довольно времени, у ней родился сынъ; но я не зналъ объ этомъ. Еще за день до прибытія моего домой, я почувствовалъ запахъ мужчины, сидѣвшаго около жены моей. Уже люди легли спать, какъ я прѣехалъ домой. Между тѣмъ, изъ комнаты моей такъ и чуеться мнѣ запахъ мужчины. Я отворилъ двери своей комнаты, обнажилъ шапку и хватилъ ею сильно по постели, и тамъ, вмѣстѣ чужаго человѣка, убилъ своего сына и жену. Поэтому-то я и отрѣзалъ себѣ носъ, такъ какъ во всемъ этомъ виноватъ онъ.»

Потомъ Уастырджи просилъ указать ему мѣсто похоронъ сына и жены Маргуца. Оба они отправились къ могиламъ. Уастырджи велѣлъ выкопать трупы, намазалъ ихъ такимъ лекарствомъ, которое воскрешало мертвыхъ,—и они воскресли. Послѣ этого, Маргуцъ еще и съ своей стороны сдѣлалъ подарки Уастырджи, а этотъ спросилъ Маргуца объ имени его тестя. Онъ назвалъ его. «Да вѣдь и моя младшая жена—его дочь!» воскликнулъ обрадованный Уастырджи. «Значить, мы родственники другъ другу!!...» и такимъ образомъ они очень радовались родству своему и съ этого времени узнали другъ друга.

А Уастырджи, возвратившись домой, началъ еще больше любить свою младшую жену.

Значить, Маргуцъ на дѣлѣ доказалъ Уастырджи, что, какъ надъ нимъ самнитъ, такъ и надъ конемъ его, нельзя подсмѣиваться. Такой примѣръ мужества—дать гостю своему случай воспользоваться добычей, т. е. серебрянымъ котломъ, унесеннымъ изъ-подъ носа турокъ и татаръ, и спасти гостя на своемъ сартѣ,—показался примѣромъ довольно осязательнымъ, чтобы признать справедливость того бабьяго слуха о мужествѣ Маргуца, который до него дошелъ.

Какъ женщины превращаются въ волка.

«Это мнѣ рассказываетъ покойникъ Кона, бѣдный Борсievъ, вашъ родственникъ; ты, можетъ быть, помнишь его: онъ часто бывалъ у васъ, еще при жизни твоей матери», — такъ говорилъ мнѣ мой рассказчикъ Басиль. «Я тогда стерегъ свое стадо, говорилъ мнѣ Кона, съ однимъ землякомъ, съ Батырса, въ Карца *). Въ стадѣ, которое охранялъ Батырса, были овцы и чужія, именно, если хочешь знать, — это были овцы Басилты. Уже время подходило къ вечеру; пора была осенняя, вотъ, какъ-разъ, какъ теперь. Еще съ утра мы порѣшили съ Батырса къ вечеру пригнать стада къ соленнымъ источникамъ, такъ какъ уже давно слѣдовало овцамъ дать соли. Мы такъ и сдѣлали, — пригнали стада къ источникамъ, и сами какъ-то не присмотрѣли хорошенько за ними, а отошли въ соседній лѣсокъ, думая, что около этихъ источниковъ не могло быть никакого живаго существа. Побывъ довольно долго въ этомъ лѣсу, мы воротились къ стадамъ своимъ, чтобы угнать ихъ отъ этихъ источниковъ. И что-же мы находимъ, къ великому нашему удивленію?! Всѣ овцы Басилты были растерзаны и разбросаны по всему лугу, тамъ и сямъ, въ безпорядкѣ; между тѣмъ, всѣ мои и собственныя овцы Батырса стояли въ совершенной цѣлости, скучившись въ разныхъ мѣстахъ. Тутъ-же Батырса увидѣлъ большаго, удалявшагося сѣраго волка. Онъ сказалъ, что это, должно быть, дѣло преднамеренное, а то какъ-же это могло случиться, что всѣ наши овцы остались въ цѣлости, а овцы Басилты пропали? Не можетъ быть, чтобы это была волчья работа, хотя, вонъ ясно видно, какъ удаляется это страшилище. «Я непременно добыюсь, что это такое», сказалъ Батырса. При этомъ онъ попросилъ меня, чтобы я присмотрѣлъ за его стадомъ, а самъ между тѣмъ пустился по слѣдамъ этого волка, взявъ съ собою свою пастушью палку и свое ружье. Волкъ направился къ Дигоріи; скоро онъ перешелъ рѣку Ардонъ, и Батырса, слѣдуя неумоимо по его слѣду, сдѣлалъ тоже самое. Затѣмъ, скоро они, волкъ впереди, а онъ сзади, пришли къ аулу генерала Туганова. Приближаясь къ этому аулу, Батырса увидѣлъ еще неслыханное до того дѣло: до сихъ поръ ясный волчій слѣдъ вдругъ, съ этой минуты, началъ

*) Карца—ущелье въ Кавказскихъ горахъ, напротивъ аула Салу-Гарданъ, или-же на западъ отъ стан. Ардонской.

сбиваться человѣческимъ глупомъ, томъ совершенно женнымъ. Онъ немало удивился этому, но все-таки продолжалъ идти по этому слѣду. Пришелъ, наконецъ, онъ къ мельницѣ, и что же? — подъ мельницею сидитъ женщина, близливо отъидываясь и занимаясь пражей. Онъ вынулъ-было свое ружье изъ чела, съ намбрениемъ убить злодѣйку, какъ она возолилась къ нему: «ради своего создателя, пощади меня, не убивай меня, я тебѣ сошью двѣ пары платья, ежели ты меня оставишь!». . . Она назначила ему срокъ, когда онъ долженъ былъ получить обѣщанное платье, и затѣвъ, — онъ ее оставилъ, не убивши; только приказалъ ей непремѣнно приготовить платье, въ противномъ-же случаѣ; обѣщалъ убить ее; потомъ, разумеется, возвратился въ Кома и рѣзсказалъ о случившемся. . . Да, вотъ такимъ образомъ женщины-колдуньи превращаются въ разныхъ животныхъ и стараются вслѣдствіи вредить тому, къмъ они недовольны.

«Да вотъ еще случай» — сказалъ Басиль. «У васъ былъ работникъ, третьяго года, кажется. Его братъ, нѣкто Бла, убилъ недавно, лѣтъ семь тому назадъ, одну женщину, по имени Деда (родомъ она была грузинка), которую тоже подозрѣвали въ превращеніи. Это было въ Суадагъ *)». Уже давно сосѣди замѣчали, что она не простая женщина. Разъ она превратилась въ волчицу, прыгнула въ овчарню сосѣда, кинулась на его стадо: тутъ, оттуда ни возмись, явился Бла, изъ фамиліи Гугаты, выстрѣлилъ въ нее и убилъ ее на мѣстѣ.

Сыновья ея живутъ и теперь, вотъ въ сосѣднемъ аулѣ, Хумалагъ. Зовутъ ихъ, старшаго — Кавдынь, а младшаго — Джорджи (Георгій).

Что такое скотская повальная болѣзнь.

Всѣмъ извѣстно гибельное и опустошительное дѣйствіе повальной скотской болѣзни; оно залегло темнымъ пятномъ въ воображеніи народа, особенно деревенскаго и, въ добавокъ еще, почти-что полудикаго, какъ нашъ народъ. Испытывалъ большія потери каждый разъ, какъ посѣщаетъ эта болѣзнь нашу страну,

*) Нынѣ упраздненный аулъ, черезъ Ардонской станицы.

и не имея никаких средств къ ея превращенію, оскверны считаютъ ее самымъ сквернымъ и страшнымъ явленіемъ среди такого теченія, какъ убогой жизни.

Поэтому она стараются олицетворить ее въ образъ женщины-чародѣйки, хуже и страшнѣе которой народъ представляеть себя только одного чорта. Къ женщинъ-чародѣйкѣ оскверны пишутъ отвращеніе и боязнь.

Однажды я вышелъ въ ныхасъ *) нашего аула, гдѣ уже сидѣло много людей. Тамъ-же случился и Асако, аульский старшина, слѣдовательно одно изъ административныхъ лицъ нашего аула. Такъ какъ въ то время свирѣпствовала повальная скотская болѣзнь, то, само собою разумѣется, административное лицо коснулось разговора о повальной болѣзни. Между прочимъ онъ разсказалъ слѣдующее: «однажды у насъ въ Куамѣ **) свирѣпство вала эта болѣзнь точно такъ-же, какъ теперь свирѣпствуетъ здѣсь. Цѣлый день я горевалъ о потерѣ одного хорошаго своего быка. И вотъ, ночью, я увидѣлъ странный сонъ. Мнѣ снилось, какъ будто я вышелъ изъ дому поздно вечеромъ и пострѣчался съ одной женщиной, по имени Дэгутонъ. Женщина эта известна была у насъ какъ чародѣйка и считалась самой отвратительной по наружности; на этотъ разъ она явилась еще въ лохмотьяхъ и съ распущенными волосами. «Что ты, Дэгутонъ, въ такую пору ходишь? тебя можетъ изнасиловать кто-нибудь,» сказалъ я ей, смѣясь.

— «Да я — повальная болѣзнь,» сказала Дэгутонъ: «больше у тебя ничего не издохнетъ, — ты не безпокойся. Теперь я хочу пройтись по стадамъ твоихъ сосѣдей.» И въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Асако, — больше у меня ни одна скотина не издохла, тогда какъ изъ моихъ сосѣдей были даже такіе, у которыхъ во дворѣ не осталось ни одной коровы.

— «Да вотъ тоже самое видѣлъ и я во снѣ,» сказалъ Дударь. «Я тоже видѣлъ женщину; это было не теперь, а давно, лѣтъ 7 тому назадъ. Она сказала мнѣ, что хочетъ видѣть мое стадо. Я повелъ ее промежъ стада, а она, держа въ рукѣ шерстяную плеть, ударила ею по головѣ одного, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, быка и сказала: «этотъ быкъ съ этого времени не твой.» Въ самомъ

*) Холмъ, на которомъ располагаются обыкновенно праздные аульские люди и разсуждаютъ между собою. Впрочемъ, въ праздничные дни сюда выходятъ почти все аульное общество.

**) Бывшій аулъ около Екатеринбургской станицы.

дѣлъ, такъ и случилось: этотъ самый бѣсъ устроилъ заболѣль, а въ общему нѣдохъ:

Идущіе за снопомъ.

Какъ въ древней Греціи каждая страна и каждый городъ имѣли свое особое божество, принимавшее большое участіе въ судьбѣ покровительствуемой имъ страны или покровительствуемаго города, такъ и въ Осетин, по древне-языческимъ религиознымъ представленіямъ, каждое мѣстечко имѣло свое божество, которое считалось патрономъ данной мѣстности или даннаго поселенія *). Оно оберегало тотъ край, гдѣ предполагалось существованіе его, отъ всякаго зла, наставляло людей на добрыя дѣла, помогало всякому ихъ предпріятію. Однимъ словомъ, всѣ заботы своихъ людей оно вело къ благополучному концу. Для прѣмѣра, я укажу на такихъ патроновъ: такъ, *Ног-дзуаръ* (новый святой) признавался и признается патрономъ у людей, обитающихъ и обитающихъ на землѣ Шанаевыхъ, въ Каин, въ горахъ; у жителей же Алагіра и вообще у всѣхъ нарцевъ патрономъ почитается *Хетаджи-дзуаръ* (святой Хетага).

Въ день праздника такого божества приносили ему въ жертву, каждый домъ порознь отъ себя, или откормленнаго барана, или вола, потомъ, приходили въ мѣста, назначенныя для жертвоприношеній и молитвы и, совершивъ тамъ жертвоприношеніе, по обычаю края, праздновали и пѣли пѣсни въ честь божества. Сюда же нѣкоторые приносили ему въ даръ драгоценныя вещи, какъ-то: серебряныя и золотыя кубки, дорогое оружіе и монету. Эти древне-языческія религиозныя представленія осетинъ нѣкогда шли рядомъ съ христіанскими вѣрованіями. Въ настоящее же время, хотя многія изъ этихъ представленій рушились, тѣмъ не менѣе, они имѣютъ все еще своихъ поклонниковъ въ народѣ, живаясь съ исламомъ у магометанъ-осетинъ и съ христіанскою религіею у христіанъ-осетинъ.

Божества, по вѣрованію осетинъ, заступались за своихъ людей предъ другими божествами и даже предъ злыми духами. Они старались о водвореніи въ своемъ краѣ спокойствія, здравія, богатства, урожая и проч.; но это имъ не всегда удавалось безъ

*) Ниже помѣщается списокъ этихъ божествъ.

боя и враждебнаго столкновения съ другими божествами и злыми духами, вслѣдствіе исключительно-эгонстическихъ стремленій послѣднихъ. Вотъ одно-то изъ такихъ столкновеній божествъ между собою выражается въ повѣрьи «идуціе за снопомъ». Разъ въ годъ, только не всегда въ определенное время, а большею частью на новый годъ, собираются въ невѣдомое для простыхъ людей мѣсто идущіе за снопомъ. Идущіе за снопомъ бываютъ люди не обыкновенные, а *дасимте* *). Предъ отправленіемъ, они крѣпко засыпаютъ, и тогда, говорятъ, души ихъ, оставя тѣло снующимъ, отправляются за снопомъ. Предъ засыпаніемъ, если идущій за снопомъ мужчина, онъ предупреждаетъ жену, а если это женщина—мужа, и всѣ домашніе не будятъ заснуваго дотѣхъ-поръ, пока онъ самъ не проснется; въ противномъ случаѣ, его ожидаетъ внезапная смерть. Идущіе за снопомъ садятся, кто на метлу, кто на скамью, кто на кошку, кто на сабаку, кто на лавонецъ въ ступку, рѣдко на коня, и спѣшать на сборный пунктъ. Отсюда они, подъ предводительствомъ всѣхъ горныхъ божествъ и подчиненныхъ имъ ангеловъ, отправляются въ походъ противъ извѣстнаго божества—*Татаръ-Туна*, который считается божествомъ какъ осетинъ, такъ и кабардинцевъ; но, должно полагать, онъ болѣе стоитъ за кабардинцевъ, чѣмъ за осетинъ, потому что онъ, какъ это будетъ видно дальше, ведетъ отчаянную борьбу съ горными божествами Осетин за горсть хлѣбныхъ зеренъ.

Пріѣхавъ въ мѣстопробываніе *Татаръ-Туна*, которое находится немного ниже нынѣшней Николаевской станицы, именно, на ту самую гору, которая возвышается надъ минаретомъ **) и служитъ границею между Осетіею и Кабардою, всѣ горныя божества Осетин, съ большимъ ополченіемъ подчиненныхъ имъ людей и духовъ, начинаютъ страшную войну изъ-за горсти хлѣбныхъ зеренъ; сражаются они, говоритъ народъ, стрѣлами. Послѣ продолжительнаго сраженія, какал-нибудь сторона уступаетъ другой. Сторона, за которой остается побѣда, хватаетъ съ вликами радости снопъ, а изъ него—горсть зеренъ и разсыпаетъ ее въ направленіи своего

*) Дасимте знач. *знающій, знахарь и знахарка*. Этими-же именемъ называютъ предсказателей, способныхъ узнавать будущее и подверженныхъ разнымъ припадкамъ, вслѣдствіе которыхъ они получаютъ даръ прозрѣвать въ будущее.

**) Извѣстный минаретъ на бывшей большой дорогѣ, между станицъ Николаевской и Змѣйской.

края. Это значитъ; тѣ стареши, которой досталась горсть хлѣбныхъ зеренъ, отвозила у другой, враждебной стороны, на текущій годъ себѣ урожай. Затѣмъ обѣ стороны расходятся по домамъ. Многие изъ участвовавшихъ получаютъ раны, которыя для обыкновенныхъ людей не мерутъ быть замѣтны, а замѣтны только для участвовавшихъ въ божественной войнѣ. Участвовавшіе затѣмъ просыпаются отъ тяжелого сна и объѣвляютъ своимъ домашнимъ и односельцамъ о будущемъ урожаѣ. Мой рассказчикъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: «я самъ знавалъ такого, который участвовалъ въ такомъ походѣ; да и люди указывали на него. Звали его Цара; жилъ онъ за переваломъ, въ Дзомахъ, и теперь, кажется, онъ живъ еще. Онъ участвовалъ въ походѣ съ своимъ конемъ; знай, что и животныя участвуютъ въ такомъ походѣ. Всякій разъ, предъ отправленіемъ въ походъ, онъ засыпалъ; жена, разумѣется, зная про это, никогда не тревожила его дотѣхъ-поръ, пока онъ самъ не просыпался. Разъ онъ, по своему обыкновенію, собирався въ походъ за снопомъ. Долго онъ спалъ, и наконецъ, не просыпаясь, вскричалъ: «эй, гнѣдая, догоняй, догоняй его!»... Это онъ звалъ такъ своего коня. Въ это время конь его въ конюшнѣ сильно заржалъ. Отъ сильнаго-ли ржанья своего коня проснулся онъ, или такъ ужъ слѣдовадо, одинъ Богъ знаетъ, — только онъ проснулся. Приподнявшись съ кровати, онъ улыбнулся и сказалъ: «ну, слава Богу, побѣда на нашей сторонѣ! надѣйтесь на хорошій урожай.» Потомъ онъ послалъ мальчика, чтобы тотъ осмотрѣлъ коня его; мальчикъ, возвратившись въ сани, сказалъ, что конь чрезвычайно вспотѣлъ, такъ, какъ будто-бы сто верстъ проскакалъ. Пошли и другіе осмотрѣть коня — и что-же? какъ будто-бы его выкупали, такъ сильно онъ вспотѣлъ!»

Святой Чернаго Всадника.

По вѣрованью осетинъ, даже воровство, которое входило почти-что необходимымъ условіемъ въ кругъ воспитанія юношества, имѣло своего патрона, или святаго. Онъ назывался, да и теперь называется, на народномъ языкѣ *сау-бар еджи-дзуаръ*, т. е. Святой Чернаго Всадника. При отправленіи на воровство и вообще на ночные разбѣды, призывали предварительно цеврови-

тельство Святаго Чернаго Всадника и затѣмъ уже отправлялись, куда нужно было, поручивъ себя его покровительству.

Сами-же искатели разныя ночныхъ приключеній полагали, что впереди ихъ ѣдетъ Святой Чернаго Всадника на своей вороной лошади, въ черномъ одѣянии, и какъ будто направляетъ ихъ на удачный путь.

Если искатель ночныхъ приключеній не имѣлъ успѣха въ своихъ дѣлахъ, то обыкновенно говорили, что онъ оставленъ Святымъ Чернаго Всадника. Отъ неосторожности случалось иногда, что ночной наѣздникъ попадался въ сѣти тѣхъ, кому онъ искалъ случая повредить, и даже бывалъ нерѣдко убиваемъ; тогда сосѣди съ немалымъ состраданіемъ и съ боязнью говорили, что онъ былъ обруганъ и оставленъ Святымъ Чернаго Всадника: вотъ почему постигла его такая печальная участь! Чтобы расположить къ себѣ Святаго Чернаго Всадника, опытные наѣздки предупреждали о своемъ предстоящемъ ночномъ предпріятіи своихъ хозяекъ: хозяйки напекали обыкновенно пышекъ, а старшій въ домѣ клалъ около себя эти пышки и, взявъ одну изъ нихъ въ руку, снявъ, разумѣется, предварятельно свою шапку, обращалъ взоры къ небу и призывалъ покровительство Святаго Чернаго Всадника. Послѣ этого, искатель ночныхъ приключеній былъ увѣренъ, что онъ расположилъ къ себѣ Святаго Чернаго Всадника, и уже, затѣмъ, смѣло пускался въ путь, въ томъ убѣжденіи, что будетъ имѣть успѣхъ въ предприняемомъ имъ дѣлѣ.

Мѣстопробываніе Святаго Чернаго Всадника полагается въ пещерѣ, въ Бзи, въ Аллагирскомъ ущельѣ, въ шестнадцати верстахъ отъ самой Аллагирской станицы; эта пещера видна съ дороги въ Аллагиръ.

Легенда объ основаніи Хетага.

На лѣвой сторонѣ р. Терена, напротивъ станицы Ардонской или немного повыше, почти у подошвы Кавказскихъ горъ, стоитъ нынѣ упраздненный аулъ Суадагъ. Къ востоку отъ Суадага, въ недалекомъ разстояніи, находится красивый маленькій лесокъ. Всѣ путники удивляются красотѣ его; представьте себѣ

красивую цвѣточную куртику, на подобіе совершенно круглаго небольшого острова, выходящаго въ окрестности версты три. Такой видъ представляетъ этотъ лѣсокъ, который носитъ названіе *Хетагъ*, въ честь пребыванія тутъ предполагаемаго *Хетаджи-дзуара* (патронъ, святой *Хетагъ*). Лѣсокъ этотъ считается мѣстомъ священныиъ жителями бывшаго аула Суадага и вообще всѣми нарцами *), въ память нѣкогда тутъ совершившагося событія, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ тѣсную связь съ исторіей происхожденія всѣхъ нарцевъ. Всѣ нарцы и жители Суадага полагаютъ и полагають тутъ и теперь мѣстопробываніе *Хетаджи-дзуара*. Поэтому, они разъ въ годъ являются и празднуютъ заѣвъ день своего патрона, наварить для этого заранѣе пива и приготовить много жертвъ, которыми носятъ названіе *мысодосъ*. Объ основаніи *Хетаджи-дзуара* легенда рассказываетъ слѣдующее:

Въ урочищѣ *Хетагъ*, за р. Кубанью, жили давно, оцѣва давно, три брата, внуки славнаго *Инала*. Старшаго звали *Хетагомъ*, средняго — *Бисланомъ* и третьяго — *Исламомъ*. Братья поссорились между собою: *Хетагъ* держалъ одну сторону, а *Бисланъ* съ младшимъ братомъ — другую. — «Не будемъ съ тобою жить,» сказали однажды два брата *Хетагу*. — «Послѣ этого я самъ съ вами не хочу оставаться,» сказалъ *Хетагъ*, и потому онъ бѣжалъ съ двумя сыновьями оттуда. Два брата, узнавши о его побѣгѣ, порѣшили догнать и убить его, въ томъ соображеніи, что если онъ гдѣ поселится и прозведетъ большое потомство, то какъ онъ самъ, такъ и его потомство, не оставятъ ихъ въ спокойствіи. Бѣгъ свой *Хетагъ* направилъ налѣво, въ направленіи Кавказскихъ горъ. Когда онъ приближался уже къ мѣсту, гдѣ нынѣ стоитъ минареть (между станціями *Николаевской* и *Зиѣйской*), погоня догнала его и убила двухъ сыновей его, *Увиджако* и *Бналдикю*; самъ же *Хетагъ* какъ-то спасся, успѣвши скрыться въ башнѣ, и продолжалъ свой бѣгъ по направленію къ *Аллагюру*. Онъ уже подходилъ къ мѣсту *Суадага*, какъ его опять стали догонять два брата, съ большою толпою другихъ людей. *Хетагъ* почти выбился изъ силъ, — такъ сильно онъ утомился; онъ уже подумывалъ остановиться и отдать себя на произволъ братьевъ. Уже погоня была почти что близъ него, когда онъ услышалъ голосъ изъ лѣса, расположеннаго на дальней горѣ: «въ лѣсѣ, *Хетагъ*, въ лѣсѣ!» *Хетагъ*, изнемогая отъ уста-

*) *Нарцы* — одно изъ горскихъ осетинскихъ обществъ.

лости, прокричалъ въ отвѣтъ: «Хетагъ уже не поспѣетъ въ лѣсъ, а пугай лѣсъ поспѣетъ въ Хетагу!» Откуда ни возьмись, — вдругъ его окружаетъ красивый маленький лѣсокъ. Легенда говоритъ, что и теперь еще то мѣсто, откуда поднялся этотъ лѣсокъ цѣлкомъ, по зову высшихъ силъ, стоитъ совершенно гладкимъ посреди дремучаго лѣса, имѣя точно такой-же видъ, какъ лѣсокъ Хетага. Это мѣсто находится въ трехъ верстахъ разстоянія отъ станицы Алагирекой и известно подъ названіемъ *Выраги дзванджи цагати* *).

Погоня оставила преслѣдовать Хетага, когда ясно стало видно, что Хетага покровительствуютъ наіе-то ангелы-хранители, противъ которыхъ сознавала свое бессиліе, и потому она ѣхала назадъ. Это мѣсто служитъ теперь модельною и считается столь священнымъ, что охотникъ, убивъ тамъ какую нибудь дичь, не можетъ взять ее домой и долженъ непременно тамъ-же справиться съ нею; вообще всякій, пользовавшійся какими-либо дарами этого священнаго лѣса, какъ-то: плодами, ягодами, медомъ и проч., которыми весьма обилень этотъ лѣсокъ, долженъ тутъ-же употребить найденное, не имѣя права взять его домой, подъ страхомъ тяжкой болѣзни.

Отдохнувъ тамъ хорошенько, Хетагъ направился къ Нару и пришелъ въ Наръ, въ Цими. Тамъ онъ сталъ на одномъ большомъ бѣломъ камнѣ. Легенда говоритъ, что то мѣсто, гдѣ находились ступни Хетага, опустилось внизъ, и что и теперь этотъ камень находится тамъ-же, гдѣ стоитъ *Нары-кау* (аулъ Наровъ или Хетагуровъ) и имѣетъ видъ ступни. Здѣсь Хетагъ остался на житье и отъ него пошли потомки, нынѣшніе хетагуровцы и вообще всѣ нарцы, какъ говоритъ легенда. Про этотъ бѣлый камень одинъ изъ хетагуровцевъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее: «священникъ и діаконъ нашего аула (т. е. аула Наръ, Нары-кау), замѣтивъ однажды, какъ нарцы, проходя мимо этого бѣлаго камня, снимали свои шапки и смиренно воздавали ему почести, осмѣлились скатить камень этотъ въ воду, смѣясь, что это не кака-нибудь сватыня, а простой бѣлый камень. Нѣкоторые изъ нарцевъ сказали имъ: «что вы дѣлаете? если мы поклоняемся этому камню, то не ради признанія его за сватыню, а ради памяти престола Хетага». Затѣмъ разыгралась страшная гроза. Рѣка, куда скатили камень священникъ и діаконъ, страшно разлилась и

*) Волчьей голени.

дерево, унесла этот камень. Когда вода уменьшилась, въ рѣкѣ, нащипавъ, снятъ пестрядни камень на прѣвѣхъ его мѣсто. Прошло немного времени, какъ священникъ и дѣвонъ заболѣли. Никто не думалъ, чтобы они остались въ живыхъ: такъ сильно они заболѣли за свою ярость, нанесенную памяти Хетага.

Легенда о Ногъ-дзуарѣ.

Ногъ—значить новый, дзуаръ—святой, чистый духъ, и еще значить—крѣсть. Но здѣсь подъ этимъ словомъ должно понимать святаго, чистаго духа, покровителя. Итакъ, все это значить—новый святой. А между тѣмъ, я, спрашивая стариковъ нашихъ—живыхъ архивовъ древности,—узналъ, что ему понятнѣе еще наши отцы и даже праотцы. Поэтому, влекома любовью, я положилъ разслѣдовать, какимъ образомъ стали поклоняться Ногъ-дзуару.

Мѣстопробываніе этого святаго и мѣсто, служащее для жертвоприношенія ему, поклоненія и празднованія для вѣрующихъ въ него, находится въ горахъ, именно въ землѣ Шанаевыхъ, въ Кани. Впрочемъ, выходцы изъ горъ, чтобы не совершать благочестивыхъ путешествій въ каждый его праздникъ въ Кани, какъ это дѣлали еще недавно, память о немъ поддерживаютъ у себя на плоскости, тѣмъ что въ извѣстной красной балкѣ приносятъ ему жертвы и празднуютъ его день. Я спрашивалъ многихъ стариковъ, и никто изъ нихъ не могъ сказать, съ какого времени признаютъ Ногъ-дзуара и что была за причина, заставившая признавать его. Но однажды, вечеромъ, я подошелъ къ одному старику, по имени Базиръ, и спросилъ его, не можетъ-ли онъ объяснить мнѣ, съ какихъ поръ стали поклоняться Ногъ-дзуару и причину поклоненія.

—«Могу», сказалъ Базиръ. «Только самъ я не помню, съ какихъ поръ его признаютъ, а слышалъ отъ отцовъ. Въ Кани, въ *гамакта* *), паслось большое стадо быковъ. Въ это время разыгралась страшная гроза, и громъ ударилъ въ стадо. Отъ пораженнаго стада одинъ быкъ былъ унесенъ въ конецъ участка *Мизи-бринкъ* **), служащаго нынѣ жителямъ Кани мѣстомъ для

*) *Гамакъ*—значить собственно *глади*, *леса*. Ровные и гладкіе луга, отсюда, въ горной Осетин носятъ названіе *гамакта*.

**) *Мизи*—названіе того луга, на которомъ паслось стадо. И теперь еще въ Кани этотъ лугъ такъ называется.

хутора и для нососа; другой быкъ изъ того-же стада былъ выброшенъ на томъ-же мѣстѣ на большое дерево. Поэтому, это мѣсто сдѣлалось предметомъ поклоненія и празднованія въ его честь. Вотъ почему ему стали поклоняться.

Я уже упомянулъ, что жители плоской Осетии, бывшіе нѣкогда подъ покровительствомъ Ногъ-дзуара, память о немъ поддерживаютъ у себя; впрочемъ, изъ нихъ еще есть такіе, которые ежегодно, въ день праздника своего патрона, совершаютъ благочестивыя путешествія въ горы. «Далѣе», продолжалъ Баазиръ, «когда стали ему поклоняться и назначили ему *дзуари-лагъ* *)», одного изъ Пуховыхъ, то случилось другое чудо. Этотъ дзуари-лагъ видѣлъ однажды Ногъ-дзуара, сидѣвшаго на оленѣ и ѣхавшаго по направленію къ нему. Въ правой рукѣ онъ держалъ плеть, увѣшанную бубенчиками, и какъ только ударялъ ею оленя, ударъ уподоблялся громовому грохоту. Онъ, сидя на оленѣ, подѣхалъ къ нему и сказалъ: «ступай и скажи, чтобы аулъ (Кани) принесъ мнѣ жертву и праздновалъ этотъ день, а Куговымъ скажи, что всѣ они въ непродолжительномъ времени пропадутъ!». Не прошло и одного года, какъ перевелись всѣ Куговы: изъ дома ихъ съ этого времени не выходила даже курица, — такъ сильно они навлекли на себя гнѣвъ Ногъ-дзуара.

Такъ какъ и самое празднованіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, то нужно сказать объ немъ кое-что. Заготовивъ все съѣстное, какъ слѣдуетъ, ко дню праздника Ногъ-дзуара, прежде бывало всѣ аульные жители, отъ малаго и до сѣдаго старика, отправлялись иѣшкомъ къ мѣсту празднованія. Теперь, разумѣется, это усердіе пропало, особенно въ плоской Осетии; отнюдь не позволялось проѣхаться до этого мѣста, чтобы не выказать пренебреженія къ Ногъ-дзуару и чтобы не обратить на себя его вниманія; ради этого многіе даже скидали обувь и шли босикомъ, надѣясь тѣмъ снискать снисхожденіе Ногъ-дзуара. Когда приходятъ къ мѣсту, мужчины располагаются отдѣльно, а женщины съ дѣтьми отдѣльно, сохраняя таинственную тишину; и мужчины и женщины говорятъ почти-что полушопотомъ. Затѣмъ, приходитъ дзуари-лагъ и отбираетъ молча у всѣхъ *мсайнагта*, т. е. кусочки ваты, съ одной ниточкой канители и съ мелкою серебряною монетою, чтобы все это положить на жертвенникъ Ногъ-дзуара и чтобы помолиться потомъ за весь при-

*) Т. е. слуга святаго; это соответствуетъ церковному старостѣ у православныхъ.

хода. Отбравъ у всѣхъ высайнагга и возложивъ ихъ на жертвенникъ, дуарн-лагъ возвращается назадъ и подаетъ сигналъ къ увеселеніямъ. Тогда пршедшіе могутъ говорить и громче, но все-таки не выходя изъ границъ боязни; въ противномъ случаѣ, по слову осетинъ, ихъ ожидаетъ продолжительный обморокъ, съ поворотомъ лица назадъ. Затѣмъ, начинаются закуски и игры, не ослабляющія того благочвія, котораго требуетъ Ногъ-дуаръ. Пованусивъ и поигравъ вдоволь, мужчины и дѣвушки затѣиваютъ пѣсни въ честь Ногъ-дуара. Потомъ, эти пѣсни опять смѣняются другими увеселеніями, и такимъ образомъ проводятъ весь этотъ день. Слѣдующіе затѣмъ два дня правдуются въ аулѣ. Они тоже проходятъ въ разныхъ играхъ, пѣсняхъ, потомъ въ приглашеніяхъ, угощеніяхъ и проч.

Такимъ образомъ проводятъ осетинны дни Ногъ-дуара. Впрочемъ, нужно сказать, что прежній торжественный тонъ этого праздника теперь терлется, особенно въ плоской Осетіи. Теперь одна только молодежь отправляется на мѣсто празднованія. Люди пожилые и старики довольствуются взаимными приглашеніями и угощеніями.

Чтобы не дѣлать отдѣльнаго описанія каждаго праздника того или другаго божества, нужно замѣтить, что всѣ они носятъ одинъ и тотъ-же характеръ, именно характеръ праздника Ногъ-дуара. Такъ напр., день Хетаджи-дуара празднуется такимъ-же образомъ всѣми нарцами.

Преданіе о происхожденіи тагаурцевъ *).

По какому-то обстоятельству, изъ Арменіи нѣкогда бѣжалъ князь *Тагауръ* (по-осетински *Тага*), а можетъ быть и царь, съ однимъ бѣглецомъ изъ курдовъ, отъ котораго произошли куртатинцы (куртата), какъ говоритъ преданіе. Онъ зналъ, что въ Кавказскихъ горахъ обитали дикіе *ири* (осетины); поэтому бѣгъ свой онъ направилъ туда. Прибылъ онъ въ нынѣшній Алагиръ и въ мѣстечкѣ Ксурта построилъ себѣ домъ (галуанъ—съ башней и съ бойницами); остатки этого дома и нынѣ сохранились, говоритъ преданіе; въ Ксуртахъ и теперь еще стоятъ два желѣзныхъ косяка отъ дверей дома Тагаурова.

*) Тагауръ, по-армянски, значитъ *сплчменосецъ, царь*. Тагаурцами называются лица, принадлежащія къ высшему сословію въ Осетіи.

Здѣсь онъ не потерялъ своего родового значенія: жилъ между алагирцами, какъ князь. Потомъ онъ женился и имѣлъ трехъ сыновей: Камбія, Тотика и третьяго сына, Загана. Завѣтъ Тагауръ переселяется въ Даргавсъ, можетъ быть, по доброй волѣ; а не то — по принужденію, и здѣсь онъ сходитъ со счастіемъ. Отъ Камбія родился Знауръ; потомъ отъ Знаура произошло огромное поколѣніе: оно, вмѣстѣ съ подвѣщившимъ поколѣніемъ Тотика, образовало сословіе тагаурцевъ (тагіята).

Поколѣніе, происшедшее отъ Камбія, неизвѣстно по какой причинѣ, рѣшило, во что бы то ни стало, истребить Тотика и его нарождавшееся потомство. Для этой цѣли, оно пригласило на помощь куртатъ, поколѣніе того курда, который сопровождалъ Тагаура въ Алагиръ, и съ помощью ихъ приступило къ выполненію своего лихаго замысла. Они успѣли истребить почти всѣхъ родственниковъ и сыновей Тотика и готовились уже умертвить самого Тотика, чтобы такимъ образомъ покончить съ его будущимъ поколѣніемъ, но, должно быть, Создатель разсудилъ иначе, говоритъ преданіе, ибо Тотикъ вѣдь-то былъ увѣдомленъ обо всемъ случившемся. Онъ спасся бѣгствомъ въ свою башню и сталъ отстрѣливаться отъ нападавшихъ враговъ, тагаурцевъ и куртатинцевъ. Прежде чѣмъ на него начали нападать тагаурцы съ куртатинцами, онъ крикнулъ съ башни къ своему аяцку *) Хуцисту, чтобы онъ приблизился поближе къ башнѣ. Хуцистъ послѣдовалъ его просьбѣ. Тогда Тотикъ, спуская мѣшокъ по веревкѣ, вскричалъ: «эй, Хуцистъ! возьми вотъ въ мѣшкѣ эту хорошую шерсть: зачѣмъ она будетъ доставаться моимъ врагамъ!.. возьми себѣ». Хуцистъ схватилъ мѣшокъ и удалился съ нимъ. Дома онъ раскрылъ мѣшокъ и, увидѣвъ тамъ ребенка, окутаннаго въ шерсть, рѣшился предпринять что-нибудь, чтобы спасти жизнь его отъ опасности. Ребенокъ этотъ оказался мальчикомъ, только-что родившимся, въ минуту этихъ кровавыхъ схватокъ, отъ давно уже беременной жены Тотика. Въ ту-же ночь Хуцистъ отправился въ Кабарду, взявъ, разумѣется, и ребенка съ собою; а тогда Кабарда была тамъ, гдѣ нынѣ аулы Гизель, Суадагъ, стан. Ардонъ и проч. Въ тѣ времена особенно славилась въ Кабардѣ фамилія Дохшуковыхъ своимъ могуществомъ и значеніемъ, не только между черкесами (адыгейцами), но и между другими народами, и потому всѣ заискивали ихъ, зная, что расположивъ ихъ къ себѣ, всякій, сколько-нибудь успѣвшій

*) Аяцекъ — корилецъ.

въ отцѣ; приобрѣталъ могуществомъ своихъ вѣнчанъ, надеждъ иныхъ кроворотителей, въ случаѣ убійства, и вѣдѣть съ тѣмъ вѣрнѣе оное и истинѣ на будущее время. Такимъ образомъ, Хуцисть, зная могущество шамиди Дахшунцевъ, рѣшился отдать ребенка на воспитаніе одному дядю изъ этой фамиліи, чтобы тогда имѣть крѣпкую заступу на будущее время. Дахшунцы воспитали ребенка, называли его тѣмъ именемъ, которое далъ ему Хуцисть, пришедшій его въ Кабарду. Онъ ему далъ имя—Сама *). Сама уже достигъ отроческаго возраста и былъ необыкновенно рѣввъ; въ играхъ съ товарищами постоянно ихъ превосходилъ, и тѣ, смотря на него съ завистью, называли его разными оскорбительскими прозвищами, и, между прочимъ, однажды оказали ему въ оскорбительномъ тонѣ, что онъ не *адиге* (чернецъ), а какой-то *куса* (осетинъ). Съ этого времени, онъ, каждый день, началъ приставать къ своей кормилицѣ, чтобы она сказала ему, дѣйствительно-ли онъ, не адиге, или это только выдумка завистливыхъ товарищей. Сначала она скрывала отъ него происхожденіе его. Потомъ, когда мальчикъ все болѣе и болѣе началъ приставать къ ней, и когда она увидѣла, что онъ уже въ возрастѣ, рѣшилась разсказать ему подробно о томъ, какъ тагаурцы истребили его предковъ, и, наконецъ, какъ онъ попалъ къ ней. Тогда онъ, въ сопровожденіи большой дружины изъ дохшунцевъ, поѣхалъ разслѣдовать и добыть земли отца, убитаго тагаурцами. Прежде всего онъ пріѣхалъ въ Даргавсъ, гдѣ отнялъ земли отца своего и поселился тамъ, отомстивъ, разумѣется, предварительно и тагаурцамъ и куртатинцамъ за убійство отца съ сыновьями и родственниками, какъ этого требовала кровная месть. Здѣсь онъ женился, произвелъ огромное потомство и даже составилъ здѣсь. При старости онъ еще разъ задумалъ отомстить куртатинцамъ за убійство своего отца.

Онъ сказалъ однажды тагаурцамъ, что до тѣхъ поръ не оставитъ ихъ въ покоѣ, пока они не выдадутъ оставшихся въ живыхъ куртатинцевъ, участвовавшихъ въ убійствѣ его отца и избѣжавшихъ мщенія. Тагаурцы обѣщали ихъ выдать. Въ самомъ дѣлѣ, вѣкорѣ въ Куртатахъ начали разбѣжать посланные отъ тагаурцевъ, приглашая тѣхъ изъ куртатинцевъ, которые участвовали въ убійствѣ Тотика съ сыновьями, пріѣхать въ Даргавсъ, для того чтобы убить послѣдняго изъ сыновей Тотика, который

*) Онъ-то и считается родоначальникомъ фамиліи Шанаевыхъ (по-осетински—Сагата).

чуждымъ образомъ любилъ участіи отца и братьевъ, и такимъ образомъ покончилъ совсѣмъ съ Тотикомъ и съ его потомствомъ. Куртатинцы начали собираться, какъ будто на какое-нибудь большое торжество: сюда сходились и тѣ, которые участвовали въ убійствѣ Тотика, и тѣ, которые не участвовали, не могли быть свидѣтелями истребленія Тотиковаго рода. Въ одной саванѣ тасаурцы устроили пиръ для пришедшихъ гостей, чтобы опохмѣть и потомъ вѣрнѣе истребить ихъ. Тасаурцы угостили ихъ, какъ нельзя лучше; тогда позвали санаевцевъ и отдали имъ гостей. Санаевцы стали съ оружіемъ въ рукахъ у выхода хадзара (саван), а сами подошли къ нему. Куртатинцы начали выскакивать по одному изъ пылавшаго хадзара, санаевцы-же, стоя у выхода, рубили выбѣгавшихъ. Канимъ-то образомъ одинъ изъ куртатинцевъ спасся бѣгствомъ подъ мельницу. Въ это время, одинъ изъ родственниковъ санаевцевъ отсутствовалъ и, возвратясь, нашелъ побитыхъ враговъ. Онъ чрезвычайно былъ недоволенъ, что на его долю не пришлось ни одного врага. — «Что-же я вамъ за родственникъ, когда я не убилъ ни одного изъ враговъ нашихъ?» говорилъ опоздавшій санаевецъ. Тѣ указали ему врага, спасающагося бѣгствомъ подъ мельницу! Онъ подошелъ къ мельницѣ и пинной закололъ подъ нею ногляднаго врага; тогда только ему необходимо было называться Санаевымъ. Такъ отомстили санаевцы куртатинцамъ за убійство отца ихъ родоначальника.

Потомъ, Сана, не желая жить все-таки съ врагами, тасаурцами, переселился въ нынѣшній Кани. Въ Верхнемъ Кани онъ построилъ себѣ галуанъ (домъ съ башней и съ бойницами), а въ Нижнемъ имѣлъ хуторъ, — и такимъ образомъ, вотъ и понынѣ Кани осталось за Санаевыми, говорятъ преданіе.

Божества, почитаемыя осетинами.

Я уже говорилъ, что какъ въ древней Греціи каждая страна и каждый городъ имѣли особыхъ боговъ или богинь, которые считались патронами этой страны или этого города, такъ и въ древней Осетии каждая мѣстность и каждое мѣстечко имѣли своего святаго, или покровителя (дзуаръ). Эти святые, покровители, почитались въ Осетии по древне-языческимъ представленіямъ; въра народа въ нихъ была такъ крѣпка, что даже и теперь отра-

живется на потонкахъ его, дотѣ, нужно сказать, она сильно поколеблена нарождающимися молодымъ поколѣніемъ; но все-таки наружное признаніе всѣхъ этихъ святыхъ существуетъ и между молодежью. Вотъ списокъ этихъ божествамъ:

Харги-дзуаръ — на всемо-грузинской дорогѣ, между станц. Балтою и Джераховскимъ укрѣпленіемъ. Божество это уже сложено въ архивъ забвенія: его уже и новое перестали призывать.

Ногъ-дзуаръ — въ Кани, въ горахъ, въ землѣ Шанаевыхъ. Онъ почитается еще хорошо. О немъ рассказываютъ слѣдующее: какой-то священникъ, пріѣхавъ въ Кани и узнавъ о томъ почетѣ, какимъ пользуется Ногъ-дзуаръ у жителей аула, началъ поносить его ругательными словами и осыпать насмѣшками. Прошло немного времени, какъ жители Кани услышали о внезапной смерти священника съ его семействомъ. Разумѣется, это приписываютъ могуществу Ногъ-дзуара. Еще тѣ, которые вѣрують въ него; рассказываютъ, что кто изъ почитающихъ его не ведетъ себя прилично во время жертвоприношенія и въ день его праздника, тотъ падаетъ въ обморокъ и страдаетъ тяжкою болѣзнию.

Фариджи-дуагъ — въ Ганалгомѣ, тоже въ горахъ. Онъ имѣлъ такое значеніе въ народѣ, что человѣкъ, убившій кого-либо, избавлялся мести, если только успѣвалъ спастись бѣгствомъ въ мѣсто, назначаемое для жертвоприношенія въ честь этого божества, и если просилъ заступничества его. Преслѣдователи смирились и возвращались назадъ. Точно такое значеніе имѣлъ храмъ въ древней Греціи. Мѣсто, гдѣ приносятъ ему жертвы, назначено и для празднованія *Уастырджи*, почитаемого всѣми осетинами. Онъ считается божествомъ исключительно мужскимъ. По вѣрованію осетинъ, онъ сопутствуетъ каждому мужчине, предпринимающаго что-нибудь. Онъ-же считается осетинами божествомъ скота, хлѣба и вообще всякаго богатства. День его съ особеннымъ торжествомъ празднуется въ горахъ; на народномъ языкѣ праздникъ его называется Джоргуба и бываетъ 10 ноября.

Уасхо — въ Кани, въ горахъ. Хотя это божество и потеряло почти свое значеніе теперь, но прежде оно весьма почиталось. Къ нему сходились тагаурцы по-фамильно и принимали присягу, произнося вѣтвы, что они будутъ жить дружно между собою, подобно двумъ братьямъ, другъ друга любящимъ. Свидѣтелемъ такихъ вѣтвъ они приглашали быть *Уасхо*. Теперь Уас-

то есть на чествовании второстепенного божества: Праздникъ его 4 ноября.

Кау-задъ—тоже въ горахъ, въ Тмени-Кау. Почитается жителями Тмени-Кау. Праздникъ его по времени съносится.

Фырм-дзуаръ—въ Даргавсѣ (въ горахъ). Это божество имѣло видъ барана, почему и называется *Фырм-дзуаръ* (святой барана, или имѣющій видъ барана). Онъ взятъ генераломъ Абхазовымъ во время экспедиции его на Кавказъ. Но върующіе въ него осетины поставили на мѣсто взятаго другаго, хотя далеко не имѣющаго вида барана, но носящаго однако тоже названіе. Почитается жителями Даргавса.

Тбауцилла—въ Канадурѣ (въ горахъ). Самое почитаемое изъ всѣхъ божествъ. Оно считается божествомъ домашнимъ, дающимъ изобиліе и достатокъ всего. Въ день его праздника каждый домъ въ Осетіи имѣетъ у себя зарѣзаннаго барана.

Дзивгиси-дзуаръ—въ Куртатахъ. Почитается всѣми куртатинцами.

Дзирн-дзуаръ—тоже въ Куртатахъ. Почитается всѣми куртатинцами. Праздникъ его продолжается цѣлую недѣлю. Каждый домъ въ день его праздника имѣетъ у себя въ жертву быка.

Мкалы-габута—въ Аллагирѣ. Почитается аллагирцами. Въ день его праздника каждый домъ имѣетъ у себя откормленнаго быка.

Хамисти-Самба—въ Аллагирѣ. Почитается жителями Аллагира. День его празднуется цѣлую недѣлю.

Хетаджи-дзуаръ—въ Суадагѣ (на плоскости). Почитается хорошо. Объ немъ я говорилъ подробно въ «Легендѣ объ основаніи Хетага».

Гудзи-дзуаръ—въ Редантѣ, на землѣ Дударовыхъ. Почитается какъ второстепенное божество.

Татаръ-Тупъ—ниже станицы Николаевской. Почитается не только осетинами, но и кабардинцами.

Аларды—въ Куртатахъ, въ Кора. Почитается хорошо. Ко дню праздника этого божества каждый домъ въ Осетіи долженъ имѣть большую надку масла.

Авзандаджи-дзуаръ—въ Куртатахъ, въ Кора. } Оба эти божества второстепенныя.

Тгостъ—въ Аллагирѣ, въ Уналѣ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ДОМАШНЯЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ДА- ГЕСТАНСКИХЪ ГОРЦЕВЪ

Аварскаго племени.

I.

Весь мусульманскій міръ, какъ извѣстно, отличается строго-
 стію исполненія обрядовъ своей религіи. Одинъ изъ важнѣйшихъ
 мусульманскихъ религіозныхъ обрядовъ слѣдующій: мусульманинъ
 ни въ какомъ случаѣ не долженъ добровольно пропускать ни од-
 ного намаза ¹⁾ и обязанъ творить его непременно въ назначенное
 время. Молятся мусульмане пять разъ въ сутки. Распредѣленіе
 этихъ молитвъ слѣдующее: 1) *ругамль-какъ*—молитва разсвѣт-
 ная — творится между утренней зарей и восходомъ солнца. Не-
 успѣвшій помолиться до появленія первыхъ солнечныхъ лучей впа-
 даетъ въ большой грѣхъ и долженъ отмаливаться въ опредѣлен-
 ное для слѣдующаго намаза время. Это называется *какъ-бицы-
 си*—наверстать молитву. 2) *Кады-какъ*—полуденная молитва—
 творится, когда солнце поднимается такъ высоко, что стоитъ надъ
 каабомъ, или домомъ Божиимъ въ Меккѣ. Молиться въ эту минуту
 необязательно: каждому позволено помедлить часъ и даже до
 полутора часа послѣ полудня. 3) Молитва предъ заходомъ солн-
 ца—*баканы-какъ*—творится между четырьмя и шестью часами
 по полудни. 4) *Маркачу-какъ*—сумеречная молитва—творится,

Handwritten notes and scribbles on the right margin.

¹⁾ Намазъ—слово татарское; на аварскомъ языкѣ молитва называется *какъ*. *Какъ-базы*—творить молитву.

когда на горизонтѣ совершенно исчезнуть лучи солнца, и 5) *бо-голиль-какъ*—вечерняя молитва—когда совершенно стемнѣетъ, т. е. около 7 часовъ по полудни зимою и около 10 лѣтомъ. Горцы говорятъ, что они не только по времени узнаютъ часъ, назначенный для молитвы, но, отъ привычки часто молиться, чувствуютъ приближеніе даже минуты молитвы. Последнюю фразу горцы выражаютъ словами: *черхотль тляля*, т. е. тѣло чувствуетъ. Не смотря на такую чувствительность мусульманскаго тѣла, въ каждой деревнѣ назначается человекъ, на котораго возлагается обязанность напоминать народу приближеніе времени для молитвы. Этотъ человекъ носитъ названіе *будунъ*²⁾. Для призыва правобѣрныхъ къ молитвѣ, будунъ, съ высоты минарета или съ плоской крыши мечети, читаетъ слѣдующіе стихи:

Великъ Богъ! Великъ Богъ!

Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ единаго.

Свидѣтельствую, что Магомедъ есть посоль Божій.

Приходите молиться.

Приходите къ счастью.

Молитва полезнѣ сна. (*Читается при утреннемъ призывѣ*).

Великъ Богъ! Великъ Богъ!³⁾

Нѣтъ Бога, кромѣ Бога.

Хотя никто не сомнѣвается, что молитва полезнѣ сна, но не это заставляетъ горца оставлять постель, а прибрѣтенная съ раннихъ лѣтъ привычка пробуждаться предъ утренней зарей и необходимость молиться, не пропуская назначеннаго для этого времени. Необходимость-же эта едва-ли происходитъ отъ набожности горцевъ, ибо большая часть изъ нихъ отбываютъ молитву, какъ какую-нибудь общественную повинность, за неисполненіе коей общество не оставитъ виновника безъ наказанія. Слѣдить за своевременнымъ и точнымъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ лежитъ на обязанности сельскихъ *дибировъ* (муллъ). Блжстители эти, основываясь на постановленіяхъ корана и шаріата и считая человека, добровольно пропустившаго молитву и вообще небрежно ис-

²⁾ *Будунъ, мудунъ*—звѣнчаіе арабскаго слова *муэддинъ*. Ред.

³⁾ Каждый стихъ, кромѣ *ла-иллаха-иллаллахъ*, повторяется два раза.

177

полняющаго долгъ мусульманина, гауромъ, осуждали его на смертную казнь. Последнее относится къ временамъ юридикзма. Благодаря страсти горцевъ къ клеветѣ, надбамъ и дибирамъ шамилевскихъ временъ не трудно было слѣдить за поведеніемъ своихъ подчиненныхъ; каждый остерегался своего сосѣда и смотрѣлъ на него какъ на доносчика; даже родственники были между собою неискренни. Такой бдительный надзоръ во время шаріата ⁴⁾ сдѣлалъ горцевъ ревностными исполнителями его, изъ опасенія подвергнуться смертному наказанію. Въ до-шаріатное-же время, или, лучше сказать, въ безолаберное время, многія постановленія корана и шаріата оставались на страницахъ ихъ мертвою бумвою; особенно молитва не имѣла ревностныхъ исполнителей. Въ то время, для спасенія души, горцы считали достаточнымъ частое исполненіе слова *газаватъ* (священная война съ гаурами) ⁵⁾, что не трудно было исполнять, спускаясь для того съ горъ въ долины Грузіи. Но при шаріатѣ этого было недостаточно и никакой религіозный подвигъ не могъ замѣнить молитву.

✓
Shariat

Женщины, — проникнутыя религіознымъ чувствомъ вслѣдствіе частыхъ проповѣдей дибировъ, не упускавшихъ ни одного случая внушать горянкамъ, что главная религіозная обязанность послѣднихъ состоитъ исключительно въ угожденіи мужьямъ ⁶⁾, или, какъ

⁴⁾ Юридикзмъ горцы называли шаріатомъ.

⁵⁾ Скрываясь небольшими шайками въ грузянскихъ лѣсахъ и нападая на одиночныхъ грузинъ, захватывая въ садахъ женщинъ и дѣтей въ плѣнъ и вообще занимаясь мелкимъ грабежемъ, горцы полагали, что этимъ они исполняютъ *газаватъ*.

⁶⁾ Во время юридикзма, по четвергамъ собирали женщинъ къ главной мечети, для слушанья проповѣдей, сочиненныхъ дибиромъ на текстъ: «женщины сотворены для мужчинъ» (коранъ, глава XXX, стихъ 20). Многимъ горянкамъ проповѣди эти казались скучными, а нѣкоторымъ смѣшными. Въ бытность мою въ плѣну, я нѣмалъ случая убедиться въ томъ. Женщины собирались къ мечети по зову десятника. Онъ во все горло выкрикивалъ съ крыши самаго высокаго дома: «О-о-о-о! женщины, собирайтесь сейчасъ къ мечети; васъ ждетъ дибиръ!» Женщины вслѣдъ за этимъ возгласомъ, посылая и десятнику и дибиру тысячи проклятій, волей-неволей отправлялись, куда ихъ привывалъ страхъ наказанія, состоявшаго изъ нецеремонныхъ, полновѣсныхъ, безобидно по всей спинѣ распределяемыхъ тридцати девяти ударовъ палки, отъ щедрой руки того-же десятника, бравшаго за этотъ трудъ съ наказанной еще по полсага (около полгарнца) зерноваго хлѣба. «Зачѣмъ вы проклинаете дибиръ»

✓
Shariat

178
✓
metal trays
горцы выражаются, „служить мужьямъ,“ — по окончаніи будущаго призывнаго стиха, немедленно поднимаясь съ постелей, торопливо нагрѣваютъ воду и снимаютъ висящіе на стѣнахъ мѣдные или деревянные тазы, такой величины, что два человека свободно могутъ усѣсться въ нихъ. Такая посуда есть необходимость для каждаго мало-мальски зажиточнаго горца и служить имъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто ваннъ. Тазы эти въ торжественныхъ случаяхъ служатъ (на свадьбахъ, похоронахъ) вмѣсто подносовъ. Ихъ уставляютъ чашками, тарелками и т. п. посудю, наполненною кушаньемъ.

✓
Understan-
-diness of
ours
Очищеніе тѣла въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ и омовеніе въ молитвѣ (коранъ, глав. IV, ст. 46, V, 8, 9), предписываются кораномъ съ цѣлю содержать тѣло въ чистотѣ, и если цѣль эта у горцевъ не достигается, то это потому, что они считаютъ достаточнымъ въ этомъ случаѣ одного прикосновенія воды, не стараясь ею смывать съ себя грязь и пыль. Вслѣдствіе такого пренебреженія омовеніемъ, горцы страдаютъ кожными болѣзнями, такъ что нѣтъ почти ни одного горца, который-бы избѣжалъ заболѣванья чесоткою, паршами и т. п. кожными болѣзнями. Лѣтомъ ни одинъ горецъ не позволяетъ себѣ купаться дома; всѣ безъ исключенія ходятъ въ общія купальни, устроенныя возлѣ мечетей или въ самыхъ мечетяхъ. Въ зимнее-же время бѣдные люди, у которыхъ нѣтъ большихъ тазовъ, обливаются изъ кувшиновъ теплою водою въ сараѣ. Освѣживъ и очистивъ тѣло обливаньемъ или купаньемъ, горцы послѣшно оканчиваютъ утреннюю молитву, состоящую изъ двухъ колѣнопреклоненій обыкновенныхъ, съ нѣсколькими молитвами каждое, и, закутавшись въ *сагумы* ⁷⁾, снова ложатся спать. Рѣдко, и то лишь пожилые, грамотные люди, читаютъ нѣсколько стиховъ изъ корана.

↓
C...
ра, когда онъ учить васъ добру?» спрашивалъ я однажды горянку. — «Да, добру», отвѣчала вольнодумка: «добро мужьямъ, а намъ отъ его ученія приходится жутко! Сильны эти мужчины противъ насъ. Они дѣлаютъ съ нами, что хотятъ, а мы въ отищеніе довольствуемся тѣмъ, что во время проповѣдей дибировъ высываемъ имъ языки. Благо лицо закрыто покрываломъ».

⁷⁾ Тулупъ изъ длинношерстныхъ овецъ, украшенный широкимъ, дохо-

179

Между тѣмъ, какъ мужчины занимаются тѣлоукрѣпляющимъ спортомъ или душевнѣшительнымъ чтеніемъ, женщины принимаются за свои обычныя работы: собираютъ на улицѣ скотскій пометъ, дѣлаютъ изъ него кизяки, прилѣпливая ихъ къ стѣнамъ сажель и заборамъ, для просушки, убираютъ скотину и проч. Довольнѣе-же всѣхъ бываетъ женщина, идущая съ кувшиномъ за спиною по воду къ фонтану, у котораго собирается не мало женщинъ. Такъ какъ устройство фонтановъ приспособлено для набранія воды лишь одному человѣку, то приходящія за ней женщины наблюдаютъ очередь. Пока одна наполняетъ свой кувшинъ, ожидающія очереди занимаются сообщеніемъ другъ дружкѣ разныхъ *хаваровъ* (новостей), злословіемъ, хвастаютъ мужьями или порицаютъ ихъ за то, чѣмъ другія хвастаютъ; шепчутся, хохочутъ, вздыхаютъ, проклинаютъ, благословляютъ, бранятся, ссорятся и мирятся, напѣваютъ въ полголоса пѣсни, громко кричатъ *лялла-лялла-иллаллахъ* и проч. Утро и вечеръ—это единственное свободное время, когда горянки, собираясь у фонтана, дѣлаются впечатлѣніями, произведенными на нихъ прошедшимъ днемъ или ночью; въ остальное-же время онѣ заняты работою и не могутъ собираться по приѣру мужчинъ, сидящихъ съ утра до ночи на *гудена-ни* (площади), проводя цѣлые дни въ праздности.

women's work. collection of matters
being for water
gossiping
from street
square
in the morning

Доставка для семейства воды возлагается по большей части на женщину, занимающуюся стряпаньемъ. Возвратившись отъ фонтана, она немедленно принимается за приготовленіе на завтракъ (онъ-же и обѣдъ) *хинкала*. Этотъ сортъ кушанья принадлежитъ къ самымъ грубымъ и малопитательнымъ, но составляетъ повсемѣстную, ежедневную пищу, какъ для бѣднаго, такъ и для богатаго класса горцевъ. Даже тѣ, которые занимаютъ на службѣ хорошія мѣста и получаютъ отъ правительства хорошее содержаніе, большею частію питаются хинкаломъ. Хинкаль этотъ ни что иное, какъ куски прѣснаго тѣста, приготовляемаго изъ кукуруз-

Food
Khinkal

ящимъ до пояса воротникомъ, съ двумя по бокамъ спускающимися вмѣсто рукавовъ кистями, похожими на воловьи хвосты. Горцы не разлучаются съ этой одеждой впродолженіи двухъ третей года ни днемъ, ни ночью.

180
✓
Брог
✓
Хинкаль
with vinegar
✓
Bread
✓
Public ovens

ной, просяной, бобовой и, рѣдко, пшеничной муки, сваренные въ чистой водѣ. Вынувъ эти куски изъ воды, приправляютъ ихъ уксусомъ (сывороточнымъ—*рыдыль-канцъ* или винограднымъ—*чадолъ-канцъ*) *), чеснокомъ и небольшимъ количествомъ соленого коровьяго сыра. Воду, въ которой варятъ хинкаль, нѣкоторые пьютъ, а оставшаяся, съ прибавкою къ ней небольшого количества какой-нибудь муки, идетъ въ поило скотинѣ и собакамъ. Хинкаль замѣняетъ у горцевъ не часто употребляемый ими печеный хлѣбъ, который готовится изъ такого-же прѣснаго тѣста. Его раскатываютъ въ тонкія лепешки и пекутъ въ золѣ или на каменной плиткѣ, служащей вмѣсто сковороды. Въ иныхъ аулахъ для печенія хлѣба устроены печи (*коръ*). Такихъ печей на цѣлый аулъ имѣется двѣ и не болѣе трехъ. Ихъ устраиваютъ бѣдныя, но веселыя старухи, получающія весьма скудную плату за позволеніе желающимъ спечь два-три хлѣба. Въ такія пекарни, подъ предлогомъ печенія хлѣба, собираются иногда для развлечения. Здѣсь, какъ и у фонтана, онѣ проводятъ часть досуга немного свободнѣе, чѣмъ дома.

✓
Childrens
Dress

Во время сильныхъ морозовъ, горцы, засѣвъ въ свои темныя сакли, обогрѣваемые лишь по утрамъ скуднымъ огнемъ столько времени, сколько нужно для того, чтобы вскипятить галушки, не показываются на улицѣ до тѣхъ поръ, пока не проглянетъ солнце. Когда же оно немного обогрѣетъ зимній воздухъ, тогда всѣ прятавшіеся отъ стужи,—мужчины, женщины, старики и молодежь,—оставляютъ сакли и размѣщаются на крышахъ, на галереяхъ или гдѣ-нибудь въ затиши, на солнечной сторонѣ. Между ними беззаботно играютъ ребятишки. Послѣдніе всегда полупнасіе, хотя костюмъ ихъ и имѣетъ претензію походить на зимнее, теплое платье. Онъ состоитъ изъ стараго полушубка, во многихъ мѣстахъ порваннаго, съ оборванными до плечъ рукавами, не закрывающаго ни груди, ни живота; изъ холщевыхъ, или другой какой-нибудь бумажной матеріи, штаниковъ, тоже порванныхъ и достигающихъ немного ниже колѣнъ; ноги обуты въ войлочные

*) Отъ слова чаа—вино.

151

или кожаные сапоги (*хиталы*), съ голенищами, едва доходящими до ладыжекъ. Это незатѣйливое платье какъ-бы нарочно приспособлено къ тому, чтобы зимній холодъ могъ непосредственно вліять на голени выносливыхъ ребятишекъ. Голова покрыта старымъ папачомъ, потерявшимъ отъ долговѣчности свою первобытную форму и похожимъ скорѣе на воронье гнѣздо, чѣмъ на папахъ. Лица, руки и ноги дѣтей, не говоря уже о тѣлѣ, никогда не моются и покрыты толстымъ слоемъ сажи и грязи. Кожа на конечностяхъ во многихъ мѣстахъ растрескана до крови. При прикосновеніи-же къ тѣлу дѣтей чувствуется шероховатость; на-видѣ оно представляется покрытымъ маленькими бугорками, какіе бываютъ на кожѣ опичаннаго гуся. Между этими бугорками нерѣдко красуется чесоточная сыпь. Головы-же дѣтей, не смотря на частое бритье волосъ, почти всегда покрыты сплошными паршами.

✓
Dirt

Всѣ мѣста, освѣщенные зимнимъ солнцемъ, заняты семействами горцевъ, сидящихъ и лежащихъ въ различныхъ позахъ и за различными занятіями. Кто, снявъ грязную рубаху, съ большимъ вниманіемъ всматриваясь въ складки ея, охотится за звѣремъ, называемымъ туземцами *шуршулибъ-жо*, т. е. шуршащая вещь. Занятіе это у горцевъ очень обыкновенное. Горецъ, почувствовавшій присутствіе надоедливаго насѣкомаго въ какой-бы то ни было части своего туалета (а нужно замѣтить, что все платье горца, начиная отъ нижняго до папаха, отъ лѣтнаго до зимняго, изобилуетъ множествомъ этого рода насѣкомыхъ), не стѣсняясь ни мѣстомъ, гдѣ открылъ маленькаго врага, ни мѣстомъ, гдѣ самъ находится, ни чѣмъ-бы то ни было присутствіемъ, исключая, разумѣется, русскаго начальника, немедленно дѣлаетъ по-вальнѣйшій обыскъ—и найденное насѣкомое тутъ-же всенародно на-казуется. Послѣ этой операциіи онъ преспокойно поплевываетъ на ногти большихъ пальцевъ и указательными обтираетъ ихъ. Соскучась и этимъ занятіемъ, горецъ передаетъ свою рубаху женѣ для починки, если таковая требуется. Жена, рекогносцируя съ тою-же цѣлью заповѣдныя части своего туалета, или держа разостланную на колѣняхъ свою рубаху и оставаясь по поясъ ничѣмъ не по-

✓
Searching in clothes for insects

крытой⁹⁾, немедленно оставляет свое занятіе и принимается чинить мужино бѣлье. Кто бреетъ голову своему товарищу; кто, смотрясь въ маленькое зеркальцо, выщипываетъ на щекахъ и подбородкѣ волосы, оставляя вмѣсто бороды узкую раму аккуратно подстриженныхъ волосъ; иной совершаетъ эту операцію надъ товарищемъ, лежащимъ вверхъ лицомъ на колѣняхъ оператора; кто, перебирая четки, съ приподнятымъ къверху лицомъ и закрытыми глазами, созерцательно нашептываетъ молитву; кто, наконецъ, растянувшись во всю длину, сладко дремлетъ подъ лучами солнца. Такъ, все это беззаботно-отогрѣвающееся населеніе аула занято своими дѣлами. Но спокойствіе и тишина, сопровождающія эти мирныя занятія, нарушаются съ появленіемъ на улицѣ толпы мальчишекъ съ криками *га-га, га-га*, смѣшанными съ сердитымъ ворчаньемъ стравливаемыхъ собакъ. Эта забава такъ пріятна для горцевъ, что какъ-бы кто ни былъ занятъ своимъ дѣломъ, но едва слышитъ крики мальчишекъ, каждый стремится къ тому мѣсту, откуда раздаются крики. Между толпою зѣвакъ, спорящихъ о силѣ и лютости собакъ, нерѣдко происходитъ серьезная ссора, доходящая иногда до драки и пораненій. Всѣ сидящіе на солнцѣ оставляютъ свои занятія и стремглавъ бѣгутъ къ мѣсту травли; даже старики, не будучи въ состояніи добрести до мѣста зрѣлища, кое-какъ подползаютъ къ краю крыши и, смотря издали на толпу собравшихся зѣвакъ, хрипло и шамкая повторяютъ поощрительное га-га; однѣ только женщины остаются на

⁹⁾ Любопытно было видѣть во время мюридизма женщинъ, сидящихъ за вышесказаннымъ занятіемъ, съ обнаженными до пояса туловищами и съ лицами, закрытыми грязными тряпками. Горянки пожилыхъ лѣтъ, пряча свои лица отъ нескромныхъ глазъ мужчинъ, не стараются скрывать верхнюю часть тѣла, сознавая, что на этой части онѣ ничего не имѣютъ, что могло бы соблазнить мужчину. Молодая-же женщины, зная достоинства своихъ прелестей, тщательно скрываютъ ихъ отъ нескромнаго любопытства мужчинъ, хорошо понимая, что этимъ онѣ больше могутъ выиграть въ ихъ глазахъ. Обычай закутывать лица женщинъ, до появленія въ Дагестанѣ мюридизма не существовавшій, строго исполнялся во все время владычества послѣдняго дагестанскаго имама. Со времени-же покоренія края, горянки сняли свои покрывала, за исключеніемъ немногихъ.

своих мѣстахъ и при своихъ занятіяхъ, не обращая вниманія на потѣхи мужчинъ.

Травля собакъ у горцевъ занимаетъ не меншее мѣсто въ играхъ и развлеченіяхъ, какъ и конская скачка. Отъ травли они переходятъ къ игрѣ „бросаніе камня“. Для этого кладутъ гдѣ-нибудь на ровной площадкѣ камень, или проводится на землѣ черта, отъ которой отсѣиваютъ известное число шаговъ (отъ 10 до 15) и проводятъ другую черту. У послѣдней становится играющіе. Скинувъ съ себя верхнее платье, а иногда и рубаху, они кладутъ на ладонь правой руки плоскій камень, фунтовъ въ 10 или 15 вѣсу, и придерживаютъ его пальцами такъ, чтобы другой конецъ камня касался середины плеча правой руки; петомъ, размахивая камнемъ во все стороны и сдѣлавъ сильный скачекъ въ передней чертѣ, бросаютъ камень впередъ. Эта игра, продолжающаяся по нѣсколько часовъ, бываетъ зимою и лѣтомъ.

✓
Stone
throwing

Все занятія и развлеченія оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ захода его (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дагестана оно свѣтитъ зимою не долѣе какъ до полудня), вы уже не увидите ни одной души ни на крышахъ, ни на галлерейхъ. Только на уликахъ слышатся веселые голоса дѣтей, остающихся дожидать какую-нибудь начатую игру, да по дорогѣ въ фонтану или къ рѣчной проруби видны женщины, несущія воду или идущія по воду. Все остальное народомаселеніе, скрывшись въ сакли, тѣснится вокругъ тлѣющихъ въ каминнахъ или среди сакель ⁴⁰⁾ кизяковъ, сухаго овечьяго навоза, колючаго бурьяна, самана, или (въ рѣдкихъ случаяхъ) одинокаго полѣна дровъ. Въ ожиданіи, пока появится надъ огнемъ котель и наполнится хиньалами, правобѣрные, перебирая отъ нечего дѣлать грязныя четки, нашептываютъ: *ляляля-члаллалъ*. Наконецъ котель снятъ, галушки поспѣли и поставлены предъ голодными

Sun in
winter does
not shine
in many
places
after noon

✓
Dessert

⁴⁰⁾ Въ обществахъ Цунта-Ахвахскомъ, Богуляльскомъ и Каратинскомъ Андійскаго округа и во многихъ другихъ, каминовъ почти нѣтъ, огонь-же разводятъ въ неглубокой ямѣ, вырытой среди сакли, въ потолокъ которой сдѣлано отверстіе для выхода дыма, а въ иныхъ сакляхъ и отверстія этого не существуетъ.

Fire place

184 ✓
S. 111
in place
of 1010

главою семейства. Последний, уѣвнившись поближе къ поставленному предъ нимъ ужину и вооружась деревянною сничкою, вмѣсто вилки, набожно пронаноситъ: *бисмилляхи ррахманн ррахимн* (во имя Бога всемилющійшаго), молча поѣдаетъ галушки, обмакивая ихъ въ толченый чеснокъ, разведенный уксуомъ. Жена-же и прочіе члены семейства, кромѣ взрослыхъ мужчинъ, трапезующихъ вмѣстѣ съ главою его (въ рѣдкихъ случаяхъ жены раздѣляютъ вмѣстѣ съ мужьями трапезу, и то тогда только, когда нѣтъ чужаго человѣка), терпѣливо ожидаютъ, пока желудокъ ихъ повелителя не наполнится скуднымъ ужиномъ, простывшій остатокъ котораго наконецъ достается на долю домочадцевъ.

Маленькія дѣти, совершенно довольныя своимъ ужиномъ, раздѣвшися до-нага и укрывшися своими лохмотьями, ложатся спать. Но что дѣлать взрослымъ, пока придетъ время спать? Равно лежаться не въ обыкновеніи у горцевъ, да и будетъ-ли спаться чело-вѣку, проведшему праздно весь день? Работами они по вечерамъ не занимаются, да и нѣтъ такого дѣла, которымъ можно было бы имъ заняться въ длинныя зимніе вечера. Ремесла они, за немногими исключеніями, не знаютъ никакого; заниматься-же разгово-ромъ между собою мужъ и жена не могутъ,—адата нѣтъ. И сидятъ они молча, или отъ скуки заводятъ легкую перебранку, доходя-щую нерѣдко до драки, а иногда до кровавыхъ схватокъ; или, дождавшися призыва къ пятому намазу, они садятся, поджавъ ноги, на приготовленную постель, поверхъ которой разостланъ неболь-шой коврикъ или войлокъ, подстилаемый подъ ноги во время молитвы, а по окончаніи молитвы наклоняютъ голову къ постылкѣ и шепчутъ необязательные *) стихи изъ корана; въ этомъ по-ложеніи они остаются, пока не надобѣсть. Зато, когда случится въ домѣ одинъ или два бунака, тогда они незамѣтно просижи-ваютъ далеко за полночь, занимаясь воспоминаніемъ прошедшаго, сравнивая его съ настоящимъ и предугадывая будущія времена. Съ чего-бы ни начался разговоръ, онъ непременно переходитъ на

*) Суннатабъ, т. е. исполняющій ихъ заслуживаетъ спасеніе, а не-исполняющій не погрѣшаетъ.

185

любимую тему — объ удалствѣ цевкхановъ (предводителѣй) давно и недавно прошедшихъ временъ. Легенды, сказки, пѣсни, болѣею частью военныя и любовныя, а также религіозныя стихи (турки), рассказываемыя и распѣваемые кнѣзими, горцы очень уважаютъ. И чѣмъ фантастичнѣе и баснословнѣе рассказы, тѣмъ съ болѣею охотою слушаютъ ихъ, чѣмъ неправдоподобнѣе рассказываемое событіе, тѣмъ охотнѣе вѣрятъ въ дѣйствительность его. Рассказамъ о русскихъ, передаваемымъ своими-же земляками, хотя бы рассказы эти подтверждались фактами, горцы рѣдко вѣрятъ. Русскому они совсѣмъ не повѣрятъ и часто рассказчикъ подвергается нареканіямъ и слыветъ луномъ, на томъ только основаніи, что-де человекъ ихъ религіи, пожившій болѣе или менѣе времени между русскими и попробовавшій ихъ *шурпу* (супъ, борщъ), не можетъ иначе говорить, какъ въ ихъ пользу и во вредъ своимъ единовѣрцамъ. Поэтому, чтобы не возбудить къ себѣ недоверія между своими земляками, рассказчикъ украшаетъ свои сказанія о русскихъ бранью на нихъ и небылицами. И чѣмъ величѣе ложь, рассказываемая о русскихъ, тѣмъ охотнѣе она принимается горцами за истину.

Palindromic Stories

Если-же нѣтъ ни рассказчиковъ, ни охоты молиться долго или затѣвать съ женою ссору, тогда они немедленно слѣдуютъ примѣру дѣтей; зарываютъ огонь и прячутся въ постель, оставаясь тамъ въ адамовомъ костюмѣ, пока будутъ на утренней зарѣ опять не разбудить ихъ.

Зимомъ мужчины буквально палець о палець не ударяютъ; женщины-же всегда находятъ для себя занятія. Кто съ разсвѣтомъ, взявъ топоръ и веревку, гонитъ эшаковъ въ лѣсъ за дровами и только къ вечеру возвращается, — съ вьюкомъ на эшакѣ и вдвое большимъ на собственной спинѣ ¹²⁾. Нѣкоторые продаютъ

Women in work

¹²⁾ Женщины у горцевъ едва-ли не въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ рабочей скотъ, который часто замѣняется первыми. Женщина, говорятъ горцы, можетъ болѣе переносить, чѣмъ скотина, на томъ основаніи, что первая ѣстъ чистый хлѣбъ, а послѣдняя питается саманомъ — и то въ ограниченномъ количествѣ. Въ 1862 году, въ провѣздъ чрезъ Цунта-Ахвахское общество, нѣ нужно было перевести два вьючныхъ сундука, вѣсомъ около 8 пудовъ, въ одного аула въ другой, именно: изъ сел. Тлассы до сел. Тады-Махитъ

Women in work

155 ✓
вот
вот

принесенныя дрова болѣе замѣточнымъ и получаютъ за нихъ охъ (около гарнца) муки ¹³⁾. Иныя, пользуясь теплымъ днемъ, обшиваютъ свои семейства, подшиваютъ подъ старую обувь подошвы изъ сырой невыдѣланной кожи, тоже вымѣненной за дрова или полученной вмѣсто платы за какую-нибудь работу; другія раздѣрываютъ куски стараго войлока, моютъ и расчесываютъ эту полужизнившую шерсть и дѣлаютъ изъ нея новый войлокъ, теутъ и валяютъ ногами сукна, сучатъ шокъ, дѣлаютъ новые войлоки, изъ которыхъ плетутъ зимніе сапоги и проч. Словомъ, трудно увидѣть женщину, сидящую безъ работы. Самыя даже замѣточныя хозяйки не станутъ нанимать для этого работницу, и если иногда эти работы исполняются посторонними, то не слѣдуетъ полагать, что это работницы по-найма. Нѣтъ, это охотницы по неволѣ. Дома ѣсть нечего, мужъ не обрабатываетъ, какъ должно порядочному хозяину, землю, да и земли-то немного, а дѣтей куча. Милостыню (садака) просить и стыдно, и невыгодно. Подаяніе, состоящее изъ ложки муки или полугорсти зерна и въ которомъ, по адату, нигдѣ и никогда не отказываютъ ¹⁴⁾, слишкомъ недостаточно для того, чтобы наполнить пустые желудки цѣлаго семейства. Вотъ такія-то женщины, провѣдавъ, гдѣ есть работа, напрашиваются сами; случается, что имъ сначала отказываютъ, и только послѣ усиленныхъ, неотступныхъ просьбъ, какъ-бы изъ состраданія ¹⁵⁾, соглашаются дать работу, а сами

(15 верстъ разстоянія), по очень дурной горной тропинкѣ. Въ аулѣ не оказалось лошадей, годныхъ подъ вьюкъ, а эшаконъ поспѣшилъ послать и рѣшилъ джаманомъ навьючить двухъ женщинъ, которыя, по приказанію мужей благополучно донесли сундуки до назначеннаго мѣста, а прогоны получили мужья.

¹³⁾ Во время шаріата. Въ настоящее время дрова очень дороги, по крайней мѣрѣ для русскихъ. Бревно, которое горецъ купитъ за рубль, русскому будетъ стоить два рубля пятьдесятъ коп. и дороже.

¹⁴⁾ Нужно замѣтить, что, не смотря на бѣдность горцевъ вообще, бродячихъ нищихъ между ними очень мало. Люди-же беспомощные пользуются частію заката и милостынею, приносимою самими благотворителями въ дома бѣдныхъ.

¹⁵⁾ Человѣколюбіе, состраданіе и любовь къ ближнимъ, предписываемыя кораномъ, такъ и остаются на страницахъ его да существуютъ на языкахъ у горцевъ; на дѣлѣ-же исполняются весьма рѣдко, исключая подаваемой съякою рукою милостыни, за которую обѣщано возмездіе въ будущемъ мирѣ.

187

рады до смерти, что работница такъ дешево обойдется, развѣ, на прожоры ея, израсходуются лишній сахъ муки да двѣ головки чесноку,—и только.

Работникъ или работница, наймаемые во время покоса или жатвы, получаютъ въ день отъ 15-ти до 20 коп., съ хозяйскою пищею. Другія-же, болѣе легкія работы, вознаграждаются гривенникомъ, пятью коп., или вмѣсто денегъ мукою; бываетъ и такъ, что работницы не получаютъ ни того, ни другого, ни третьяго, а довольствуются обѣдомъ и ужиномъ, съ кускомъ курдюка, сухой баранины, ячницы и т. п. Этимъ угощеніемъ за дневной трудъ, по крайней мѣрѣ по наружности, работникъ или работница совершенно довольны. Благодарностяиъ и благословіяиъ пѣтъ конца. Удостоившіяся съѣсть кусокъ курдюка или ячницы съ горячимъ пшеничнымъ чурекомъ чего-чего не наскажутъ добрымъ хозяевамъ: чтобы у хозяина Чакаръ была здорова, а у Чакары—Махмудъ былъ бы живъ, и чтобы Чакаръ родила Махмуду сына и т. п. Взаключеніе, веселая работница, подсѣвъ къ хозяйкѣ, толкнетъ ее локтемъ подъ бокъ, шепнетъ что-то на ухо, подмигивая хозяину: вѣрно—смѣшное, потому что хозяйка такъ и заливаается со смѣху. Хозяинъ, должно быть, понялъ, въ чемъ дѣло; онъ смотритъ на шепчущихся и, улыбаясь, называетъ ихъ свиньями (больхональ). Этимъ любимѣйшимъ у горцевъ эпитетомъ женщина нисколько не обижается. Повидимому, обѣ стороны — и хозяева и работница — совершенно довольны другъ другомъ. Но потрудитесь послѣдовать за работницей. Она, прежде чѣмъ отправиться домой, по дорогѣ завернетъ къ сосѣдкѣ или родственницѣ. Если вамъ придется нечаянно подслушать ихъ разговоръ, то вы ужаснетесь, услыша, что благословія, которыя такъ щедро и, повидимому, съ полнымъ чистосердечіемъ призывались на головы Чакаръ и Махмуда, превратились въ страшныя проклятія на ихъ-же головы, все изъ-за того-же обѣда и ужина, за которые минутъ пять тому назадъ такъ искренно расточалась благодарность.

✓
Pay for
days more

Нѣкоторыя работы, какъ напр. уваживаніе полей, лущеніе и молотьба кукурузы, стрижка овецъ, мытье и расчесываніе шерсти, обмазываніе глиной сабель, набрасываніе на крыши ихъ

✓
men's
work

земли и т. п., исполняются родственниками, соседями или знакомыми, приглашаемыми на *помощь* (гой). Въ такихъ случаяхъ дѣлается болѣе или менѣе роскошное угощеніе: съ водкой, бузой и чабою, а иногда и съ калмыцкимъ чаемъ.

Горцы, зимою, какъ сказано было выше, рѣшительно ничего не дѣлаютъ; но лѣность и дѣятельность ихъ обусловливаются однако временами года и много зависятъ отъ туземныхъ адатовъ, рѣдко одобряемыхъ даже самими исполнителями ихъ. Работы, лежащія исключительно на мужчинахъ, слѣдующія: раннею весною они выносятъ изъ сараевъ накопившійся тамъ впродолженіи года навозъ и складываютъ его на улицахъ въ большія кучи. Это дѣлается затѣмъ, чтобы навозъ лучше перегорѣлъ. Въ началѣ апрѣля его вывозятъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выносятъ женщины) въ поле, разсыпаютъ на маленькія кучи, а черезъ нѣсколько дней разбрасываютъ по полю. Послѣднее исполняется исключительно женщинами. Послѣ этого бросаютъ сѣмена на невспаханное поле, а потомъ уже пахутъ. Въ этомъ трудѣ принимаютъ также немалое участіе и женщины. За неизмѣнимъ боронь, горянки, слѣдуя за сохою, разбиваютъ груды земли обухомъ топора или кирки. Затѣмъ, до времени покоса, горецъ спокойно лежитъ на боку, а во время покоса нѣсколько дней работаетъ — косить траву. Травы-же, растущія на мѣстахъ, неудобныхъ для косьбы (а такихъ мѣсть гораздо болѣе, чѣмъ удобныхъ), выжинаются или вырываются руками женщинъ, а мужчины остаются въ повоѣ до окончанія жатвы, въ которой они не могутъ принимать участія, потому что, по адату, слѣдуетъ пренебрегать челоуѣкомъ, который берется за женское дѣло, жатва-же принадлежитъ исключительно къ женскимъ работамъ. Мужчина, не имѣющій жены или родственницы, которая занималась-бы полевыми работами, волей-неволей принужденный самъ работать все, что горцы считаютъ для себя неприличнымъ, слыветъ въ народѣ бѣднымъ дуракомъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ гораздо умнѣе и гораздо богаче другихъ.

Сады, составляющіе главный предметъ богатства горцевъ, об-

работываются мужчинами; но и тутъ видна врожденная лѣньность горцевъ. Природа такъ щедро надѣлила многія мѣста Дагестана, что при небольшомъ стараніи относительно ухода за деревьями (въ знаніи садоводства недостатка имѣть) число плодовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ, безъ сомнѣнія, удесятирилось-бы, а въ качествѣ плоды могли-бы значительно улучшиться.

Мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабочій свѣтъ. Выбирая себѣ жену, онъ имѣетъ въ виду, чтобы дѣвушка, или женщина была крѣпкая, породная, а главное—нелѣнвая, не съ тѣмъ однако расчетомъ, чтобы имѣть отъ нея здоровыхъ дѣтей—подобный расчетъ не входитъ въ соображеніе горца,—а для того, чтобы будущая его жена могла исполнять все работы по хозяйству дома, въ полѣ, въ саду и проч.

mens view
of women

Поведеніе женщины, любовь къ мужу, умственные способности и прочія качества ея также не принимаются въ расчетъ мужчинами. О супружеской вѣрности горецъ не беспокоится, надѣясь на свой кинжалъ, одинъ видъ котораго въ состояніи удержать жену въ должномъ повиновеніи и предохранить ее отъ преступнаго поведенія. Тѣмъ не менѣе, если заглянуть въ жалобныя книги окружныхъ народныхъ судовъ, то за время послѣ паденія шаріата окажется довольно порядочная цифра процессовъ о нарушеніи супружеской вѣрности, не говоря уже о неоткрытыхъ незаконныхъ связяхъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе. О симпатіи будущей жены горецъ тѣмъ менѣе хлопочетъ. Лишь-бы красота и тѣлосложеніе ея соответствовали его вкусу и видамъ, а о любви, если-бы такой и не оказалось со стороны жены,—мало горя. „Была-бы жена, а любовь придетъ сама“, говорятъ горцы.

mens view
of love

Объ умственныхъ способностяхъ женщины также думаютъ не больше. Женщина, по мнѣнію горцевъ, не можетъ, да и не должна быть умною, потому что Богъ не далъ ей такого разума, какъ мужчинамъ. Если-же, паче чаянія, женщина окажется умною, то все-таки это качество не признается за ней, а вмѣсто ума въ ней находятъ хитрость и коварство.

mens view
of woman's
mind

Горецъ никогда не рѣшится ослабить свою деспотическую

man's beha-
-vior towards

власть надъ женою, въ особенности, когда онъ имѣетъ причину быть ею недовольнымъ. Если мужъ и любитъ свою жену, она все-таки играетъ роль слуги, который своею привязанностію и хорошею нравственностію приобрѣлъ расположеніе господина, вслѣдствіе чего пользуется нѣкоторою его ласкою и восхищается шутливо-строгимъ обхожденіемъ съ нимъ властелина. Если-же, по какимъ-либо причинамъ, женѣ не удалось заслужить благосклоннаго вниманія своего сожителя, тогда послѣдній обходится съ нею несравненно хуже, чѣмъ съ рабою. Холопка стоила отъ 250 до 300 руб.; если съ нею обходились дурно, то рисковали потерять ее навсегда — она могла убѣжать; съ женою-же можно развестись и замѣнить ее другою, не теряя почти ничего въ сравненіи съ потерей холопки. Положеніе жены, не любимой мужемъ, возмутительно. Вѣчное рубище покрываетъ ея тѣло; пренебреженіе мужа, безпрестанная брань и частые побои, недостатокъ и безъ того скудной пищи, ежедневный тяжкій трудъ, недостатокъ времени для отдыха — все это изнуряетъ ее и состариваетъ преждевременно. Хорошо, если несчастная имѣетъ родственниковъ, которые могутъ уговорить тирана развестись съ нею, не взыскивая съ него суммы, назначенной въ кѣбинѣ. Если-же такихъ защитниковъ нѣтъ, тогда она, скрѣпя сердце, покоряется своей участи, а мужъ, какъ для своихъ личныхъ интересовъ, такъ и для того, чтобы досадить ненавистой женѣ, женится на другой, и если, къ несчастію первой, послѣдняя родитъ сына, котораго старшей женѣ Богъ не далъ, тогда она дѣлается служанкой молодой своей соперницѣ, — и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Но такъ или иначе, доволенъ-ли мужъ своею женою, или нѣтъ, послѣдняя все-таки играетъ роль служанки, дѣйствующей по волѣ своего господина; самыя мельчайшія занятія ея по хозяйству исполняются не иначе, какъ съ разрѣшенія мужа. Вообще, семейный бытъ горцевъ не представляетъ ничего такого, что можно-бы назвать счастіемъ. Вѣдность, скудность пищи, недостатокъ симпатіи, довѣрія, откровенности и частые случаи вражды между супругами видны на каждомъ шагу. Съ одной стороны — лѣнь, съ другой — тяжкій до изнуренія трудъ, — все это нисколько не

✓
Unhappy life
of unloved
wife

✓
Domestic
life of mt's

говорить въ пользу счастливой семейной жизни горцевъ.—Соображая все это, невольно придешь къ заключенію, что горцы, по дико-воинственной своей натурѣ, только и находили счастье въ кровопролитныхъ битвахъ и грабежахъ; семейное-же счастье, какъ они его понимаютъ, стоитъ у нихъ на второмъ планѣ.

Говоря о семейномъ бытѣ горцевъ вообще и объ обращеніи супруговъ между собою въ особенности, нельзя не сказать и объ отношеніи дѣтей къ родителямъ. Дѣти, достигшія 15-ти лѣтняго возраста, считаются совершеннолѣтними; тогда ихъ соединяють бракомъ. Зажиточные люди готовятъ своимъ дѣтямъ жениховъ и невѣсть тогда, когда тѣ находятся еще въ младенческомъ возрастѣ. Молодая жена вступаетъ въ домъ родителей мужа въ качествѣ помощницы тещи; послѣдняя сваливаетъ всѣ работы на невѣстку, а сама, ограничиваясь легкими по хозяйству занятіями, помыкаетъ ею, какъ рабою, и заставляетъ ее испытывать тѣ-же страданія, какимъ сама подвергалась въ дни молодости. Добрая мать подстрекаетъ сына, чтобы онъ обходился съ женою такъ-же, какъ бывало, во время оно, отецъ его обходился съ нею. Эти добрые материнскіе совѣты, очень не рѣдко, не остаются безъ послѣдствій и исполняются буквально. Невѣстка, слѣпо повинуваясь родителямъ мужа, терпѣливо переноситъ всѣ капризы ихъ. Но настаетъ, наконецъ, время, когда роли мѣняются—тираны дѣлаются страдальцами, а послѣдніе становятся первыми.

Relations of children to parents

Горцы, достигнувъ возраста, когда здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ его дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, сдѣлавшись хозяевами, оказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, а въ особенности матери. Непечатная брань (такая брань не осуждается горцами, хотя бы она произносилась женщиною или дѣвучкою, что часто можно слышать), достающаяся иногда на долю стариковъ, не рѣдко побой и различныя оскорбленія переносятся ими съ безсильнымъ ропотомъ. Стариковъ не сажаютъ съ собою за столъ, особенно когда есть въ домѣ чужой человѣкъ, не обмываютъ, не обшиваютъ ихъ, дурно кормятъ, и чего-чего не претерпѣваютъ они на старости лѣтъ! Словомъ, стариками, которые, по обычаю пользуются почетомъ въ народѣ,

✓
Bad treatment of old people

пренебрегаютъ родныя дѣти. Такою-то благодарностью пользуются горцы отъ дѣтей, взаимно той неограниченной любви, которую они питаютъ къ нимъ, когда тѣ находятся въ младенческомъ возрастѣ. Не всѣ мужчины, къ какой-бы націи они ни принадлежали, способны такъ пламенно выразить любовь къ дѣтямъ, какъ горцы. Они нянчутся съ ними цѣлое лѣто, когда мать занята полевыми работами, и дѣлаются нянькою въ полномъ смыслѣ этого слова.

Горцы вообще обладаютъ замѣчательными природными умственными способностями. Но, познакомившись съ ними поближе (а для такого знакомства нужно болѣе или менѣе продолжительное время близкихъ съ ними отношеній, потому что горцы имѣютъ до того удивительную способность прикидываться добродѣтельными людьми, что нерѣдко приводятъ въ заблужденіе даже своихъ земляковъ), нельзя не замѣтить, что умъ ихъ преимущественно обращается на мелочи, а еще чаще—бездѣйствуетъ. Рѣдко встрѣтите между горцами людей, занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ; за то встрѣчаются мастера-самоучки, очень смышленные и способные научиться въ короткое время даже нѣсколькимъ ремесламъ. Вообще, при отсутствіи правильно-организованныхъ ремесленныхъ занятій въ Дагестанѣ, можно встрѣтить ремесленниковъ, занимающихся и серебряныхъ дѣлъ мастерствомъ, и кузнечнымъ дѣломъ, и выдѣлываніемъ кожъ, и леченіемъ ранъ, и коновальнымъ искусствомъ, и кладкою савель, и столярнымъ, плотничьимъ и токарнымъ мастерствами (послѣднее ограничивается только вытачиваніемъ газырей, или патроновъ). Но такихъ тружениковъ весьма немного и они теряются въ огромномъ числѣ празднопатающихъ.

II.

Врачнѣй союзъ (ригинъ) горцы предпочитаютъ заключать между близкими родственниками и однофамильцами, если условія для этого благоприятствуютъ. Здѣсь главное принимается въ расчетъ

193

богатство, которому, какъ и вездѣ, отдается преимущество передъ личными качествами соединяющихся бракомъ.

Браки по любви случаются между горцами не такъ часто; нельзя однако сказать, чтобы любовь была чужда чувству горца *): напротивъ, очень часто слышишь, что такой-то влюбился въ такую-то, такая-то влюбилась въ такого-то (ротли-кунъ), и если чувство это не сильнѣе, то, по крайней мѣрѣ, настолько-же развито у горцевъ, какъ и у другихъ народовъ; но у первыхъ оно заглушается корыстолюбиемъ и расчетливостію. Нѣкоторые обычаи (адаты) также имѣютъ большое вліяніе на чувство любви горцевъ.

marrriage for love

Между зажиточными туземцами существуетъ обычай женить своихъ сыновей (независимо формальной, приличной званію, женитьбы) на бѣдныхъ дѣвушкахъ или вдовахъ изъ низшаго сословія. Это дѣлается съ расчетомъ, чтобы такая невѣстка замѣняла въ домѣ работницу бесплатно. Хотя такіе браки совершаются по всемъ правиламъ шаріата, который обязуетъ всякаго мужа быть мужемъ не поминальнымъ, но отцы, изъ личныхъ интересовъ, находя вреднымъ для такихъ супруговъ раздѣленіе брачнаго ложа, стараются внушить подроставшимъ мужьямъ отвращеніе къ перерослой женѣ и проповѣдуютъ о неприличности сожитія съ такими женами. Такіе браки не сопровождаются никакимъ торжествомъ и совершаются безъ всякой огласки.

↓
Fictitious marriages of children to older women.

Хотя на женитьбу сыновей отцы не имѣютъ исключительнаго права, а въ особенности, когда сыновья взрослые, но горцы—большіе вообще охотники и мастера извлекать пользу изъ всего, лишь-бы польза эта обошлась имъ безъ труда и денежныхъ расходовъ,—нашли, что можно также извлекать пользу изъ браковъ сыновей, женихъ ихъ далеко недостижимыми совершенствѣтія. Для этого имъ принскиваютъ женъ взрослыхъ и даже перерослыхъ, которыя вполнѣ могли-бы исполнять обязанности хорошихъ работницъ и въ тоже время не претендовали на неисполненіе мужемъ

*) Любовь у горцевъ считается священнымъ чувствомъ. Они говорятъ, что гдѣ-то въ книгѣ написано, что если мусульманинъ умретъ отъ частой любви къ женщинѣ, то наследуетъ царство небесное.

супружескихъ обязанностей. Понятно, какія женщины соглашаются выходить замужъ за малолѣтнихъ и брать на себя обязанности работницъ изъ-за куска хлѣба и незатѣйливаго платья. Такія женщины называются туземцами чара-хорабъ, кхо-буххарабъ, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ—безталанная, безло-мощная. Понятно также, почему дѣти, рожденныя отъ такихъ женщинъ, не должны, по мнѣнiю нѣкоторыхъ, быть причисляемы къ ихъ семействамъ.

Многоженство между горцами мало распространено. Это болѣе зависитъ отъ бѣдности ихъ. Немногие-же, имѣющіе двухъ, трехъ женъ, стараются помѣщать ихъ отдѣльно, по возможности подальше другъ отъ друга, чтобы не произошло между соперницами столкновения. За то едва-ли найдется десятая часть горцевъ, прожившихъ вѣкъ свой, не переѣхавъ, по крайней мѣрѣ, трехъ женъ. Есть люди, одновременно женившіеся на десяти и болѣе женахъ. Небогатые, пожилые люди, потерявшіе надежду жениться на молодыхъ дѣвушкахъ^{*)}, питаютъ особое влеченіе къ вдовамъ, утѣшая себя безошибочнымъ убѣжденіемъ (они въ этомъ отноше- нии большіе знатоки), что вдова, прожившая нѣсколько лѣтъ безъ мужа, имѣетъ также свои прелестныя качества. На счетъ вдовъ- ихъ прелестей, особенно нравящихся горцамъ, существуетъ множе-ство поговорокъ; изъ нихъ одна гласитъ, что „можно печь куриныя яйца въ пазухѣ вдовы и даже зажарить голубя“.

Обычай похищенія женщинъ, бывшій въ большемъ ходу въ до-шариатное время, если не совсѣмъ забытъ былъ при дагестанскихъ има-махъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ весьма рѣдко въ употребленіи; во время шаріата и послѣ него похищенія замѣнены прикоснове-ніемъ. Неблагонамѣренное прикосновеніе къ женщинѣ и похищеніе ея считаются поступкомъ одинаковымъ и одинаковую-же имѣютъ цѣль. Не многіе совершаютъ этотъ поступокъ изъ любви къ похи-щаемому предмету; многіе дѣлаютъ это изъ ненависти или изъ мести къ роднымъ похищенной. Въ большей-же части случаетъ

^{*)} Я знаю нѣсколько богатыхъ, отъ 50 до 60 и болѣе лѣтъ стар- ховъ, женившихся на 12-лѣтнихъ дѣвицахъ.

195-

похищаютъ женщинъ или дѣвушекъ просто изъ корыстолюбивыхъ видовъ. Похититель старается выбрать предметъ для похищенія изъ болѣе зажиточнаго дома. Такъ какъ мусульманинъ не долженъ ни однимъ пальцемъ касаться къ чужой женщинѣ ¹⁸⁾, то такое обдуманно-неблагодарное дѣйствіе считается оскорбленіемъ (хיא-натъ) и наказуется такъ-же, какъ и самое похищеніе. Виновникъ въ прикосновеніи къ незамужней женщинѣ; или въ похищеніи ея, подвергается слѣдующему, установленному адатомъ, наказанію:

Если родственники похищенной дѣвушки или вдовы не согласятся выдать ее замужъ за похитителя, тогда съ него взыскиваются штрафы: 1) называемый ца-хисъ (зубъ мѣняющій), т. е. скотину въ томъ періодѣ возраста, когда первые зубы начинаютъ мѣняться другими; штрафомъ этимъ пользуется джамаатъ; 2) въ пользу хана (нынѣ казны) 100 овецъ или вмѣсто ихъ 30 руб. сер.; 3) разламываютъ одинъ уголь дома похитителя ¹⁹⁾ и изгоняютъ его изъ аула на трехъ-мѣсячный срокъ, по истеченіи коего изгнанный, возвратившись домой, долженъ угостить всѣхъ родственниковъ похищенной. За похищеніе замужней женщины или за неблагонамѣренное прикосновеніе къ ней (то и другое очень рѣдко случается) виновникъ наказуется какъ за убійство, съ небольшимъ измѣненіемъ въ опредѣленіи срока для изгнанія.

Сватовство производится чрезъ мужчину, посылаемаго женихомъ вмѣсто свахи къ роднымъ невѣсты. Цѣль такого посѣщенія объясняется намеками; прямое-же предложеніе роднымъ, о выдачѣ дочери ихъ замужъ, считается неприличнымъ. Просьбу эту свать излагаетъ какъ можно деликатнѣе. Началомъ разговора о такомъ важномъ предметѣ служить слѣдующая общепринятая фраза, объясняющая дѣло вратцѣ, не конфузя никого: „Просимъ васъ сдѣлаться отцемъ и матерью,“ или „братомъ и сестрою“. если первыхъ невѣста не имѣ-

marriage proposals

¹⁸⁾ Нечаянное прикосновеніе мужчины къ голой рукѣ женщины, хотя бы это были мужъ и жена, считается оскверненіемъ и обязуетъ обоихъ передъ молитвою совершать новое омовеніе, если такое было уже совершено прежде.

¹⁹⁾ Само-собою разумѣется, въ настоящее время такой адатъ болѣе не исполняется. *Ред.*

отъ, „такому-то человѣку“. Если предлагаемый женихъ имъ не по вкусу, тогда они прямо отказываютъ; въ противномъ случаѣ говорятъ: „инша-аллахъ“ (если Богу будетъ угодно). Этотъ отвѣтъ означаетъ полное согласіе родителей на бракъ дочери ихъ съ предлагаемымъ женихомъ.

Хотя бракосочетаніе должно совершаться на основаніи шаріата не иначе, какъ съ согласія дѣвушки или вдовы, но такъ какъ, на основаніи адата, права женщины во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ ограничены, то нечего и говорить, что согласія на бракъ первыхъ спрашиваютъ лишь для соблюденія формальности, предписываемой шаріатомъ; на самомъ-же дѣлѣ онѣ, не желая идти на перекоръ роднымъ, выходятъ за избранныхъ послѣдними жениховъ. Если невѣста не имѣетъ родныхъ или когда родственникъ, безъ согласія котораго она не имѣетъ права выходить замужъ, находится отъ нея въ отдаленіи, на разстояніи двухдневнаго пути, тогда мѣсто ихъ при заключеніи брачнаго союза заступаетъ мѣстный дибирь (мулла); онъ-же имѣетъ право выдать дѣвушку замужъ за избраннаго ею жениха, за котораго выходить ей не позволяютъ. Но дибирю не часто приходится пользоваться этимъ правомъ.

Уполномоченный отъ жениха, получивъ согласіе родныхъ невѣсты, тутъ-же поздравивъ ихъ, приступаетъ къ составленію условій, состоящихъ въ опредѣленіи приданаго невѣсты, свадебнаго подарка, дѣлаемаго ей женихомъ до свадьбы, и кебина, или, какъ мы называемъ, калыма (магари), которымъ женщины пользуются послѣ смерти мужей или послѣ развода съ ними. Объ исправности платежа калыма будетъ говорить ниже.

Совершаютъ брачный обрядъ и играютъ свадьбу не всегда вскорѣ по окончаніи сватовства; то и другое откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ, на два, на десять и болѣе лѣтъ. Иногда совершаютъ обрядъ немедленно по окончаніи сватовства, а свадьбу откладываютъ на нѣкоторое время, и въ промежутокъ этого времени, молодые, оставаясь въ домахъ своихъ родителей, не должны ни сближаться, ни даже встрѣчаться другъ съ другомъ. Хотя коранъ этого не запрещаетъ, но адаты находятъ неприлич-

нымъ близкое отношеніе молодыхъ до окончательнаго вступленія молодой въ домъ мужа.

Сосватанные молодые люди пользуются большимъ почетомъ отъ своихъ родственниковъ. За мѣсяць, или недѣли за три до дня вступленія новобрачной въ домъ мужа, они ежедневно приглашаются своими родственниками, которые угощаютъ ихъ самыми вкусными яствами и питіями. Каждый изъ молодыхъ, отдѣльно отправляясь въ гости, ведетъ за собою почетную свиту мужчинъ и женщинъ, на долю коихъ, благодаря ихъ патронамъ, достается немалая часть изъ вкусныхъ яствъ. Во время нахождения жениха или невѣсты у пригласившихъ ихъ родственниковъ, дома послѣднихъ наполнены гостями, принимающими непритворное участіе въ радости виновниковъ пирушки. Каждый старается быть веселымъ, развязнымъ и многіе острятъ самымъ забавнымъ и пріятнымъ для самолюбія жениха образомъ. Тамъ поются веселыя пѣсни, акомпанируемая стукомъ бубна (жирхенъ), происходитъ оживленная пляска подъ звуки трехструнной балалайки (пандуръ), поются въ припляску импровизованныя пѣсни любви, или происходитъ между женщиной и мужчиной шуточная брань, импровизованная стихами, также на распѣвъ и въ припляску. Рогъ, наполненный буюю или чабою, сопровождаемый крикомъ обошника „воре-шорабъ“ (берегись, дошла очередь!), непрерывно обходитъ гостей, составляющихъ собою тѣсный кружокъ, по срединѣ котораго красуется большое мѣдное блюдо или деревянный лотокъ сомнительной опрятности, наполненный чуреками, сыромъ, колбасой, вяленой бараниной, такимъ-же курдючьимъ жиромъ, лукомъ, медомъ, виноградомъ и другими фруктами. Угощаемая своими родственницами, невѣста имѣетъ удовольствіе, также какъ и женихъ, слышать отъ женщинъ множество пріятныхъ замѣчаній и намековъ относительно положенія, въ какомъ она будетъ находиться въ день вступленія ея въ домъ молодаго мужа, для чего совѣтуютъ ей—не стѣняясь, кушать больше, чтобы до того времени укрѣпиться въ тѣлѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, какъ опытныя, считаютъ необходимымъ сообщить ей обо всемъ, что каждая изъ нихъ волей-неволей испытала во время первой уединенной встрѣчи съ

✓
Pander
Improvisation

мужемъ, и если отъ открываемыхъ секретовъ невеста конфузится, то ее ободряютъ словами: „такой существуетъ адатъ, такъ Богъ повелѣлъ“.

Въ назначенный для бракосочетанія день, женихъ уходитъ изъ своего дома къ товарищу или родственнику, который назначается на свадьбѣ исполнять обязанность друга (гудуль). Предъ сумерками, женихъ возвращается къ себѣ въ домъ, куда приходитъ дибирь, въ сопровожденіи отца невесты, или другаго какаго-нибудь родственника, въ качествѣ довѣреннаго отъ нея лица (бекиль), и двухъ постороннихъ свидѣтелей. Женихъ, при входѣ гостей, соскакиваетъ съ своего мѣста и предлагаетъ его дибирю, а остальныхъ гостей хозяинъ усаживаетъ на разостланные впереди камина ковры и подушки. Послѣ обычныхъ привѣтствій, дибирь, вставая съ своего мѣста, даетъ знать присутствующимъ послѣдовать его примѣру; благословясь, беретъ правыя руки жениха и векиля невесты и соединяетъ ихъ ладонями такъ, чтобы пальцы были протянуты и не касались тыльной поверхности кисти руки, причежь большой палець жениха долженъ находиться нѣсколько выше пальца векиля невесты²⁰⁾). Соединивъ такимъ образомъ руки, дибирь кладетъ свой указательный палець на большіе пальцы заключающихъ брачный союзъ и, обращаясь къ векилю невесты, произноситъ на своемъ нарѣчій слѣдующую, установленную кораномъ формулу: „съ помощію и съ соизволенія Бога и по пути, указанному пророкомъ, за столько-то денегъ (называетъ условную сумму) кебина, отдаешь-ли ты свою дочь этому человѣку“? (указываетъ на жениха). По окончаніи этой формулы, тотъ, къ кому онъ обращается съ нею, повторяетъ слова дибира съ отвѣтомъ: „отдаю“. Тоже самое повторяетъ дибирь, обращаясь къ жениху съ вопросомъ: „берешь-ли?“ Послѣдній, произнося въ свою очередь эти слова, отвѣчаетъ: „беру“. Эти слова тоекратно повторяются дибиромъ и заключающими брачный союзъ. По окончаніи обряда, дибирь читаетъ молитву, благословляющую новобрачныхъ, и произноситъ: „фатиха“, т. е. совершилось²¹⁾).

²⁰⁾ Впрочемъ — въ знакъ власти мужа надъ женою.

²¹⁾ Первая глава корана.

Горды вѣрять, что между ними есть злые люди, которые, во время совершенія брачнаго обряда, желая испортить новобрачнаго, подслушиваютъ чтеніе брачной формулы и шопотомъ опровергаютъ ее словами: „гебъ-гересе, гебъ-слекса“ (это ложь, это неправильно), при этомъ злоумышленникъ завязываетъ на нитѣ столько узловъ, сколько заключается въ формулѣ словъ, или вытягиваетъ пальца на три кинжалъ изъ ноженъ и вкладываетъ его снова туда, повторяя это движеніе послѣ каждаго слова, произносимаго дибиромъ. Это своего рода заклинаніе, обезсиляющее, но мнѣнію горцевъ, новобрачнаго, извѣстно у нихъ подъ словомъ бухки (завязываніе). Для пользованія отъ этой неприятной для новобрачныхъ болѣзни, обращаются къ грамотнымъ людямъ, которые лечатъ ее молитвою (сабабъ). Эта молитва пишется на трехъ круто-сваренныхъ и очищенныхъ отъ скорлупы куриныхъ яйцахъ, которыя даютъ ѣсть: сначала одно цѣлое новобрачному, потомъ, когда онъ проглотитъ послѣдній кусокъ, даютъ другое яйцо новобрачной и, пока послѣдняя ѣсть, разрѣзаютъ по-поламъ третье, и новобрачные съѣдаютъ еще по половинѣ. Этимъ леченіемъ занимаются иногда учащіеся въ мечетяхъ молодые люди (мутаильзаби)²²⁾, большею-же частію они снабжаютъ желающихъ приворотными молитвами (ротлюль сабабъ).

"Spoiled the bride - groom by tying knots in cord or hair or -ing King's
How he is cured by means of eggs.

До начала брачнаго обряда, дибиръ посылаетъ къ невѣстѣ двухъ человѣкъ, которымъ поручаетъ спросить ее, согласна-ли она добровольно выйти замужъ за такой-то кебинъ и довѣряетъ-ли она дѣйствительно своему векилю совершить обрядъ бракосочетанія. Люди эти, (они-же присутствуютъ свидѣтелями при бракосочетаніи), получивъ согласіе невѣсты, передаютъ таковое дибирю, который тогда начинаетъ обрядъ бракосочетанія.

As the em - sent by bride

Неисполненіе этой формальности относительно совершеннолѣтней невѣсты дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ.

Вышеприведенный обрядъ бракосочетанія называется по-аварски магари-тле, что иначе нельзя перевести, какъ словами: *заключеніе брачнаго торго*, о чемъ можно судить по слѣдующе-

"Conclusion of marriage bargain"

²²⁾ По-арабски — мутаалимы.

му обстоятельству. Когда по совершении брачного обряда окажется, что не были въ точности соблюдены правила, установленныя шаріатомъ при бракосочетаніи, тогда бракъ считается недѣйствительнымъ и выражается словами: *магари*, или *дарамъ бегичу*, т. е. торгъ не годится. Въ торговыхъ дѣлахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ фразъ, произносимыхъ при заключеніи брачнаго союза, употребляется почти таже формула, и торгъ (дарамъ) заключается при свидѣтеляхъ вопросомъ покупателя, обращеннымъ къ продавцу: „продаль-ли ты мнѣ такую-то вещь за такую-то цѣну?“ Продавецъ, отвѣтивъ утвердительно, обращается съ вопросомъ къ покупателю: „купили-ли ты“, а тотъ долженъ отвѣчать „купили“. Это называется *дарамъ габизи*, т. е. совершать или заключать торгъ. Безъ точныхъ соблюденій установленныхъ для коммерческихъ сдѣлокъ правилъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ, торгъ считается недѣйствительнымъ и выражается словами, какъ и при недѣйствительности брака, *дарамъ-бегичу*, т. е. торгъ не годится.

Брачный пиръ не отличается особенно интересными обычаями; онъ во всемъ похожъ на пирушки, устраиваемыя родственниками въ честь жениха и невесты, за нѣсколько времени до свадьбы ихъ. Въ день, назначенный для брачнаго пира (тотъ-же день назначается и для вступленія новобрачной въ домъ мужа), въ домъ новобрачнаго собираются гости. Болѣе почетные изъ нихъ приглашаются первыми въ саблю, гдѣ ихъ угощаютъ на славу; гости средней руки остаются на дворѣ, ожидая очереди быть приглашенными и занять за столомъ мѣста откушавшихъ уже гостей; послѣдніе, едва успѣвъ проглотить послѣдній кусокъ, благодарятъ хозяевъ и поспѣшно выходятъ изъ сабли²³⁾. Такимъ образомъ, партію за партіей, угощаютъ множество гостей. Неудостойвшіеся

²³⁾ Горцы, приглашенные въ гости, остаются въ гостепріимномъ домѣ только до окончанія трапезы, и такъ какъ у нихъ нѣтъ обыкновенія готовить пищу про запасъ, то гостю приходится ожидать, пока испекутъ свѣжій хлѣбъ или сварятъ хингалъ. Гость, если не рассчитываетъ почевать, немедленно, послѣ обѣда или ужина, восклицаетъ: *альхамду-льillah* (всякая хвала Богу) и, призвавъ Божіе благословеніе на гостепріимныхъ хозяевъ, торопливо уходитъ.

быть приглашенными за трапезу, оставаясь на дворѣ, ожидаютъ отъ гостепріимныхъ хозяевъ подачи, состоящей изъ одного или двухъ роговъ бузы, куска чурека съ сыромъ или курдючьимъ жиромъ, а нѣкоторые, болшею частію незнатная молодежь, вовсе остаются забытыми хлопотливыми хозяевами; но они уже довольны и тѣмъ, что имъ позволяютъ плясать съ дѣвками и молодыми женщинами, подъ звуки зурны, аккомпанируемой неистовымъ стукомъ глухаго барабана. Въ сторонѣ отъ пляшущихъ, окруженныхъ зрителями, поочередно принимающими участіе въ лезгинкѣ, видна группа дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, столпившихся вокругъ двухъ молодежи, поющихъ пѣсни. Эти пѣвицы, дерущія горло болѣе для увеселенія гостей, чѣмъ для своего удовольствія, съ утра и до поздней ночи, не получаютъ за это никакого вознагражденія отъ хозяевъ. Послѣдніе считаютъ достаточнымъ угостить пѣвицъ кое-чѣмъ, приберегая остатки вкуснаго кушанья для болѣе взыскательныхъ гостей. Такъ какъ по адату женскій полъ долженъ довольствоваться остатками отъ стола откушавшихъ уже гостей, то сомнительно, чтобы на долю пѣвицъ что-нибудь досталось, потому что мужчины, стараясь потуже наполнять свои желудки вкусными свадебными яствами, запивая ихъ хмельною бузою или чабою, едва-ли помнятъ о женщинахъ, старающихся пѣснями и пляскою убаюкать свои пустыя желудки, услаждая видѣтѣ съ тѣмъ слухъ забывающихъ о нихъ мужчинъ. Такое невниманіе къ прекрасному полу не осуждается послѣднимъ; напротивъ, женщины остаются благодарными за крохи, достающіяся имъ на свадьбѣ, о которыхъ дома онѣ не смѣли-бы даже и помечтать; болѣе-же всего онѣ рады тому, что, по случаю свадьбы, могутъ свободно пѣть, вдоволь натанцоваться, громко шутить и смѣяться съ молодыми мужчинами и, подъ шумъ музыки и веселящихся гостей, дозволить себѣ нѣкоторыя вольности съ этими мужчинами и вообще попользоваться свободой и удовольствіями, которыми въ обыкновенное время, въ силу адата, онѣ не смѣютъ предаваться.

Вступленіе новобрачной въ домъ мужа сопровождается слѣдующимъ церемоніальнымъ обрядомъ.

Въ день, назначенный для поступленія новобрачной въ распора-

женіе мужа своего, она съ утра оставляетъ домъ родителей и отправляется къ близкому родственнику, чтобы тамъ приготовиться къ торжественной встрѣчѣ съ молодымъ супругомъ. Удостоившіеся чести принять у себя новобрачную оказываютъ дорогой гостьѣ радушное гостеприимство; ее потчуютъ всемі, что скудное состояніе горца можетъ предложить лучшаго. Вкусныя яства, поставленныя предъ новобрачной въ ту минуту, какъ она возседеть на подушки, положенныя въ почетномъ углу, остаются на томъ-же мѣстѣ, пока не настанетъ время переимѣнить гостеприимный домъ родственника на болѣе почетное мѣсто въ домѣ мужа своего. Не смотря на неотступныя и убѣдительныя просьбы гостеприимныхъ хозяевъ, старающихся привлечь вниманіе невесты на нарочито приготовленныя для нея кушанья, они остаются почти нетронутыми.

Въ сумеркахъ, новобрачный посылаетъ къ новобрачной почетную свиту, состоящую изъ близкихъ родственниковъ и родственницъ, подъ предводительствомъ младшаго друга, носящаго несовсѣмъ красивое названіе—гама '(ешакъ). Подойдя къ двери дома, гдѣ находится новобрачная, посланные спрашиваютъ позволенія хозяевъ войти въ домъ; получивъ таковое, съ молитвою переступаютъ порогъ и, отдавъ саламъ всемі находящимся въ этомъ домѣ, садятся по приглашенію хозяевъ возлѣ молодой. Гости, отдавъ должную честь кушаньямъ, приготовленнымъ для новобрачной, и поблагодаривъ хозяевъ за угощеніе, обращаются къ нимъ съ просьбою, чтобы ихъ не задерживали и отпустили молодую къ своему мужу; хозяева не соглашаются на просьбу посланныхъ иначе, какъ просьба эта не повторится три раза. Тогда посланные просятъ молодую слѣдовать за ними и отправляются, напутствуемые благословеніями хозяевъ. Встрѣченная въ дворѣ мужа родственниками и родственницами его, новобрачная останавливается, ожидая приглашенія войти въ домъ. Въ это время къ ней подходитъ мать новобрачнаго, держа въ рукахъ тарелку съ медомъ, и обмокнувъ въ него палець, мажетъ губы новобрачной, прося ее войти въ домъ. Новобрачная, не обращая вниманія на приглашеніе, остается на прежнемъ мѣстѣ, облизывая губы, намазанныя медомъ; это

Пультинг
помогъ ей

203

означаетъ, что она желаетъ получить какой-нибудь подарокъ, прежде чѣмъ переступить за порогъ дома мужа своего; тогда къ ней приводятъ какую-нибудь крупную скотину и надрѣзываютъ послѣдней ухо, въ знакъ того, что скотина поступаетъ въ собственность новобрачной. Послѣдняя, увидя кровь, просачивающуюся изъ уха подаренной ей скотины, соглашается на вторичное приглашеніе и, привѣтствуемая поздравленіями, пѣснями и выстрѣлами, входитъ въ саклю, одинъ уголъ которой занавѣшенъ ковромъ; туда помѣщаютъ новобрачную съ свашками и подружками. Молодые остаются до полуночи на своихъ мѣстахъ. Послѣ полуночи свашки уводятъ молодую въ приготовленную для новобрачныхъ комнату, куда, спустя немного времени, приходитъ новобрачный, въ сопровожденіи дружковъ. Послѣдніе, повалившись на приготовленной для новобрачныхъ постелѣ, чтобы убѣдиться, удобно-ли будетъ молодымъ провести на ней ночь, и простившись съ ними, оставляютъ ихъ наединѣ. Кромѣ обязанности дружковъ и свашекъ услуживать новобрачнымъ и потчивать гостей, на нихъ лежитъ еще обязанность стеречь молодыхъ отъ нескромнаго любопытства постороннихъ; но, изъ желанія угодить любопытной молодежи, чтобы потомъ вмѣстѣ посмѣяться, гудулы измѣняютъ новобрачнымъ и, позволяя желающимъ подслушивать ихъ, выбираютъ себѣ самое удобное для этого мѣсто. Благодаря снисходительности дружковъ, молодежь окружаетъ со всѣхъ сторонъ саклю, представляющую большія удобства для подслушанія, и каждое отверстіе, каждая щель заслонены ушами любопытныхъ, не старающихся даже скрывать отъ новобрачныхъ свое нескромное присутствіе. Подслушаніе продолжается нѣсколько ночей сряду, если молодой не приметъ на себя смѣлости пострадать наглецовъ оружіемъ. Роль главныхъ коноводовъ въ этой дикой забавѣ принимаютъ на себя молодые люди, учащіеся при мечетяхъ (мутаимы).

✓
Cutting ear
of cow by
presenting to
bride

У горцевъ нагорнаго Дагестана нѣтъ обыченвенія, какъ у насъ въ простонародіи, на утро послѣ свадебной ночи, выносить на показъ пирующимъ на свадьбѣ гостямъ ночное бѣлье новобрачной, сохранившей до выхода замужъ доказательство цѣломудрія, чѣмъ по справедливости гордятся тѣ, кому принадлежитъ честь

сбереженія его. Нѣтъ у нихъ также обычая, принятаго у нѣкоторыхъ кавказскихъ мусульманъ, какъ напр. въ бывшихъ шамхальствѣ Тарковскомъ и ханствѣ Мехтулинскомъ, гдѣ новобрачный стрѣляетъ въ окно изъ ружья или пистолета, и тѣмъ оповѣстивъ публику о своемъ разочарованіи, изъявляетъ неудовольствіе роднымъ новобрачной за небдительный надзоръ за дочерью ихъ, или, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закатальскаго округа, новобрачный стрѣляетъ съ цѣлью сообщить радостную вѣсть ирующей публикѣ и выстрѣломъ-же изъявляетъ свою признательность тестю и тещѣ. У горцевъ внутренняго Дагестана ничего подобнаго не происходитъ. Не опровергая того, что дѣвица должна тщательно сохранять цѣломудріе, они вмѣстѣ съ тѣмъ не претендуютъ за потерю его. Такая непретендательность основана на существующемъ съ незапамятныхъ временъ у горцевъ убѣжденіи, что дѣвушка-горянка легко можетъ лишиться своей невинности безъ участія мужчины, — отъ тяжелыхъ работъ, которыми дѣвушки начинаютъ заниматься съ очень раннихъ лѣтъ, отъ лазанья по скаламъ и прыганья черезъ рвы. Кромѣ сказанныхъ причинъ, этому способствуетъ женское очищеніе, начинающееся у горянокъ очень рано. Последнее предположеніе, по словамъ ученыхъ, основано на ученіи нѣкоторыхъ толкователей корана.

Кебинъ, или, какъ горцы называютъ его, *магары*, есть ни что иное, какъ плата, даваемая мужчиною женщиנѣ за право быть ея мужемъ. Безъ кебина мужчина не можетъ жениться. Шаріать, говоря о бракѣ, даетъ ему форму торговой сдѣлки, и утверженіе муллою при свидѣтеляхъ условій кебина ²⁴⁾ служитъ освященіемъ брака. Въ единственной молитвѣ ²⁵⁾, читаемой при совершеніи брачнаго обряда, ни слова не упоминается о бракѣ.

Количество кебина соразмѣряется съ достаткомъ соединяющихся бракомъ.

Кебинъ, составляя неотъемлемую собственность каждой мусульманки, не всегда исправно выплачивается горянцамъ. Вмѣсто сдѣ-

²⁴⁾ Стихъ формулы, читаемый при бракосочетаніи.

²⁵⁾ Первая глава корана.

✓
Kalin or
Kevin

думникъ въ кобинѣ денегъ, или иногда остается ожидать вознагражденія въ будущемъ мѣрѣ за безусловную покорность мужьямъ своимъ, которые, взаимно рабской покорности своихъ женъ, лишаютъ ихъ всѣхъ человѣческихъ правъ, въ противоположность мужчинамъ, завладѣвшимъ всеми правами свободныхъ людей. Въ обществѣ, горянка — существо ничтожное; въ семейномъ быту она тоже страдательное лицо. Дѣти едва считаютъ ее матерью, мужъ считаетъ ее только женою, съ очень ограниченными правами хозяйки дома; рабъ едва признавалъ надъ собою власть жены своего господина. Если случится иногда встрѣтить женщину, выглядывающую не такъ запуганно, то это значить, что ея доволенъ сожитель, какъ былъ-бы доволенъ хорошистъ, работающимъ быкомъ. Горянки въ восторгѣ отъ своихъ мужей; когда замѣчаютъ со стороны послѣднихъ нѣкоторое вниманіе и ласку *). Вообще; плоха жизнь горянки, считающейся женою и хотя имѣющей, по шаріату, довольно правъ, но стоящей не только въ глазахъ общества, но и въ глазахъ семейства своего на одномъ уровнѣ съ домашнимъ скотомъ. Плоха жизнь женщинъ-горянокъ, волей-неволей попавшихъ въ кабалу къ мужчинамъ-горцамъ, считающимъ только свой полъ достойнымъ всякихъ благъ въ этомъ и въ будущемъ мѣрѣ. Женщины и въ рай ожидаетъ роль невольницъ и усладительницъ жизни своихъ властелиновъ въ этомъ мѣрѣ. Трудна жизнь горянки, не имѣющей права распоряжаться не только мужнинымъ хозяйствомъ, но и своимъ, принесеннымъ отъ родителей въ домъ мужа, собственнымъ добромъ, или пріобрѣтеннымъ трудами, между тѣмъ какъ мужъ, имѣя неограниченную власть надъ

*) Ласки горцевъ къ женамъ своимъ выражаются ударами. Въместо нѣжныхъ словъ, они делятъ своихъ женъ кличкою и бравью, въ родѣ: болхонъ — свинья, гяуръ — невѣрный, чегерабъ гама — черный ешакъ, чурукай — гадкая, наджасъ — поганая и т. п.; горянки такъ привыкли къ подобнымъ нѣжностямъ, что едва-ли имъ понравилась-бы ласка европейскія. Взаимно грубыхъ ласокъ мужчинъ, женщины отвѣчаютъ имъ самыми нѣжными именами, въ родѣ: свѣтъ очей моихъ, лекарство изъ лекарствъ, да останешься ты живъ для меня, да продлится твой вѣкъ, да родится у тебя сынъ, и т. п. Въ искренности послѣдняго пожеланія нельзя сомнѣваться, такъ какъ рожденіе сына поднимаетъ женщину въ глазахъ мужа на нѣсколько ступеней и порождаетъ зависть въ подружкахъ ея.

женою, распоряжается безапелляционно всѣмъ принадлежащимъ женѣ имѣніемъ, какъ своею собственностію. И все это не считается ни грѣхомъ предъ Богомъ, ни стыдомъ предъ людьми. Если-же случится, что жена вздумаетъ отстаивать свою собственность, (свобода ея остается во власти мужа безвозвратно, пока она находится замужемъ), тогда мужъ, зная, что шаріатъ или адатъ откажетъ ему въ пользованіи чужою собственностію, начинаетъ льстить женѣ и ласкою и лестью вызывать ее на благодарность, результатомъ коей бываетъ назру *) на имѣніе податливой жены въ пользу хитраго мужа. По утвержденіи-же за собою женинаго имѣнія, онъ ищетъ случая развестись съ нею, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ обманомъ и различными ухищреніями удержать за собою слѣдуемый ей кебинъ. Вообще-же, чѣмъ больше сума кебина, тѣмъ сомнительнѣе уплата его.

Н. Львовъ.

1868 года.
Сел. Ботлихъ.

*) Завѣщаніе, обѣтъ.

КАКЪ ЖИВУТЬ ЛАКИ.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

Горцы вообще очень любопытны, и когда является въ аулъ какой-нибудь чужестранецъ, въ особенности европеецъ, сейчасъ же окружаетъ его толпа мужчинъ и дѣтей, а женщины толпятся по плоскимъ крышамъ своихъ домовъ и смотрятъ оттуда на заѣзжаго человѣка. Всѣ пристально глядятъ на гостя, осматривая его съ ногъ до головы, словно диковинку какую, и разсуждаютъ на своемъ языкѣ. Мальчики прыгаютъ или врываются въ средину толпы, поближе къ гостю, чтобы хорошенько разглядѣть его.—При видѣ этой толпы, гость не замѣтитъ никакой разницы между окружающими его лицами, кромѣ различій пола и возраста, да развѣ замѣтитъ какого-нибудь сѣлаго старика, которому молодежь оказываетъ особенное уваженіе, уступая ему дорогу. Остальная масса кажется равноправною, одинаковаго состоянія и положенія. Домашняя обстановка горца также покажется однообразною въ глазахъ новичка; у богатого можно насчитать въ домѣ только больше паласовъ (ковровъ) и посуды изъ красной и желтой мѣди, чѣмъ у бѣдняка. Бѣдный горецъ, по обычаю гостепримства, предоставитъ вамъ тѣ-же удобства, какія можете имѣть у богатого; то, чего у себя нѣтъ, онъ попроситъ у сосѣда, родственника, такъ что вамъ покажется, будто всѣ горцы одинаковаго положенія и состоянія, потому что вездѣ и у каждаго видите одно и то же. Поэтому, проѣзжій, не зная, что дѣлается на семейной половинѣ хозяйскаго дома, можетъ составить себѣ ложное мнѣніе о жизни горцевъ. Горецъ покажется ему весьма довольнымъ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что на вопросы чужестраннаго гостя (въ осо-

бенности русскаго) онъ отвѣчаетъ всегда неискренно или поверхностно, не позволяя себѣ довѣрять *гяуру* (безбожному) свои интересы, и всегда ловко маскируетъ свое общественное и семейное положеніе.

Я провелъ свое дѣтство въ средѣ тѣхъ горскихъ мальчиковъ, которые, какъ я сказалъ выше, не пропускаютъ ни одного проѣзжаго, не окинувши его любопытнымъ взоромъ, и росъ между ними почти до совершеннолѣтія. Такимъ образомъ, зная жизнь горцевъ во всѣхъ ея подробностяхъ, я намѣренъ, безъ прикрасъ и безъ претензіи на художественность изложенія, рассказать про эту жизнь и тѣмъ доставить любознательному читателю возможность составить близкое къ истинѣ понятіе—преимущественно о семейномъ и хозяйственномъ бытѣ горцевъ. При этомъ замѣчу, что описываемое мною относится не далѣе какъ ко времени между 1848—55 гг. и что хотя оно касается одного только племени — лаковъ, но тѣмъ не менѣе бытъ дагестанцевъ такъ однообразенъ, что по жизни лаковъ можно представить себѣ картину дагестанскаго быта вообще.

Отецъ мой былъ родомъ изъ деревни, расположенной въ трехъ верстахъ отъ той, въ которой мы жили, и происходилъ изъ порядочно-большой фамиліи (*тухума*), т. е. у отца было много родственниковъ, такъ что, помню, онъ часто повторялъ моей матери о подвигахъ своихъ предковъ, о значительности своего тухума, и съ большимъ хвастовствомъ напоминалъ о томъ, что отецъ его имѣлъ 40 двоюродныхъ братьевъ, которые могли явиться, когда понадобится, вооруженными. Понятно изъ этого, что одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько у отца было троюродныхъ братьевъ и сестеръ, сколько дядей, тетокъ, племянниковъ и пр. Такая многочисленность тухума составляла весьма важное и лестное значеніе для горца въ его обществѣ, потому что онъ постоянно нуждался въ прежнее время въ защитѣ себя и ближнихъ противъ другихъ своихъ соплеменниковъ, а

209 ✓

потому отецъ считалъ себя въ правѣ хвастать своимъ родомъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Quarrels
between
husband &
wife

Мать моя, видимо, обижалась иногда за такія рѣчи отца, полагая, что онъ этимъ намекаетъ ей о своемъ превосходствѣ надъ нею, и потому часто старалась доказывать, что и она не простаго тухума; при этомъ она исчисляла по именамъ своихъ умершихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, о значеніи которыхъ въ обществѣ болѣе или менѣе сохранились рассказы. Главнымъ образомъ она съ горечью вспоминала о своемъ отцѣ. „Покойникъ (да проститъ ему Богъ грѣхи!) могъ замѣнить собою цѣлое войско“,—говаривала она съ горечью дочери, потерявшей любимаго родителя и защитника,—„общество всегда приглашало его въ свои сборища и безъ него ничего не дѣлалось въ аулѣ. Ахъ, какой онъ былъ смѣлый!“ продолжала она съ замѣтнымъ одушевленіемъ: „разъ, когда онъ загонялъ осла въ конюшню, тотъ упрямылся и не хотѣлъ идти, такъ онъ обнажилъ кинжалъ да на мѣстѣ и закололъ его“.

—Какой великій подвигъ—убить своего осла! поддразнивалъ отецъ: а вотъ мой братъ убилъ на площади *Буту* (имя чело-
вѣка), какъ осла, и отправилъ его по ущелью *).

—„И наши не потерпѣли ни отъ кого удара и не имѣли никакаго порока, которымъ-бы кто-нибудь могъ ударить имъ въ глаза; и у насъ были просторныя пашни, широкіе дома и большіе хлѣба; мы никогда не завидовали дыму сосѣдней трубы и владѣли острыми кинжалами, быстрыми лошадьми; всѣ наши ходили, надѣвши папахи на бекрень“, говаривала мать, горячася и скороговоркою.

— Что ты шумишь и заставляешь уставать свое горло? Ты слушай меня: я желаю, и тысячу разъ тебѣ говорилъ это, переселиться въ аулъ моего отца, если не для насъ самихъ, то хоть для нашихъ дѣтей. Вѣдь если кто-нибудь изъ чужихъ мальчиковъ заставить ихъ плакать (побьетъ), здѣсь за нихъ заступиться почти некому, а тамъ почти всѣ свои, такъ что, если кто-нибудь осмѣлится обидѣть ихъ, всегда найдется тотъ, который ударитъ обидчика и свалитъ его съ ногъ.

*) Говорятъ: „мой долгъ по ущелью пошелъ,“ въ томъ значеніи, что долгъ пропалъ безъ возврата.

✓
"my debt
has fallen
into the mine"

— „И здѣсь никто не смѣетъ обижать моихъ дѣтей, а если обидитъ ихъ кто, пусть и они ударятъ такого камнемъ въ лобъ, пусть свалятъ или пусть заколютъ въ животъ.“

— Хорошее наставленіе ты даешь дѣтямъ! У тебя много лишняго имущества, чтобы платить штрафъ и за кровь? Пусть, по твоему, заколютъ кого-нибудь,—посмотримъ, какъ ты *взойдешь на холмъ* *)...

— „Если хочешь, такъ ступай самъ, а я не брошу родной кровли своего отца“.

— Я тебя за ноги потащу, гадкая! я тебѣ ротъ зашью, врагъ Божій! кричалъ отецъ,—и всякій разъ сцены эти кончались ссорой, въ которой несчастной матерц доставалось не мало. Отецъ, разсерженный тѣмъ, что мать моя позволяла противорѣчить его мнѣнію,—не смотря на свой мягкій характеръ, приходилъ въ бѣшенство и бросалъ въ нее первую попавшуюся подъ руку вещь, какъ-то: башмакъ, щипцы, чашку, палку и пр., а часто, не удовлетворившись этимъ, билъ ее руками, а она, отвернувшись, плакала тихо или уходила въ другую комнату. Тогда и онъ уходилъ изъ дому куда-нибудь, говоря: „эта женщина заставитъ меня состарѣться не во-время!“

— И тотъ, кто будетъ жить около тебя, *не много увидитъ сладкихъ дней*,—говорила она ему вслѣдъ.

Подобныя ссоры казались мелочами въ сравненіи съ сосѣдскими. Я часто слышала, когда говорили другіе, что такая-то убѣжала отъ мужа къ родителямъ, за то, что тотъ ее билъ; слышала часто крики и вопли нѣкоторыхъ сосѣдокъ, на которые собирался народъ, и оказывалось, что мужъ бьетъ жену или братъ сестру. Но я не помню никогда, чтобы изъ нашего дома выходило наружу что-нибудь подобное. Мнѣ приходило иногда въ голову: отчего мать не уйдетъ къ сестрѣ, чтобы отецъ остался безъ завтрака или ужина, взамѣнъ того, что онъ обидѣлъ ее; но я не смѣла сказать этого матери, потому что всегда, послѣ ссоры съ отцемъ, она сердилась и на меня, а иногда, въ порывѣ гнѣва, какъ-бы для

*) Т. е. будешь счастлива, выиграешь много.

угѣшенія себя, била меня за пустяки, за которые въ другое время ничего-бы не сказала. Чувствуя состраданіе къ матери, я питалъ къ отцу какую-то злость при такихъ случаяхъ. До сихъ поръ не могу дать себѣ отчетъ, чувствовалъ-ли я къ нему когда-нибудь любовь, какъ къ родителю. Мнѣ кажется, больше всего я имѣлъ къ нему чувство уваженія и страха, какое подчиненный питаетъ къ своему строгому начальнику. Этимъ я не хочу сказать, что я его могъ ненавидѣть или когда-нибудь ненавидѣлъ. Напротивъ, я почиталъ его больше, чѣмъ всѣхъ другихъ, но только какъ единственнаго человѣка, имѣвшаго право распоряжаться нашимъ домомъ, заботившагося о благосостояніи нашемъ и имѣвшаго неограниченную власть надо мной. Его присутствіе меня тяготило, а когда онъ уходилъ изъ дому, я чувствовалъ себя свободнѣе. Что-же касается до матери, то я любилъ ее. Она меня ласкала и часто уступала моимъ капризамъ. Мое расположеніе къ ней тѣмъ болѣе усиливалось, что въ моихъ глазахъ она была слабѣе относительно отца и казалась беззащитною; я никогда не видѣлъ, чтобы отецъ плакалъ отчего-либо или чтобы когда-нибудь била его мать; даже и въ то время, когда онъ обижалъ ее, она не говорила ему ничего обиднаго, только плакала, и онъ всегда оставался грознымъ побѣдителемъ. Но, сказать по совѣсти, едва-ли я питалъ и къ ней нѣжную любовь. Не помню, чтобы когда-нибудь я поцѣловалъ ее, да и ни зачто-бы я на это не рѣшился; даже не говорилъ ей ласкательныхъ словъ, какъ другія дѣти, хотя весьма немногія, говорятъ: „да будешь ты, мама, здорова! милая мама, добрая, сокровище мое,“ и пр. А когда она говорила мнѣ ласковыя слова, то я сердился; если-же это было въ присутствіи другихъ, то очень конфузился. Мнѣ казалось, что она нарочно обманываетъ меня, чтобы только я послушался ея. Обычныя *буттай* (папа), *бабай* (мама), мнѣ казались не больше, какъ собственными именами. Однако, тѣмъ не менѣе, я былъ хорошій сынъ (по-крайней-мѣрѣ такъ другіе говорили): я не бранился съ матерью неприличными словами и всегда исполнялъ приказанія родителей безъ малѣйшаго сопротивленія, тогда какъ многія другія дѣти сосѣдей нашихъ не только бранили сво-

author's at-
titude as a
boy toward
his father

Toward his
mother

Me or his
her

ихъ родителей самыми неприличными словами, но нѣкоторыя, вырослыя изъ нихъ, даже били своихъ матерей или бабушекъ. У меня тоже была глухая бабушка, которая сильно любила меня. Не смотря на свою глубокую старость, она была въ то время еще бодра и физическія силы ея еще сохранялись; однѣ только глубокія морщины на исхудаломъ лицѣ ея и согнувшійся станъ свидѣтельствовали съ перваго взгляда на нее, что она *съѣла довольно много толокна* *). Зрѣніе служило ей еще настолько, что она могла вдѣть нитку въ иголку. Помню, какъ она увѣряла, что у нея выпрѣзываются новые зубы, и даже показывала ихъ, когда кто-нибудь въ этомъ сомнѣвался. Овдовѣвши очень рано, послѣ смерти перваго мужа, она выдержала рѣдкій между горянками характеръ—ни за что не хотѣла выйти за втораго. По выдачѣ своихъ двухъ дочерей замужъ, она еще долго не отказывалась отъ собственнаго хозяйства; но въ то время, какъ я ее помню, она уже раздѣлила свои маленькіе участки пахатныхъ и покосныхъ земель между обѣими дочерьми и жила у каждой изъ нихъ по-очереди по одному мѣсяцу. Мать моя была младшая ея дочь и жила въ своемъ родовомъ домѣ. Я помню, какъ старухѣ было непріятно и тягостно, когда наступалъ срокъ переходить ей къ старшей дочери и она должна была оставлять свое родимое убѣжище на цѣлый мѣсяць. Она сердилась въ это время, бранила дочерей, требовала назадъ въ свое распоряженіе отданную имъ землю, оплакивала своего покойнаго мужа, исчисляя всѣ его добрыя и похвальные качества. „Желала-бъ я, оленья шея, чтобы ты былъ живъ,—онѣ-бы не смѣли меня выгнать изъ моего дома,“ говорила она и призывала его, душу проклиная своихъ дочерей, угрожая и съ своей стороны не простить имъ и *не подарить молока* **), которыми она вскормила ихъ.

Она была весьма вспыльчиваго характера и слыла въ аулѣ злою бабою, такъ что всѣ дѣти, женщины, даже мужчины бо-

*) Туземное выраженіе о старости кого-либо.

**) Прокліатіо матерей своихъ дѣтямъ. Есть также вѣтвая дѣтская: «да будетъ непозволительнымъ для меня молоко моей матери, если я сдѣлаю то-то».

ались ея. Стояло кому-либо разсердить ее, что было весьма легко, и она начинала выставлять пороки и дурныя качества цѣлаго тухума, къ которому принадлежалъ обидчикъ, начинала съ прапрадѣда и кончала его родителями. Она-то была моею сильною защитницею. Бывало, когда я игралъ съ мальчиками въ мячъ или въ бабки и кто-нибудь отнималъ у меня кость, причемъ оказывался сильнѣе меня, тогда я обыкновенно стращалъ противника именемъ своей бабушки. И это выручало меня. . .

Домъ нашъ на-видъ не отличался ничѣмъ отъ прочихъ домовъ аула, развѣ только былъ просторнѣе многихъ изъ нихъ. По состоянію нашему, онъ стоялъ выше средняго, а по чистотѣ узденскаго нашего происхожденія, пользовался особеннымъ уваженіемъ и принадлежалъ къ числу почетныхъ домовъ. Архитектурное расположеніе его тоже неособенно отличалось отъ прочихъ. Входъ съ узенькой улицы велъ полукругомъ въ дворъ, вымощенный плоскими камнями; направо, въ первомъ этажѣ помѣщался сарай, въ который вела одна маленькая дверь. Внутри сарай раздѣлялся на 4 маленькія отдѣленія: одно называлось ослинымъ сараемъ, другое — бычачьимъ, третье — коровьимъ, а четвертое — конюшню. Надъ сараемъ находились жилыя комнаты, принадлежавшія одному дальнему родственнику матери, и потому онъ былъ обязанъ поправлять потолокъ сарая, починка-же стѣнъ отъ фундамента до потолка лежала на обязанности нашей. Дальше, напротивъ входа въ дворъ, стояла двухъ-этажная сакля, въ которую входили тоже чрезъ маленькую дверь. За дверью шель длинный корридоръ вдоль всего дома, а направо шла лѣстница на верхъ. Корридоръ освѣщался маленькими отверстіями, выходящими на дворъ. Напротивъ входа была комната, весьма сырая и темная, въ которой на полу, кругомъ стѣнъ, стояли большіе глиняные кувшины; въ нихъ держали муку, толокно, сывороточный уксусъ, грушевый квасъ и пр., въ маленькихъ-же кувшинахъ

✓
Sakla

хранили масло, сыр и медъ. Въ углу лежали серпы, топоръ, кирка, шерстяныя веревки, ремни и т. п. Это была такъ называемая *кладовая*, которая замыкалась. Надъ ею, рядомъ съ кладовою, была другая комната, освѣщавшаяся тремя большими амбразурами, верхніе концы которыхъ доходили до самаго потолка и были покрыты сажею; на-подобіе чернаго иinea. Потолокъ также былъ закопченъ отъ дыма и блестялъ, какъ черная клеенка. Въ углу, подъ одной изъ амбразуръ, стояла печь, похожая на тѣ печи, которыя дѣлаются для выжиганія кирпичей или извести. Въ этихъ печахъ топятъ кизяками и саманомъ. На верхнее отверстіе ставятъ котель, въ которомъ варится что-нибудь, потомъ котель снимаютъ и вытаскиваютъ изъ печи наружу часть огня въ круглое углубленіе (*вилахъ*), сдѣланное нарочно для этого (въ зимнее время все семейство горца сидятъ кругомъ этого углубленія, протянувши голыя ноги къ краю его, для согрѣванія). Потомъ прилѣпляютъ къ раскаленнымъ стѣнамъ печи хлѣбныя лепешки (чуреки) и верхнее отверстіе закрываютъ плоскимъ камнемъ, служащимъ иногда и сковородою для печенія чего-либо. Такія печи дѣлаются безъ трубъ и потому дымъ частью поднимается прямо къ отверстию, находящемуся надъ печкою, а частью распространяется по всей комнатѣ, такъ что въ зимнее время въ ней не видно ничего и нѣтъ возможности стоять отъ удушливаго дыма. На одной сторонѣ комнаты, вдоль стѣны, были деревянныя полки, на которыхъ лежали котлы, чашки (деревянныя, глиняныя и мѣдныя), сито; тамъ-же, на стѣнѣ, висѣла большая деревянная чашка, деревянный-же сосудъ съ рѣзбою, называемый *кусри-дичу*, изъ котораго торчали деревянные ложки и палочки, служація у горцевъ вмѣсто вилокъ. Съ другой стороны, вдоль стѣны, стоялъ громадный деревянный сундукъ (*су*), длиною около 5, а вышиною до 3 аршинъ, украшенный мѣстами грубою рѣзбою. Сундукъ этотъ имѣлъ въ себѣ три отдѣленія, въ которыхъ хранился зерновой хлѣбъ — пшеница, ямень и просо. Эта комната служила зимнею кухней. Лѣвѣе ея, съ корридора, былъ входъ въ большую комнату, построенную на аркахъ, безъ штукатурки; тамъ лежали сѣно и саманъ для скота.

На вершинѣ стаяѣ находилась бѣльбона, съ которой входили въ свѣтлую комнату, служившую лѣтнему кухнѣ; далѣе была большая комната, потолокъ которой былъ увѣшанъ сушеною бараньей и курдюками различныхъ временъ; одни изъ нихъ умрѣли въ годъ четыре и были томившаго цвѣта, другіе—три года и т. д. Подъ курдюками стояли чашни для высушивающаго изъ нихъ сала (старые курдюки занимаютъ почетное мѣсто въ пище горцевъ, и венежане варятъ ихъ, какъ только для самыхъ роскошныхъ обѣдовъ; часто также кормятъ ими боящихся, какъ до царствованья). Стѣны были увѣшаны всякаго рода посудомъ; тутъ были и бѣдные тащи разной величины, такіе-же кушачки, чашни, идиосы, что составляетъ главное домашнее богатство горца, тащил-же посуда глиняная, фарфоровая, стеклянная, а также тарелки съ узорами, которыя почти никогда не бывали въ употребленіи, а служили только для украшенія. Въ одномъ изъ угловъ комнаты была сложена постель, т. е. нѣсколько тюфяковъ, сдѣланныхъ изъ пестраго шерстянаго паласа, домашней ткани, и пестраго грубаго холста, набитыхъ шерстью или мягкой травой; нѣсколько отдѣлъ изъ персидской бумажной матеріи и столько-же подушекъ, набитыхъ тоже шерстью или просто ватой. Эти подушки были покрыты грубою ситцевою матеріею и никакихъ намозковъ не предполагалось для нихъ; съ того времени, какъ ихъ сшили, онѣ ни разу не подвергались мытью, а потому тѣ изъ нихъ, которыя были въ частомъ употребленіи, лоснились отъ скопившагося на нихъ толстаго слоя сала и грязи. Между постелью были сложены разноцвѣтные войлоки, съ цвѣтными шерстяными кистями по краямъ, служившіе простынями для постели; далѣе—большія овинныя шубы, новыя и старыя; на колышкахъ-же, вбитыхъ въ стѣну, висѣли маленькіе ночные напачи изъ бараньей шкуры. Въ той-же комнатѣ стояло нѣсколько сундуковъ персидской работы, покрытыхъ разукрашеною жостью; въ нихъ хранились лишнія и праздничныя одежды, разныя матеріи и другія вещи. Сундуки эти принадлежали исключительно матери, и отецъ никогда въ нихъ не заглядывалъ, потому что для мужчины считается неприличнымъ смотрѣть въ женскій сундукъ.

✓
Inscriptions
on ceilings

Дальше, съ боку этой комнаты, была еще маленькая комна-
та; вся застланная коврами и паласами, со многими книгами въ
отънкахъ, наполненными арабскими книгами. Комната эта была го-
раздо чище другихъ и освѣщалась двумя овальными, украшенными
деревянною рѣзбовою, въ персидскомъ вкусѣ. На потолокъ ее были
различныя надписи, — изреченія изъ корана, молитвы и араб-
скіе стихи, въ такомъ родѣ: „домъ, семейство и все имущество
ваше суть ничто иное, какъ временно-порученное намъ; рано
или поздно должно возвратитъ ихъ владѣльцу.“ Снаружи, надъ
дверью, было вырѣзано на камнѣ двуступеніе на арабскомъ языкѣ
такого содержания: „О, домъ, да не войдетъ въ тебя печаль, и
да не играетъ судьба съ жильцомъ твоимъ! Какъ ты утѣнъ для
каждаго гостя, когда чужеземецъ нуждается въ отдыхѣ!“ Эта ком-
ната (*масжана*) служила кабинетомъ для отца: въ ней онъ просе-
живалъ почти цѣлый день и читалъ книги или молился; въ но-
же принимались и гости, исключая такихъ, которые, по положе-
нію своему и званію, не заслуживали слишкомъ почетнаго приема.

Таковъ былъ домъ, въ которомъ жили мои родители и ко-
торый когда-то славился богатствомъ и знатностію своихъ обита-
телей. Домъ этотъ долженъ былъ раздѣлиться между двумя пря-
мыми наследниками моего дѣда — матерью моею и сестрою ея,
но отецъ мой купилъ половину, доставшуюся его свояченицѣ, и въ
описываемое время весь домъ принадлежалъ намъ. Кромѣ дома
родителямъ своимъ принадлежали нѣсколько маленькихъ участковъ
пахатной и сѣнокосной земли; участки эти, и то лишь при не-
совсѣмъ плохомъ урожаѣ, едва прокармливали наше семейство и
наше скотъ. Отецъ, привышій съ малолѣтства къ спокойной жиз-
ни, мало вѣнчивался въ хозяйственные дѣла, а тѣмъ менѣе
принималъ какое-либо участіе въ полевыхъ работахъ. Для не-
полненія ихъ онъ нанималъ кого-нибудь и рѣдко даже помогалъ
въ хозяйствѣ совѣтами. Мать, напротивъ, распоряжалась всѣми
дѣлами по хозяйству и на время отъ весны до осени нанимала
себѣ помощницу.

От наступленіемъ весны, когда на поляхъ не было еще се-
мени, а только кое-гдѣ по садамъ показывались изъ-подъ сѣтѣ
жесткіе цвѣты, — у насъ дома обыкновенно лезлиали корзинки,
чтобы развозить въ нихъ навозъ по пашнямъ, и рѣшали дома-
шній совѣтъ, какія именно наши унавозить на тотъ годъ,
притомъ обыкновенно выбирали такія изъ нихъ, которыя были уна-
возиваемы только года два тому назадъ и сѣвались сразу оба
года. Нѣкоторымъ пашнямъ рѣшали дать отдыхъ, такъ какъ, по
расчету, навоза на нихъ не доставало.

Между тѣмъ, мальчики въ эту пору весело хлопотали надъ
приготовленіемъ *муршей*, т. е. комковъ глины, которыя дѣлают-
ся въ формѣ маленькой сахарной головы и въ острый конецъ ко-
торыхъ втыкають соломенныя; приготовляли также праща для бро-
санія туршей. Я тоже ходилъ вмѣстѣ съ другими мальчиками за
кладбище, въ оврагъ, чтобы достать *землю-клей* (наслаистую и
липкую глину), дѣлалъ изъ нея слишкомъ сто туршей и прино-
силъ ихъ домой сушить на крышѣ сакли.

— Когда *ночь, начинающая весну?* спрашивали мальчи-
ки, съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— Послѣзавтра.

— Нѣтъ, завтра вечеромъ, возражалъ другой: Моя мать
пенетъ мнѣ *барту* *).

— У тебя сколько туршей? спрашивалъ одинъ.

— Сто десять... У меня какая праща! я купилъ ее за 8
пудъ, говорилъ другой.

— А я самъ сдѣлалъ свою, только веревочку для нея ку-
пилъ за тридцать бабокъ.

— Ахъ, *да умреть твоя мать* **), и у меня такая

*) Хлѣвъ, крестообразный или изображающій человеческую фигуру,
украшенный съ лицевой стороны всажеными въ него курными яйцами,
орѣхами и сухими фруктами. Дѣлается для дѣтей въ началѣ весны и во
время перваго вывоза плуга въ поле. См. «Сборникъ», вып. 1-й, Воспом. му-
таима, стр. 60.

**) Восхваленіе похвалы, весьма страшное по своему значенію. Напр.,
для ободренія мальчика, говорятъ: ахъ, умри твоя мать, какой ты сильный
или проворный! Или: умри твоя мать, какаа славная лошадь, клималъ и пр.

may you
mother die
Sweetment

праца; что если бросить вещь съ той горы камень, таь упадетъ за кладбищемъ, — хвалился кто-то.

— Пойдемъ на площадь, узнаемъ, когда *ночь, начинающаяся весну*.

— Пойдемъ, пойдёмъ! говорили все въ одинъ голосъ, и они бѣжали на площадь. Нѣкоторые изъ монаховъ товарищей ходили бесенокъ, въ изорванныхъ шараварахъ, а нѣкоторые — въ войлочныхъ сапогахъ; все они были въ шубкахъ изъ бараньихъ шкуръ, но съ тою разницею, что у однихъ шубки были цѣлы, а у другихъ изорваны. На площади въ то время разговоръ шелъ также о веснѣ.

— Посмотримъ, гдѣ солнце зайдетъ, говорилъ одинъ старикъ.

— Сегодня оно взошло между обѣими башнями, говорилъ другой старикъ.

Нужно замѣтить, однако, что на вершинахъ, окружающихъ аулъ, изъ-за которыхъ восходило солнце и за которыми скрывалось, были сдѣланы каменные столбы, для обозначенія временъ года; смотря по тому, около какого столба солнце восходило или заходило, старики опредѣляли начало каждаго изъ четырехъ временъ года. Этотъ простой календарь существуетъ въ горахъ почти вездѣ.

— Я тоже видѣлъ и увѣренъ, что послѣзавтренній день есть первый день весны, говорилъ первый.

— Нужно сказать *куначу*, чтобы онъ собралъ всехъ семерыхъ *куниса* и похлопалъ о назначеніи *лурзу*, а также пастуховъ для быковъ, коровъ, телятъ и ословъ *).

— Ему уже сказали объ этомъ и онъ общалъ завтра же собрать всехъ стариковъ и устроить порядокъ.

Деревня наша была замѣчательна во всемъ ханствѣ изобили-

*) *Куниса* — множественное число отъ *куначу*. Въ каждомъ аулѣ существуетъ одинъ главный *куначу*, который выбирается цѣлымъ обществомъ, а потомъ изъ каждой фамиліи выбирается еще по одному, для присутствованія при обсужденіи хозяйственныхъ вопросовъ, подъ-предѣлательствомъ главнаго; они же вводятъ порядокъ въ хозяйствахъ сельскомъ. Къ каждому *куначу*, для исполненія приказаній, назначается по одному *лурзу* (насмотрщику).

есть хорошей ключевой воды, которая была проведена въ самую деревню подземными водопроводами отъ большаго ключа, находящагося въ двухъ верстахъ отъ деревни, къ двумъ фонтанамъ. Одинъ фонтанъ былъ около мечети. Съ боку мечети была устроена ниша, посреди которой находился четырехугольный бассейнъ, служившій для омовенія молящихсяъ. Вода, выходя изъ земли наружу въ этой комнатѣ, раздѣлялась на два рукава, изъ которыхъ одинъ шелъ въ бассейнъ, а другой къ фонтану, внѣ мечети. Другой-же фонтанъ находился въ концѣ аула и сдѣланъ былъ подь навѣсомъ. Около этого фонтана была маленькая площадка, обставленная стѣнами окружающихъ ее домовъ; подлѣ этихъ стѣнъ лежали большіе камни для сидѣнія, и сюда передъ вечеромъ собирались молодые люди посмѣтрѣть на приходящихъ за водою дѣвушекъ и женщинъ. Къ мечетевому-же фонтану никто изъ молодежи не ходилъ, потому, что тамъ всегда сидѣли постоянные посѣтители мечети—большую частію старики, послужившіе когда-то юности своей молодости, а теперь почувствовавшіе необходимость болѣе серьезныхъ помышлений о жизни и уступившіе безволезныя удовольствія молодому поколѣнію. Присутствіе такихъ людей стѣнано-бы молодежь въ ихъ разговорахъ и поступкахъ. Каждый вечеръ, когда позволяла погода, маленькая площадка около фонтана бывала занята молодымъ поколѣніемъ. Сидя или стоя, въ овчинныхъ тулупахъ, накинутыхъ сверхъ ситцевой или бязевой рубашки, парни разговаривали между собою, шутили, спорили и смѣялись. Каждый изъ нихъ желалъ чѣмъ-нибудь щегольнуть въ своемъ костюмѣ: кто шапку надѣвалъ на бекрень, кто, если имѣлъ уже усы и бороду, раскрашивалъ ихъ красною хиною и тщательно намазывалъ бараньимъ желудочнымъ жиромъ, а тѣ, которыхъ возрастъ еще не одарилъ усами, раскрашивали просто губы, стараясь такимъ способомъ поскорѣе выростить усы. Почти каждый держалъ въ зубахъ трубочку, съ тоненькимъ длиннымъ и крашевымъ чубукомъ, и лѣниво выпуская дымъ цудахарскаго *табаку* (табаку), искусно плевалъ ежеминутно сквозь зубы. Подъ тулупомъ и сверхъ пестрой ситцевой или бязевой рубашки, у каждого спереди висѣлъ казанщинецкій книжалъ на широкомъ ремневомъ

поясѣ. У нѣкоторыхъ, болѣе франтовитыхъ, изъ-подъ пояса торчали и пистолеты. Всѣ эти франты бывали въ башмакахъ, въ персидскихъ или туземныхъ шерстяныхъ чулкахъ; у нѣкоторыхъ, сверхъ чулокъ, были надѣты и сафьянные чевачки; нѣкоторые ходили просто въ войлочныхъ сапогахъ и грубыхъ суконныхъ шараварахъ, которыя надѣваются въ холодное время безъ нижняго бѣлья (вообще горы совсѣмъ незнакомы съ нижнимъ бѣльемъ). Иные сидѣли съ дѣтми на козняхъ или держали ихъ въ рукахъ. Это были семейные люди, не имѣвшіе у себя стариковъ-родителей, которымъ-бы можно было поручить ребенка, когда матери его нужно пойти по воду и за огонь для приготовления ужина. Глава такого семейства, когда молодая жена занята *отмачиваніемъ темлаго сьздамаго*, вступаетъ въ должность няньки и уноситъ ребенка на это время изъ дому.

У фонтана происходили, напр., такіа бесѣды:

— Дай мнѣ табаку на одну трубку, говорилъ одинъ.

— Кто грязь ѣсть, у того подъ поясомъ должна быть и ложка, отвѣчалъ другой.

— Да не выйди тебѣ изъ грязи, шатающаяся собака! Ну, ты давай, *двоюродный братъ* *), говорилъ первый, обращаясь въ другому франту. Послѣдній вынималъ изъ-подъ пояса длинный кисетъ и высыпалъ на ладонь перваго крошечный табакъ, говоря: это, братъ, дѣвушка мнѣ дала. Понюхай, какъ надушенъ гвоздикомъ. Этотъ табакъ самого тебя стоитъ.

— Ничего, давай сюда.

— Тебѣ оставалось, чтобы дѣвушка дала табакъ! Посмотри въ зеркало, какая у тебя морда, собака! замѣтилъ кто-то.

Между тѣмъ женщины и дѣвушки толпились около фонтана, выжидая очереди наполнить свой кувшинъ водою, а тѣ, которыя уже наполнили, возвращались съ кувшиномъ на спинѣ, потупивъ глаза въ землю и поглядывая на молодыхъ франтовъ изъ-подъ бровей.

*) Соответствуетъ русскому слову «братецъ».

— Если-бы этой дороги не было, какъ-бы ты пошла? сказать одной дѣвушкѣ кто-то изъ молодежи.

— Если-бы у тебя не было языка, какъ-бы ты говорила? отвѣтила дѣвушка.

— Не говори съ ней, я на ней женюсь. Не такъ-ли? вѣдала другой молодой человекъ, съ раскрасовенными губами.

— *Прежде высморкайся хорошему *)*, отвѣтила ему дѣвушка и пошла дальше.

— Вотъ и возьми! ты не оставилъ ее, пока она не сказала этого, — и всё засмѣялись.

Въ это время проходила другая молодая женщина. Одинъ изъ молодежи обратился къ ней: Что-то больше стала таскать води, — не бузу-ли дѣлаешь для своего **)?

— Если-бы и дѣлала, какое тебѣ дѣло?

— Какъ какое? вѣдь вы добрые сосѣди, — пришлете кувшеничекъ, а я выню.

— Если-бы хоть цѣлый домъ былъ полною бузою и она разливалась на улицу, я-бы и тогда не дала тебѣ ни одного лютка.

— Такъ, вотъ, что я тебѣ скажу: ты, можетъ быть, думаешь пить своего старика и тѣмъ *разшвелить* его въ ночь началъ весны, — смотри, чтобы твоя буза и сырники даромъ не пропали...

— Онъ стоитъ еще семи молодыхъ, такихъ, какъ ты! сказала женщина.

— Да, *ложка лучше знаетъ, что въ котлѣ *)*, сказала другой въ-слѣдъ за женщиной, — и всё засмѣялись. Въ это время сидѣвшій съ ребенкомъ мужчина вдругъ поднялъ его съ коленной обѣими руками и еркнулъ:

*) Насмѣшливое выраженіе, соответствующее слову *малышникъ*.

**) Т. е. мужа. Буза — напитокъ, приготовляемый изъ ячменя и замѣнающій у горцевъ вино.

***) Пословица. Здѣсь ложка означаетъ только большую деревянную ложку, которою мѣшаютъ наваръ въ котлѣ при варкѣ.

— Ахъ, ты, уязвнй! Изъ-подъ кровля собора! да живеть
животъ родившей тебя! Да, чья ты, кто ты, двояродная сестра,
подай воды, прикинулъ онъ, обращаясь къ проходившей мимо дѣ-
вушкѣ, лѣтъ 17—18-ти. Та принесла кувшинъ и печала гнѣти-
вать на заначивнй ребенкомъ передъ рубашки и верхней части
шараваръ, а онъ поставилъ ребенка на землю, влилъ ошениду-
вомъ сначала заначивнй одязду, а потомъ самого ребенка и,
пожелавъ дѣвушкѣ хорошаго жениха, шелъ домой...

Когда начиналось сумерки, толпа расходилась поспешно. Кто
шелъ въ мечеть на вечернюю молитву, кто домой жульничать. Я-
же обыкновенно отправлялся въ мечеть. По окончаніи молитвы я
поджидаль отца, чтобы онъ видѣлъ меня въ мечети и ли-
бавилъ отъ разслѣдованія, которое онъ всегда производилъ, если
не видѣлъ меня въ мечети во время молитвы, спрашивая: моли-
ся-ли я, гдѣ и при комъ? угрожая при томъ, что если я прокушу
хоть одну молитву, то Богъ испоплетъ большое несчастіе въ нашъ
домъ нашъ.

Помню, однако, я исполнялъ всѣ молитвы скорѣе для спасенія
себя отъ родительскаго наказанія, котораго я не миновалъ-бы въ
случаѣ упущенія мною какой-нибудь молитвы, чѣмъ для спасенія
души отъ адскихъ мученій на томъ свѣтѣ. Поэтому, когда пред-
ставлялась возможность пропустить молитву, я охотно замышлялъ
ее какою-нибудь игрою вмѣстѣ съ товарищами, что впрочемъ уда-
валось мнѣ очень рѣдко. Другіе-же мальчики почти вовсе не мо-
лились и, повидимому, за ними не слѣдили ихъ родители. Но мои
набожные родители строго исполняли повелѣнія шаріата, который
предписываетъ обучать дѣтей съ 7-ми-лѣтняго возраста всѣмъ
молитвамъ, а за нерадѣніе подвергать ихъ выговорамъ; за такое-
же небреженіе къ молитвѣ, дѣтей 10-ти-лѣтняго возраста долж-
но подвергать тѣлесному наказанію, а кто, имѣя 15 лѣтъ отъ
роду, съ намѣреніемъ пропустить молитву, того подвергать смерт-
ной казни, по приговору *казія* (духовнаго судьи). Вѣроятно, мнѣ
еще не было 10-ти лѣтъ, потому что меня не били за неиспол-
неніе молитвы, а только бранили и вѣсть не давали, что мнѣ ка-
залось хуже всякаго тѣлеснаго наказанія.

Во время вечерней молитвы, время которой наступает съ закатом солнца и продолжается до исчезновения на горизонтѣ вечерней зари, толпа убавляе всегда напоминающа мечетскую площадь, бывае тѣмъ дневъ. Окончивши дневную работу или просто бродящій по аулу, въ это время являлся на площадь слушать *ба-дирта* *вообщемъ*. Когда мудунъ воспѣвалъ съ криши мечети призывъ къ молитвѣ, всѣ умоляли и водворялась тишина, прерываемая лишь голосами стариковъ, повторявшихъ слова мудуна вслухъ *).

По окончаніи призыва, старики двигались въ мечеть на *доме-лашима*, т. е. на совершеніе молитвы выѣтъ съ муллою, а за ними и другіе, которые молились отдѣльно. Пришедшій въ мечеть сначала отправлялся въ бассейнъ, гдѣ совершалъ омовеніе, нисколько не стѣняясь присутствіемъ другихъ, тоже обмывавшихъ необходимые члены своего тѣла. По окончаніи омовенія, большая часть чистоплотныхъ людей снимали свои шаравары и, бросивъ ихъ въ сторону, окутывали свои ноги, выше колѣна, какии-нибудь паласомъ **) и молились, каждый отдѣльно про себя, а потомъ уходили къ себѣ ужинать. Между тѣмъ мулла продолжалъ читать свои молитвы парасибъ, сидя въ *микрабѣ* ***). Мечеть освѣщалась

*) Каждый мусульманинъ долженъ слушать муллою, когда онъ воспѣваетъ призывъ къ молитвѣ, и повторять каждое слово его вслѣдъ за нимъ. По окончаніи призыва, каждый болѣе или менѣе торжественный мусульманинъ читаетъ про себя молитву слѣдующаго содержанія: «Боже, Господь нашъ и Господь сего полнаго призыва, испостижи Магомету шаясть и высокую степень. Воскреси его на похвальномъ мѣстѣ, которое Ты обещалъ ему (въ герлахъ обещано Богомъ Магомету похвальное мѣсто въ рай). Аминь. О Всемилостивѣйшій!»

**) По мусульманскому закону, человекъ долженъ молиться на чистомъ мѣстѣ и въ чистотѣ плать. Такъ какъ шаравары у горцевъ вообще со-инитальной чистоты, то тѣ, которые не ручаются за чистоту своихъ нижнихъ одеждъ, снимаютъ ихъ во время молитвы, а плать въ тоже время мужичны должны срыватъ мѣсто между ногавками и поленницей, та они окутываютъ это мѣсто особыми паласами, нарочне жертвованными въ мечеть для этого разными лицами. Женщины-же на молитвѣ должны срыватъ все тѣло, провъ лица и рукъ; только рабичи входятъ въ этомъ отношеніи въ категорію мужичинъ.

**) *Микраба*; слово арабское, значитъ — углубленіе, вдающееся въ землю тѣлу мечети; въ микрабѣ молится мулла, стоя впереди народа, который

Call to prayer
- acts
T...
a...
To...
to...

224
 ↑
 Mosque
 ↑
 зашпозной тряпкою; напозтанной соломою и лозаванной на трех-
 угольной, выточенной изъ камня, съ углубленіемъ въ срединѣ.
 Предъ этимъ факеломъ лежали наменныя гири разныхъ величинъ
 нучемъ, а недалеко отъ каменнаго столба, около котораго стоялъ
 фавель, на потолокъ висѣли деревянныя вѣсы, для взвѣшиванія ме-
 четскихъ сала и хлѣба изъ *вамба* *). Направо отъ михраба, въ
 трехъ шагахъ, стояла деревянная будка (*мажита*), съ пятью сту-
 пеньями въ срединѣ и съ дверьми; шириною въ аршинъ и
 длиною въ 2½, или въ 3 аршина. Въ этой будкѣ мулла чи-
 таетъ въ пятницу нараспѣвъ проповѣдь, составляющую часть
джумы **), т. е. молебствія въ пятницу. Стѣны около михраба

располагается за нимъ рядами во всю ширину мечети. Мулла, или *имамъ*,
 читаетъ молитву вслухъ, а народъ повторяетъ ее за нимъ шопотомъ.

*) Пожертвованіе. Говорятъ: «на такой-то землѣ столько-то вѣсу сала
 для мечети», т. е. владѣлецъ этой земли обязанъ принести въ мечеть ежегодно
 известное количество сала. Такихъ пожертвованій бываетъ очень много. Въ
 мечетяхъ хранятся книги, въ которыхъ записаны всѣ вѣсы и вѣзды михра-
 бо. Осенью, послѣ того какъ жители окончатъ рѣзку барановъ, чтобы мясо
 ихъ коптить на зиму, чауши собираютъ съ жителей бараній жиръ, и потомъ
 растапливаютъ его, въ большихъ чугунныхъ котлахъ, и сало это хранится
 въ самой мечети, для задиганія факела; въ концѣ года иланикъ отъ сала про-
 дается въ пользу мечети. Если выкѣ состоитъ изъ известнаго вѣса хлѣба, то
 его раздаютъ въ мечети жителямъ, приходившимъ молиться. Если же выкѣ
 состоитъ изъ зернового хлѣба, то его продаютъ, и изъ вырученныхъ отъ
 продажи денегъ нѣкоторыя мечети составляютъ порядочные капиталы.

**) Въ день пятницы, на мѣсто usualной обыкновенной молитвы, со-
 стоящей изъ всѣхъ земныхъ коллоновъ, совершается особая молитва, со-
 стоящая изъ 4-хъ покаяновъ. Молитва эта не можетъ быть совершена ина-
 че, какъ съ 40 взрослыхъ православными, а потому въ маленькихъ аулахъ
 гдѣ не бываетъ такого числа взрослыхъ молящихся, исполняютъ толь-
 ко обыкновенную молитву. Для джумы, мударъ воспѣваетъ троекратно
 особыя призывы, заключающіеся (въ переводѣ) въ слѣдующихъ словахъ: «Въ
 молитвѣ! въ молитвѣ! да будетъ на васъ милость Божія, къ молитвѣ, для
 которой наступило время! Послѣ этого мударъ сходитъ съ крыши и чита-
 етъ вслухъ главу Корана—*Кашфа* (щедра), продолжаясь около часу. Меж-
 ду тѣмъ народъ собирается въ мечеть и каждый, положивъ четыре земныхъ
 коллона, сидитъ молча и слушаетъ мударъ. По окончаніи чтенія, мударъ идетъ
 на крышу и вѣстываетъ обыкновенной драммы въ молитвѣ. Тогда всѣмъ
 еписиты въ мечеть, потому что по этому призыву, узнаютъ о скорогъ на-
 чатіи джумы. Еще утромъ мударъ предупреждаетъ одного изъ муталимовъ
 или изъ ученыхъ мударъ, смотря на звонкость голоса, что онъ долженъ
 читать въ этотъ день проповѣдь (*джума*). Предупрежденный предупреждаетъ

Land's pro-
 duct of the
 mosque

Prayer
 service

Sermon

были обвѣшаны листами бумаги, привезенными изъ Мекки разными пилигримами (гаджи); на этихъ листахъ изображены иррини и грубыми красками виды храма въ Меккѣ и окрестностей его. Въ передней стѣнѣ мечети были широкія отверстія, которыя наполнялись экземплярами корана, для чтенія жителями. Недалеко отъ факела, между двумя столбами, была положена широкая доска; на ней лежали громадные куски сала полукруглой формы; эту последнюю сало принимало отъ чугунаго котла, въ которомъ оно остывало и изъ котораго потомъ было вынута. Полъ мечети былъ устланъ разноцвѣтными коврами.

✓
Traces
certificates
from Mecca

хутбу, какая ему понравится (хутбы помѣщены въ книгахъ; ихъ очень много и на различныхъ темы). Какъ только мудунъ вернется съ четвертаго призыва, онъ сначала кладетъ четыре земныхъ поклона, а потомъ называетъ по имени того, кому поручено читать хутбу; тотъ встаетъ, взлзаетъ на *тамм* и читаетъ нарспѣвъ хутбу, написанную по-арабски. Народъ изъ нея ничего не понимаетъ, но наиболѣе набожные придаютъ своимъ физиономіямъ довольно-печальный видъ, даже стараются выжать слезы. Хутбы хотя бываютъ различнаго содержанія, но смыслъ ихъ всѣхъ состоитъ въ почти-однаковыхъ наставленіяхъ. Перенеду здѣсь одну изъ оставшихся у меня въ памяти хутбъ. «Хвала Богу, Создателю міра, величіе котораго не опредѣлимо, котораго не достигаетъ воображеніе мудрецовъ и котораго не можетъ постичь познаніе ученыхъ. Нѣтъ въ Его обширномъ царствѣ ничего подобнаго Ему. Свидѣтельствую, что Богъ одинъ, не имѣетъ сотоварища, и что Магомедъ есть рабъ Его, посланный къ народу. Да будетъ милость и миръ надъ посломъ Божиимъ, Магомедомъ, надъ его потомками и товарищами. Завѣщаю вамъ и самому себѣ бояться Бога Всевышняго,—бойтесь Его и повинуйтесь Ему. Онъ всегда съ тѣми, которые Его бояться, и съ тѣми, которые дѣлають добро (эти слова, начиная отъ слова «свидѣтельствую», одинаковы во всѣхъ хутбахъ). О люди (на это мудунъ отвѣчаетъ: «лабайкъ ра саадайкъ», т. е. къ услугамъ твоимъ и къ твоему счастью, — вѣжливый откликъ, въ родѣ: *чего изволимте!*)! До какихъ поръ будете постоянствовать въ скверныхъ и грѣшныхъ дѣлахъ, собираться на отвратительной площади вашей, не боясь Бога и не стыдясь? Вы искушаете долготерпѣніе Бога и дѣствуете, точно опровергаете Его повелѣнія. Нѣтъ, нѣтъ! послѣ вы узнаете и скоро узнаете. Если-бы вы знали, что васъ ожидаетъ, вы-бы поменьше смѣялись и побольше плакали. Вы принимаете на себя платить подати христіанамъ и тѣмъ портите свои добрыя дѣла и свою вѣру, что съ вами! какъ вы мало уповаете на Бога! Очищайте ваши дѣла для Бога: за спиною у васъ есть пропасть, чрезъ которую не пройдетъ никто, кромѣ того, который дѣйствуетъ лишь въ угоду Богу, Между вами прекращается любовь къ ближнимъ; видимо земля лишается благодати, вслѣдствіе вашихъ грѣховъ, и натравлены на васъ проклятые безбожники (христіане). Разбудите ваши вѣки отъ сна забвенія, прежде чѣмъ уничтожитесь; поторопитесь раскаться (въ грѣхахъ), пока еще не поздно; обратите вниманіе на давно-

✓
Text of
Sermon

По окончаніи своей молитвы, я садился всегда въ углу мечети, ожидая отца, который въ это время хотя и окончивалъ уже обязательную молитву, но продолжалъ свои обычные земные поклоны. Врукомъ факала сидѣли или полулежали мечетскіе ученики (мутаелимы), и въ передъ собою раскрытыя книги и уча свои уроки. Между тѣмъ мудда продолжалъ *тасбихъ* (молитву, читаемую послѣ намаза нарадѣвъ, но вовсе не обязательную). Извѣтъ мечети, съ площади, бывали слышны веселые голоса мальчишекъ, и мнѣ становилось невыносимо сидѣть въ ожиданіи конца отцовскихъ безсчетныхъ земныхъ поклоновъ. По окончаніи молитвъ отца, вѣсть съ нимъ мы отправлялись домой ужинать, и когда мы проходили черезъ площадь, то на ней начинали собираться тѣ, которые уже успѣли поужинать. Когда мы приходили домой, ужинъ всегда

отжившихъ людей: сколько они оставили за собой богатства, имущества и удовольствій! Но ничто имъ не помогло и ничто не отогнало отъ нихъ смерти... (На этомъ мѣстѣ чтець понижаетъ голосъ и отъ этого мѣста одинъ и тѣ-же слова во всѣхъ хутбахъ). Да охранитъ насъ Аллахъ отъ зла нашихъ тѣлъ и отъ дурныхъ дѣлъ и словъ. Да проститъ Аллахъ меня и насъ всѣхъ: Онъ есть Всемилостивѣйшій. Аминь».—На этомъ чтець останавливается и садится молча. Тогда мудунъ читаетъ слѣдующія фразы изъ корана: «Господи нашъ, не отведи нашихъ сердецъ отъ истины, послѣ того какъ Ты направилъ насъ на прямой путь; даруй намъ отъ Себя милость,—Ты еси дарующій». Потомъ проповѣдникъ встаетъ и воспѣваетъ хвалу Богу и посылаетъ благословенія пророку. Затѣмъ слѣдуетъ молитва за всѣхъ правовѣрныхъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Господи, прости правовѣрныхъ рабовъ и рабынь—мусульманъ и мусульманокъ—всѣхъ, какіе существуютъ между востокомъ и западомъ». Во время Шамилъ на этомъ мѣстѣ читалась еще слѣдующая молитва: «Господи, укрѣпи исламъ и мусульманъ, уничтожай глауловъ и мунафиковъ. Господи, покровительствуй великому царю царей, почетному имаму, высочайшему наслѣднику пророка, величію ислама и мусульманъ, защитнику народа и вѣры, царю царей арабовъ и всѣхъ татаръ,—Абдуль-Азисъ-хану. Помоги войскамъ и подданнымъ его и разбей невѣрныхъ враговъ его. Господи, разъедини ихъ сборища и раздробь ихъ скопища, развори ихъ города и села и умертви ихъ всѣхъ. Господи, пошамъ на нихъ Свое проклятiе, сопровождаемое могучимъ и мстительнымъ гнѣвомъ Твоимъ, сдѣлай ихъ власть самою низшею, а власть великаго имама самою высшею. Господи, помоги воюющему за вѣру, главѣ правовѣрныхъ, Шамилю, помоги его рабамъ и войскамъ, о хранителѣ и Господѣ міровъ! За симъ слѣдуетъ благословеніе пророку,—и тѣмъ кончается *сумба*.

227 ✓

бывалъ готовъ. Кочегара освѣщалась нефтянымъ свѣтильникомъ (чирокотъ), который стоялъ на краѣ печки. Огонь изъ печки вышурывался въ углубленіе предъ печкою и кругомъ этого углубленія (железъ) бывали поставлены коври. На правой сторонѣ, сверхъ коври лежала еще подушка, на которой садился отецъ, если только не бывало много изъ гостей. Недалеко отъ него мать суетилась, приготавливая ужинъ. Когда бывалъ супъ, она наливала его изъ котла въ глиняную чашку; чашку эту ставила она на круглый мѣдный незамуженный подносъ, клала на него еще цѣлый горячій хлѣбъ и лямку баранины, сваренную въ супъ, потомъ клала нѣсколько деревянныхъ ложекъ, и все это ставила передъ отцемъ, который сидѣлъ въ это время на своемъ мѣстѣ. Я садился около отца, а мать напротивъ насъ. Отецъ бралъ сначала хлѣбъ и, пронося: „во имя Бога“, ломалъ его на куски, которые клалъ кругомъ подноса; потомъ, вынувъ изъ-подъ кинжала ножъ, раздѣлялъ баранину лямку между нами. Первый кусокъ давалъ мѣ, а именно—предплечевую кость, потомъ матери доставалась плечевая кость, а себѣ оставлялъ лопатку. Если-бы онъ предлежалъ ее мѣ или матери, мы-бы, само-собой, не позволили себѣ отнять у отца почетный кусокъ. Это было-бы противу обычая. Точно также, если-бы кто-нибудь изъ нихъ взялъ себѣ мою часть, то этимъ-бы меня обидѣлъ. Я могъ-бы, пожалуй, оскорбиться за такое нарушеніе моихъ правъ, и, чего добраго, оставилъ-бы себя безъ ужина, въ отищеніе родителямъ. Такой ужинъ, какъ я описалъ, считается у лавовъ роскошью, и хозяева не позволяютъ себѣ разораться на подобные роскошные ужины безъ особенной причинъ, какъ напр., не для юся или не въ праздничный вечеръ. Вообще, супъ изъ рнеу считается лакомствомъ, а баранина, сваренная для того, чтобы придать супу болѣе вкуса, не съѣдается за ужиномъ, а откладывается на другой день въ обѣду или завтраку. Впрочемъ, у насъ въ семьѣ, такъ какъ отецъ любилъ хорошо ѣсть, подобные роскошные ужины случались нерѣдко и безъ гостей, и не въ праздники. Послѣ ужина, мать, съ позволенія отца, всегда посылала чашку супу, какъ рѣдкость, какому-нибудь хорошему сосѣду, отъ котораго мы иногда получали въ свою очередь порцію какого-либо

Mrs. Supter
of made up
serving

редкаго и вкуснаго блюда, напр.: пироговъ съ сыромъ, болдуновъ, супу изъ рису или чечевицы. Подобныя одолженія въ обычаѣ между жителями. Мнѣ случалось нередко слышать на улицѣ, какъ, напр., одна дѣвчонка спрашивала другую: „куда ты?“ — Сегодня, сестра, мы сварили на ужинъ мяса, и вотъ я несу къ такому-то наваръ, — отвѣчала другая, т. е. одинъ наваръ, безъ мяса, посылають другъ другу, какъ лакомство...

Во время ужина, каждый изъ ужинающихъ, почувствовать себя сытымъ, произносилъ по-арабски: „хвала Богу“, и потомъ обтиралъ обѣими руками свое лицо. А когда случались гости, тогда отецъ и мать ни за что не прерывали ѣди прежде, чѣмъ не насыщался гость; когда-же послѣдній произносилъ „хвала Богу“, отецъ все еще потчивалъ его, прося, чтобы онъ продолжалъ ѣсть, причемъ клалъ передъ нимъ лучшіе куски мяса и хлѣба.

Полужинавши или позавтракавши, я никого изъ родителей не благодарилъ и отъ меня не требовали этого, а только благодарилъ Бога, причемъ читалъ наизусть слѣдующую молитву, на своемъ языкѣ, которой меня научила мать: „Хвала Богу! Да умножится и не уменьшится (подразумѣвается: хлѣбъ) да не испытаемъ голода, да не будетъ недостатка въ хлѣбѣ и баранинѣ, да будетъ ни хлѣбъ и ячмень хорошей урожай, да не настанетъ для насъ день, въ который мы позавидуемъ дыму сосѣда! Боже, помогай правотвернымъ и уничтожай нечестивыхъ, помилуй умершихъ предкамъ нашимъ благодать за все, что мы тли и пили, и не отлучи насъ отъ вѣры, когда намъ придется догнать своихъ предковъ. Аминь!“ По окончаніи ужина, мать убирала и вымывала посуду, а помоя выливалась въ тотъ-же котель, въ которомъ готовила ужинъ, и откладывала въ сторону, чтобы согрѣть ихъ на другой день утромъ, прибавивъ къ нимъ немного отрубей, и напоить дойную корову. Убравшись, мать возвращалась къ своему мѣсту, съ какою-нибудь работою, какъ-то: съ шитьемъ чего-нибудь изъ одежды, или-же съ вязаніемъ шерсти, которую мотала на деревянное веретено, — и очень рѣдко сидѣла безъ работы. Отецъ-же рассказывалъ о базарныхъ

✓
 Boys pray
 after supper

новостяхъ... о новизнѣ постановившихъ... Чтение
 во всего... сейчасъ послѣ ужина въ мечети — слу-
 шать (Даваръ*)). Каждый вечеръ, послѣ намаза въ мечети,
 некоторые верные мусульмане приходятъ въ мечеть и читаютъ
 одну изъ тридцати частей корана. Чтецы сидятъ кругомъ фанела;
 съ открытыми коранами, и одинъ самый лучший экземпляръ корана
 кладутъ на первомъ мѣстѣ, противъ фанела. Каждый желаю-
 щій подходитъ къ этому экземпляру и читаетъ парасбъвъ одну
 или полтора листа, а остальные слушаютъ и поправляютъ, если
 чтець ошибается. Въ концѣ корана есть маленькая глава, *Буль-*
за: тотъ, на очередь котораго приходится эта глава, приноситъ
 въ мечеть чрезъ нѣсколько времени, — смотря по тому, когда возво-
 лаютъ обстоятельства, — кувшинъ бузы, три кляба, двѣ большія чап-
 ки сузу съ рисомъ или съ чечевицею и двѣ переднія ноги копче-
 ной баранины. Все это раздѣляется между присутствующими. А въ
 самую ночь чтенія означенной главы, мудунъ, или кто-нибудь изъ
 ниѣющихъ хороній голосъ, воспѣваетъ на крышѣ мечети хвалу
 Богу. Мальчики бѣгутъ въ домъ счастливица, на долю котораго
 пришлось прочесть означенную главу корана, чтобы сообщить объ
 этой радости семейству его, за что получаютъ фрукты или чап-
 ку черныхъ бобовъ.

✓
 Reading
 circles in
 mosque.
 ✓
 Particular
 Chapter of
 Koran

Даваръ читаютъ почти во всѣхъ мечетяхъ порядочно-рели-
 гознаго общества. Я помню, что часто меня самого гоняли въ ме-
 четь слушать даваръ и мнѣ рѣдко удавалось уснольнуть послѣ
 ужина изъ дому, чтобы присоединиться въ обществу мальчиковъ,
 которые бѣгали, при хорошей погодѣ, по улицамъ аула или груп-
 пою сидѣли около какого-нибудь уличнаго засѣданія, состояннаго
 изъ большей части изъ женщинъ.

Послѣ пятого намаза (маитвы), время котораго наступаетъ
 чрезъ два часа послѣ захода солнца, мать послала меня спать
 на приготовленной для меня постелѣ, которая состояла изъ тифа-
 на, набиваема шерстью, и синцевой подушки, набитой тоже гру-

*) Даваръ, слово арабское, значить — кругъ. Чтеніе корана назы-
 вается даваромъ потому, что всѣ чтецы сидятъ кругомъ и читаютъ по
 очереди.

баш шерстяю. Сверху тифана постылали войлокъ, дошитого изъ
 дѣля, на мѣсто простыни, а сверху накрывали опухшимъ одѣя-
 ломъ, одѣланнымъ на верблюжьей шерсти. Когда я ложился спать,
 мать заставляла меня снимать всю одежду до наготы и надѣвала
 на меня ночную маленькую рубку, послѣ чего тщательно укути-
 вала меня, накрывая сверху одѣяла еще шубою. Предъ тѣмъ
 какъ идти спать, я не прощався ни съ кѣмъ: подобныя кѣмности
 вообще не соблюдаются въ горскихъ семействахъ. Доказъ въ пе-
 стель, я читалъ молитвы наизусть и старался зазнуть съ молит-
 вой на устахъ. По утрамъ, чуть свѣтъ, будила меня мать снова
 для молитвы, послѣ которой я ложился спать часа на два или на
 полтора, что бывало противъ желанія матери, которая старалась все-
 нии угрозами отучить меня отъ сна послѣ утренней молитвы и требо-
 вала, чтобы я шелъ читать молитвы на могилахъ нашихъ предковъ.

Наканунъ первого дня весны, все молодые съезжались въ
 аулъ. Дѣвушки ходили въ поле — отыскивать корень какой-
 то травы (*турланъ*), чтобы положить его ночью подъ голо-
 ву, вѣстѣ съ жареными зернами ячменя, обмотанными въ зеле-
 ный кусочекъ шелковой матеріи, и чрезъ то увидѣть во снѣ свою
 будущую судьбу; мальчики пераляли свои пращи для бросанія
 туршей; молодые люди приготовляли ружья и пистолеты, чтобы
 стрѣлять изъ нихъ. Передъ вечеромъ, въ этотъ день, на площади
 бывала толпа больше обыкновеннаго, и голлацъ мальчишомъ по ау-
 лу, чтобы собрать бурьяну и соломы, ободряя ихъ криками: „по-
 смотришь, кто больше молодецъ? кто больше вещей принесетъ?“ Я
 тоже бѣгалъ вѣстѣ съ другими мальчиками и выпрашивалъ у
 жителей что-нибудь для костра. Такихъ образомъ собирали тол-
 ливо на площадь, и передъ вечеромъ, среди ея, образовывался
 громадный стогъ, который поджигали съ четырехъ сторонъ. Пла-
 мя быстро окватывало весь стогъ сухаго бурьяна и соломы и под-
 нималось высоко, толпа шумѣла, кричала: ура!, а нѣкоторые моло-

дно дров, желавшие показать свою ловкость, начинали прыгать с одной стороны костра на другую, сбрасывая огонь. В это время раздавались предельно ружейные выстрелы, а на вершинках сосновых холмов: лопались большие камни и гранаты (остатки от русских выстрелов), которые бывали раньше назначены дорожкам для этого венера. По воздуху летали ~~пули~~, с огненными хвостами, описывая в воздухе различные линии.

President

В каждом доме готовили на ужин праздничный блюда: колбасы с яйцами, пироги с сыром, супь с рисом или чечевицей, а не то варили яблочную кашу манчовой (баранины, с хинкалом). У нас дома в этот вечер готовили иногда ячмень с мясом. Перед ужином, как только мёдный пловец съезжался перед нами, отец требовал исполнить воле пророка Магомеда и вымыть руки, потому что «ли пловец руками. После ужина, он опять требовал теплой воды и вымывал руки, и меня также заставлял делать это, вопреки обычая горцев. Нужно сказать, что отец бывал в Закавказье, видел святых и потому считал себя некоторым образом цивилизованнее своих односельчан. Мать же этого не делала; она смотрела на такое соблюдение чистоты с общей в горах точки зрения, т. е. находила это совершенно излишним, даже отзывалась об этом с некоторым презрением. „Нужно очищать душу от грехов, а очищение наружности — дело светское, даже не благородное; кому же сало и масло не есть нечистота,“ говорила она, причем снимала с меня папаху и обтирала свои салными руки об мою бритую голову. Вообще, в горах, когда варят мясо или курдюк, что бывает неособенно часто, хозяйки богатых и бедных домов подходят к кипящему котлу (пред тем как снять его с очага) с деревянной ложкой и глиняной чашкою, осторожно снимают с навара собравшийся наверху жир и оставляют чашку в сторону, чтобы он остыл; потом выливают из чашки воду, а сало употребляют для намазывания головы мужчины или мальчика после бритья (которое возобновляют в каждую пятницу), для смазывания рук и ног, а иногда и всего тела дѣтей, или же, наконец, для смазывания

holiday feast

Wash hands
with oil
cleanliness

Shaving heads etc.
Friday

челыкъ, башмаковъ и сапогъ. По утрамъ, опять выбираютъ изъ котла остывшіе остатки жира. Если горюшка нѣжно относится къ своимъ дѣтямъ, то позволяетъ себѣ иногда роскошь—иѣнать съ святыхъ жиромъ, тотчасъ-же послѣ сятія его, толочно, образуетъ тѣсто и раздастъ это любимымъ дѣтямъ, какъ первое лакомство, чѣмъ дѣти восхищаются и хвастаются предъ другими, какъ чрезвычайною любовью къ нимъ ихъ матерей.

Въ горахъ вообще рѣдко купаютъ дѣтей, развѣ только иногда купаютъ грудныхъ, и то безъ мыла. Последнее весьма рѣдко употребляется. Въ послѣднее время хотя начали употреблять мыло для мытья одежды, но для рукъ и лица его совсѣмъ не употребляютъ. Я помню, какъ женщины и молодые люди настихались надъ нѣкоторыми красавицами, которыя будто-бы умывали свои руки и лицо мыломъ, говоря: „такая-то мажется мыломъ,“ считая это за порчу нравственности.

Въ первый день весны я всегда чувствовалъ тревожное состояніе: вставши рано и исполнивши молитву кое-какъ, какъ обязанность, наложенную на меня родителями, я брался за приготовленіе пращи и, одѣвшись слегка, отправлялся искать товарищей. Наканунѣ уже рѣшались драться съ мальчиками другого квартала, повыше деревни, и для этого приготовляли значки, т. е. навязывали носовые платки на палки; назначали также главу для мальчиковъ нашего околodka, знаменщика и его помощниковъ. Обыкновенно, мать запрещала мнѣ ходить на драку, но я выпрашивалъ на это ея согласіе.

— Если попадетъ камень въ твой лобъ, что-же ты будешь дѣлать? кричала она на меня однажды.

— Что другіе дѣлаютъ, то и я сдѣлаю, отвѣтилъ я.

— Мы не можемъ для тебя каждый годъ новую обувь шить, у насъ не сабами мѣрить серебро, чтобы ты шлеялся по горамъ и грязи.

Бабушка тоже поддерживала мать, но говорила не такъ грозно, а самымъ ласковымъ тономъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ходи на драку, въ голову попадетъ камень.

✓
Dough is fat
a great del.
-icacy ✓

Children
bath rarely
bathes.
Soap almost
unknown
Use of soap
immoral

✓
Fights
blin boys,
you fight
parts of
village.

Въ это время вошелъ отецъ.

— Что за шумъ? спросилъ онъ.

— Когда *дима* *живота* (родное) станетъ съ ума сходить, что-же можеть быть въ домѣ, кромѣ шума? отвѣтила ему мать.

— Что онъ говоритъ?

— Хочеть идти на драку съ мальчишками нижняго *мавала* (квартала).

— А ты зачѣмъ-же кричишь, вѣдь не тебѣ будетъ больно, если ему достанется?

— Если такъ, пусть идетъ въ адъ, къ собакамъ! говорила она съ досадою: дай Богъ, чтобы онъ вернулся съ *пороженными мозговыми оболочками* *).

— Пусть идетъ; если покажется ему это горькимъ, такъ другой разъ самъ не пойдетъ, говорилъ отецъ. Онъ вообще не любилъ удерживать меня отъ участія въ играхъ и пакостяхъ видѣть съ другими мальчишками, чтобы я не сдѣлался впоследствии трусомъ, какъ онъ самъ говорилъ это часто, а только старался, чтобы я не приобрѣлъ къ нимъ страсть, которая могла отбить у меня охоту къ ученію и молитвѣ. Главнѣе образомъ онъ запрещалъ мнѣ играть въ бабки, и заставлялъ меня смотрѣть на эту игру, какъ на какую-нибудь чрезвычайно-грѣшную и нечистую вещь, такъ, что если мнѣ иногда случалось какъ-нибудь соблазниться этою игрою, то я чувствовалъ угрызения совѣсти и умывалъ свои руки. Такой взглядъ на игру въ бабки я получилъ съ тѣхъ поръ, какъ отецъ однажды раскрылъ книгу и прочиталъ по-арабски, съ переводомъ на латинскій языкъ, между прочимъ слѣдующее: „кто играетъ въ бабки, тотъ все равно что всунулъ свои руки внутрь дохлой свиньи.“ Съ другой стороны, отецъ боялся, чтобы страсть къ бабкамъ не заставила меня воровать у него пули и порохъ, потому что бабки, свинонецъ и порохъ замѣняли собою у мальчишковъ монету; другихъ-же денежныхъ знаковъ они совсѣмъ не знали.

Similarness of playing Babki

*) Туземное выраженіе о мозговой оболочкѣ или вообще о черепѣ. *Опороженными мозговой оболочкой* значить—разбить черепъ такъ, чтобы изъ него вывалить мозгъ.

Такимъ образомъ, противъ желанія матери, я отправлялся
 вмѣстѣ съ товарищами на условленное мѣсто. Въ нашемъ аулѣ
 было четыре квартала и мальчики каждого изъ нихъ смотрѣли на
 мальчиковъ прочихъ кварталовъ, какъ на непріятелей, и нередко
 объявляли другъ другу войну. Старшіе не вмешивались въ наши дѣ-
 ла, а только некоторые взрослые изъ молодежи приходили на мѣ-
 сто битвы и ободряли насъ. Отправившись на покатость соседней
 горы, каждая партія старалась занять мѣсто выше непріятеля, по-
 тому что наверху бывало легче защищаться, въ случаѣ нападенія
 противной стороны, и бросать въ нее камни. Драка начиналась
 обыкновенно самыми непріятельскими ругательствами съ обѣихъ сто-
 ронъ, за которыми летѣли комки снѣга, а потомъ и камни, бро-
 савшие сначала изъ пращи, а потомъ, по мѣрѣ приближенія другъ
 къ другу, и руками. Драки не продолжались долго: та сторона,
 на которой случались молчише бойцы и небольшие численности,
 заставляла отступить другую. Если же драка принимала серьез-
 ный видъ, тогда прибѣгали взрослые и разнимали дерущихся. Изъ
 послѣднихъ оказывалось немало съ сильными ушибами и съ до-
 вольно-перядочными ранами. Подобныя драки, но въ гораздо боль-
 шемъ размѣрѣ, происходили у насъ и съ мальчиками соседнихъ
 деревень; въ такомъ случаѣ соединялись мальчики всѣхъ кварта-
 ловъ, и вмѣстѣ съ ними иногда участвовали взрослые, причѣмъ,
 кромѣ камней, употребляли часто и палки. Отличившійся въ та-
 кихъ дракахъ своею храбростію и смѣлостію пользовался между
 нами особымъ уваженіемъ.

Такии играми мы провожали зиму и встрѣчали весну.

Съ того дня, какъ время года получало названіе весны,
 аульные жители принимались за полевныя работы. Вывозили на-
 возъ на эшакахъ въ поле, чтобы удобрить пашню, предназна-
 ченную для весеннихъ посѣвовъ, а не имѣвше своего навоза по-
 купали его у другихъ, платя по рублю за 35 или 40 эшачьихъ
 вьюковъ; тѣ-же, которые не имѣли своего эшака, выпрашивали его
 у своего родственника или соседа. Съ эшаками ходили мальчики

или женщины, рѣдко мужчины, потому что въ это время года мужчины бывали большею частію въ отлучкѣ, на заработкахъ. Приготавливали также сѣмена, т. е. яровую пшеницу, для посѣва. Кто имѣлъ у себя дома прошлогоднюю пшеницу, тотъ очищаль ее отъ ржи, а многіе, не имѣвшіе сѣмянъ, покупали ихъ на цудахарскомъ или кумухскомъ базарахъ; искали также заранѣе компаньона, чтобы *удружить быка*, такъ какъ крошѣ богачей, рѣдко кто имѣлъ собственную пару быковъ. Было много и такихъ, которые вовсе не имѣли быка, или потому, что его у нихъ и прежде не было, или-же потому, что они продали его осенью предыдущаго года, за неимѣніемъ корма на зиму. Изъ такихъ бѣдняковъ нѣкоторые, скопивши себѣ кое-какъ капиталаецъ въ 12—15 руб., ходили теперь по базарамъ, чтобы купить быка, причемъ старались, по возможности, купить выздоровѣвшаго отъ бѣзни. Были и такіе хозяева, преимущественно вдовы, или одинокія старухи, которые не имѣли сами возможности распахать свою землю, а потому искали людей, имѣющихъ быковъ и мало земли, чтобы отдать имъ засѣять поле съ половины; при этомъ торговались, вычтешь-ли изъ будущаго урожая затраченныя сѣмена, а потомъ излишекъ раздѣлять пополамъ, или-же раздѣлить весь урожай на двѣ части. Подобныя договоры обусловливались качествомъ земли и ея мѣстоположеніемъ. Поправляли также желѣзо для плуга или покупали новое.

Всѣ приготавливались такимъ образомъ къ весеннимъ работамъ, но никто еще не начиналъ пахать, потому что еще *не вывозили плуга въ поле*. Время вывоза зависѣло отъ погоды. Обыкновенно, черезъ недѣлю или двѣ послѣ начатія весны, наступалъ этотъ торжественный праздникъ *). Когда наступалъ назначенный день, общество выбирало изъ среды себя хорошаго и набожнаго человека, чтобы онъ первый вышелъ въ поле, въ полномъ облаченіи пахаря. Для этого не требовалось, чтобы мѣсто было непременно настоящею папшею, а достаточно было хоть даже гумна кого-либо

*) Объ этомъ праздникѣ подробно сказано мною въ статьѣ моей «Воспоминанія муталима», — см. «Обзорникъ», вып. I, стр. 60—63.

23/6

изъ жителей; не требовалось также, чтобы пахарь непременно вспахалъ землю для посѣва, а только, чтобы онъ совершилъ извѣстный процессъ паханья, гдѣ-бы то ни было. Выбранный пахарь двигался съ площади, будучи одѣтъ въ овчинную шубу, на выворотъ; кожаная сумка, въ которую кладутъ желѣзо и ремни, висѣла у него съ боку; на плечахъ несъ онъ обыкновенный горскій плугъ, а въ правой рукѣ держалъ длинный вѣтухъ, съ желѣзною иглою на концѣ, которою погонялъ пару быковъ. За пахаремъ шелъ народъ. По прибытїи на мѣсто, пахарь запрягалъ быковъ въ плугъ, а мулла читалъ молитву, на которую народъ провозглашалъ вслухъ „аминъ“, съ поднятыми къ небу руками и потупленными глазами. Каждый при этомъ шепталъ про себя что-то. Между тѣмъ, недалеко отъ этой сцены, шумно и весело суетилась толпа мальчишекъ. Каждый изъ насъ заботился съ нетерпѣніемъ приготовить изъ снѣга комки и клалъ ихъ около себя въ кучу, и какъ только пахарь трогалъ быковъ, мы начинали бросать въ него комками снѣга, такимъ образомъ провожая его вдоль пашни. Пахарь терпѣливо переносилъ все это, и не смотря на то, что снѣжные комки сыпались на него градомъ, шелъ медленно, молча, съ укутанною головою. Пропедши два раза взадъ и впередъ, пахарь останавливался, отпрягалъ быковъ, но, не смотря на угрозы старшихъ и самого пахара, мальчики продолжали бросать въ него снѣгъ. „Довольно! убирайтесь теперь, сыновья блудницъ!“ говорилъ кто-то изъ взрослыхъ.

— Бейте, бейте, молодцы, побольше! дождь пойдетъ, хлѣба будетъ много и наши матери будутъ давать намъ большіе куски хлѣба!—кричали мальчики, не переставая бросать снѣгъ, пока наконецъ чаушъ не прогонялъ ихъ палкою.

Въ этотъ день бывала скачка, и хозяинъ выскакавшей лошади угощалъ жителей. Бѣгали также и пѣшеходы. Опередившіе другихъ дѣлалъ пиръ для своихъ друзей. Затѣмъ, всюду слышались звуки музыки и пѣсенъ и только на другой день аулъ принималъ свой обычный видъ. Съ наступленіемъ теплыхъ дней, у насъ дома суетились, какъ и вездѣ: сѣмена яровой пшеницы, въ количествѣ 12 — 15 мѣръ, бывали насыпаны въ шер-

Compare
plough to
fields.

✓
Snowballing
the plough
man

✓
The
plough
man

стальные иѣшки (чувалы), желѣзо для плуга бывало приготовлено заранѣе, ремни и веревочки лежали въ *мажничѣ*, т. е. въ сумкѣ изъ невидѣланной кожи, съ ремнемъ, для надѣванія черезъ плечо: въ эту сумку кладутъ разныя мелочи, необходимыя для пахаря. Плугъ хотя былъ старый, но въ свое время бывалъ всегда въ исправности. Его выносили заранѣе на площадь, чтобы измѣрить его вышину на извѣстномъ камнѣ, на которомъ была сдѣлана зарубка для опредѣленія вышины плуговъ. Вывозили навозъ на одномъ или двухъ эшакахъ въ поле и съ эшаками ходилъ кто-нибудь изъ мальчиковъ сосѣдей нашихъ, которому мать моя давала за это чашку толокна и обѣдъ. Пара быковъ также готовилась къ работѣ: имъ прибавляли корму. Такъ какъ отецъ самъ не пахалъ, а мать не могла пахать, потому что это не женское дѣло, то отецъ всегда и въ свое время начиналъ пахаря изъ сосѣдней деревни, за нѣсколько мѣрокъ хлѣба. Въ это же время года, на сосѣднемъ съ нами дворѣ, женщины вбивали въ землю колья и устроивали станки для тканья сукна. По восходѣ солнца, онѣ начинали собираться туда съ своими приборами и занимались тканьемъ. Подобныя станки бывали и во многихъ другихъ дворахъ или на аульныхъ площадкахъ, гдѣ грѣло солнце. Однѣ ткали паласы для чуваловъ, другія сукна, и всѣ старались закончить свои работы до наступленія времени очистки хлѣба отъ сорныхъ травъ. Послѣ вывоза въ поле плуга, каждое хозяйство получало право начать пахать и засѣвать свое поле. Обыкновенно, каждый выбиралъ для выноса изъ дому сѣмянъ на пашню какой-нибудь день, который, по личному предразсудку, считалъ лучшимъ днемъ. Также точно и у насъ въ домѣ назначали день для *выноса сѣмянъ*. Однажды, отецъ рѣшился бросить сѣмена въ землю своеручно, по просьбѣ матери.

— Въ прошломъ году урожай былъ нехорошъ. Кто знаетъ, можетъ быть оттого, что первый бросилъ сѣмена въ землю бывший у насъ въ прошломъ году пахарь,—говорила мать.

— Въ нынѣшнемъ году я самъ прочту молитву и брошу сѣмена въ землю, отвѣтилъ отецъ.

— Другіе уже засѣваютъ, а мы опять опоздаемъ.

✓
Wom en's
weaving

✓
choosing
lucky day
for carrying
grain to field

✓
...
...
...
of sowing

238 ✓
031221 for
Jetti's hands

— Видь у тебя буза еще не готова. Маленькая-же поить людей сывороткою и водою! Какъ только буза будетъ готова, тогда и мы начнемъ пахать. Всего на 10 дней работы! не оноздаскъ, — говорилъ отецъ. Онъ былъ правъ: безъ бузы горецъ не можетъ работать. Корми его чѣмъ угодно, только чтобы былъ кувшинчикъ бузы.

✓
Linn's
Call's hands
How made

Этотъ необходимый для рабочаго горца нагчтокъ дѣлали у насъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего клали шерстяной мѣшокъ съ ячменемъ въ воду, гдѣ онъ лежалъ цѣлую недѣлю; потомъ его брали и запарывали въ саманъ, гдѣ онъ лежалъ тоже недѣлю; когда-же мокрѣя зерна ячменя начинали пускать ростки, тогда мѣшокъ вынимали изъ самана и высушивали ячмень на солнцѣ. Потомъ жарили его на сковородѣ и отправляли на мельницу смолоть въ муку (мука эта называется *кутъ*). Между тѣмъ въ деревянной кадускѣ мѣшали съ водою пшеничную муку, оставляли ее киснуть, а потомъ варили въ большомъ котлѣ. Это кислое тѣсто, когда его варила мать, я ѣлъ, какъ лакомство. Такимъ образомъ сваренное тѣсто клали въ другую кадуску, наполненную теплою водою, и прибивали вышеупомянутую ячменную муку. Потомъ, закрывъ кадуску сверху шерстянымъ паласомъ, оставляли до тѣхъ поръ, пока не забродитъ. Тогда все это процеживали черезъ волосиное сито, переливали въ другую кадуску или кувшинъ и мѣшали туда толокно. Черезъ два послѣ всего этого являлась въ столу въ маленькихъ глиняныхъ кувшинчикахъ настоящая буза. Буза окисаетъ очень скоро, такъ что черезъ недѣлю ее уже нельзя пить.

✓
Linn's
Call's hands
How made

Дѣйствительно, какъ только буза была готова, къ намъ явился пахарь изъ сосѣдней деревни. *Арабу* (влажность земли) благоприятствовала паханью, — и у насъ начали пахать. Для этого отфарили двѣ сабы гшеицы и всыпали ихъ въ мѣшокъ; накормилъ быковъ, а потомъ пахарь надѣлъ черезъ плечо *махику*, положилъ плугъ на плечо, привязалъ мѣшокъ на спину осла, и, взявъ въ руки кнутъ, погналъ быковъ и осла въ поле. Отецъ и я тоже пошли на пашню. По дорогѣ мы встрѣчали жителей, также гнавшихъ быковъ и несшихъ свои плуги; встрѣчавые привѣт-

289 ✓

ствовали отца обычными словами: „да будетъ благополучіе надъ вами, да благословитъ Богъ ваши сѣмена!“, на что получали въ отвѣтъ тоже самое. Прибывши на назначенную пашню, пока пахарь запрягалъ быковъ въ плугъ, отецъ насыпалъ въ подолъ своей чохы пшеницу и началъ читать молитву; пахарь-же, поднявъ объ руки къ небу, говорилъ: *аминь*. По окончаніи молитвы, отецъ началъ бросать пшеницу правою рукою вдоль пашни, а пахарь исполнялъ свое дѣло по засѣянному мѣсту. Пашня была порядочно-большая, около 320 кв. саж., т. е. на ней засѣвали двѣ *сабы* пшеницы (1½ пуда). Спереди она отдѣлялась отъ чужихъ земель маленькою покатою, въ 1½ сажени шириною, которая пролежала вдоль пашни и сберегалась для травы; по бокамъ и сзади—полосою невспаханной земли, шириною въ поларшина. По этой полосѣ мѣстами торчали острые камни, составляющіе въ горахъ *межи*.

— Посмотри, какой дурной сосѣдь! Каждый годъ безъ спора не обойдется!.. Вѣдь онъ отодвинулъ вотъ здѣсь границу на цѣлыя два шага,—говорилъ отецъ, осматривая камни.

— Ты, можетъ быть, *оставляешь это молча*. Теперь свѣтъ принадлежитъ тому, кто не боится Бога,—говорилъ пахарь.

— Я непременно приведу его къ шариату; оставлять это дѣло такимъ образомъ, значить—нажить споры для своихъ дѣтей.—До полудня кончишь? спросилъ отецъ пахаря. Последній сначала смѣрилъ пространство глазами, потомъ посмотрѣлъ на быковъ и на землю, и сказалъ: думаю, что кончу, если быки пойдутъ. Земля мягкая, влажности много...

Когда у насъ пахали поле, то, по утрамъ, мать приготовляла завтракъ для пахаря: хлѣбъ съ сыромъ вдала въ холщевый мѣшочекъ и, вмѣстѣ съ кувшинчикомъ бузы, отправляла на пашню. Въ это время на поляхъ вездѣ встрѣчались мальчики, дѣвочки или женщины, съ такими-же мѣшочками, въ которыхъ лежали хлѣбъ или толокно, и безъ исключенія всѣ съ кувшинчиками бузы (обыкновенный кувшинчикъ, употребляемый въ такихъ случаяхъ, бываетъ мѣрою около двухъ-трехъ полуштофовъ). Всѣ они шли по разнымъ направленіямъ, неся завтракъ для пахущихъ. Къ

полудню, въ аулѣ, дымились трубы и каждая хозяйка готовяла *теплое съedomое* къ обѣду. Въ обыкновенное время горцы не ѣдят днемъ теплаго; только въ холодное время на завтракъ нагрѣвають супъ или-же просто наваръ отъ хинкала, оставшійся отъ ужина; иногда готовятъ похлебку съ мукою, т. е. кипятятъ воду и мѣшаютъ въ нее немного муки, а иногда прибавляютъ туда и молока, и съ этою похлебкою ѣдятъ хлѣбъ или толокно. Но въ полдень не ѣдятъ ничего теплаго, а ограничиваются однимъ хлѣбомъ или толокномъ, къ которымъ прибавляютъ молока или сыворотки, если только имѣютъ дойную корову; если-же коровы нѣтъ, или она не доится, тогда ѣдятъ только съ водою, рѣдко съ сыромъ или масломъ. Къ вечеру-же, все безъ исключенія готовятъ что-нибудь горячее, если *домъ Богомъ не побитъ* (т. е. слишкомъ не навазанъ бѣдствіемъ). Также точно, и во время паханья, къ полудню, всегда готовятъ горячее. Самое обычное купанье для пахара есть колдуны съ яйцами. Это блюдо, принадлежащее къ числу роскошныхъ блюдъ горскаго стола, готовится изрѣдка и въ другое время. У насъ въ домѣ куръ было очень мало; отецъ даже вовсе запретилъ матери держать ихъ, потому что сосѣдъ часто жаловался на то, что наши куры роютъ крышу его дома. Помню, однажды чуть не произошла серьезная драка изъ-за того, что сосѣдка бросила камень въ нашу курицу.

— Что-же, намъ уйти что-ли изъ-за вашихъ куръ? Если онѣ ваши, то держите ихъ такъ, чтобы чужихъ крышъ не рыли. Не для вашихъ-же куръ я таскала землю на своей спинѣ и насыпала на крышу,—кричала сосѣдка.

— Развѣ мы нарочно гоняемъ ихъ — рыть вашу крышу? Сказать имъ: не ходите на крышу,—онѣ не знаютъ языка, а мы не можемъ держать ихъ на веревкѣ,—говорила ей въ отвѣтъ мать.

Не желая, чтобы его собственность наносила вредъ другому, отецъ велѣлъ зарѣзать всехъ нашихъ куръ или подарить ихъ родственницѣ; но у матери была одна любимая курица, которую она не согласилась ни зарѣзать, ни подарить, и потому она одна и осталась у насъ. Не смотря на это, мать поддерживала обычай

и всегда удовлетворяла аппетитъ пахаря личными колдунами, которые подавали съ обыкновенною подливкою и съ чеснокомъ. Всегда можно было въ аулѣ купить 10—12 штукъ яицъ за *полсаха* хлѣба (мѣрка въ 3 ф.) и приготовить колдуны. Они дѣлаются слѣдующимъ образомъ: сначала разбиваютъ яйца, выливаютъ въ чашку и всыпаютъ туда соли, сколько необходимо, потомъ подливаютъ немного теплой воды, кладутъ немного луку и кусокъ курдюка или сушеной баранины, потомъ все это мѣшаютъ, пока желтокъ не смѣшается съ бѣлкомъ. Затѣмъ лѣпятъ изъ тѣста пшеничной муки чашечки, въ которыя наливаютъ по полторы ложки указанной смѣси и, соединивъ верхніе концы чашечекъ, кладутъ осторожно въ кипящую воду. Когда сварятся, ихъ вынимаютъ въ глубокую большую чашку и ѣдятъ руками, похлебывая при этомъ наваръ. Вотъ этикіе колдуны приготовлялись у насъ каждый день на обѣдъ, пока пахали поле.

Я сказалъ, что нашъ домъ считался не особенно-богатымъ, но немного выше средняго состоянія. Само-собою разумѣется, количество вспахиваемой земли было тоже соотвѣтственное такому состоянію, т. е. весною мы пахали 6 или 7 дней, а осенью немного больше, такъ что всего мы засѣвали слишкомъ 20 сабъ зерна (15 пудовъ).

Между тѣмъ въ аулѣ дѣлались надлежащіе распоряжки: нанимали пастуховъ для коровъ и быковъ, за $\frac{1}{2}$ сабы ячменя или за $\frac{1}{3}$ сабы пшеницы со штуки и съ условіемъ, что если пастухъ отъ себя будетъ нанимать мальчика, то въ такомъ случаѣ положить ему на завтракъ по два хлѣба съ очереди, а если онъ потребуетъ мальчика съ того, на котораго *упадетъ его сумка*, т. е. очередь, то давать ему только по одному хлѣбу; онъ-же долженъ отвѣчать за пропавшую по его винѣ скотину. Ословъ и телятъ рѣшили пасти вмѣстѣ. Рѣшено было также—по утрамъ, ходить по пяти человѣкъ вооруженныхъ людей предъ выгономъ скота на пасьбу, для очистки мѣстности отъ непріятеля, а пятнадцать человѣкъ должны караулить цѣлый день около стада*). Еще

*) Караулы ходили къ границѣ непріятеля съ самаго начала полевыхъ работъ и, кромѣ того, брали штрафъ съ того, кто выходилъ въ поле безъ оружія.

241
✓
Preparation
of dish
called "kol"
- "Sun".

передъ наступленіемъ весны, на площади, осматривали ружья, порохъ и количество пуль каждаго изъ жителей, и общество строго приказало, чтобы каждый мужчина, достигшій 15-ти-лѣтняго возраста, непремѣнно имѣлъ ружье и не менѣе сорока зарядовъ, подѣ опасеніемъ штрафа. Въ день осмотра, *мангушъ* (чаушъ), ставши около кладбища и обратившись лицомъ къ деревнѣ, кричалъ: „Па-а-ати-ха! Всякій изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, пусть придетъ въ полдень на площадь, взявъ съ собою ружье, пули и порохъ! Кто не придетъ, съ того три рубля штрафа возьмется. Слушайте!“ Для осмотра оружія была назначена коммисія, изъ старшины и двухъ картовъ. Въ то время былъ въ нашемъ аулѣ еще другой порядокъ, который (какъ говорили старики) не бывалъ прежде и теперь не существуетъ. Всѣ дома, въ которыхъ находились мужчины, были сосчитываемы и каждые 10 домовъ поручаемы были одному болѣе расторопному человѣку, для того чтобы, въ случаѣ нападенія мюридовъ, всѣ десять человѣкъ находились подѣ командою своего начальника, на котораго возлагалась отвѣтственность за отлучку кого-либо изъ подвѣдомственныхъ ему людей.

Отецъ мой, не смотря на свой мирный характеръ, любилъ всегда исправно держать оружіе; особенно онъ любилъ одно старинное ружье, доставшееся ему отъ его предковъ. Впрочемъ, онъ не столько дорожилъ имъ, какъ предковскимъ достояніемъ, сколько потому, что онъ, въ походѣ съ первымъ имамомъ, Кази-Магомедомъ, стрѣлялъ изъ него въ гяуровъ, при взятіи штурмомъ укр. Таргу (Тарки) и при нападеніи на городъ Кизляръ.

— Я стрѣлялъ изъ этого ружья въ глаза невѣрныхъ, и теперь очень-бы не желалъ стрѣлять изъ него въ мусульманъ, — говорилъ онъ иногда.

— Когда мусульмане хотятъ увести единственную благопріобрѣтенную корову нашу, *отнявъ ее изорти* этихъ маленькихъ дѣтей, — не слѣдуетъ-ли сказать: не отнимайте ее у насъ, мы ее держимъ потому, что она намъ нужна! отвѣчала мать.

— Разумѣется, слѣдуетъ. Въ книгѣ сказано: умереть, за-

щина свою собственность, то-же, что умереть шагидежъ (умершимъ въ войнѣ съ невѣрными); но, говорю, я желалъ-бы, чтобы мусульмане не заставляли защищаться противъ себя.

— Можетъ быть, что наше имущество и позволительно брать юридамъ: мы вѣдь русскіе! Сколько разъ я говорила: уйдемъ съ этой сожженной земли! Если-бы ушли, то жили-бы, молясь Богу.

— Грѣшно только добровольно отдаваться въ руки русскихъ и любить ихъ чистосердечно, а когда сила проклятыхъ превосходить нашу, что-же тогда дѣлать? Самъ Магомедъ (пророкъ) заключалъ миръ съ невѣрными, когда это было необходимо.

— Ты говоришь такъ, какъ будто не дѣлаешь ничего вопреки дѣланнаго пророкомъ! возражала мать.

— Что ты знаешь? держи *свой ротъ* и дѣлай, что я говорю,—сердито прерывала ее отецъ...

Порохъ жители покупали на цудахарскомъ и кумухскомъ базарахъ, куда приносили его изъ всѣхъ деревень, гдѣ только дѣлали его. Въ нашемъ аулѣ былъ тоже свой пороховой мастеръ, но у него покупали очень немногіе, потому что порохъ его не особенно одобряли.

Аулъ нашъ былъ защищенъ стѣнами и четырьмя башнями и во всякое время года, по ночамъ, его охранялъ караулъ отъ жителей, разставленный въ 7—8 мѣстахъ, по три человекъ. Сельскій мангушъ ходилъ по ночамъ смотрѣть, не спитъ-ли гдѣ нибудь караулъ, для чего тихо подкрадывался, чтобы вынуть изъ ружья спящаго караульнаго шомполь или взять какой-нибудь другой знакъ, за что получалъ на другой день $\frac{1}{2}$ часть сабы муки или хлѣбъ.

Возвращаюсь къ прерванному разъясненію сельскихъ порядковъ, дѣлаемыхъ въ началѣ весны. Представители всѣхъ трехъ кварталовъ бросали жребій, съ кого именно начать очередь выхода на дневные караулы. Кромѣ этого, старики опредѣляли мѣсто для весенняго выгона и назначали пастбища для лѣта; опредѣляли количество штрафа съ того, кто пуститъ свою скотину въ берегаемое для лѣта пастбище, а также съ того, кто принесетъ въ аулъ, до общаго разрѣшенія косить сѣно, хотя маленькую вязанку зеленой травы, хотя-бы трава была сжжена на собствен-

номъ сѣнокосѣ. Указывали мѣсто изъ общественныхъ выгоновъ для пасбы лошадей милиціонеровъ, которые, по приговору общества, послѣдовавшему по приказанію хана, должны были держать своихъ лошадей, не получали никакого жалованья, а только освобождались отъ податей и повинностей; отдавали также въ откупъ площадь (гдѣ собирался скотъ, предъ тѣмъ какъ выгонять его на пастбище), на право пользоваться съ нея пометомъ для кизяковъ.

Для заработковъ, жители отпускались не всѣ, а только болѣе нуждающіеся, и это дѣлалось поочередно, которую, впрочемъ, не особенно соблюдали: тотъ, кто обѣщаль привезти старшинѣ какой-нибудь подарокъ, или кто много разъ угощаль его хорошею бузою, или-же наконецъ кто одолжилъ ему быка или осла на дневную работу, тотъ всегда скорѣе получаль разрѣшеніе идти на заработки, чѣмъ прочіе, хотя-бы и болѣе бѣдные люди.

Когда температура воздуха позволяла мужчинамъ спать на любимыхъ ихъ обыкновенныхъ постеляхъ, т. е. на плоскихъ камняхъ, положенныхъ на площади, около мечети, или-же на улицахъ, то мужчины не медлили пользоваться этимъ, такъ что, когда я возвращался иногда поздно (около 9 часовъ вечера) изъ мечети, то на этихъ камняхъ вездѣ лежали люди, укутавшись своими овчинными шубами. Одни разговаривали, другіе курили трубки, третьи предавались сладкому сну и храпѣли безпощадно. Зимой, когда на дворѣ холодно спать, обыкновенно мечеть избирается молодыми людьми для ночлега, а теперь внутри мечети спали очень немногіе и даже такъ называемые *сыновья вдовъ* (т. е. избалованные, нѣжно-воспитанные) теперь выходили спать на крышу мечети. По вечерамъ, послѣ ужина, жители, по большей части женщины, начинали выходить на улицу побесѣдовать послѣ дневныхъ заботъ. Тамъ онѣ разсуждали о хозяйствѣ, сообщали другъ-другу разныя сплетни, разсказывали о томъ, что у кого приготовлено на ужинъ и какъ мужья ихъ обходятся съ ними. Тутъ-же сидѣли или играли въ жмурки дѣти, или-же гонялись за лягушками, чтобы нугать ими тѣхъ, которые боялись ихъ.

245

Лишь только паханіе оканчивалось, мужчины предавались
 обычной праздности, тогда какъ женщины продолжали трудиться.
 Приготовленные зимою шерстяныя нити, теперь онѣ обращали въ
 дѣло, т. е. ткали изъ нихъ сукна разной доброты, смотря по
 способности мастерицы. Вставши рано утромъ, хозяйки убирали
 домъ, т. е. подметали его, а соръ бросали туда, гдѣ собирали на-
 возъ, для удобрения волей; вмѣстѣ съ соромъ, выносили и золу,
 оставшуюся въ каминѣ съ вечера *). Нѣкоторые подметали и дворъ.
 Потомъ, выливъ изъ кувшина вчерашнюю воду, отправлялись за
 свѣжою. Далѣе, обыкновенно, даютъ кормъ той скотинѣ, которая по-
 чему-либо остается дома, а коровъ поятъ помоями, собранными еще
 съ вечера, въ котлѣ. Затѣмъ выгоняютъ скотину на площадь,
 гдѣ она собирается до появленія пастуха. По дорогѣ, всякая хо-
 зяйка зорко осматривается кругомъ, нѣтъ-ли гдѣ нибудь помета,
 и въ случаѣ находки такового, немедленно беретъ его руками,
 чтобы унести домой. Вымывъ потомъ холодною водою свои руки,
 хозяйки принимаются за приготовленіе завтрака для мужа и се-
 мейства. Кто подогрѣваетъ вчерашній наваръ отъ хинкаля, чтобы
 подать его съ хлѣбомъ или съ толокномъ; кто дѣлаетъ снова хин-
 каль, или варитъ что-нибудь въродѣ похлебки. Между тѣмъ
 мужья, отправившись рано въ мечеть или въ куллу, для совер-
 шенія утренней молитвы, толпятся на площади, съ накинутыми на
 плечи овчинными тулупами и съ маленькими вытертыми папахами
 на головѣ, и покуриваютъ свои трубки, а иные тотчасъ-же послѣ
 молитвы берутъ коранъ и отправляются на крышу мечети, чтобы
 прочесть тамъ одну тридцатую часть его, за упокой душъ своихъ
 предковъ. Старики-же, *наступившіе одною ногою на могиль-*
ную плиту, двигаются сейчасъ-же послѣ утренней молитвы по
 направленію въ кладбищу, чтобы тамъ продолжать свои молитвы.

Такии образомъ время шло обычнымъ порядкомъ. Многие изъ
 мужчинъ отправлялись теперь съ эшаками на плоскость, *едьлатъ*
всюкъ хлѣба, т. е. привезти хлѣба, потому что у рѣдкихъ хо-

*) Подмести комнату или вынести золу ночью считается дурнымъ дѣ-
 ломъ, и говорятъ, что отъ этого домъ обидѣть.

V
Daily work
of women

✓
Picking up
dung from
streets &
etc.

✓
Reading the
part of the
coran

V
Baiting
to take out
ashes etc.

завѣзъ сохранялся еще прошлогодній хлѣбъ. Ненивѣвшіе-же своего осла покупали хлѣбъ на ближайшихъ базарахъ, такъ какъ рѣдко находились хозяева, какъ въ нашемъ, такъ и въ окрестныхъ аулахъ, которые-бы могли продавать свой хлѣбъ. Такихъ богачей у насъ почти не бывало, а только бывали мелкіе торговцы, имѣвшіе своего осла и привозившіе съ плоскости нѣскольکو ослиныхъ вьюковъ хлѣба *); они продавали его съ выгодою для себя, отъ одного до полутора сабы съ вьюка. Но такъ какъ эти хлѣбопродавцы все-же продавали хлѣбъ съ соблюденіемъ для себя выгоды, то многіе изъ покупателей предпочитали идти за 10 — 15 верстъ, на цудахарскій или кумухскій базаръ, чтобы купить тамъ хлѣба хоть еще немного дешевле, и перевозили его съ базара домой на спинахъ своихъ женъ. „Лучше купить на базарѣ, чѣмъ здѣсь, у своихъ: по-врайней-мѣрѣ перепадетъ лишняя горсть хлѣба, для отсырки *маркачи*“ (плата мельнику),—говорили экономныя хозяйки.

Около нашего аула, который считался главною деревнею въ Вицхинскомъ обществѣ и состоялъ изъ 200-тъ дворовъ, протекаетъ горная рѣчка, по каменистому грунту. Выходя изъ ущелья неподалеку отъ аула, она бѣжитъ быстро и шумно по маленькой полянѣ, пролегающей у югозападной части аула и становящейся, чѣмъ ниже, тѣмъ все круче. На такой мѣстности, естественно, рѣчка образуетъ нѣскольکو маленькихъ водопадовъ, у которыхъ были выстроены камешныя мельницы, счетомъ больше полутора десятка. Каждая мельница принадлежала нѣсколькимъ хозяевамъ, которые пользовались доходами съ нея поочереды, т. е. извѣстное число сутокъ доходъ съ мельницы постуналъ въ пользу каждаго изъ хозяевъ ея, а одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ обладавшій способностями механика, исполнялъ должность собственно мельника и за это получалъ излишнюю, условленную часть дохода. Такія мельницы называются *мелкими мельницами*. Онѣ дѣйствуютъ только въ теплое время года; съ наступленіемъ-же зимы, которая похищаетъ въ горахъ по цѣлому мѣсяцу и больше отъ

*) Осель везетъ отъ 6 до 9 сабъ пшеницы, или отъ 5 до 7 пудовъ.

осени и отъ весны, вода въ рѣчкѣ убавлялась и замерзала, а потому мелкія мельницы зимою отдыкали. Зато *болотныя мельницы*, устроенныя на р. Казанкумужское-Койсу, гдѣ въ водѣ не бывало недостатка, дѣйствовали въ это время усердно. Такимъ образомъ, въ описываемый мною періодъ года, наши мелкія мельницы пробуждались отъ зимняго отдыка, и на крышѣ какой-нибудь изъ нихъ, бывало, кричалъ мальшкѣ громкимъ голосомъ: „песните зерна на мельницу“!

Но прежде чѣмъ идти на зовъ мельника, хозяйки, приобравши сабу-двѣ пшеницы или у (видъ ячменя, изъ котораго дѣлаютъ толокно), сначала высыпали зерно на крышу своей сакли, на палась, чтобы просушить его на солнцѣ, и назначали изъ своего семейства караульщика, для охраненія зерна отъ воробьевъ. Впрочемъ, въ это время года, при хорошей погодѣ, почти каждое семейство, преимущественно женщины и старики, выходили на крышу по утрамъ, послѣ завтрака, и располагались тамъ на паласахъ или на шубахъ, чтобы согрѣться и позаниматься отыскиваніемъ въ рубашкахъ, воротникахъ шубъ и въ головныхъ повязкахъ нучительныхъ насекомыхъ. Бывало, дочь заботливо обыскиваетъ волосы своей матери, для чего кладетъ голову ея на свои колѣни, мать же осматриваетъ рубашку отца, который сидитъ тутъ-же, надевъ на голое тѣло свое овчинную шубу и занимаясь въ свою очередь обыскиваніемъ своего папаха; бывало и такъ, что мать починаетъ одежду своихъ дѣтей, которыя, почти голныя, сидятъ тутъ-же... При подобныхъ группахъ особаго караульщика около зерна, само-собою, не нужно. Просушивъ зерно, хозяйки очищаютъ его отъ земли посредствомъ особаго сита, а потомъ, сыпавъ его въ мѣшокъ, несутъ на своей спинѣ на мельницу. Нѣкоторыя изъ нихъ относили на мельницу заблаговременно чашку или маленькій мѣшочекъ зерна, въ видѣ задатка, чтобы послѣ долго не дожидаться очереди; другія давали мельникамъ подачку, какъ-то: пучокъ табаку, или кувшинчикъ бузы; третьи упранивали тѣло, за дѣмъ бывада очередь, уступить ее имъ. Такимъ образомъ мелкія мельницы наполнялись мѣшками съ пшеницею, ячменемъ (большую частію жаренымъ для толокна) и кукурузою. Последнюю

✓
women & old men in warm weather come out on roof to warm themselves in sun & hunt insects

не любили мельники мелких мельницъ, потому что кукуруза портитъ жерновъ и вообще тяжесть жернова не соответствуетъ твердости кукурузнаго зерна. Дневъ на мельницахъ находились женщины, а по ночамъ— караульщики съ оружіемъ; хозяинъ хлѣба и мельникъ тоже должны были всегда имѣть при себѣ оружіе. Около нѣкоторыхъ, болѣе отдаленныхъ отъ деревни, мельницъ были построены охранительныя башни, и въ нихъ находился по ночамъ караулъ. Не смотря на это, часто случалось, что *качаги* нападали на мельницы и, гдѣ встрѣчали слабую защиту, грабили все, что тамъ находилось, а также брали людей въ плѣнъ.

Когда весна входила во всё свои права и земля начинала убираться зеленымъ покровомъ, особенно пріятно бывало услышать первый грохотъ грома. При первыхъ громовыхъ раскатахъ, мы, мальчики, прыгали на дворъ, бросая панахи вверхъ, сколько бывало мочи, и крича: *„вотъ столько колосьевъ пшеницы“!*, и ходили подъ дождемъ съ открытыми головами. Я часто слышала, какъ отецъ говорилъ, что первые капли весенняго дождя ничто иное, какъ перлы, и что, падая въ открытыя раковины въ моръ, онѣ превращаются въ жемчугъ. Поэтому, помочить ими свою голову я считала священнымъ долгомъ и цѣлительнымъ лекарьствомъ, охраняющимъ отъ всякой болѣзни. Такъ меня наставляли родители.

Въ горахъ почти нѣтъ поливныхъ земель и урожай зависитъ отъ своевременныхъ дождей, въ чемъ рѣдко бываетъ недостатокъ; только одни огороды не довольствуются дождемъ. Впрочемъ, у лавовъ, какъ и вездѣ въ горахъ, чрезвычайно мало огородовъ и овощи считаются почти изысканнымъ лакомствомъ. Только въ одномъ Винхинскомъ нагалѣ жители нѣкоторыхъ деревень занимаются ежегодно засѣваніемъ маленькихъ огородовъ, или садиковъ (какъ сами жители ихъ называютъ), зеленью. Какъ я сказала выше, аулъ нашъ отличался во всемъ ханствѣ изобиліемъ воды; съ южной стороны онъ примыкалъ къ маленькой рощѣ, шириною не больше 10 сажень, которая была раздѣлена на нѣсколько четырехугольниковъ; каждый изъ нихъ составлялъ собственность отдѣльнаго хозяина, а иногда и нѣсколькихъ. Поэтому случалось, что въ садахъ нашихъ

✓
First sound
of thunder
✓
First drops
of spring rain

одно или два дерева принадлежали одному хозяину, а другія три или четыре дерева—другому. Сады эти состояли изъ груше-выхъ и яблонныхъ деревьевъ, изъ яблонь, которыя давали наи-малыяшніе дикіе плоды, и рѣдко все-гдѣ стояло старое орѣховое дерево. Никто не заботился объ улучшеніи породъ или насажде-ніи новыхъ деревьевъ, и земля въ садахъ не подвергалась ника-кой обработкѣ; кромѣ того, въ эти сады пушали мелкій скотъ на кормъ или-же козляки въ нихъ траву. На смежномъ съ садами пространствѣ, были такіе-же маленькіе четырехугольники, состав-лявшіе сельскіе огороды, которые были загорожены, какъ и сады; каменными невысокими стѣнами, сложенными безъ цемента. Вес-ной, огороды эти копали кирками или желѣзными лопатками, а потомъ дѣлали маленькія гряды, чтобы засѣвать на нихъ овощи. Большею частію сѣяли лукъ и чеснокъ (главное лакомство для горца на зиму), потомъ—огурцы, тыквы, стручковый перецъ и не-много петрушки. Кругомъ огорода засѣвали кукурузу, кое-гдѣ под-солнечникъ и коноплю. Последніе разводились больше для укра-шенія огорода, чѣмъ для пользованія ими. Были и такія хозяйки, которыя не имѣли своихъ огородовъ, а потому, *чтобы не ос-жатся, глядя на другихъ* (не завидовать), приносили на пле-чахъ своихъ мѣшки съ землею и, насыпавъ ее на окраинахъ крышъ, на плоскіе камни или-же въ горшки, разводили на ней перцы, лукъ и чеснокъ.—Всѣ вообще огороды тщаельно полива-ли и очищали отъ сорныхъ травъ.

✓
 onion's
 garlic
 vegetables
 ✓
 mix gar-
 -den's
 200g

На третій мѣсяцъ весны, когда хлѣба и травы поднимались довольно высоко, наступало время для первыхъ полевыхъ работъ, принадлежащихъ исключительно женскому полу. Прежде всего на-чиналась очистка хлѣба отъ сорныхъ травъ. Каждая хозяйка, по окончаніи домашняго утренняго распорядка, выходила въ поле и брала съ собою шерстяной мѣшочекъ, въ который клала для сво-его обѣда полчурека съ сыромъ или горсть толокна. Никто изъ мужчинъ ни за что не повеситъ обѣда къ женщинамъ въ поле, потому что это въ глазахъ общества считается позорнымъ для

Washed
 again by
 women
 men
 cannot
 to them

251 ✓
White Wash

этой цѣли въ извѣстныхъ мѣстахъ горъ. Для добыванія бѣлой земли женщины или дѣвушки отправляются толпою, съ шерстяными мѣшками и съ кусками желѣза. Землю эту разведать съ бѣдомъ въ большіе глиняныя чашки и бѣлятъ ею полъ и стѣны. Извести въ горахъ совсѣмъ нѣтъ. Почернѣвшія отъ зимняго дыма стѣны комнаты при бѣленіи принимаютъ совершенно желтый цвѣтъ, а потолка остаются такими-же закоптѣлыми, какими они были и должны остаться навсегда. Одни только балконы и открытыя галлерей, а также мѣста вокругъ оконъ снаружи, на четверть аршина бѣлятся для украшенія и получаютъ должный бѣлый цвѣтъ; но по большей части и эти мѣста разукрашиваются еще различными рисунками, помощью красной и желтой глины, что служить знакомъ щедролетой опрятности хозяйки. Подобныя украшенія также показываютъ, что въ семействѣ находится дѣвушка или молодая женщина. Точно также, большая куча кизяковъ на крышѣ служить выраженіемъ трудолюбія и заботливости хозяйки.

No time
Sug...
Diligent
housewife ✓

Многія хозяйки запасаются бѣлою землею заблаговременно и, сдѣлавъ изъ нея четырехугольные куски, держатъ ихъ про всякій случай въ страѣ.

Вторичная очистка хлѣбовъ отъ травъ продолжается недолго. Въ эту пору, какъ я сказалъ, не позволяютъ привозить домой зеленой травы, и чауши зорко слѣдятъ за каждою возвращающеюся съ поля хозяйкою, а иногда даже обыскиваютъ мѣшки, наполненные сухою травою, останавливая предъ воротами аудъ тѣхъ женщинъ, которыхъ почему-либо подозрѣваютъ въ такой контрабандѣ. Если находятъ зеленую траву, то, отобравъ ее у нарушительницы порядка, отправляются къ послѣдней во дворъ, съ длинными палками въ рукахъ, для взысканія обычнаго штрафа, заключающагося въ полсахъ муки или зерна; такой штрафъ чауши немедленно промѣниваютъ на бузу, которую и распиваютъ. Такіе же штрафы получаютъ чауши и съ тѣхъ, чье домашнее животное заберется на поле, засѣянное хлѣбомъ, хотя-бы то и другое принадлежало одному и тому-же лицу. Въ подобныхъ случаяхъ, оштрафованныя лица, за неимѣніемъ наличной муки, толокна или хлѣба, часто отдають въ залогъ что-нибудь изъ домашнихъ ве-

ней, какъ-то: старый пазасъ, деревянный подносъ, котелъ и т. п. Если эти впоследствии хованки выкупаютъ за нувшинны бузы или за опредѣленное количество хлѣба или муки.

Единственная зелень, которую возили женщины и дѣти домой, была крапива, да отчасти мятъ. Крапива росла почти въ самомъ аулѣ, а въ окрестности его можно была набрать ея цѣлый ошачій вълокъ, не прошедши даже одной сажени пространства. Изъ крапивы готовятъ особаго рода вареники, — очень любимое горцами весеннее кушанье, хотя готовится оно не часто. Чтобы приготовить изъ крапивы вареники, бросать ее ножомъ и посыпать солью, мѣшаютъ въ нее куски стараго бараньяго сала и нѣсколько яицъ, и изъ такой смѣси дѣлать вареники, употребляя для нихъ только пшеничную муку. Безъ сомнѣнiя, такой способъ приготовленiя ихъ — не по средствамъ бѣдняка-горца. Изъ крапивы готовятъ также пироги, которые вкусны тогда только, когда они горячи.

Собираемую весной мятю сушатъ и мелютъ, а потомъ порошокъ изъ нея мѣшаютъ въ тѣсто съ старымъ саломъ и дѣлаютъ чуреки. Такого приготовленiя хлѣбъ употребляется преимущественно женщинами; мужчины, считая чуреки съ мятою лакомствомъ, между прочимъ говорятъ: „женщины — это самыя сластолюбивыя созданiя. Вѣдь онѣ-же выдумали, что чуреки съ мятою должны ѣсть только женщины“.

Вторичная очистка хлѣбовъ отъ сорныхъ травъ длится до конца весны, т. е. до той поры, когда хлѣбъ начинаетъ созрѣвать. Жители ждутъ съ нетерпѣнiемъ услышать зовъ чауша, извѣщающаго о наступленiи времени жатвы хлѣба и кошенiя сѣна. Въ эту пору, наступленiемъ этой поры, начинается для хованъ самое продолжительное и тяжелое рабочее время, но оно разнообразится различными зѣтвями, имѣющими интересъ для молодыхъ людей обоого пола.

(Продолженiе будетъ).

Абдулла Омаровъ.

1870 года.

Ташкентъ.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ДАГЕСТАНУ *)

IV.

Гунибъ и его окрестности.

Въ половинѣ сентября мы стали приближаться къ Гунибу. Эта гора, весьма оригинальная по своему виду, показалась намъ въ первый разъ съ высоты перевала въ Гидъ; затѣмъ, еще яснѣе, стала она передъ нами при перевалѣ въ Тилитъ. Гораздо ближе ея, такой-же почти конструкции, стояла впереди насъ гора Тилит-жиска, называемая туземцами „Объло-гора“, а нашими солдатами „Чемодай-гора“. Последнее названіе вѣрнѣе рисуетъ ея формы.

Guniub

Едва показались передъ нами эти двѣ горы, какъ общій видъ Дагестана, съ которымъ мы уже свыклись за время полугодичнаго объѣзда его верховныхъ ущелій; посредственно и непосредственно прилегающихъ къ главному хребту, значительно измѣнился. Оставляя за собою Дагестанъ *верхній*, мы вступали въ Дагестанъ *средній*, который я-бы вѣрнѣе назвалъ — *среднимъ*: тутъ центръ страны физическій и моральный.

Было-бы весьма ошибочно представлять себѣ весь Дагестанъ страной однородною, а равно и обитателей его подводить подъ одинъ и тотъ-же типъ. Напротивъ, страна эта, какъ по физическому своему строю, такъ и по населенію, представляетъ замѣчательно-большое разнообразіе. Много значитъ, при этомъ, откуда начать свое знакомство съ Дагестаномъ — съ переваловъ-ли отъ главнаго хребта, или-же съ плосости, отъ Каспійскаго моря. Первый

*) Первые главы этого путешествія помѣщены въ 1-мъ вып. «Сборн. сред. и южн. моряхъ».

путь знакомства ведетъ отъ тѣсныхъ, суровыхъ, хотя и не скудныхъ дарами природы, ущелій къ болѣе просторнымъ и болѣе удобнымъ для жизни угодьямъ, а равно отъ полудикихъ скотоводовъ къ населенію значительно цивилизованному; второй путь представить обратный процессъ (природа и люди, но мѣръ удаленія отъ моря и углубленія въ тущобы горъ, будутъ казаться все диче и диче.

Въ первыхъ главахъ своихъ путевыхъ замѣтокъ о Дагестанѣ я старался очертить ближайшія къ главному хребту горскія угодья и отчасти переходъ отъ нихъ къ горнымъ узламъ, наполняющимъ собою Средній Дагестанъ. Теперь я займусь обрисовкою преимущественно этихъ узловъ, останавливаясь на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Характеристическою чертою этихъ послѣднихъ можетъ служить находеніе въ нѣвѣстномъ пунктѣ страны какого-либо значительнаго возвышенія или отдѣльной горы и отсутствіе тѣхъ правильныхъ, глубоко-врызывающихся въ непрерывно-танущійся хребетъ ущелій, какія примикаютъ къ главному хребту, и образующихъ собою такъ называемый Нагорный, или-же Верхній Дагестанъ. Такихъ ущелій нѣтъ именно въ Среднемъ Дагестанѣ, который представляетъ собою, какъ я сказалъ, сплетеніе нѣсколькихъ горныхъ узловъ. Отдѣльными возвышеніями и между ними холмообразная поверхность, съ большими или меньшими, но весьма не-правильно расположенными углубленіями, — вотъ общій контуръ этой мѣстности. Для болѣе нагляднаго представленія ея, можно вообразить себѣ (какъ это верѣдко и бываетъ по утрамъ), что спустился туманъ на эту мѣстность: тогда отдѣльныя возвышенія, разбросанныя тамъ и сямъ, точно всплыли своими бурокаменными вершинами на сизую поверхность тумана, залегшаго во всѣ промежутки этихъ возвышеній, всплыли и стоятъ, какъ необитаемыя острова, на атомъ зыбкомъ морѣ мглы. Подобнаго склада общій характеръ мѣстности даетъ путешественнику возможность оглядывать при перѣздахъ съ мѣста на мѣсто весьма большія пространства, разнообразныя по своимъ контурамъ, тогда какъ тамъ, въ Нагорномъ Дагестанѣ, онъ видитъ на пути своемъ только бова ущелій и,

разъ поднявшись на вершину перевала, усмотреть новый видъ, который представить собою опять таки ущелье. Житель Нагорнаго Дагестана, какой-нибудь дидоецъ или калучинецъ, если бы только сильными зимами не выгоняли его со стадами изъ родимаго ущелья на плоскость, могъ-бы, пожалуй, вообразить, что кромъ лежа обгущей по ущелью рѣчки, да высокихъ пастбищныхъ покатоств этого ущелья, и нѣтъ ничего больше на землѣ; во всякомъ же случаѣ, даже и при болѣе широкомъ кругозорѣ, верхне-дагестанцу все-таки много поводовъ изолироваться и думать въ тѣсныхъ рамкахъ замкнутыхъ своихъ ущелій. Для глазъ же и мысли средне-дагестанца значительно болѣе просторъ. Окружающіе его виды не слишкомъ изолируютъ его: Божій міръ въ глазахъ его и довольно просторенъ и разнообразенъ; онъ свободно можетъ уноситься мыслию въ даль и закидывать свои планы на значительно-широкое пространство. Вслѣдствіе такого расположенія мѣстности Дагестана, его главные жизненные нервы и центръ его самобытной интеллигенціи должны помѣщаться именно здѣсь, въ Среднемъ Дагестанѣ. Пожалуй, такъ называемая плоскость Дагестана, прилегающая къ морю, еще просторнѣе и привольнѣе для жизни; но эта плоскость съ трехъ сторонъ открыта для постороннихъ вліяній, а потому не пригодна для самозащиты и для выработки на ней самобытной интеллигенціи.

При томъ географическомъ положеніи Дагестана, по которому онъ составляетъ собою треугольникъ, имѣющій одну сторону море, а двумя другими—высокіе, почти непроходимыя горныя хребты (Андійскій и главный Кавказскій), при такомъ положеніи его, такъ мною названные горныя узлы его представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ паутинныхъ гнѣздъ, отътуда хищничьи науки могли разбрасывать свои паутинныя нити, какъ изъ центровъ къ окружностямъ, на значительныя пространства, — забѣгать и въ ущелья, спускаться и на плоскость;—и такихъ паутинныхъ гнѣздъ въ Среднемъ Дагестанѣ было нѣсколько. Хищническія, себялюбивыя стремленія этихъ нѣсколькихъ науковъ переплетясь, могли соединить свои силы и свить себѣ одно главное гнѣздо, въ такомъ пунктѣ, какимъ для этого какъ нельзя лучше могъ-бы ока-

заться Гунибъ и какой наконецъ избранъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ вождей Дагестана, подъ конецъ его самостоятельной жизни. Но было уже поздно... Съ высоты Гунибъ, дѣйствительно, можно было парить надъ всѣмъ Дагестаномъ, если-бы только главное свое гнѣздо на Гунибѣ устроилъ дагестанскій народъ, его интеллигенція, а не одинъ человекъ, значительно поправившій эту интеллигенцію.

Весьма значительная по высотѣ и очень замѣтная по оригинальнѣйшимъ своимъ очертаніямъ, Тилитлинская гора представила собою на нашемъ пути первый горный узелъ, а населеніе Тилитля — первое гнѣздо, свитое у подошвы ея, съ очень вліятельнымъ населеніемъ. Значеніе этого гнѣзда обнаружилось по преимуществу въ послѣдніе годы самостоятельности Дагестана: это родина извѣстнаго Кибитъ-Магомы, да и вообще тилитлинцы являлись себя весьма вліятельнымъ обществомъ во время шамилевского мюридизма.

Изъ четырехъ сильныхъ обществъ, окружающихъ своими поселеніями гору Гунибъ (это — Тилитля, Буадль или Куада, Корда и Андалаль), первымъ — какъ я сказалъ — на нашемъ пути было общество Тилитля (правильнѣе Телетль), все сосредоточившееся въ одномъ аулѣ того-же имени и заключающее въ себѣ до 450 дворовъ *). Большое это поселеніе расположено въ верховьѣ ущелья, примыкающаго къ Тилитлинской горѣ; строенія его скучены на брутомъ скатѣ, почти у подошвы этой горы, въ видѣ амфитеатра, и занимаютъ собою весьма крѣпкую позицію. Небольшая рѣчка шумитъ почти въ самомъ аулѣ; надъ нею кое-гдѣ зеленѣютъ деревца, почти все — ветлы; въ остальномъ аулѣ этотъ, по своему виду, во всемъ сходенъ съ нужностью другихъ, уже описанныхъ мною, средне-дагестанскихъ поселеній.

*) Въ Тилитлинскому обществу принадлежатъ, кромѣ Тилитля, еще два аула: Ури (138) и Зіури (38 дворовъ), но оба послѣдніе принадлежали прежде къ Гиду и присоединены къ Тилитлю только при Шамилѣ. Тилитлинцы, по языку своему, принадлежатъ къ тѣмъ аварцамъ, которые называютъ себя *мисарула* (горцы), въ отличіе отъ *бисарула*, такъ сказать — дикарей, къ которымъ между прочимъ относятся и гидатлинцы. См. «Сборникъ», вып. 2-й, отдѣлъ «Народныя сказанія», стр. 4—6.

Многие тилитлинцы жаловались на недостаток пахотных полей, на жаловались также на плохую урожаи своего хлеба, почти достаточно на годовое их продовольствие; но они жаловались на ограниченность пастбищных мест, что препятствует развитию у них скотоводства и овцеводства: по их показаниям, развѣ у самого важнѣшняго тилитлинскаго хозяина найдется штукъ 10 рогатой скотины и до 300 штукъ овецъ. Развитію скотоводства у тилитлинцевъ, кромѣ недостатка пастбищныхъ горъ, мешаютъ еще продолжительныя зимы, при которыхъ необходимо заготавливать кормъ почти на 7 мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе однако, тилитлинцы торгуютъ избыткомъ своего молочнаго хозяйства, хотя и въ меньшей мѣрѣ въ сравненіи съ соседями ихъ — гудатинцами. Жаловались тилитлинцы также на недостатокъ дѣса, котораго у нихъ и прежде было мало, а послѣ покоренія Дагестана стало и того меньше: „солдаты вырубали“. Сакли свои они отапливаютъ саманомъ, бязьками и рѣдко дровами, такъ какъ вязанка дровъ стоитъ здѣсь 20—25 к. При отсутствіи дома какихъ-либо ремеселъ, бѣднѣйшіе отыскиваютъ себѣ пропитаніе, уходя на заработки на прикаспійскую плоскость; такихъ, ищущихъ заработка внѣ родины, бываетъ ежегодно человекъ до ста. За тилитлинцами, однако, въ прежнее время водилось свое специальное ремесло, которымъ они и теперь не преминули похвалиться: „мы хорошіе каменщики, при Шамилѣ, мы отстраивали разоренные русскими аулы“. Не похвалились, но тѣмъ не менѣе не умолчали тилитлинцы, что за многими изъ нихъ водится еще и другое ремесло: „воровства у насъ очень, очень много“. Замѣчу встать, что, какъ-бы въ доказательство такого нелестнаго для себя заявленія, тилитлинцы постарались, въ бытность нашу въ Тилитлѣ, стануть кое-что и изъ нашего багажа, — единственный такого рода случай, приключившійся съ нами за все время путешествія нашего по Дагестану только въ Тилитлѣ. Ближайшіе сосѣди его — кудинцы — придумали у себя, специальное средство противъ воровства: „воровъ у насъ мало.“ — хвалились они: „а случится воръ, такъ мы его штрафуемъ, арестовываемъ и кродемъ того ногу его въ бревно заковываемъ на вѣсколько дней“.

Такой способ инаказания веровъ, сколько мнѣ известно, придумали въ Дагестанѣ только куядинцы, заявившіе о себѣ между прочимъ, что специальное ихъ ремесло — кузнечество. У куяди здѣсь вѣстятъ на одинъ и тилитлинскій оригинальный адатъ: отцу богатства, если у него народится семь сыновей, дается, какъ бы въ награду, особый участокъ земли. Такой адатъ указываетъ, что тилитлинцы, какъ объ этомъ сказано будетъ ниже, выказываютъ себя людьми съ задатками некоторыхъ административныхъ, даже государственныхъ способностей, — это устроители своей земли.

По дорогѣ отъ Тилитля на Гунибъ мы отчасти познакомились съ жизнью-бытьемъ еще двухъ средне-дагестанскихъ обществъ — Куядинскаго и Кородинскаго. Выбравшись изъ Тилитлинскаго ущелья и приближаясь къ Гунибу по узкой тропинкѣ, проложенной въ полугорьѣ и лежавшей нѣсколько ниже полосы еще не растаявшаго перваго осенняго снѣга, мы остановились на привалѣ, въ равномъ разстояніи отъ двухъ горъ, Тилитлинской и Гуниба, причѣмъ лежащая между ними широкая долина спускалась отъ насъ весьма покато на далекое разстояніе, до самыхъ Карадахскихъ высотъ. Все это пространство представляло изъ себя великолѣпную картину осени: по долину тамъ и сямъ, клочками, зеленѣли озими; кое-гдѣ желтѣли и краснѣли осенними листьями въ одиночку растущія деревья; мѣстами виднѣлись постройки куядинскихъ хуторовъ, окрашенные въ мелистый цвѣтъ сухаго осенняго воздуха, и рамами для всей этой картины, слева, справа и впереди насъ, служили своеобразныя, угловато-сложившіяся, но великолѣпно расцвѣченныя сѣрыми, сизыми и фіолетовыми красками, горы.

На этомъ привалѣ послѣдовалъ опросъ жителей трехъ ауловъ Куядинскаго наибства — Куяды (403 дв.), Короды (520 дв.) и Гоготля (105 дв.). Спрошенные жаловались на тѣсноту своихъ мѣстъ, на недостатки пахатныхъ и пастбищныхъ земель, на плохіе урожаи, на отсутствіе лѣса. „Посмотрите, какія у насъ наменистыя уголья! Только и сладости жить на нашей землѣ, что живешь на родинѣ“... „Ни скотоводствомъ, ни хлѣбопашествомъ поддерживать себя круглый годъ не можемъ, и развѣ при хорошемъ урожаѣ на $\frac{1}{3}$ года своего хлѣба хватаетъ“. Но все-же, сравни-

только лучшие земли принадлежатъ у кородинцевъ, худшія же принадлежатъ кородинцамъ. Такая тѣснота мѣста, по всей вѣроятности, послужила причиной развитію у здѣшнихъ жителей нѣкоторыхъ ремеселъ, обеспечивающихъ ихъ существованіе: будинцы занимаются кузнечествомъ и плотничествомъ, кородинцы — дѣланыя въ Дагестанѣ коженики, кородинцы наследуютъ въ средѣ своей нѣсколько серебрянъ; кромѣ того, въ Будѣ, а преимущественно въ Гогоулѣ, жители занимаются и садоводствомъ. Такимъ образомъ, не смотря на тѣсныя земли, здѣшніе жители далеко однако не бѣдныя; напротивъ, кородинцы, напримѣръ, слыгутъ даже своего рода бакрами. Такъ по крайней мѣрѣ заявили о нихъ жители Гоголя: „Если хлѣба своего у насъ не хватаетъ, то беремъ деньги у кородинцевъ и покупаемъ себѣ хлѣбъ на плоскости“.

До этого мѣста нашего пути по Дагестану, мы встрѣчали поля, засѣяныя преимущественно ячменемъ, рожью и пшеницею; рѣдко гдѣ попадались терраски, засѣяныя бобами и конопцедь. Въ Тилитлѣ уже сѣютъ просо, а въ Кородѣ — просо и кукурузу. Но огородовъ все еще никакихъ не встрѣчается.

Отправившись въ дальнѣйшій путь, мы стали подъѣзжать къ Гунибу съ той стороны этой горы, съ которой основаніе ея отдѣляется отъ ближайшихъ сосѣднихъ отраслей горъ глубокими оврагами. Между нашей тропой и казавшимися такъ близкими къ намъ стѣнами этой горы зеленѣла заросшая кустарниковымъ лѣсомъ пропасть, и не будь ея у нашихъ ногъ, мы, казалось, тотчасъ бы взлѣзли на Гунибъ. Между тѣмъ пришлось кружить нѣсколько часовъ, не достигая цѣли. Еще засвѣтло, мы проѣхали аулъ Ругжу *), — большой, людной, весьма благоустроенный аулъ, расположенный на довольно-ровной мѣстности; но уже въ совершенной темнотѣ мы спустились по крутой каменистой тропинкѣ къ Кара-Бойсу, перѣехали черезъ него до мосту и взлѣзли на искусственный подъемъ, ведущій къ Гунибскому укрѣпленію. Темнота осенняго вечера не позволяла видѣть мѣстность. Замѣтно подъ-

*) Аулъ Ругжа (на картахъ Ругуджа), Андалахскаго наибства, имѣетъ 428 дворовъ.

260 ✓

Место ир
Восток

во было, что мы поднимались и поднимались, но прекрасно-разра-
ботанной выгнаны дороги, да тамъ, гдѣ-то въверху, то меляли,
то исчезали огоньки. При одномъ изъ поворотовъ, мы, такъ сме-
зять, наткнулись на эти огоньки: это были освѣщенные изнутри
окна нѣсколькихъ домовъ Гунибской слободки. Послышася лай
собакъ, котораго мы еще ни разу до этого мѣста не слышали въ
Дагестанѣ; изъ-за деревьевъ свѣтились маленькія оконца, какія
обыкновенно дѣлаются въ солдатскихъ домикахъ повсюду на Кав-
казѣ, гдѣ только нашъ солдатъ обзавелся дождемъ и хозяй-
ствомъ; въ вечернемъ воздухѣ пахло русскими щами. На восем-
надцати-дневномъ пути нашемъ по Дагестану это былъ еще пер-
вый встрѣченный нами русскій поселокъ.

15-го 2-го
лет. ос.

Отъ этой слободки, составляющей, такъ сказать, первый этажъ
Гуниба, потянулся опять подъемъ на второй его этажъ, на кото-
ромъ расположена штабъ-квартира линейнаго баталіона *). На
этомъ этажѣ мы и остановились, имѣя въ виду современемъ, не
въ такую темень, побывать и на третьемъ его этажѣ, входъ въ
который занятъ Гунибскимъ укрѣпленіемъ.

3-й этажъ

Рѣдкая исторически-достопримѣчательная мѣстность такъ
почтенна на видъ, такъ внушительна и, если можно такъ выра-
зиться, такъ сановита, какъ Гунибъ. Эта громадная, на подобіе
устьеннаго конуса, особнякомъ стоящая гора, съ ея верхнимъ
стѣноподобнымъ карнизомъ, который мастерски выведенъ какъ-бы
зодчимъ-исполиномъ, чтобы окружить неприступною твердыней са-
мую верхнюю площадь горы, снабженную всякими угодами — и
водой, и лѣсомъ и полями, — эта величавая и своеобразно-красивая
горная громада сама по себѣ служить наилучшимъ и самымъ красно-
рѣчнымъ монументомъ въ память совершившихся здѣсь событій. Все
что на ней устроено до сихъ поръ, все это, предъ ея массивностью и
величавостью, весьма мизерно. И слободка, съ ея солдатскими избами
и сараями, и штабъ-квартира, съ ея наскоро слѣпленными и ско-
лоченными постройками, съ блъ топями, недавно разведенными са-
дями, и каменные стѣны строящагося укрѣпленія, все это сту-

*) Въ то время 12-го линейнаго баталіона.

невываается на скатахъ этой горы. Довольно замѣтны на ней только сѣблыя линіи дороги, отъ основанія и до вершины бороздящія восточный склонъ горы, мѣстами ложась на арки, пригнѣпленныя къ отвѣсно-падающимъ ея уступамъ.

Безъ сомнѣнія, самую интересною частію Гуніба служила и служить его верхняя площадь. Тамъ развалины аула, служившаго послѣднимъ убѣжищемъ Шамиля; тамъ цѣла еще сакля — послѣднее его жилище въ Дагестанѣ; тамъ березовая роща, съ навѣсомъ надъ каменемъ, на которомъ сидѣлъ побѣдитель, фельдмаршалъ князь Варягинскій, „25 августа 1859 года, въ 4 часа по полудни“, принималъ въ первый разъ военно-плѣннаго Шамиля; тамъ каскады и ручей, покраснѣвшіе въ этотъ достопамятный день отъ пролитой здѣсь крови русскихъ солдатъ и шамилевскихъ миридовъ... Къ этимъ достопримѣчательностямъ, относящимся къ прошлому въ исторіи Дагестана, присоединяется теперь новая достопримѣчательность, совершенно соответствующая характеру добраго мирнаго времени,—это недавно разработанная дорога, съ верхняго плато Гуніба, чрезъ тоннель, длиною въ 47 сажень, пробитый сквозъ скалистый карнизъ горы, откуда, съ высоты около 6 тыс. футовъ, дорога эта спускается по кручамъ въ долину Хотечъ-Хиндаха и далѣе, къ Мураднскимъ высотамъ, въ сосѣдство къ весьма замѣчательной Карадахской щели, извѣстной и по своей странной конструкціи, и по добычѣ вблизи ея горячаго сланца.

Что до средней террасы Гуніба, на которой теперь находится штабъ-квартира кавказскаго линейнаго баталіона, то здѣсь могутъ обратить на себя особенное вниманіе—развѣ бывшія пушки Шамиля, размѣщенныя на площадкѣ, близъ церкви: это тоже памятникъ прошлаго. Новое-же въ жизни этого устраивающагося поселенія еще не выяснилось.

Summit of Gunita ✓

Tunnel road ✓

Карадахская щель и Карадахское укрѣпленіе.

19-го сентября мы предприняли поѣздку въ Карадахское укрѣпленіе, чрезъ известное въ Среднемъ Дагестанѣ по своей изумительной конструкціи ущелье, называемое обыкновенно *Карадахскою щелью*. И дѣйствительно, это въ полномъ смыслѣ слова — щель, образовавшаяся въ высочомъ скалистомъ хребтѣ дѣйствіемъ текущей по дну ея рѣченки.

Карадахское мостовое укрѣпленіе лежитъ къ с.-з. отъ Гуниба, въ 18-ти верстахъ, и охраняетъ переправу черезъ Аварское-Бойсу. Въ то время сообщеніе между двумя этими пунктами было вьючное; но теперь, на 17 слишкомъ верстѣ отъ вершины Гуниба, по направленію къ Мурадинскимъ высотамъ, въ соосѣдство къ Карадахской щели, проведена шоссевая дорога. Въ такой безлѣсной странѣ, какъ Средній Дагестанъ, хорошимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ можетъ послужить добываемое близъ этой щели естественное богатство — горючій сланецъ, пріискъ котораго, разрабатываемый войсками, снабжаетъ ужъ и теперь гунибскій гарнизонъ топливомъ. Та дорога, по которой современемъ будетъ перевозиться въ значительныхъ массахъ это топливо, какъ я сказалъ, еще была только начата, и наша поѣздка въ Карадахское укрѣпленіе совершилась по первобытнымъ вьючнымъ тропамъ.

Спустившись съ Гуниба, мы, не доѣзжая места черезъ Кара-Койсу, поворотили влѣво и скоро вѣхали въ сады, принадлежащія аулу Хиндахъ. Сады эти довольно своеобразны. Садамъ здѣсь называется пахатное поле, обнесенное каменной изгородью и кое-гдѣ осѣняемое персиковыми, орѣховыми и абрикосовыми (курага) деревьями. Тѣмъ не менѣе, и такіе сады, при отсутствіи въ окрестностяхъ Гуниба древесной растительности, весьма прикрашиваютъ каменистую, обожженную солнцемъ мѣст-

востъ этой страны. Мы ѣхали узкими тропинками, премажъ каменныхъ низенькихъ оградъ, за которыми краснѣла стебли кукурузы и преса, а мѣстами висѣлись и зеленѣли орѣховыя деревья, нерѣдко гигантскихъ размѣровъ. Сады эти орошаются водою изъ ручья, берущаго свое начало на верхней площадке горы Гуниба. До поселенія таеъ русскаго гарнизона, воды этой базалось хиндахцамъ весьма довольно для ихъ садовъ; теперь-же, когда часть са орошаетъ и солдатскіе огороды на Гунибѣ, хиндахцы протестуютъ. Этотъ протестъ выразился хиндахскимъ джамаатомъ, — при спросѣ его о житьѣ-бытьѣ Начальникомъ Кавказскаго Горскаго Управленія, — въ слѣдующей формѣ: „мы въ Дагестанѣ слышимъ своею бѣдностью: прежде имѣли воду съ Гуниба для полива нашихъ садовъ, а теперь русскіе отвали ее — и наши сады пропадаютъ“. — Но, на пути нашемъ, нѣсколько незамѣтно было, чтобъ хиндахскіе сады пропадали. Тамъ не можѣе, если воды стало немного меньше, хотя-бы для хиндахскаго садоводства чрезъ то и не стало хуже, то какъ-же хиндахцы не протестовать и не жаловаться на свою бѣдность, когда все-таки самъ-собой представляется благовидный предлогъ для жалобы? Не поспалуйся они, — въ Дагестанѣ это показалось-бы весьма страннымъ поведеніемъ со стороны джамаата.

За хиндахскими садами послѣдовали точно такіе-же сады, принадлежащіе аулу Хоточъ. Хоточинцы прямо заявили, что живутъ преимущественно отъ своихъ садовъ, и такъ какъ ихъ угоды орошаются ужъ не съ Гуниба, то у нихъ на опросъ о житьѣ-бытьѣ явилась другая жалоба: русскіе истребляютъ лѣсъ, такъ что вотъ-вотъ и топнуть ужъ будетъ нечѣмъ. Но хоточинскіе лѣса не лежали на нашемъ пути, а потому и нельзя было увидѣть, насколько они истреблены.

Эти два аула Андалалскаго вѣводства — Хиндахъ и Хоточъ — одинъ въ 122, а другой въ 179 дворовъ, были на нашемъ пути первыми дагестанскими поселеніями, живущими отъ своихъ садовъ, а потому угоды ихъ представились глазамъ нашимъ весьма культурованною и красивою мѣстностью. Кукурузныя и пресныя поля здѣсь встрѣтились намъ толькѣ впервые. Не столько горы, сколько

во время, довольно поветна и безъ глубокихъ овраговъ, скуру жаютъ эти аулы, и хотя примыкающія къ нимъ поля весьма назвать ровною мѣстностью, но въ виду стоящихъ вблизи ея Гунибъ, Бегерскихъ высотъ и Карадахскаго хребта, она, при всѣхъ своихъ неровностяхъ, кажется все-таки весьма плоскою долиною.

По выѣздѣ изъ Хоточа, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ спусковъ и подъемовъ, среди камней, съ которыхъ въ то время снимали просо хоточинскія женщины, мы перевалились къ ложу ручья, загроможденному камнями. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе и уже становился прѣздъ: прибрежные скаты облежались, а по ложу ручья все больше и больше нагромождено было наносныхъ камней. Такимъ путемъ мы приближились къ Карадахской щели.

Еще не въѣзжая въ нее, мы остановились для ознакомленія съ пріисками горючаго сланца, удушливый запахъ котораго, получающійся при горѣніи, давалъ намъ чувствовать себя еще издали. Въ то время въ нѣсколькихъ печахъ, устроенныхъ здѣсь войсками, выжигалась известь, для доставленія ея отсюда на Гунибъ. Этотъ удушливый, весьма вредный для здоровья запахъ, сопровождающій горѣніе сланца, будетъ большою помѣхой при введеніи его въ общее употребленіе, какъ топлива. Отъ удушливости его немало уже пострадало гунибскихъ кашеваровъ и хлѣбопековъ, и только завведенныя особаго устройства печи, съ сильною тягою, устранили весь вредъ, проискающій для здоровья людей, обращающихся съ этимъ топливомъ.

Между тѣмъ, при отсутствіи лѣсовъ на горахъ Средняго Дагестана, преимущественно-же въ окрестностяхъ Гунибъ, горючій сланецъ могъ-бы послужить въ помощь скудному горючему хозяйству, немало страдающему отъ недостатка топлива. Но, безъ сомнѣнія, трудно ожидать, чтобы горцы, при ихъ консерватизмѣ, рѣшились видоизмѣнить существующій у нихъ, слежившійся вѣками, способъ постройки своихъ жилищъ; а безъ такого видоизмѣненія невозможно отапливать ихъ сланцемъ. Поэтому, хотя отыскивались новые пріиски сланца, не только вблизи Карадахской щели, но и вообще въ хребтѣ по правую сторону теченія Карадахскаго ручья, по направленію къ аулу Салты, но все-таки,

при будущемъ обилии добычки этого горючаго материала, онъ становится расходоваться преимущественно, если даже не исключительно; только войсками штабъ-квартиры Гуньба и укрѣпленія Карадахал.

По дорогѣ въ щель, можно видѣть нѣсколько штольнь, преимущественно на правой сторонѣ ручья, по которой пролетала и наша дорога. Вся добыча сланца уже и теперь доходить до 80 т. пудовъ въ годъ.

Еще одна достопримѣчательность — и мы войдемъ въ самую щель. Влѣво отъ ручья, при самомъ входѣ его въ щель, на отвѣснотыхъ стѣнахъ скалъ, на высотѣ нѣсколькихъ саженей, видны отверстія, какъ-бы маленькія пещеры. Это жилища дикихъ пчелъ, съ запасами весьма лакомаго мѣда. Отъ низу скалы, въ направленіи къ этимъ пещеркамъ, замѣтны кое-гдѣ вставленные въ разщелины ея палочки: это остатки, человеческими руками устроеннаго, хода къ этимъ пещеркамъ, съ ихъ медомъ. Чуть не сказку рассказываютъ про обладателя этой своеобразной пасѣвки. Когда, по взятіи Гуньба, наши солдаты стали добывать карадахскій сланецъ, то этотъ пасѣчникъ явился къ нимъ съ поклономъ и просьбою — не трогать его пчелъ. На такую просьбу солдаты разсѣялись: и дѣйствительно, придетъ-ли кому охота полѣзть за мѣдомъ на высоту 12—15 саженей, взбираясь по отвѣсу скалы и имѣя для опоры кое-гдѣ битыя въ нее палочки! Нѣкоторое время пасѣчникъ оставался доволенъ поведеніемъ нашихъ солдатъ по отношенію къ его пчеламъ, какъ вотъ сталъ онъ замѣчать, что кто-то навѣдывается въ его самородные улья и покидаетъ оттуда медъ. Посѣчникъ рѣшился поджарулить вора. Въ темную ночь, засѣлъ онъ у подножія карадахскихъ скалъ, не спитъ и слушаетъ, не явится-ли кто полакомиться его мѣдомъ. И точно, слышитъ онъ, кто-то поплѣзъ къ его ульямъ. Давши вору время взобратъся по-выше, старикъ выскочилъ изъ засады и гикнулъ, — въ отвѣтъ на этотъ гикъ, съ десятисаженной высоты кто-то рухнулъ къ его ногамъ... То былъ его собственный сынъ, то былъ человекъ, сумѣвшій слѣдовать по стопамъ своего отца. Безъ сомнѣнія, отъ этого достойнаго сына лежали у ногъ отца только бранные останки. Съ тѣхъ поръ обезумѣлъ старикъ-пасѣчникъ, не навѣщаетъ

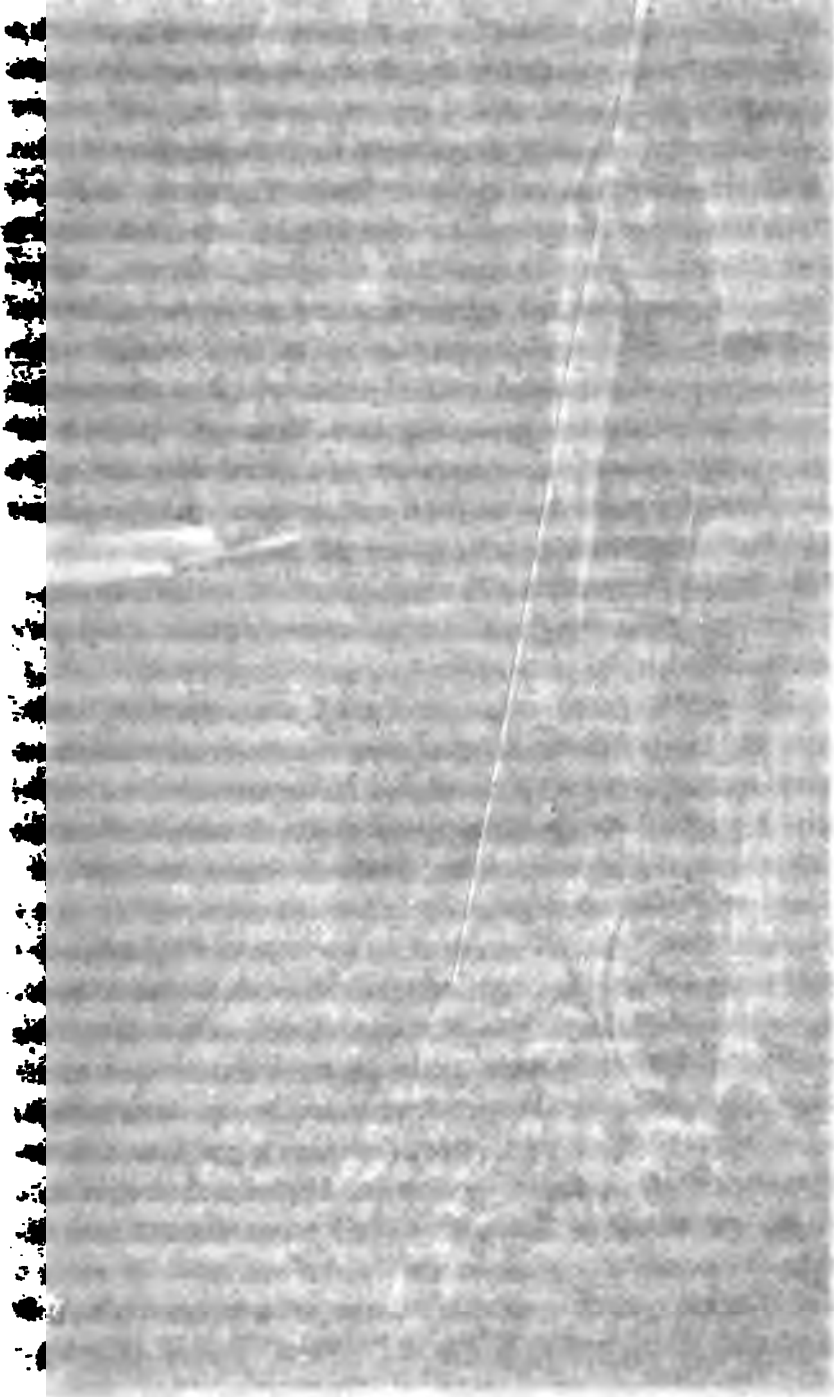
уже больше смогли увидеть, и путь въ нѣмъ, состоявшій изъ синтетрично-обитыхъ въ скалу напеченъ, отъ времени и безъ должнаго осмотра, разрушился...

Намонецъ, по деревянному мостику, переброшенному черезъ ручей, мы перобрались на лѣвый его берегъ и вступили въ Карадахскую щель. Впечатлѣнiе, въ самомъ родѣ, единственное. То былъ громадный, мрачный, нѣсколько изогнутый корридоръ, шириною въ 1—2 сажени, съ текущими по дну его ручьями; высота стѣнныхъ стѣнъ этого корридора, футовъ до 200, при уакоети его, кажется еще выше; стѣны его, известноваго сложенiя, вышпифованы водою и потому гладки, какъ бы искусно выштукатурены; надъ головою видѣется полоса неба, такая-же узкая, какъ вся эта щель; нѣстами, наверху, застряли въ ложъ каменные глыбы, готовыя, кажется, сейчасъ-же рухнуть. Въ такомъ стѣсненномъ пространствѣ отъ каждаго звука рождается чрезвычайно-шумное эхо; каждое слово, даже тихо сказанное, пролетѣетъ съ раскатомъ.

Въ тихую погоду здѣсь тоже тихо, даже черезчуръ тихо, какъ въ подземельѣ; но въ ненастье — говорятъ — здѣшній тихій ручей превращается въ бѣшеннѣйшій потокъ, поднимающійся на сажень и выше. Онъ уноситъ теченiемъ своия камни, а тѣмъ болѣе унести и разобьетъ всякаго, кто вздумалъ-бы заглянуть сюда въ такую дождливую пору.

По выходѣ изъ Карадахской щели, открывается небольшая котловина, которую со всѣхъ сторонъ обступили высоты. Склоняся нѣсколько падаетъ къ Аварскому-Бойсу, надъ который, почти въ центрѣ этой котловины, расположено Карадахское укрѣпленiе *). Пунктъ этотъ, въ стратегическомъ отношенiи, говорятъ, весьма важенъ. Здѣсь узелъ дорогъ, ведущихъ отъ Теширъ-Ханъ-Шуры, съ одной стороны — въ округа Андiйскiй и Аварскiй, а съ другой — вверхъ по Аварскому-Бойсу, по направленiю къ Ка-

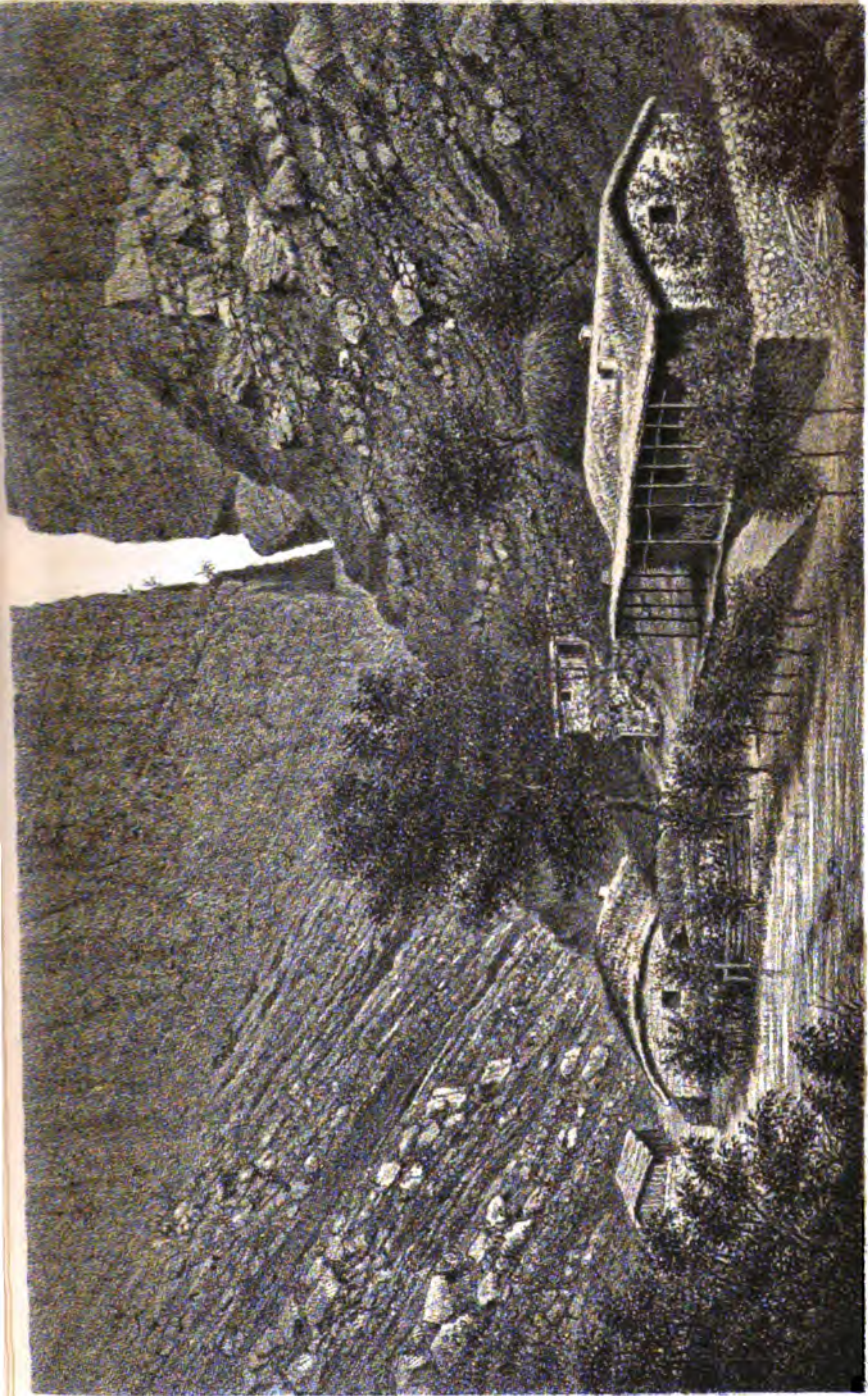
*) Названiе Карадахскаго укр. и Карадахской щели произошло, вероятно, отъ аварскаго слова *Карада*, которымъ обозначается какъ цѣлое общество, такъ и главный аулъ этого общества, лежащiй недалеко отъ укрѣпленiя.

Digitized by Google

100
101
102

103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

Худож. Виктор Томона в Тифлисе

КАРАДХСКАЯ ЩЕЛЬ.

хетів: послѣдняя дорога разработана еще только верстъ на 50, отъ Карадаха до Гидатлинскаго моста. Самое укрѣпленіе—новенькое, маленькое, для двухъ ротъ, и принадлежитъ въ разрядъ мостовыхъ укрѣпленій. Оконченная его часть находится на правомъ берегу рѣки, у каменнаго моста; этотъ мостъ предположено сдѣлать крытымъ и соединить галлерейми, какъ съ укрѣпленіемъ, такъ и съ оборонительною башней, которая выстроится на лѣвомъ берегу Койсу.

Невдалекѣ отъ укрѣпленія находится станція, какихъ въ Дагестанѣ выстроено нѣсколько и на которыхъ содержатся вьючныя и верховыя лошади, для возки почтъ и проѣзжающихъ. Это была первая такая станція на нашемъ пути по Дагестану. Тутъ-же, вблизи укрѣпленія, уже располагается русскій поселокъ, состоявшій въ то время всего изъ одного семейства: начало, быть можетъ, такой-же слободки, какія обыкновенно устрояются на Кавказѣ вблизи стѣнъ каждаго изъ нашихъ укрѣпленій. Единственный дворъ этой будущей Карадахской слободки принадлежитъ гарнизонному маркитанту, съ его семьей, ведущему, какъ замѣтно было, свои дѣла недурно. Этотъ основатель новой колоніи въ горахъ Дагестана—типъ бойкаго русскаго дворника, начинающаго обыкновенно дѣла свои съ копѣекъ и сколачивающаго нерѣдко весьма почтенный капиталъ. Мнѣ показалась весьма милою слѣдующая его выходка: навстрѣчу Начальнику Кавказскаго Горскаго Управленія онъ вышелъ съ хлѣбомъ-солью— „отъ карадахскаго общества.“ Какъ я сказалъ выше, все это общество—онъ самъ, да его семья...

На Гунибѣ мы возвращались тѣмъ-же путемъ, какимъ ѣхали въ Карадахскому укрѣпленію. По выѣздѣ нашемъ изъ щели въ обратный путь, сталъ уже наступать вечеръ. На хоточинскихъ поляхъ заканчивали свои полевныя работы женщины и эшакі: снимали и увозили съ полей кукурузу и турецкое просо. Навьюченные снопами, женщины не отворачивались отъ насъ и нѣкоторыя изъ нихъ дали намъ возможность взглянуть на ихъ лица. Мнѣ показалось, что типъ ихъ нѣсколько пригоже, чѣмъ у женщинъ верхняго Дагестана. Впрочемъ, удалось взглянуть въ лицо весьма немногимъ изъ хоточинокъ: больше пришлось видѣть, какъ онѣ, уда-

ляясь отъ дороги, представляли изъ себя колючіе снопы, двигавшіеся на ногахъ, одѣтыхъ въ штаны изъ синей бязи.

Хоточинскія поля расположены ниже хиндахскихъ; это можно было видѣть, между прочимъ, изъ того, что на поляхъ Хиндахъ кукурузы еще не снѣмали. Вечеръ былъ темный, облачный, и въ сторонѣ Тилитля слышались раскаты грома. Въ сумерки стало накрапывать и дождь. Но, съ приближеніемъ нашихъ къ Гунибу, разъяснилось, и мы стали подниматься на него по совершенно-сухой дорогѣ. На этотъ разъ аварская пословица: „гдѣ-бы ни греяло, а на Гунибѣ дождь,“—не оправдалась.

VI.

Средне-дагестанскія джамааты.

На третій день пребыванія нашего на Гунибѣ, мы спустились съ этой горы, переправились черезъ Кара-Койсу и остановились на правомъ его берегу, на ровномъ мѣстѣ, гдѣ собрались джамааты самыхъ людныхъ селеній Андалалскаго наибства — Чоха, (280 дв.), Сугратля (481 дв.), Ругжи (428 дв.) и другихъ, менѣе людныхъ селеній. Это было самое многочисленное и наиболѣе представительное собраніе дагестанцевъ, какое предстало до сихъ поръ на нашемъ пути по Дагестану. Везъ сомнѣнія, заявленія этихъ джамаатовъ были весьма разнообразны. Общее, однако, въ этихъ заявленіяхъ заключалось въ жалобахъ на тѣсноту земель, на недостатокъ въ лѣсѣ и въ пастбищахъ. Такія жалобы, при сравнительно-большой густотѣ населенія окрестностей Гуниба и при характеристическихъ особенностяхъ здѣшнихъ мѣстъ—скалистости и безлѣсьѣ,—весьма естественны. Но въ тоже время эти, жалующіеся на тѣсноту и скудность своихъ земель, общества Андалала принадлежатъ къ наиболѣе зажиточнымъ и промышленнымъ обществамъ Сред-

ного Дагестана *). Особенно же известны своими промышленными наклонностями сугратлины: они имѣютъ значительныя стада рогатаго скота и барановъ, ходятъ на заработки, торгуютъ, — сугратлинскіе базары славятся на весь Дагестанъ, — занимаются мастерствами, преимущественно же серебрячествомъ; въ Среднемъ Дагестанѣ Сугратль — это своего рода Парижъ, который въ известномъ смыслѣ называютъ также новымъ Вавилономъ, и та непримечная болѣзнь, которая известна въ Европѣ подъ именемъ французской, въ Дагестанѣ слыветъ подъ названіемъ сугратлинской. Къ несчастью, эта болѣзнь здѣсь уже не новостъ; нова она пока только въ тѣхъ трущобахъ Дагестана, которыя примыкаютъ къ главному хребту, да и тамъ уже не являются одержимыя ею.

Такъ какъ въ виду Гуніба довелось мнѣ оглядѣть самый многочисленный изъ джамаатовъ Средняго Дагестана, цвѣтъ населенія этой страны, то считаю уместнымъ собрать здѣсь въ одно нѣсколько чертъ, по которымъ-бы можно было составить понятіе о средне-дагестанскомъ джамаатѣ вообще.

Заявленія джамаата, его поведеніе, рѣчи отдѣльныхъ его членовъ, его группировка и костюмировка — все это можетъ служить въ значительной степени мѣриломъ моральнаго настроенія населенія Дагестана. Я имѣлъ возможность присутствовать на сходкахъ всѣхъ тѣхъ джамаатовъ, чрезъ общества ко торыхъ мы проѣзжали, — и вотъ мои общія заключенія по этому предмету. Чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ глубь Дагестана, тѣмъ джамааты являлись многочислѣе, рѣчистѣе, представительнѣе и дипломатичнѣе. Въ Дидо мы видѣли передъ собой двадцать-тридцать человекъ, составлявшихъ джамаатъ; въ Андалалѣ же, напротивъ, или же въ Буадѣ,

*) Вотъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, дающія хотя приближительное понятіе о степени достатка средне-дагестанскихъ обществъ:

(по свѣданіямъ за 1867 г.)

	Количество посѣва разнаго хлѣба.	Количество сбора.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	На численность жителей общ.
Въ наиболѣе развитыхъ общинахъ:						
Тадитлинскомъ	12,163	57,688	161	3,073	23,814	6,203
Кулинскомъ	25,700	180,530	500	8,352	27,715	8,409
Андалалскомъ	24,850	82,147	200	8,760	110,347	9,944

насъ окружалъ тысячеголовый джамаатъ. Въ Дидо, во главѣ джамаата, не стоялъ ни одинъ хаджи, ни одинъ офицеръ изъ горцевъ, тогда какъ въ Тилитѣ, напримѣръ, на сходѣ джамаата собралось болѣе десятка хаджи, въ бѣлыхъ и въ зеленыхъ чалмахъ, а въ Андалалѣ было довольно и хаджи, и офицеровъ изъ туземцевъ. Само собою разумѣется, что присутствіе въ джамаатѣ такого количества членовъ, выходящихъ изъ ряду вонъ, придастъ ему своего рода представительность. Эта послѣдняя, сообщаемая джамаату присутствіемъ хаджи, проявляется сколько въ костюмахъ ихъ, отличающихся отъ одежды всякаго другаго горца, столько-же, если еще не больше, въ манерѣ держать себя, усвоенной истиннъ хаджи. Но оружіе въ богатой оправѣ, не разбитая гакунами черкеска, не молодецки-посаженный на голову папахъ, сообщаютъ хаджи сановитость, — а его потуленный долу взоръ, его чело, украшенное бѣлой или зеленой чалмой, его руки, смиренно опирающіяся на посохъ, наконецъ его прѣтная лампада, красная или зеленая, драпирующая его солидно-собенный станъ. Хаджи много на плоскокости, довольно ихъ и въ людныхъ обществахъ Средняго Дагестана; но весьма немногихъ ихъ въ Верхнемъ Дагестанѣ, да и эти немногіе не имѣютъ тамъ сановитости, приличествующей своему хаджи, — глядятъ простовато, одѣты такъ сказать, не по чину, а случается — выражены чуть не по-пуготовски: такъ, помню, въ Андросо, явился въ джамаатъ хаджи, вырядившійся въ хламиду, которая украшена была вышитымъ золотомъ воротникомъ, съвѣшивъ на его шею съ шеи какого-то русскаго чиновника, чуть-ли даже не министерства юстиціи. Такая костюмировка не встрѣчалась потому ни въ одномъ изъ видѣнныхъ мною джамаатовъ: явно, что андросскій хаджи пересалилъ, какъ пересаливаютъ въ одеждѣ и многіе изъ нашихъ престоковъ-туркетовъ, побывавшихъ, напр., въ Парижѣ. Истиннъ дагестанскій хаджи не допуститъ подобной вычурности въ своей одеждѣ; онъ только не жалѣетъ для своей бороды хины, да развѣ прибавитъ къ общему костюму своему часы и четки. Но красная борода — это, такъ сказать, уподобленіе себя образу имама, а часами и четками хаджи заявляетъ свою набожность, т. е. вѣрнѣе — свою аккуратность въ исполненіи молитвъ.

✓
Hadjis

Такииъ образомъ, общіе этихъ набожныхъ личностей, по-
видавшихъ свѣтъ и людей, сообщаетъ джамаату своего рода пред-
ставительность и крѣпость: выставивши ихъ впередъ себя, давая
имъ волю говорить за все общество, это послѣднее тѣмъ какъ-бы
заявляетъ: ты съ нами не шути; мы не какіе-нибудь ахваццы;
мы вотъ какіеъ бывалыеъ и умныеъ людиъ имѣемъ! И дѣйстви-
тельно, джамаатъ за этими людьми, какъ за стѣной: его не
увидишь, не услышишь,—онъ замаскированъ. И это вотъ почему.
Эти хаджи являютя сюда какъ-бы на сцену, съ заученными рѣ-
чами, въ которыхъ нѣтъ нисколько искренности, но за то много
дипломатіи, или-же просто — лукавства. Еще не предложенъ и
вопросъ джамаату, а уже хаджи, такъ сказать, рапортуетъ, что
мы-дескать благодарствуемъ, молимъ Бога за Государя, довольны
асѣмъ начальствомъ отъ великаго до малаго,—и потому велъ рѣчь
въ томъ-же фальшивомъ тонѣ. Такъ что, для узнанія правды, не-
обходимо спросить этихъ рѣчистыхъ дипломатовъ уступить свое
слово другимъ. Рядомъ съ хаджи стоятъ старики, опираясь на
палки. Между стариками также немало красноречивыхъ, т. е. та-
кихъ, которыхъ сѣдина прикрашена хиною. Они теже мастера ге-
ворить и мастера правды не сказать. Наконецъ, престоердечивѣ-
тѣ имъ членовъ джамаата, которые еще не мажутся хиною.

Нужно видѣть дагестанскіе пути сообщенія, нужно всмо-
трѣться во все естественныя преграды, положенныя здѣсь приро-
дою для разобщенія людей,—и, однако, люди общаются здѣсь не
въ примѣръ легче, чѣмъ, напримѣръ, живущіе въ нашихъ рав-
нинныхъ или степныхъ деревняхъ русскіе поселяне, не нуждаю-
щіеся даже и въ дорогахъ, потому что поле и дорога равне про-
ходимы. Здѣсь не то; здѣсь великій переходъ изъ аула въ аулъ, *difficulty of*
отъ общества въ общество—своего рода подвигъ, рискъ и во вся-
комъ случаѣ большой трудъ, а между тѣмъ общеніе зачатѣль-
ное. Вѣсти, новости, разносятся въ горахъ съ изумительною скоростію;
и приказанія начальства, власти, исполняются здѣсь такъ-же быстро,
какъ-бы страна перекрещивалась телеграфными проводами. На завтра,
напримѣръ, нужно собрать джамаатъ изъ всехъ ближнихъ обществъ—
и джамаатъ непременно соберется; кто пѣшій, кто конный, явятся все *intention*

не призыву, преодолевъ, безъ сомнѣнія, значительныя трудности въ пути. Это фактъ, въ которомъ я убѣдился множествомъ примѣровъ.

Но вѣтъ состоялся джамаатъ. Всѣ члены его держатъ себя весьма дисциплинированно: у мѣста молчатъ, у мѣста говорятъ и нѣкоторые говорятъ весьма бойко, плавно и дипломатично, у мѣста слушаютъ; интересъ каждаго — предметъ сходимы, совѣщанія, и если джамаатъ собирается въ аудѣ, поддѣ строеній, то крыши ихъ переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которымъ нѣтъ мѣста въ средѣ самаго джамаата — несовершеннолѣтними, а иногда и женщинами. Это не стадо; это — строго-дисциплинированная толпа; импровизированнымъ поведеніемъ ея на сходкѣ можетъ остаться доволенъ любой поклонникъ порядка. Только, какъ сказалъ я выше, одни хаджи ужъ черезчуръ усердствуютъ.

Кто усилъ и сумѣлъ такимъ образомъ вышколить дагестанцевъ? Будто Шамиль? Едва-ли. Дисциплина въ Дагестанѣ заявляетъ себя не чѣмъ-либо привнесеннымъ, завезеннымъ: она, такъ сказать, вытекаетъ изъ существа дагестанца, она замѣчается даже и въ тѣхъ обществахъ, на которыя власть Шамилля распространялась весьма слабо, какъ напримѣръ — въ обществахъ Верхняго Дагестана. Вѣрнѣе, эта дисциплина есть плодъ стародавности дагестанскаго склада жизни, который, для поддержанія себя, для самозащиты, обусловливалъ присутствіе въ каждой дагестанской общинѣ сторожкости, чуткости, порядка и быстроты въ дѣлствіяхъ. Такимъ образомъ, въ этой дисциплинѣ дагестанца выражается — по моему мнѣнію — одинъ изъ самыхъ доказательныхъ признаковъ стародавности дагестанскаго быта.

Вслушиваясь въ отвѣты, какіе джамааты давали на вопросы объ ихъ житьѣ-бытьѣ, нельзя было не прийти къ заключенію, что джамаатъ вообще, какъ и слѣдовало ожидать, весьма консервативенъ, что всякій адатъ ему дорогъ и что онъ готовъ стоять за него даже и въ такомъ случаѣ, когда раскрываютъ всю несостоятельность этого адата. Но этотъ джамаатскій консерватизмъ не столько консерватизмъ инстинктивный, бессознательный, какимъ отличается всякая народная масса, сколько консерватизмъ тенденціозный.

Жалуются, напр., члены сходки на скудность даровъ своей природы, на неурожай, на бѣдность свою, на болѣзни, ихъ угнетающія: вы подумаете, что они, высказывая это, ищутъ средствъ помочь чѣмъ-нибудь такимъ невзгодамъ своимъ и тотчасъ навѣдутся на вашъ спасительный совѣтъ, рекомендующій то или другое средство противъ бѣды, подхватятъ его и постараются примѣнить къ дѣлу. Ошибаетесь. Жаловаться вообще—это въ тенденціяхъ горца, выставить скудность своихъ средствъ передъ высшимъ, передъ сильнѣшимъ—это тоже въ его тенденціяхъ; но въ его-же тенденціяхъ, и при дѣйствительной нуждѣ, послушать-послушать, что скажутъ на это заявленія, и остаться вѣрнымъ прежнему пути, прежнему сожителству своему съ неминуемой бѣдою. „Вотъ, вы жалуетесь на скудность своихъ полей, на плохіе урожаи, на то, что вамъ ѣсть нечего: отчего-бы вамъ къ хлѣбопашеству не прибавить труда на огородничествѣ,—картофель-бы сѣяли, разводили-бы лукъ, чеснокъ, капусту, бураки, огурцы и другія огородныя овощи?“—„Земля не родитъ“.—„Да вы пробовали?“—„Нѣтъ, не пробовали“.—„Какъ-же вы говорите, что земля не родитъ, коли не пробовали! А что земля ваша годится подъ огороды, такъ вотъ посмотрите только на русскія укрѣпленія: при нихъ всюду огороды есть, и отличныя“.—„Это у русскихъ, такъ, а не у насъ“.—„Да если у русскихъ, на этой-же землѣ, разводятся хорошіе огороды, то и у васъ такіе-же будутъ: попробуйте только“ . . . — „Да оно такъ, только у насъ на это адата нѣтъ“.—„Зачѣмъ вамъ адата? Введите его сами, если вы считаете его полезымъ. Вѣдь картофель ѣли?“—„Какъ-же, ѣли“.—„Что-жъ, нравится?“—„Да, хорошая пища. . . Какъ бываемъ у русскихъ, такъ кушаемъ охотно“.—„Ну вотъ, сами видите: стало быть, эту хорошую пищу у себя слѣдуетъ завести; вотъ вамъ и подсюрье въ вашемъ скудномъ хозяйствѣ“.—„Такъ-то такъ, да только все-же у насъ адата на это нѣтъ“ . И сколько-бы вы ни толковали на эту тему—результатъ одинъ: хорошо, да адата на это хорошее нѣтъ. А чтобъ наконецъ избавиться отъ вашихъ совѣтовъ, горецъ дипломатично уступитъ вамъ, поблагодаритъ васъ за совѣтъ, завѣритъ, что онъ ему непремѣнно послѣдуетъ, а въ концѣ концовъ—онъ и пальцемъ не пошевелитъ

для выполненія совѣта вашего на самомъ дѣлѣ. Тоже и со всякими другими жалобами. Оспа, напр., помыается въ горахъ; нужно-бы—все про это знаютъ—прививать оспу, да опять — адата на такое хорошее дѣло вѣтъ. И оспа пусть себѣ свирѣпствуетъ. Чтобъ защитить адату, иной горецъ, рьяный приверженецъ своихъ тенденцій, начинаетъ доказывать, что и съ привитомъ оспой умираютъ, что такова ужъ воля аллага, что противъ его воли не стать-же идти. . . Такая тенденція у всѣхъ на умѣ, но она еще сильнѣе у тѣхъ, которые—изъ горской вѣжливости—будутъ разсыпаться въ благодарностяхъ за вашъ добрый совѣтъ. Эти дипломаты—или хаджи, или потернѣея около русскихъ, вліятельные горскіе люди, нерѣдко украшенные медалями и орденами, обладающіе даже мочтеннымъ военнымъ чиномъ. Но загляните въ ихъ свекля, гдѣ паритъ полный горскій адата: дѣти тамъ, навѣрное, или въ оспѣ, или перенесли ужъ натуральную оспу.

Впрочемъ, какъ я сказалъ выше, отъ тѣхъ членовъ джамаата, которые стоятъ впереди другихъ, нельзя добиться искренности, правды. Нужно попытать ту безмолвно-слушающую массу людей, которая прячется за краснобородыми: она молчитъ, но, какъ и всякая масса, таитъ въ себѣ настоящее значеніе неискреннихъ, дипломатичныхъ заявленій своихъ рѣчистыхъ представителей. Безъ сомнѣнія, масса эта должна быть консервативна; она стоитъ за свой стародавній адата, а равно стоитъ противъ всякаго нововведенія, потому что это въ натурѣ всякой массы. Такіе свойства ея всегда пользуются для собственныхъ своихъ интересовъ тѣ выдающіяся изъ нея личности, которыя называются вожаками толпы. Къ сожалѣнію, этими вожаками являются въ Дагестанѣ во большей части хаджи: они-то и сообщаютъ весьма естественному и въ существѣ здоровому консервативному массе ту тенденціозность, которую можно признать за характеристическую черту общества дряхлаго, уже отживающаго свой вѣкъ. Тенденціозность—это, такъ сказать, ржавчина мысли: она тормозитъ быстроту ея полета, скорость ея воспріятій; она — врагъ всякаго прогресса и постоянный спутникъ рутины; она не стремится къ уясненію дѣла, а только замазываетъ глаза на него и свои и другихъ. Этой

тенденціозности всего больше въ бесѣдахъ старцевъ, искушенныхъ — какъ говорятъ — въ горнильѣ опытности, и ея меньше всего въ средѣ людей свѣжихъ, пытливыхъ, жаждущихъ свѣта и правды и вполне годныхъ для воспріятія всякаго новаго ихъ луча.

Безъ сомнѣнія, такая, подчасъ мудрая, но чаще мудрящая, склонность весьма заразительна, потому что усвоивать ее не трудно; отъ вожаковъ она переходитъ къ водимымъ. Поэтому, тѣ дагестанскіе джамааты, которые имѣютъ впереди себя наименьшее число хаджи и вообще краснородныхъ, повидимому — самые здоровые джамааты. И если-бы понадобилось указать предѣлы, съ которыхъ въ Дагестанѣ нравственное здоровье населенія зачѣтно слабѣетъ, то, кажется, не будетъ ошибки утверждать, что оно еще крѣпко въ Верхнемъ Дагестанѣ, нѣсколько слабѣетъ въ Среднемъ и въ весьма сомнительномъ состояніи находится на плоскости. А потому, кто имѣетъ въ виду ознакомиться съ самобытнымъ складомъ дагестанской жизни, съ тѣмъ, какъ она сложилась подъ вліяніемъ лишь мѣстныхъ условій, внѣ вліяній пришлыхъ, чуждыхъ ей элементовъ, тотъ долженъ обратить свое вниманіе преимущественно на общества Верхняго Дагестана, гдѣ дагестанская самобытность покоится еще, такъ сказать, въ безсознательномъ состояніи, и затѣмъ — на общества Дагестана Средняго, гдѣ она осмысливается, но понемногу слабѣетъ; искажается-же она постепенно по направленію къ морю, къ плоскости, осложняясь притѣсью многихъ ностороннихъ вліяній.

Я не возьму на себя разрѣшенія трудной задачи, въ чемъ именно заключаются главнѣйшія черты дагестанской самобытности; я могу указывать только на нѣкоторыя ея проявленія, бросающіяся въ глаза пробакаго. Такъ напр., нельзя не замѣтить, что въ Дагестанѣ все, что можетъ служить для защиты страны, для сохранения ея отчужденности отъ остальнаго міра, — все это находится въ цѣлесообразномъ порядкѣ: тропинки едва существуютъ; аулы неприступны, каждое жилище въ отдѣльности неудобопроницаемо; и всѣ эти кажущіяся намъ неудобства дагестанской жизни носятъ на себѣ одинъ стиль, созданы по плану какъ-бы одного архитектора. Такая неудобная для жизни обстановка не

иѣшаетъ, однако, какъ я сказалъ выше, замѣчательной общительности дагестанцевъ между собою, слѣдовательно — такая обстановка неудобна только для чужихъ. Этому своеобразному внѣшнему складу дагестанской жизни должна, безъ сомнѣнія, соответствовать и внутренняя сторона той-же жизни. Словомъ, кто видѣлъ Дагестанъ, тотъ согласится, что страна эта представляетъ замѣчательный, въ высшей степени своеобразный міръ, и въ общихъ чертахъ и въ мелочахъ, сложившійся по одной мѣрѣ, по одному идеалу, такъ что не будетъ натяжкой приписать ему обладание своего рода цивилизаціей, которой внѣшнею отличительною чертою служить *искусство въ горномъ домостроительствѣ*.

„Мы хорошие каменщики“ — заявлялъ о себѣ тилитлинскій джанаатъ: „мы мастера строить аулы“. . . Это признаніе тилитлинцевъ, говорившихъ на сходкѣ устами только самыхъ тонкихъ домостроительныхъ своихъ дипломатовъ, не можетъ быть разсматриваемо въ одномъ прямомъ его смыслѣ: нѣтъ, въ этомъ заявленіи тилитлинской дипломатіи звучала нота, которая побуждала видѣть передъ собою въ лицѣ предстоявшихъ и говорившихъ — не простыхъ каменщиковъ, а тѣхъ строителей, которыми устраивался край; даже больше: это не только строители, архитекторы и инженеры, но онѣ-же и тѣ моральные камни, на которые слѣдуетъ смотрѣть, какъ на жидительный матеріалъ всего дагестанскаго склада жизни.

Само собою, не одни тилитлинцы должны быть признаны мастерами горнаго дагестанскаго домостроительства; стонть взглянуть въ любой уголокъ Дагестана, — и всюду въ немъ окажется, что это домостроительство процвѣтаетъ. Но много значить, что въ заявленіи тилитлинцевъ объ искусствѣ ихъ строить аулы замѣтно было сознаніе, что такимъ искусствомъ въ Дагестанѣ по истинѣ можно гордиться.

Дѣло каменщика, строителя — великое для Дагестана дѣло. Безъ сомнѣнія, научиться этому дѣлу всего легче было для дагестанцевъ у природы, ихъ окружающей: стройся такъ, какъ она устроена, т. е. сдѣлай и свои жилища столь-же трудно доступными, какъ недоступны трупцы дагестанскихъ горъ. Но, какъ извѣстно, великое дѣло есть нерѣдко самое простое, самое повидимому легкое дѣло.

Продолжительной войной съ могущественнымъ сосѣдомъ дагестанцы, кажется, хорошо доказали, что они вполне усвоили это наставленіе окружающей ихъ природы. Правда, еще гораздо раньше, они впустили къ себѣ посторонній элементъ, отъ котораго не защитились своимъ искусствомъ въ горномъ домостроительствѣ,— впустили исламъ. Но этотъ захожій элементъ нашелъ себѣ у дагестанцевъ только кажущійся радушный приѣмъ, да и то преимущественно у жителей плоскости; ядро-же дагестанскаго населенія, засѣвшее въ окрестностяхъ Гуниба и въ верховыхъ ущельяхъ Дагестана, относилось къ нему довольно равнодушно, пользуясь его услугами только въ крайнихъ случаяхъ, какъ единственно-возможнымъ союзникомъ для самообороны. Онъ служитъ и теперь для истыхъ дагестанцевъ не больше какъ религіей официальной; сердечной-же ихъ религіей остается стародавній адатъ, выработавшійся подъ влияніемъ требованій горнаго домостроительства, преподаннаго складомъ мѣстной природы. Теперь стала уже довольно явною ошибка Шамиля, состоявшая главнымъ образомъ въ томъ, что онъ стремился быть больше мусульманиномъ, чѣмъ дагестанцемъ, чрезъ что и проигралъ все свое громадное значеніе въ Дагестанѣ.

Такимъ образомъ, судя о Дагестанѣ по первымъ впечатлѣніямъ, нельзя не прийти къ выводу, что основа дагестанской самобытности, или-же своего рода дагестанской цивилизаціи, лежитъ въ своеобразномъ искусствѣ горнаго домостроительства, понимая послѣднее въ самомъ обширномъ значеніи, т. е. какъ въ отношеніи устройства частнаго жилья, такъ и въ отношеніи частнаго и общественнаго распорядка, обусловливаемого требованіями горной архитектуры. Съ этой точки зрѣнія легко понимаются и дурныя и хорошія черты дагестанской своеобразности. . .

VII.

Поѣздка въ Кумухъ.

20-го сентября мы оставили Гунибъ—центр управления Гунибскаго округа и всего Средняго Дагестана, и выѣхали въ Кумухъ—центр управления Казикумухскаго округа. Раннимъ утромъ, при ясной и теплой погодѣ, мы спустились съ Гуниба и, не доѣзжая моста чрезъ Кара-Койсу, своротили вправо; черезъ быструю рѣчку эту, въ ту пору довольно-маловодную, мы переправились въ бродъ и направились къ аулу Чохъ, построенному на одномъ изъ отроговъ Турчидага.

Верстѣ пятнадцать ѣхали мы среди безжизненной мѣстности, изрытой оврагами, съ глинисто-песчаной почвой, лишенной почти всякой растительности. Впереди, все ближе, прояснялся Турчидагъ—безлѣсная, продолговатая, съ крутыми скатами, гора, высотой до 7 тыс. футовъ; контрфорсами къ ней примыкали скалистые, невысокіе отроги, и на ближайшемъ изъ нихъ показался Чохъ. Аулъ этотъ занимаетъ одну изъ наиболѣе сильныхъ позицій Средняго Дагестана: въ 1742 г., подъ Чохомъ потерпѣлъ поражение Надиръ-шахъ; впослѣдствіи, при Шамилѣ, Чохъ составлялъ своего рода крѣпость, служившую преградой русскимъ войскамъ, напиравшимъ съ Турчидага на Андалалъ.

Съ трудомъ поднялись мы на узкій чохскій гребень, съ одной стороны застроенный саклями, а съ другой падающій глубокимъ обрывомъ. На самой вершинѣ этого гребня, на мѣстѣ разрушенной шамилевской крѣпости, выстроились теперь довольно-благообразныя сакли, изъ тесанаго камня, съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто обыкновенныхъ въ горахъ внутреннихъ деревянныхъ заслонокъ, вставлены рамы со стеклами; галереи были опрятно выѣлены, чрезъ что верхнія чохскія сакли глядѣли гораздо привѣтливѣе построекъ прочихъ средне-дагестанскихъ ауловъ, по цвѣту своему совершенно подходящихъ къ грунту горъ. Мы остановились на отдыхъ въ саклѣ наиба (Чохъ есть главное селеніе Андалалскаго

набства), убранной не столько во вкус чисто-горскомъ, сколько роскошномъ или парсидскомъ: обиліе повровъ, тюфиковъ и одѣялъ, убитная и неубитная драпировка стѣнъ и оконъ, наполненныя всякаго рода посудой ишии, — все это почти роскошно въ сравненіи съ убого-простою обстановкою чисто-горскаго жилья. Гостепріимная хозяйка угостила насъ своей страшии обѣдомъ; томе не въ горскомъ вкусѣ: поданы были супъ, битки и жаренныя перешелки, — впрочемъ, супъ былъ предложенъ по-горски, т. е. въ русскихъ чайныхъ полоскательныхъ чашкахъ.

За Чохомъ наступилъ утомительно-длинный и трудный подъемъ на Турчидагъ. Когда, наконецъ, мы взѣхали на вершину этой горы, — нельзя было не вдохнуть въ себя весело свѣжій, здоровый нагорный воздухъ, нельзя было не взглянуть на необозримый видъ, отерывшійся предъ нами. Справа, глубоко внизу, лежалъ почти весь Средній Дагестанъ, проглядывавшій черезъ синеватую дымку множествомъ своихъ вершинъ и впадинъ, каменистыхъ, безлѣсныхъ и вообще безжизненныхъ, между которыми особенно угловато выдѣлялись контуры Гуниба и Кегерскихъ высотъ. Таковъ былъ видъ по направленію къ сѣверо-западу. Слева-же, на востокъ, за широкимъ зеленымъ плато Турчидага, тянулась въ отдаленіи фіолетоваго цвѣта цѣпь Цудахарскихъ, Акушинскихъ и Кутитинскихъ высотъ, образующихъ постепенно-возвышающіяся террасы.

Не смотря на позднее время года, широкое плато Турчидага представляло роскошно-зеленѣвшее пастбище. Пробираясь промежъ высокой травы, мы не разъ встрѣтили на пути нашемъ большія стада барановъ. Завидя наше приближеніе, пастухи этихъ стадъ схватывали какого-нибудь, менѣе другихъ проворнаго барана, тащили его поближе къ тропинкѣ, по которой мы ѣхали, и уже заносили кинжалъ надъ несчастной жертвой, попавшейся на закланіе въ честь проѣзжаго почетнаго гостя. Большихъ усилій стоило удержать пастуховъ отъ исполненія такого кроваваго требованія горно-пастушескаго этикета.

Проѣхавъ версты три-четыре по плоской вершинѣ Турчидага, въ направленіи на юго-востокъ, мы снова повернули къ западному склону этой горы, и путь нашъ пошелъ по ея карнизу,

съ высоты котораго трудно было глядѣть внизъ, не испытывая головокруженія. Въ глубинѣ пропасти, открывавшейся въ двухъ-трехъ шагахъ отъ нашей тропинки, снѣжи, покрытые мглой, холмы и овраги Андалала; въ двухъ котловинахъ его едва можно было различить скученныя постройки ауловъ: ближе—Меге, а дальше—Сугратля, и казалось, что къ нимъ нѣтъ отсюда другаго пути, какъ только по воздуху... Вообще, видъ съ этого карниза Турчидага способенъ доставить провзшему сильныя и въ своемъ родѣ единственныя ощущенія.— Затѣмъ, понемногу спускался, мы взѣхали на горную перемычку, соединяющую Турчидагъ съ хребтомъ, идущимъ по правую сторону Кара-Койсу, и такимъ путемъ достигли границы между округами Гунибскимъ и Казикумукскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и водораздѣла между притоками Кара-Койсу и Казикумукскаго-Койсу.

Казикумукскій округъ, образованный изъ Казикумукскаго ханства, причисляется въ административномъ отношеніи къ Среднему Дагестану. Но мѣстность и обитатели этого округа имѣютъ много своихъ особенностей. Мѣстность Казикумуха, даже и по сравненіи ея съ небогатыми угодьями прочихъ частей Средняго Дагестана, представляется весьма непригодною для жизни; обитатели-же ея, — особое племя, само себя называющее *лакъ*, — принадлежитъ къ наиболѣе промышленнымъ и предприимчивымъ обществамъ всего Дагестана. Безъ сомнѣнія, между первымъ и вторымъ обстоятельствами должна быть своя причинность *).

Съ сѣдловины Турчидага мы спустились въ тѣсное и мрачное ущелье, въ направленіи къ югу, и скоро достигли ложа горной рѣчки, называемой Варайндал-нихъ и берущей свое начало на горныхъ скатахъ этой горы. Тропинка, по которой мы ѣхали,

*) Читатели «Сборника» имѣютъ уже значительный матеріалъ для ознакомленія съ *лакцами*, въ статьяхъ: «Казикумукскія (лакскія) народныя сказанія» (Сборн., вып. I), «Казикумукскіе и хюринскіе ханы» (имп. II) и «Камы живутъ лакцы» (вып. III).

покинул вблизи возвышенія самой рѣчки; съ обѣихъ сторонъ ея высились бесплодныя скалы, на которыхъ нигдѣ не пригодно было ни дерева, ни кустарниковъ; нигдѣ, на сѣрнхъ скалахъ и болѣе отдаленныхъ горахъ, показывавшихся мѣстами изъ-за ближнихъ скалъ, не видно было никакихъ слѣдовъ пахати, хотя и есть въ нѣсколькихъ пунктахъ этого ущелья небольшіе поселки. Мы проѣхали только вблизи одного изъ нихъ, по имени Варайми, расположеннаго своими постройками такъ, что издали онъ казался однимъ сплошнымъ строеніемъ, въ видѣ форта.

Такимъ мрачнымъ горнымъ корридормъ вѣдали мы вереть двадцать, почти до самаго сел. Кумуха, передъ которымъ мѣстность нѣсколько расширилась. Уже при видѣ одного этого ущелья становилось вполне ясно, почему лаки, ежегодно, въ значительныхъ массахъ оставляютъ родину и отправляются добывать себѣ хлѣбъ на сторонѣ, то заработками на плоскости, то торговля и занимаясь разнаго рода ремеслами, преимущественно же лудильнымъ и мѣднымъ мастерствами, въ другихъ обществахъ Дагестана и даже далеко за предѣлами его *).

Главное селеніе лавовъ, Кумухъ (по мѣстному выговору — Гумухъ), показалось на вершинѣ холмистаго возвышенія и глядѣло издали длиннымъ рядомъ строеній, между которыми замѣтны были круглыя бани и значительное число стоговъ хлѣба. Но прежде чѣмъ вѣхать въ Кумухъ, нужно было сперва пробираться по крутому кесогору, надъ обрывомъ, пониже сел. Вильтахъ, затѣмъ спуститься къ рѣчкѣ, подняться на возвышеніе и оттуда, черезъ оригинальный мостокъ, перебраться въ самый Кумухъ. Мостокъ этотъ переброшенъ черезъ глубокой оврагъ, состоитъ всего изъ двухъ-трехъ бревенъ и не имѣетъ никакихъ перилъ, такъ-что приходится, проѣзжая его, испытывать ощущенія балансировки на

*) Въ Казикумухскомъ округѣ считается свыше 34 тыс. жителей; изъ нихъ мужскаго пола болѣе 16 тыс. Изъ этого послѣдняго числа, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною въ окружномъ управленіи, уходили на заработки, по билетамъ: въ 1860 г. — 5735 челов., въ 1861—4890, въ 1862—4605, въ 1863—3510, въ 1864—6505, въ 1865 — 6108, въ 1866 — 5452, т. е. среднимъ числомъ ежегодно между 5-ю и 6-ю тыс. мужчинъ, или же около $\frac{1}{3}$ всего мужскаго населенія округа.

Comit. s

✓
m. l.
bridge
✓

Въ Казикумухскомъ округѣ
90 а. б. 7
34 тыс. ж.
мужск.

канатъ. Одинъ изъ нашихъ проводниковъ-лакцевъ, говорившій немного по-русски;—прежде чѣмъ взлѣзть на этотъ мостокъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее: однажды ѣхалъ въ Кумухъ какой-то армянинъ, и нужно-же было, чтобъ въ тотъ-самый мигъ, когда онъ проѣзжалъ средину мостка, вдругъ изъ-подъ него выпорхнулъ голубъ: лошадь испугалась, метнулась въ сторону и рухнула вмѣстѣ съ всадникомъ въ пропасть... Послѣ этого разсказа, проводникъ стеснулъ нагайкой своего коня и покатился черезъ злополучный мостокъ, имѣющій длины шаговъ двадцать или тридцать.

Съ перваго-же взгляда на Кумухъ, селеніе это, расположеніемъ своимъ и постройками, значительно разнится отъ видѣнныхъ уже нами селеній Средняго Дагестана. Мѣсто, на которомъ онъ построено, — значительное ровное и просторное; къ нему прилегаютъ озерцо, или большой четырехугольный прудъ родниковой воды; за этимъ озерцомъ — большая площадь, служащая мѣстомъ здѣшнихъ базаровъ; къ площади, съ сѣверо-западной стороны, ведутъ прѣѣжія улицы, а съ юго-восточной ее отбѣгаетъ, въ глубокіе оврагъ, рѣка Казикумухское-Койсу; съ прочихъ сторонъ селеніе окружаютъ покатыя холмистыя высоты, на которыхъ вдали тамъ и сямъ видѣются аулы. Не смотря на такой, по-видимому, мирный характеръ устройства Кумуха, онъ все-же занимаетъ собою крѣпкую позицію, которая защищается то глубокими оврагами, то оборонительными башнями; кромѣ того, мѣстность, занимаемая Кумухомъ, важна въ томъ отношеніи, что она составляетъ какъ-бы узелъ всѣхъ ущелій казикумухской территоріи.

Мы пробыли три дня въ Кумухѣ и успѣли осмотрѣть его достопримѣчательности, которыхъ, впрочемъ, не много. Поселеніе это довольно-древнее. Уже арабскіе завоеватели Дагестана застали Кумухъ главнымъ селеніемъ (по мѣстному названію — городомъ) лакцевъ. Такъ, дагестанскія лѣтописи повѣствуютъ, что во II вѣкѣ гиджры, арабскій полководецъ Абу-Муселимъ, по занятіи Дербента, пошелъ въ Кумухъ, что эмиры и жители послѣдняго, послѣ нѣсколькихъ битвъ, просили пощады и приняли исламизмъ, что Абу-Муселимъ украсилъ Кумухъ многими постройками, въ томъ числѣ мечетями, что, наконецъ, онъ поставилъ здѣсь правителемъ Шал-

Баала, сына Абдулли, сына Абаса, дяди пророка Магомеда, и назначилъ при немъ казю, для обученія жителей обрядамъ новой вѣры *). Съ завоеваніемъ Кумуха арабами имѣютъ тѣсную связь всѣ его достопримѣчательности. Изъ нихъ главнѣйшія — его мечети. Но едва-ли хотя одна изъ нихъ современна самому нашествію арабовъ на Дагестанъ, едва-ли сохранилась и надпись 777 г. по Р. Х., гласящая о занятіи Кумуха Абу-Муселимомъ и о времени построенія имъ мечети. — Мѣстный кадій, къ сожалѣнію, не могъ указать намъ этой надписи, а та самая мечеть, которая въ Кумухѣ считается главною и самою древнею, — видимо позднѣйшей постройки; по словамъ кумухцевъ, она перестроена изъ старой, при Магомедъ-ханѣ (+ 1789 г.). По Дагестану, мечеть эта можетъ считаться даже великолѣпной постройкой: она сложена изъ большихъ тесаныхъ камней, мѣстами узорчато-высѣченныхъ, съ большимъ куполомъ и съ рядами арокъ; она просторна и довольно-хорошо освѣщена. Нахожденіе въ Кумухѣ такой мечети, да еще меньшихъ семи, при населеніи его всего въ 2,500 человекъ, могло придать этому селенію въ глазахъ окрестныхъ жителей значеніе какъ-бы священнаго мѣста, даже и помимо того обстоятельства, по которому кумухцы, будто-бы, изъ числа первыхъ въ Дагестанѣ приняли исламъ, за что и получили почетное прозвище — *гази*, или *кази*, т. е. ратующіе за вѣру. Кромѣ того, Кумухъ богатъ кладбищами, своего рода святынею. На этихъ кладбищахъ, изъ которыхъ два ханскихъ, нѣтъ памят-

✓
Date of
calling of
Kumukh by
Arabs

*) Свѣдѣнія эти имѣются между прочимъ въ рукописной исторіи Дагестана, составленной Абасъ-Кули-Бакихановымъ, пользовавшимся лѣтописными дагестанскими сказаніями, что сходно и съ сказаніемъ о Дербентѣ (Дербентъ-наме), хотя нѣсколько противорѣчатъ извѣстному преданію казикумучевъ, приведенному въ статьѣ г. А. К.: «Казикумухскіе и Кюринскіе ханы» (Сборн., вып. II, стр. 5), по которому «жители Кумуха сами прислали выборныхъ къ арабскому полководцу Абу-Муселиму просить о посылкѣ къ нимъ наставниковъ въ новой вѣрѣ». Въ одномъ изъ бывшихъ у меня подъ рукою дагестанскихъ тавариховъ (лѣтописей) прямо сказано, что арабы, устроившись въ Дербентѣ, «стали всѣмъ случая напасть на Кумухъ, съ которыми по наружности были въ мирѣ. Они воспользовались первымъ походомъ, напали на Кумухъ, разорили его, а жителей обратили въ исламъ; не-
«Арабскими-то убили.»

никовъ, особенно замѣчательныхъ ни по своему виду, ни по древности. Вообще, всѣ надмогильные камни у мусульманъ-дагестанцевъ почти одинаковой формы, различаясь только величиной, искусствомъ насѣчки и болѣе или менѣе пространный надписью, — таковы-же надмогильные камни какъ на ханскихъ, такъ и на прочихъ кладбищахъ Кумуха. Но большое число этихъ кладбищъ, вмѣстѣ съ преданіемъ, слышаннымъ мною въ Кумухѣ, что селеніе это служило мѣстомъ общаго погребенія для окрестныхъ селеній, — могло тоже придать ему значеніе священнаго мѣста *). По всей вѣроятности, въ отношеніи окрестныхъ селеній Кумухъ имѣлъ права метрополи, и остатки этихъ правъ до сихъ поръ заявляютъ себя въ притязаніяхъ кое-какихъ его жителей на господство надъ сосѣдними аулами или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя повинности съ нихъ; сами-же кумухцы до послѣдняго времени никакихъ податей никому не отбывали.

Въ Кумухѣ еще цѣлы два ханскихъ дома, хотя въ одномъ изъ нихъ отчасти произошли передѣлки, въ русскомъ вкусѣ. Впрочемъ, передѣлана только та часть этого дома, которая занята собственно окружнымъ управленіемъ; въ другой-же половинѣ проживаетъ и теперь бывшая ханша **). Безъ сомнѣнія, только эта послѣдняя половина можетъ напомнить собою ту обстановку, какая окружала кумухскихъ хановъ. Лучшія жилыя комнаты этого дома, какъ и въ каждой дагестанской савлѣ, находятся на второмъ этажѣ; въ нихъ ведетъ лѣсенка, безъ перилъ, на которой весьма легко спотынуться; затѣмъ слѣдуетъ открытая галерея, съ тонкими деревянными колонками, и съ нея маленькая и узкая дверь, съ высокимъ порогомъ, ведетъ въ самыя комнаты. Эти послѣднія убраны отчасти по-европейски, т. е. въ нихъ есть кое-какая мебель,

*) Въ обществахъ Даргинскаго округа отчасти и доселѣ еще сохранился такой порядокъ, по которому въ каждомъ обществѣ одно селеніе считается главнымъ; остальное-же все подчиняется управленію главнаго селенія до такой степени, что отселки, весьма значительные по числу дворовъ и имѣшіе по нѣскольку мечетей, не имѣли права хоронить мертвыхъ иначе, какъ на кладбищѣ главнаго селенія («Сборникъ стат. свѣд. о Кавказѣ», ст. Сискии населен. мѣстъ Даг. области, А. Комарова, стр. 13).

**) По имени Шамай-бике. Она дочь Нуцагъ-хана, вдова Агаларъ-хана, теперь въ замужествѣ за однимъ изъ сыновей послѣдняго Кзырванскаго хана.

а больше — въ туземномъ вкусѣ; полы покрыты коврами и паласами; на стѣнахъ висятъ одѣяла и куски матерій; въ нишахъ стѣнъ разставлена разная стеклянная и фаянсовая посуда, между которою больше всего чайныхъ полоскательныхъ чашекъ. При переходѣ изъ комнаты въ комнату неизбежно встрѣтишь спускъ или подъемъ по нѣсколькимъ ступенямъ.

Въ одной изъ комнатъ ханскаго дома я имѣлъ ночлегъ: въ ней стояла двуспальная кровать, былъ столъ, въ родѣ письменнаго, было два-три стула; на кровати лежала перина, застланная парчевымъ одѣяломъ, а въ головахъ лежала одна громадная подушка, тоже парчевая, верхней наволокой для которой служилъ накрахмаленный тюль. Признаюсь, было-бы гораздо слаще спать на простомъ холстѣ, чѣмъ на шуршащемъ тюлѣ и жесткой парчѣ.

Въ самой просторной комнатѣ дома, потолокъ которой подпирался нѣсколькими деревянными столбами, гостеприимно насъ принимала и потомъ угостила ужинамъ бывшая ханша. Столъ накрытъ и ужинъ былъ приготовленъ по-европейски, но, вѣроятно, не ханскими поварами. Ханша тоже присутствовала за ужинамъ и объяснялась черезъ переводчика. Во время ужина слышалась музыка — звуки бубна, сопровождавшіеся пѣніемъ женскихъ голосовъ и хлопаньемъ въ ладоши; сверху пѣли на галлерей, потому что пѣвицы, кажется, сначала нѣсколько конфузились и не рѣшались войти въ ту комнату, гдѣ мы ужинали, но потомъ вошли и, ставши въ углу, закрывъ при этомъ бубномъ свои лица, поемному разшевелились и стали драть во все горло. Скоро къ пѣвицамъ присоединился музыкантъ, игравшій на дудкѣ. Составились танцы. Кавалерами служили прислужники ханши, а дамами — служанки и приглашенныя изъ аула женщины. Танцевали попарно, мужчина съ женщиною, плавно слѣдуя одинъ за другой и описывая круги, а при ускореніи темпа музыки пускались въ присядку, причемъ женщины выдѣлывали весьма забавныя па.

Нужно замѣтить, что здѣшніе женскіе костюмы довольно неуклюжи. На каждой изъ танцовницъ, принадлежавшихъ, по видимому, къ мѣстнымъ шероликамъ, была длинная г

Music

Dance

Dress of women

ха, изъ-подъ которой едва видѣлись шаравары; на эту рубаху надѣтъ былъ бешметъ, тоже шелковый, стянутый у грудей. Бешметъ имѣлъ узкіе рукава, изъ-подъ которыхъ высѣли рукава рубахи. Эти послѣдніе, во время танцевъ, при растопыренныхъ рукахъ танцорки, болтались и придавали всей ея фигурѣ подобіе прыгающаго пингвина. Головными уборами у танцорокъ служили цвѣтные платки, повязанные вокругъ головы и шеи и напущенные низко на лобъ; изъ-подъ этихъ платковъ иногда показывалась бѣлая повязка, непосредственно надѣтая на волосы, которыхъ здѣшніе женщины вообще не стригутъ, тогда какъ въ прочихъ обществахъ средняго Дагестана женщины нерѣдко подрѣзываютъ свои волосы, а въ нѣкоторыхъ верхне-дагестанскихъ обществахъ, какъ напр. въ Дидо, Капучѣ и Анцухѣ, даже и брѣютъ.

Woman cut
their hair

Танцовали, какъ я сказала, сперва новыя, а потомъ старыя кумухскія танецъ. Этотъ послѣдній состоялъ въ томъ, что сперва всѣ танцующія женщины составляли изъ себя вереницу и плавно или одна вслѣдъ за другою, описывая кругъ; потомъ женщины сѣбяла такая-же вереница мужчинъ, и затѣмъ оставались на аренѣ двое изъ нихъ, передовыхъ; между ними тотчасъ становилась одна изъ женщинъ, и въ такомъ порядкѣ дѣлала кругъ одна партія танцующихъ, ее сѣбяла другая, третья и т. д.

Въ Кумухѣ, а равно и на дагестанской плоскости, такіа вечеринки, или пирушки, — съ музыкой, пѣніемъ и пляской, — носятъ названіе *той*. При послѣднемъ казакумухскомъ ханѣ, любившемъ вообще веселую жизнь, той устраивался въ ханскомъ домѣ почти ежедневно, нерѣдко переходя въ неистовую оргію.

Въ Кумухѣ проживаетъ и другая вдова послѣдняго хана, по имени Халай, занимающая съ своимъ семействомъ особый ханскій домъ. Мы посѣтили и эту ханшу. Такъ какъ она, по происхожденію своему, — изъ *каравашекъ*, т. е. рабынь, то и не пользуется такимъ почетомъ у кумухцевъ, какъ Шамай-бикъ, происходящая отъ ханской крови. — Ханша Халай, еще свѣжая женщина, принимала насъ, сидя на коврѣ, съ поджатыми ногъ

себя почти; костюмъ ея, весь черный, въ національномъ вкусѣ, резко отличался отъ костюма ея дочерей, уже замужнихъ: онѣ одѣты были почти по-европейски, притомъ въ весьма богатя шелковые платья. Одна изъ нихъ разливала чай, который намъ и поданъ былъ по русскому обычаю. Вся обстановка и этого хайскаго дома, вообще не бѣдная, представляетъ также смѣсь туземнаго съ русскимъ.

При видѣ положенія казикумухскихъ ханшъ, можно было заключать, что лакскія женщины пользуются гораздо лучшею долею, въ сравненіи съ своими сосѣдками аварскаго племени. Если это такъ, что впрочемъ сомнительно, то этимъ кумухская женщина могла-бы быть обязана примасійской плоскости, съ которою кумухцы находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и на которой женщина, по крайней мѣрѣ у беконъ, состоитъ на положеніи серальнаго ничегонедѣланья. Вѣрнѣе-же, что въ массѣ казикумухскаго населенія женщина все еще служитъ главною рабочею силою и дома, и въ полѣ, что доли ея и здѣсь нисколько не легче, чѣмъ въ остальныхъ средне-дагестанскихъ обществахъ; но въ Казикумухѣ проявлялись и проявляются отдѣльныя личности, которыя, по близкому знакомству съ плоскостными порядками, претендуютъ на бекскую роль въ средѣ равноправныхъ своихъ одноаульцевъ, а виѣсть съ тѣмъ и женъ своихъ ставятъ въ серально-бекское положеніе.

Опрошенный въ Кумухѣ джамаатъ представлялъ весьма людное собраніе представителей отъ трехъ наибствъ Казикумухскаго округа *). Джамаатскія заявленія, какъ и слѣдовало ожидать, заключали въ себѣ не мало жалобъ: въ самомъ дѣлѣ, природа

*) Въ 1867 году Казикумухскій округъ подраздѣлялся на 4 наибства: Вицхинское, Аштикулинское, Мугарское и Дусраратское (въ настоящее время онъ состоитъ тоже изъ 4-хъ наибствъ: Вицхинскаго, Казикумухскаго, Аштикулинскаго и Мугарскаго), и въ Кумухѣ собрались представители отъ трехъ первыхъ, ближайшихъ къ нему, наибствъ; представители-же Дусраратскаго наибства опрошены были Начальникомъ Горскаго Управленія въ Ирибѣ, въ проваздъ нашъ чрезъ Тлейсерухъ.

округа такъ скудна, что заставляетъ казкумухцевъ добывать себѣ пропитаніе большею частію на стороне. Взрослые изъ нихъ только четыре мѣсяца въ году бываютъ дома; остальные восемь мѣсяцевъ, начиная съ осени, проводятся ими внѣ родины, на разнаго рода заработкахъ. Хлѣба съ своихъ полей стасть казкумухцамъ только на полгода; собственныхъ насажденій, при значительномъ овцеводствѣ *), тоже недостаточно, и потому стада барановъ продовольствуютъ на пастбищахъ соседнихъ обществъ, преимущественно въ Кюринскомъ округѣ; въ хлѣбъ совершенный недостатокъ, такъ что отопленію производится исключительно кизяками **); освѣщаютъ жилища нефтью, которую покупаютъ съ прикаспійской плоскости. Не смотря однако на скудную мѣстную уголья, кумухцы, сравнительно съ прочими дагестанцами, далеко не бѣдствуютъ. Нужда и привычка къ жадности побуждаютъ ихъ наворачиваться и добывать себѣ не только хлѣбъ, но нефть и капиталъ — торговлею, ремеслами и заработками. Изъ нихъ есть торговцы, ведущіе свои обороты на десятки тысячъ рублей; надѣлія казкумухцевъ проникаютъ даже въ Тифлисъ; между ними есть замѣчательные оружейные мастера и искусные рѣшники на металлъ и кости; лудильщика-казкумухца можно встрѣтить въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, — иные изъ нихъ заходятъ даже въ Ростовъ, въ Оренбургъ, въ Нижній. Впрочемъ, такими предпримчивыми людьми бываютъ преимущественно жители Кумуха; изъ прочихъ-же селеній округа большею частію ходятъ только на прикаспійскую плоскость — въ Дербентъ и Кубу, гдѣ нанимаются въ маренкопатели, зарабатывая на маренникахъ, втеченіи восьми мѣсяцевъ, рублей по пятидесяти и больше.

Прежнее боевое житѣ помнилось многими изъ представите-

*) По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ округѣ считается 180 тыс. барановъ, т. е. почти по 6 на каждого жителя, или по 26 на дворъ.

**) Въ верстахъ двѣнадцати отъ Кумуха добывается торѣзъ — преимущественно для потребностей Кумухскаго укрѣпленія. Лучшіе слои этого торѣза уже сняты; остаются залежи плохого качества. Одна доставка этого топлива въ Кумухъ обходится по 6 руб. за сажень; самая-же добыча его производится солдатами, съ большимъ трудомъ, такъ-надъ на торѣзникахъ приходится работать по поясъ въ водѣ.

лей джамаата, какъ самое худое для нихъ время. Особенно по снго было при намъ мутархамъ. „Теперь ни поправдись,“ — говорили они: „а прежде сильно бѣдствовали! Штаны носили вѣсо до колѣнъ, рубаха бывала длиною въ локоть, папахъ — все въ шарнахъ; ѣли одно толкно съ водою; все селенія наши были сожжены. . . . Теперь же — слава Богу!“

По наружному виду, представители казкумукскаго джамаата нѣсколько отличались отъ прочихъ средне-дагестанцевъ: нѣрѣдко прѣглядывалъ въ средѣ ихъ отчасти армянскій, а больше еврейскій типъ лица; въ костюмахъ замѣтенъ былъ больше татарскій, чѣмъ горскій певрой; аварскихъ бараньихъ шубъ, съ хвосто-подобными рукавами, ни на помъ не было видно, но на многихъ были обыкновеннаго покрою тулупы; обувь — кожаная. Вообще же, въ Кумухъ и на казкумукцахъ уже значительно замѣтно вліяніе такъ-называемой каспійскости, т. е. каспійскаго побережья, подвергавшагося въ свою очередь многимъ вѣшнимъ вліяніямъ. Горско-дагестанскій типъ, еще чистый въ аварцѣ, — въ лажъ замѣтно осложняется.

Съ русскимъ элементомъ казкумукцы значительно уже осложнены. Вышнее ханское управленіе привело ихъ подъ русскую власть еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Съ 1820 г. русскія войска не разъ занимали Кумухъ, а въ 1843 г., напротивъ этого селенія, за глубокимъ оврагомъ, по которому течетъ Койсу, заложено укрѣпленіе, служащее и въ настоящее время штаб-квартирой линейнаго баталіона. Укрѣпленіе это уже успѣло порядочно устроиться, — обзавелось слободкой, садиками и огородами. Зелѣяющій видъ его пріятно отличается на буромъ цвѣтѣ обрестностей. Довольно-хорошая растительность, освѣняющая русскіе домаки укрѣпленія, наглядно доказываетъ, что и кумукцы могли-бы выращивать у себя то или другое дерево и чрезъ то сколько-нибудь смягчить суровый характеръ своей страны; но они видимо не увлекаются примѣромъ укрѣпленія, — и аулъ ихъ, по-прежнему, безъ деревьевъ и безъ огородовъ.

Правда, кумукскій климатъ весьма суровъ; высота мѣстопоженія и близость вѣчныхъ снѣговъ не могутъ благоприятствовать вѣжной садовой растительности; акація и тополь съ трудомъ вы-

носить здѣшней зимы; яблонь цвѣтётъ и даетъ завязи плодовъ, которые, однако, не дозрѣваютъ; но вишня доспѣваетъ. Въ Кумухскомъ-Койсу вода и среди лѣта такъ холодна, что ея не пьютъ. Зато огородныя овощи могутъ разводиться здѣсь съ большимъ успѣхомъ. Не говоря про укрѣпленіе, при которомъ разведены хорошіе огороды, даже нѣкоторые казакумухскіе аулы специально промышленляютъ извѣстными отраслями огородничества: вѣроятно, такого рода специальность освящена давно-сложившимся мѣстнымъ адатомъ. Такъ, жители селенія Кумалю разводятъ много луку, а въ особенности огурцовъ, и сливуть за огурцовъдовъ (чикабузулатъ); жители сел. Караша занимаются разведеніемъ персони, которая, однако, у нихъ не идетъ въ горячее кушанье, а поѣдается сырымъ. Такіе частные случаи занятія огородничествомъ уже показываютъ, что оно можетъ, со временемъ, а особенно при извѣстномъ руководствѣ, получить значительно-болышіе размѣры. Нельзя также отрицать, что и искусственное разведеніе лѣсовъ не можетъ имѣть успѣха на здѣшной, повидимому, безыюдной почвѣ: нахожденіе въ нѣкоторыхъ, правда—весьма немногихъ, мѣстахъ Казакумуха небольшихъ запозданныхъ роощъ (какъ напр., около аула Вихли) говорить въ пользу противнаго мнѣнія.

Кумухскіе базары, бывающіе еженедѣльно, по четвергамъ, — служатъ мѣстомъ сбыта произведеній не только Казакумуха, но и сосѣднихъ съ нимъ мѣстъ. Фрукты привозятъ сюда изъ Ходжалъ-маховъ, Гергебили и даже изъ Голотля; овощи—изъ упомянутыхъ выше селеній, занимающихся огородничествомъ, а также изъ Даргинскаго округа; хлѣбъ, соль и нефть—съ прикаспійской плоскости. Сами кумухцы выносятъ на базаръ свои издѣлія—войлоки, сукна, бурки, сыръ, оружіе, разнаго рода мелкія вещицы, какъ напр. деревянныя трубочки и чубучки, и разныя бездѣлушки изъ серебра и каменнаго угля *). Нѣкоторые русскіе товары, изъ красныхъ и бакалейныхъ, доставляются сюда изъ Шуры; изъ

*) Каменный уголь, въ небольшихъ залежахъ, находятъ на Турцидгѣ, а также на земляхъ общества Каба-Дарга, Урахлинскаго намества, Даргинскаго округа.

няя же снабжаются ланитками и четыре кумухскихъ духада, на которые сильно косятся (не знаю — искренно-ли) мѣстные хаджи, такъ-что, при опросѣ джамаата, они заявили просьбу о закрытіи этихъ яко-бы притоновъ пьянства и разврата. Едва-ли, впрочемъ, въ нравахъ большинства кумухцевъ такой пурризмъ хаджей... Наконецъ, кумухскіе базары служатъ весьма дѣятельнымъ посредникомъ въ сближеніи между кумухцами и гарнизономъ Кумухскаго укрѣпленія *).

Пробываніе наше въ Кумухѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда кумухцы, окончивъ осеннія полевныя работы, собираются уходить на заработки. Время это есть также по преимуществу пора свадебъ. Нерѣдко, говорятъ, бываетъ при этомъ, что иной молодой, спустя дня три послѣ свадьбы, оставляетъ свою избранную вдовствовать на цѣлые восемь мѣсяцевъ. Насколько это пріятно молодой четѣ—обычай не смотреть; но такого рода порядки необходимо влекутъ за собою укрѣпленіе за кумухскими женщинами значительной доли самостоятельности, хотя самостоятельность эта окупается дорогою цѣною—усиленнымъ, нѣкѣмъ не раздѣляемымъ трудомъ по устройству дома и хозяйства **).

24-го сентября, мы оставили Кумухъ и направились въ предѣлы Даргинскаго округа, въ главное селеніе Сюргинскаго обще-

*) Привожу кумухскія цѣны на нѣкоторые предметы продовольствія: курица—10 коп., цыпленокъ—5 коп., 13 яицъ—5 коп., пудъ соли—50 коп., сотня огурцовъ—50 коп.; ерунты (персики, виноградъ, яблоки и груши) продаются почти круглый годъ и по весьма низкимъ цѣнамъ.

**) Нельзя не обратить вниманія на слѣдующій фактъ, объясненіе котораго зависитъ отъ наблюдательныхъ людей, близко знакомыхъ съ бытомъ казакумухцевъ: не смотря на указанныя невыгодныя условія для брачной жизни казакумухскихъ супруговъ, между ними рѣдко бываютъ такого рода столкновенія, результатомъ которыхъ въ дагестанской средѣ служатъ обыкновенно убійство или пораненіе. По свѣдѣніямъ за 1861—1868 гг., о числѣ убійствъ и пораненій въ Дагестанской области по *прелюбодѣнію*, оказывается, что изъ числа 61 случая убійствъ и 34 случаевъ пораненія этой категоріи, на долю Казакумухскаго округа падаетъ за означенный періодъ всего только 3 убійства и 1 пораненіе по *прелюбодѣнію*. (См. «Сборникъ», вын. 1., Приложенія къ статьѣ А. В. Комарова, «Адаты», стр. 66—72).

ства, Урари. Погода все еще вполне благопритствовала нашей поездке, и мы перенались, не встретивъ на пути сѣва, черезъ высочайшій кряжъ, между горами Хунзунту и Тунудагъ (9733 ф.), служащей границей отдѣловъ Дагестана—Средняго и Сѣвернаго.

Н. Вороновъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

296

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ГРАМОТНОСТИ МЕЖДУ ГОРЦАМИ.

Моральное сближеніе съ чуждымъ народомъ, покореннымъ силою оружія или дипломатическими трактатами, — обыкновенно заключаемыми безъ вѣдома и согласія народнаго, — представляетъ большія затрудненія, которыя могутъ проистекать изъ различныхъ причинъ. Бываетъ иногда, что всѣ классы народонаселенія, при новомъ порядкѣ вещей, чувствуютъ себя въ худшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ прежде. Являются новыя повинности, налоги, пресѣкаются прежнія выгодныя сношенія съ сосѣдями. Это есть, безъ сомнѣнія, самый естественный поводъ къ неудовольствію.

Въ этомъ отношеніи горцы не могутъ на насъ пожаловаться. Чеченцы и закубанцы, оставшіеся на Кавказѣ, подверглись по необходимости переселеніямъ, на первыхъ порахъ весьма стѣснительнымъ для хозяйства. Дагестанскіе горцы, почти цѣлкомъ, остались тамъ, гдѣ застало ихъ окончаніе войны. Главнѣйшее условіе для благоуспѣшности хозяйства заключается въ мирѣ и безопасности. На Кавказѣ, какъ всюду и всегда, масса народонаселенія состоитъ изъ людей, дорожащихъ домашнимъ кровомъ, домашнею мирною дѣятельностію. Если въ прежніе годы горцы находили выгоднымъ грабить сосѣдей, то теперь сознали, что это ремесло сдѣлалось уже невозможнымъ, и свыкаются съ этимъ убѣжденіемъ. Не думаю, чтобы въ настоящее время, — по крайней-мѣрѣ въ Дагестанѣ, — случаи грабежа повторялись чаще, чѣмъ напр. въ Московской губерніи. Горцы не питаютъ къ намъ ненависти за то, что мы отняли у нихъ возможность грабить. Чего, чего не вытерпѣли они при Шамилѣ! Менѣе отъ нашей вартечи, чѣмъ отъ хищничества юрридовъ! Настоящее время должно представляться горцамъ въ видѣ пребудженія отъ страшнаго сна, въ видѣ излеченія отъ тяжелой болѣзни...

Deus nobis hæc otia fecit.

Конечно, спокойствія ихъ не нарушаютъ уже болѣе опасенія, что мы намѣреваемся всѣхъ ихъ забрать въ солдаты, женщинъ разобрать по рукамъ, а дѣтей отправить въ Россію, чтобы окрестить тамъ. Было время, когда въ глухихъ аулахъ жители, увидѣвъ въ первый разъ русскаго плѣнника или бѣглаго, всего болѣе дивились тому, что въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ совершенно похожъ на человѣка. Изъ этой сѣеры понятій горцы уже высвободились.

Каково-бы ни было минувшее въ сравненіи съ настоящимъ, но въ покоренномъ народѣ глѣветъ, болѣе или менѣе долго, искра привычки къ историческому прошедшему, къ прежнему правительству. Впродолженіи цѣлаго прошлаго вѣка, Шотландія волновалась при одномъ имени изгнанныхъ Стуартовъ, хотя и врамольничала противъ нихъ во все время ихъ правленія. Дѣтъ за 50 тому-назадъ, Александръ-царевичъ волновалъ Грузію, — конечно, не какою-либо политическою идеей, а единственно происхожденіемъ своимъ отъ прежней царственной династіи. Кто-же теперь въ Шотландіи или Грузіи думаетъ о чемъ-нибудь подобномъ! Таковыя примѣры и теперь уже нисколько непримѣнимы къ горцамъ. У нихъ были правительства, которыя тянулись впродолженіи длиннаго ряда вѣковъ. Существованіе нуцаловъ и шамхаловъ засвидѣтельствовано исторіей за цѣлое тысячелѣтіе. Но рѣшительную несвоевременность этихъ правительствъ горцы сознали еще прежде, чѣмъ мы. Всѣ реставраціи, сдѣланныя нами, оказались несостоятельными. Вездѣ, гдѣ только самоуправленіе представляло какой-либо задатокъ жизни и порядка, мы оставили его неприкосновеннымъ.

Въ покоренномъ народѣ, естественнымъ образомъ, хотя-бы даже и безсознательно, возникаетъ опасеніе за сохраненіе своей индивидуальности. Утрата индивидуальности, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго народа, равномѣрна смерти. Иначе даже и опредѣлить нельзя, что такое смерть. Отвращеніе къ смерти составляетъ основное условіе жизни. Индивидуальность народа обусловливается особенностію его языка и особенностію его склада понятій, его цивилизаціи. Языкъ и цивилизація подчинены весьма-неравномѣрнымъ жизненнымъ законамъ. Языкъ живетъ цѣлыя тысячелѣтія при самыхъ даже неблагоприятныхъ условіяхъ для его жизни. Приведемъ одинъ примѣръ изъ множества другихъ. Баски живутъ уже длинный рядъ вѣковъ вѣсть

съ народами, говорящими романскими языками; они такіе-же католики, какъ французы и испанцы; ни политической самостоятельности, ни стремленія къ сепаратизму они не имѣютъ; это народъ промышленный, хорошие мореходцы, что поставляетъ ихъ въ повседневныя сношенія съ остальными. Не смотря на все это, языкъ басковъ упѣвалъ до нашего времени и, вѣроятно, проживетъ еще много вѣковъ.

Сладъ понятій народныхъ, цивилизація, подлежатъ несравненно болѣе быстрымъ измѣненіямъ. Самостоятельныхъ центровъ цивилизаціи немного; къ тому или другому все меньшіе народы тяготеютъ волею или неволею, лишь только попадаютъ въ ихъ сферу. Эти народы въ неизвѣстныхъ предѣлахъ и усваиваютъ себѣ чуждую цивилизацію, внося въ нее кое-какіе отбѣнки. Если проводникомъ ея служитъ языкъ народный, то она болѣе или менѣе проникаетъ во все классы народонаселенія. Если она проводится посредствомъ чуждаго языка, то дѣлается достояніемъ только одного класса, который пріобрѣтаетъ черезъ то большое вліяніе на массу народную, *proletariat vulgus*. Вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, возникаетъ задача измѣнить центръ цивилизующаго тяготѣнія, устранивъ вліяніе цивилизаціи враждебной. Задача, какъ мы сказали уже выше, вообще весьма-трудная, но затрудненія представляются не всегда въ одинаковомъ размѣрѣ. Наибольшія встрѣчаются тамъ, гдѣ цивилизація успѣла проникнуть въ народъ посредствомъ языка народнаго. Если проводникомъ для чуждой цивилизаціи послужилъ чуждый языкъ, то языкомъ народнымъ всего удобнѣе противодѣйствовать ей. Наконецъ, нетрудно управлять умами тамъ, гдѣ народъ только слегка подвергся каковой-либо, самой по себѣ слабой цивилизаціи или цивилизаціи намъ невраждебной.

Если объ образованіи народномъ судить по соразмѣрности числа школъ съ массою народонаселенія, то дагестанскіе горцы въ этомъ отношеніи опередили даже многія просвѣщенныя европейскія націи. Ученіе доступно каждому горскому мальчику. Въ каждомъ аулѣ найдется одинъ, два человѣка, которые учатъ дѣтей читать и писать изъ-за куска хлѣба; при каждой мечети находится школа, гдѣ желающіе учиться могутъ продолжать свое ученіе. Но во всѣхъ этихъ школахъ учатъ исключительно арабскому языку, съ исключительною цѣлію читать коранъ и понимать его, — понимать не самостоятельно, а такъ, какъ понимали его за тысячу лѣтъ первые послѣдователи Магомеда. Въ спо-

себѣ пониманія корана не допускаетъ никакого усовершенствованія.

Арабскій языкъ объединяетъ себою все враждебное намъ элементы въ Дагестанѣ. Число людей, дѣйствительно знающихъ по-арабски, конечно, составляетъ незначительный процентъ народонаселенія, но тѣлесное вліяніе изученія этого языка отъзвучивается въ цѣлой домашней жизни горцевъ, спутываетъ ихъ отъ колыбели до могилы. Длинный рядъ дѣтскихъ и юношескихъ годовъ проводить они въ мусульманской школѣ, — гдѣ дѣлится враждебнаго изувѣрства, — гдѣ, по методу, придуманной съ цѣлю затормозить развитіе умственныхъ способностей, учатся на непонятномъ для нихъ языкѣ читать коранъ, упражняются въ начертаніи непонятныхъ для нихъ письменъ. Немногіе, особенно даровитые, пройдя въ продолженіи двухъ десятилѣтій длинный рядъ таковыхъ школъ, образуящихъ ученую дѣтвину, соразмѣренную съ значимостію преподавателей, — приобрѣтаютъ положительное знаніе арабскаго языка и арабской литературы. Много даровитости требуется на то, чтобы вынести какое-либо положительное знаніе изъ подобныхъ школъ! Таковыя даровитыя лица въ свою очередь являются воспитателями послѣдующаго поколѣнія.

Но, какъ мы сказали, число выучившихся чему-нибудь незначительно. Во всякомъ случаѣ, юноши, ничему не выучившіеся, — въ дѣтскомъ впечатлительномъ возрастѣ долго обращались съ *мертвой буквой*, облеченной въ мистическую форму, что сдѣлало ихъ недоступными къ внушеніямъ здраваго смысла, тупыми, ожесточенными фанатиками. Въ этомъ вина не корана, а методы изученія его. Въ коранѣ встрѣчаются восторженные призывы къ непримиримой войнѣ противъ невѣрныхъ. Магометъ самъ велъ войны; могъ-ли онъ иначе говорить съ своими сподвижниками? Не мы, христіане, служимъ мусульманамъ образцами миролюбія... За много вѣновъ тому назадъ, въ то время, когда въ христіанской Европѣ жгли еретиковъ, евреевъ и язычниковъ, калики устроили въ самомъ дворцѣ своею страннопріимное помѣщеніе, открытое для всѣхъ пришельцевъ, безъ различія *строиспольданій*; калики съ торжествомъ, почетомъ и сочувствіемъ принимали у себя ученаго еврея, главу багдадской еврейской общины, *млака мизанія*. Къ этимъ примѣрамъ вѣротерпимости, присоединимъ примѣръ, хотя и въ другомъ родѣ, но намъ современный. Преемникъ калифовъ, повелитель правовѣрныхъ, грозный хунсаръ, султанъ турецкій, ставитъ свою столицу перкъ двумъ и

необходимо зовещу робронъ, чтобы угостить и возвеличить про-
фаную невѣрную гостью! Мусульманское духовенство рядомъ съ
ветолческимъ освящаетъ молитвами своими открытіе Суздальскаго
навала! И это происходитъ вблизи гроба пророка! Вотъ на что
сводится мусульманскій фанатизмъ, непримиримая война съ не-
вѣрными! Противъ этихъ примѣровъ можно возразить, что они
относятся къ эпохамъ упадка могущества каліфовъ и султановъ,
когда повелители правоѣрныхъ по-невогѣ научились миролюбію.
Но и въ христіанской Европѣ, какъ извѣстно, не перевѣсь силъ
надъ силами оосѣдей научаетъ миролюбію. Непримиримую войну
вести должно противъ невѣжества, противъ преднамѣреннаго
отуманенія понятій. И у насъ появляются отшельники, которые
проповѣдуютъ ни сѣять, ни жать, ни прѣсть, ни ткать, ни ду-
мать о завтрашнемъ днѣ. Такъ превратно толкуются слова Спа-
сителя, возложившаго на апостоловъ своихъ дѣло проповѣди
евангельской, которое должны они были запечатлѣть кровію своею
и которое не должно было быть смущаемо никакими другими помы-
шленіями. Но не всѣ христіане апостолы. Мы сѣемъ и жнемъ,
прѣдемъ и тчемъ, помышляемъ о завтрашнемъ днѣ. Страховны
общества не ложатся тяжкимъ грѣхомъ на душу вашу. Съ чего-
же смотрѣть на мусульманъ, какъ на дикихъ звѣрей, потому
только, что за двѣнадцать вѣковъ тому-назадъ Магомедъ при-
зывалъ ихъ на войну противъ невѣрныхъ? Горе не въ коранѣ,
горе въ невѣжествѣ!

Едва-ли кто усумнится въ томъ, что училища, устроенныхъ
оъ исключительною цѣлію готовить людей въ духовное сосло-
ніе, недостаточно для полнаго умственнаго развитія народа. У
мусульманъ существуютъ одня лишь духовныя училища. Въ на-
шихъ разностепенныхъ духовныхъ училищахъ учатъ латинскому,
греческому, еврейскому языкамъ. Чтѣ бы сказать о томъ, если-
бы у насъ семилѣтняго безграмотнаго мальчика засадили прямо
за еврейскую азбуку и еврейскую письменность, — съ цѣлію по-
ниманія библіи, — удаливъ отъ него пониманіе, что читать и
писать можетъ онъ и на родномъ языкѣ? Предположите для на-
шего европейско-христіанскаго юношества подобную школу. Въ
какомъ-бы видѣ оно вышло изъ нея? Отвѣтъ не можетъ быть
разнорѣчивъ. Но наше негѣное предположеніе вполнѣ осущест-
вляется въ школахъ мусульманскихъ.

Кромѣ моральнаго вліянія и монополіи воспитанія, въ ру-
кахъ у знатоковъ арабскаго языка и другія весьма-мгучія пред-

ства. Уже много вѣковъ тому назадъ, горцы чувствовали необходимость письменности для оформления разнаго рода гражданскихъ договоровъ. Но письменность въ горахъ одна лишь арабская, — нотаріусами одна лишь знатоки арабскаго языка. Безъ таковыхъ ученыхъ горцы обойтись не могутъ. Для нашихъ административныхъ распоряженій въ горахъ необходима письменность; русская чужда горцамъ, туземной не существуетъ; существуетъ одна лишь арабская. Въ Дагестанѣ встрѣчаются горцы, воспитанные бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, знающіе свой родной языкъ и языкъ русскій, но не знающіе арабскаго. Они могутъ занять лишь второстепенныя мѣста словесныхъ переводчиковъ. Воемъ или неволей, мы сами поощряемъ изученіе враждебнаго намъ арабскаго языка. Такимъ образомъ, письменность, относящаяся даже до самыхъ обыденныхъ потребностей жизни, производится не иначе, какъ на языкъ мертвомъ, весьма-трудно изучаемомъ и въ лингвистическомъ отношеніи совершенно несходномъ съ языками туземцевъ. Это тоже, какъ если-бы внутри Россіи, гдѣ-нибудь въ Костромской губерніи, переписка, административная и частная, производилась не иначе, какъ на языкъ еврейскомъ или древне-греческомъ! Языкомъ книги Бытія или языкомъ Гомера волостное правленіе предписывало-бы выставить подводу или починить мостъ! Нелѣпный корень разросся нелѣпными развѣтвленіями. Станете-ли винить во всемъ этомъ коранъ?

Горцы весьма любопытны, весьма жадны до новостей. Въ каждомъ аулѣ, проѣзжаго человѣка приютятъ, накормятъ и обогрѣютъ. За это даровое гостепріимство расплачивается онъ новостями. Легко представить себѣ, какія новости, какія мѣнія, можетъ этотъ проѣзжій пустить въ ходъ посреди народонаселенія легковѣрнаго и невѣжественнаго. Горцы готовы вѣрить всякимъ чудесамъ и откровеніямъ свыше; готовы вѣрить и тому, что на дняхъ явится хунгаръ съ несмѣтнымъ ополченіемъ правобѣрныхъ и прогонитъ гяуровъ-русскихъ съ Кавказа. Все распоряженія правительства доходятъ до горцевъ черезъ нѣсколько лингвистическихъ инстанцій и, конечно, подвергаются превратнымъ толкованіямъ. Какъ объясняться съ горцами непосредственно? Одно средство, — это говорить съ ними на площади черезъ словесныхъ переводчиковъ. Средство не совсѣмъ удобное! Въ полномъ и исключительномъ распоряженіи правительства находится *книгопечатаніе*, — самое могучее орудіе для управленія умами, для распространенія въ массы народной извѣстнаго рода понятій.

Этих орудійъ вокуда мы не можемъ еще пользоваться. Печать что-нибудь для горцевъ по-русски тоже, что печатать для нихъ по-китайски; печатать по-арабски—значитъ подчинять печатанное цензурѣ и жетелюванію мусульманскаго духовенства.

Въ лингвистическомъ отношеніи Дагестанъ, уже у классическихкихъ писателей, приобрѣлъ громкую знаменитость разрозненности. Встрѣчаются селенія, жители которыхъ говорятъ особымъ языкомъ, непонятнымъ для сосѣдей. У насъ принято называть лезгинами обитателей Нагорнаго Дагестана, и этимъ названіемъ мы придаемъ имъ какъ-бы единство, которое исчезаетъ при ближайшемъ ознакомленіи. Такъ называемые лезгины состоятъ изъ множества народцевъ, говорящихъ не на различныхъ нарѣчіяхъ одного и того-же языка, но на совершенно-различныхъ языкахъ, которые имѣютъ между собою менѣ общаго, чѣмъ главнѣйшіе языки Европы. При таковыхъ мѣстныхъ условіяхъ, является необходимость въ международномъ языкѣ и въ международной письменности. Первое требованіе удовлетворяется въ обществахъ, ближайшихъ къ окраинѣ горъ, изученіемъ котораго-либо изъ турецкихъ нарѣчій, вообще весьма-доступныхъ для изученія; второе, какъ мы объяснили выше,—изученіемъ арабскаго языка. Ни то, ни другое не соотвѣтствуютъ цѣлямъ правительства въ отношеніи народнаго образованія. Международнымъ языкомъ долженъ быть *русскій*, международною письменностію—*русская*.

Въ этомъ никто не усумнится, это должно быть достигнуто, хотя бы и въ отдаленномъ времени. Спорить можно только о средствахъ, которыя слѣдуетъ избрать для достиженія.

Теперь языки арабскій и русскій сошлись лицомъ къ лицу. Которому изъ нихъ суждено владѣть Дагестаномъ? Оба—пришлецы въ краѣ, оба — языки завоевателей. Лѣтъ за тысячу тому-назадъ, арабы встрѣтили въ Дагестанѣ ожесточенное сопротивление, которое видоизмѣнялось въ проявленіяхъ, тянулось впродолженія цѣлыхъ вѣковъ. Въ Дагестанѣ окончательное торжество исламизма совпало съ окончательнымъ торжествомъ нашего оружія. За тысячу лѣтъ тому-назадъ, когда арабскіе завоеватели, покоривъ Дагестанъ оружіемъ, озаботились покорить его и арабскимъ языкомъ, встрѣтили они менѣ затрудненій, чѣмъ мы теперь. Они имѣли дѣло съ народами неписьменными; мы имѣемъ дѣло съ народами, къ которымъ враждебная намъ письменность привита прочно тысячелѣтними непрерывными усиліями мусульманскаго духовенства. Какъ видно, оно было настоя-

чиво. Дай Богъ намъ обладать хотя десятою долею такого запаса настойчивости!

Ныѣшнее поколѣніе герцевъ можетъ учиться русскому языку не иначе, какъ въ русскихъ школахъ, которыя устраиваются исключительно тамъ, гдѣ живутъ русскіе люди; живутъ-же они болѣе или менѣе, особнякомъ отъ туземцевъ. Уже одно это условіе поставляетъ въ необходимость устраивать школы закрытыя, принимать учащихся на полное содержаніе правительства. Устройство такихъ школъ въ нѣдрахъ Дагестана, съ цѣлымъ необходимымъ для нихъ хозяйствомъ и пеншеніемъ, вовлечетъ въ столь значительныя издержки и представитъ столько непредвидимыхъ затрудненій, что, безъ сомнѣнія, найдено будетъ болѣе удобнымъ устроить на плоскости одну большую школу взамѣнъ нѣсколькихъ малыхъ въ горахъ. Этотъ результатъ уже обозначился пожертвованіемъ хувзахской, гунибской и вумухской школъ въ пользу теміръ-ханъ-шуринской. Иначе и быть не могло. Все это естественнымъ порядкомъ сводится на прежніе кадетскіе корпуса, въ которыхъ въ значительномъ числѣ помѣщались въ былое время горцы. Немногіе изъ нихъ учились успѣшно; другіе пользовались льготами для полученія офицерскихъ званій и увеличивали собою число кавалерійскихъ офицеровъ въ Россіи. Въ общей сложности польза, принесенная этими лицами Кавказу, далеко не соответствовала издержкамъ, употребленнымъ на ихъ воспитаніе. Правда, что они сами болѣею частію выучились по-русски, но не оказали никакого вліянія на распространеніе русскаго языка между своими земляками.

Школа не только подготовляетъ одинокихъ дѣятелей,—она вліяетъ на весь народъ, если только находится съ нимъ въ тѣсной и непрерывной связи. Таковы мусульманскія школы въ Дагестанѣ. Таковыя школы, хотя и съ противоположнымъ направленіемъ, мы должны создать. Тогда только можно надѣяться на постепенное осуществленіе нашихъ намѣреній, и русскій языкъ можетъ вступить въ соперничество съ арабскимъ. Въ самомъ небольшомъ глухомъ аулѣ, человекъ, знающій кое-какъ читать-писать по-арабски, открываетъ въ своей селѣ школу для приходящихъ учениковъ, довольствуясь самой ничтожной платой. Существуютъ-ли такія условія для русскаго, который-бы задумалъ въ Дагестанѣ открыть школу для обученія дѣтей русскому письму и грамотѣ? Одиному христіанину жить въ горахъ между мусульманами покуда еще нельзя. Посреди другихъ условій, ко-

нечно, находилъ-бы туземецъ, знающій русскій языкъ. Темиръ-ханъ-шуринское горское училище ежегодно готовитъ нѣсколько таковыхъ туземцевъ. Но всегда и вездѣ званіе сельскаго учителя матеріально есть самое неблагоприятное. Этому званію могутъ посвятить себя люди, отказавшіеся отъ честолюбія, отъ надежды *повиситься*,—люди, дорожащіе скуднымъ кускомъ хлѣба и увѣренностію, что *завтра* пройдетъ для нихъ также безмятежно, какъ и *сегодня*. Туземцы, выучившіеся русскому языку, или дѣйствительно увлекаются жаждою знанія,—чему уже были примѣры,—и поступаютъ въ гимназіи, въ университеты, что окончательно отрываетъ ихъ отъ родины, или всего чаще пользуются пріобрѣтеннымъ знаніемъ для полученія административныхъ мѣстъ, что удовлетворяетъ ихъ честолюбивымъ стремленіямъ. На туземцевъ, хотя-бы и весьма-хорошо подготовленныхъ, куда еще нельзя рассчитывать, какъ на распространителей русской грамотности.

Какъ ни велико желаніе наше распространить въ массѣ горцевъ знаніе русскаго языка, какъ ни велико даже желаніе многихъ горцевъ выучиться по-русски, но на это не достаетъ средствъ. Мы и горцы какъ-бы находимся на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки, черезъ которую нѣтъ переправы. Къ чести горцевъ должно сказать, что они не лишены любознательности. Учиться даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ не считается предосудительнымъ. Каждый горецъ можетъ, не прерывая семейныхъ связей, не удаляясь отъ родной савли, учиться арабскому языку. Сколько трудностей долженъ онъ преодолѣть, пока удастся ему пріобрѣсти возможность учиться языку русскому! Наши училища становятся для него недоступными, по достиженіи имъ извѣстныхъ лѣтъ. Число учащихся въ темиръ-ханъ-шуринскомъ горскомъ училищѣ ничтожно въ сравненіи съ числомъ учащихся въ арабскихъ школахъ. Скажутъ, что стѣдуетъ лишь увеличить размѣры русскихъ училищъ въ Дагестанѣ. Но и внутри Россіи, по ограниченности средствъ, мы терпимъ крайній недостатокъ въ народныхъ школахъ. Откуда-же взять средства на размноженіе ихъ въ Дагестанѣ въ такомъ размѣрѣ, чтобы онѣ могли соперничать съ арабскими.

Въ арабской школѣ ученики имѣютъ дѣло съ преподавателемъ, который объясняется съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Русскихъ, знающихъ который-либо изъ горскихъ языковъ, почти еще не существуетъ: таковыхъ можно въ цѣломъ Дагестанѣ пере-

честь по пальцамъ. Какимъ способомъ русскіе преподаватели будутъ объясняться съ своими учениками? Мы лично имѣли случай убѣдиться въ отличныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ горскими воспитанниками темиръ-ханъ-шуринскаго училища. Отдавая должную справедливость даровитости и усердію преподавателей, не можемъ не замѣтить, что эти дѣти оторваны отъ родины, перенесены, такъ сказать, въ Россію, окружены соучениками русскими. Перенесите ребенка-горца хотя-бы въ Лиссабонъ: черезъ годъ онъ выучится по-португальски. Это не то, чего мы желаемъ, о чемъ мы думаемъ. Мы заботимся не о немногихъ горцахъ, перевезенныхъ въ Россію, а о тѣхъ многихъ, которые остались у себя дома въ горахъ, которые отданы на жертву арабскому языку, отравляющему ихъ фанатическимъ дурманомъ, потемняющему ихъ способность судить здраво...

Допустимъ осуществленіе того, что намъ кажется невозможнымъ. Положимъ, что рядомъ съ арабскими школами мы, не жалѣя издержекъ, вездѣ устроимъ русскія, съ преподавателями изъ туземцевъ, знающихъ какъ русскій языкъ, такъ и мѣстный туземный. Для учащихся трудность представится таже самая, что и въ арабскихъ школахъ, т. е. трудность первоначальнаго обученія на неизвѣстномъ языкѣ, безъ практическаго ознакомленія съ нимъ. Мнѣніе, будто-бы безграмотнаго человѣка все равно учить грамотѣ на родномъ или на неизвѣстномъ ему языкѣ, дотога странно, что мы оставимъ его безъ опроверженія. Оно справедливо въ отношеніи къ глухонѣмому или къ какому-либо Касперъ-Гаузеру *). Но таковыя личности, славу Богу, исключительныя. Предположимъ, что гдѣ-нибудь, внутри Россіи, русскій учитель, кое-какъ выучившійся французскому языку, устроитъ для русскихъ *безграмотныхъ* дѣтей сельскую школу, въ которой будетъ учить ихъ французскому чтенію и письму и, пожалуй, еще кое-чему другому, но не иначе, какъ по-французски. Какихъ успѣховъ ожидать отъ подобной школы? Нѣкоторые выучатся съ величайшимъ трудомъ плохо читать, плохо писать, плохо понимать и плохо объясняться по-французски, но всѣ эти

*) Эта личность дѣтъ сорокъ тому-назадъ привлекла на себя вниманіе цѣлой Европы. Въ Нюрнбергѣ, среди бѣлаго дня, появился дикій молодой человѣкъ, котораго до-тѣхъ-поръ держали гдѣ-то въ подвалѣ, не вступая съ нимъ никогда въ разговоръ. Дѣтъ черезъ пять онъ погибъ отъ кинжала неизвѣстнаго убійцы. Это происшествіе осталось до-сихъ-поръ необъясненнымъ.

чахлыя свѣдѣнія, не имѣя корней въ родной почвѣ, испарятся безъ всякаго слѣда, лишь только ученики, покинувъ школу, возвратятся къ обычной сельской жизни своей. Результатъ ученія будетъ тотъ, что учившіеся окажутся глупѣе и физически слабѣе сверстниковъ своихъ, не посѣщавшихъ школы *). Развѣ сказанное намъ не вполне примѣняется къ исключительно-русской школѣ, устроенной въ нѣдрахъ Дагестана туземцемъ, знающимъ русскій языкъ?

Станемъ-ли надѣяться, что, даже безъ особыхъ усилій съ нашей стороны, само время намъ поможетъ? Но опытъ показываетъ, что время, предоставленное самому себѣ, плохой помощникъ тамъ, гдѣ уже успѣла привиться враждебная цивилизація. Слишкомъ за триста лѣтъ тому-назадъ совершилось окончательное покореніе Казанскаго царства. Приволжскіе татары находятся въ географическомъ положеніи, несравненно болѣе благопріятномъ

*) Мы позволимъ себѣ замѣчанія на мнѣніе, изложенное въ № 44 газеты Кавказъ 1869 года. Г-нъ Т. М. объявляетъ, что онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе французовъ (!!)) относительно способа обученія грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ въ Алжирѣ. «Давно, пишетъ онъ, видѣлъ я въ Иллюстраціи (французской?) картину: на полу сидятъ нѣсколько дѣтей въ ескахъ, передъ ними черная доска, около которой стоитъ учитель и указываетъ на написанное на доскѣ: *mes enfants (sic) aimez la France (sic) votre nouvelle patrie.*» Эта картина произвела какое-то непонятное, умиляющее впечатлѣніе на г. Т. М. Мы уже давно перебираемъ Иллюстрацію французскую, но не помнимъ этой картины; впрочемъ, забыть ее немудрено, — и мы не сомнѣваемся въ ея существованіи, такъ-какъ ее видѣлъ и долгія лѣта помнить г. Т. М. Если-бы г. Т. М. сколько-нибудь знакомъ былъ съ французско-алжирской литературой, то, конечно, убѣдился-бы въ томъ, что большинство *французовъ* отзываются крайне неблагопріятно о всемъ томъ, что дѣлается въ Алжирѣ,—между прочимъ и о томъ, что дѣлается въ отношеніи къ образованію арабовъ. Фраза, приводимая г. Т. М., написана учителемъ, не знающимъ ни пунктуациі, ни даже, какъ правильно написать *F r a n c e*. Пусть г. Т. М. спроситъ о томъ любаго грамотнаго француза. Предположимъ, что у насъ въ Дагестанѣ, хотя-бы на всѣхъ училищныхъ доскахъ, написано было: «дѣти! (sic) любите Россію (sic) ваше новое отечество». Чтѣ бы путнаго вышло изъ этого? Въ старину подобныя голословныя правоученія, передаваемыя посредствомъ азбукъ и прописей, считались полезными. Теперь пошлость ихъ уже сознана. Удивительно, какъ еще усилія они приобрѣсти себѣ анахроническаго почитателя въ лицѣ г. Т. М. По безграмотности надѣясь, мы готовы принять картину за злую и тонкую карикатуру Хама, направленную противъ алжирскаго училищнаго начальства. Безвинной жертвой ея сдѣлался г. Т. М. Не понимаемъ, съ чего вообразилъ онъ, будто-бы въ Алжирѣ арабскія дѣти не учатся арабской грамотѣ.

для сближенія съ нами, чѣмъ дагестанскіе горцы. И городское и даже сельское народонаселеніе живетъ перемѣшанно съ русскимъ. Большая часть русскаго дворянства въ Казанской и Сибирской губерніяхъ — татарскаго происхожденія, какъ напр. Державины, Карамзины, Ермоловы. Это доказываетъ, что, какъ ни слабы были въ край элементы русско-христіанской цивилизаціи, но она въ скоромъ времени привлекла къ себѣ людей, передовыхъ по происхожденію, по богатству или по уму. Эти люди, даже оставшись на родинѣ, совершенно обрусѣли и оторвались отъ своихъ единоплеменниковъ. Дѣло дальнѣйшаго обрусѣнія массы народной не только не пошло впередъ, но теперь раскрываются совершенно противоположныя явленія.

За 120 лѣтъ тому-назадъ, въ 1749-мъ году, Ломоносовъ, въ похвальной рѣчи своей Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, восхищался тѣмъ, что «разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разные племена разными языками, едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся». Далѣе пишетъ онъ: «иждѣ по пространнымъ полямъ азійскимъ раздѣлая степные обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показываютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы.» Во времена Ломоносова и даже гораздо позже, литература у насъ считалась средствомъ представить дѣло не такъ, какъ оно есть, а такъ, какъ желательно, чтобы оно было. Отъ этого извращенія печатнаго слова мы уже освобождаемся. Вотъ что читаемъ въ современномъ официальномъ журналѣ (Журн. Минист. Народн. Просв. Апрель 1867 года).

«Въ послѣднюю Восточную войну, татары, даже Казанской губерніи, выказывали много холодности къ дѣлу Россіи, и въ одномъ Мамадышскомъ уѣздѣ изъ числа взятыхъ тамъ ребрутъ бѣжало до 200 человекъ татаръ, при помощи своихъ богатыхъ единоплеменниковъ. Вообще татары говорили тогда, что сражаться противъ единовѣрныхъ турокъ запрещаетъ имъ совѣсть; когда же былъ заключенъ миръ и когда крымскіе татары стали переселяться въ Турцію, то тоже желаніе выселиться изъ Россіи изъявили и нѣсколько семействъ татаръ казанскихъ.» Далѣе приводятся слова извѣстнаго статистика, г. Артемьева, объ увѣренности казанскихъ татаръ, что пора уже Казанскому царству возстановить свою самостоятельность. Редакція присовокупляетъ къ тому, что, хотя-бы дѣло и не зашло еще такъ далеко, но во

всякомъ случаѣ отчужденіе татаръ отъ Россіи не подлежитъ никакому сомнѣнію и никакимъ образомъ не можетъ быть оставлено безъ вниманія и безъ противодѣйствія.

Изъ этой статьи, въ высшей степени поучительной для насъ, кавказцевъ, представимъ нѣсколько выписокъ.

„Еще съ конца прошедшаго столѣтія, магометанство видимо оживилось и принялось дѣятельно водворять свою грамотность въ странѣ. Оно искало себѣ опоры въ просвѣщеніи и успѣло достигнуть въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ результатовъ, до такой степени, что татаринъ или татарка, не умѣющіе читать-писать, составляютъ въ Казанской губерніи исключеніе изъ общаго правила, и алкоранъ, хотя и писанный по-арабски, сдѣлался самою читаемою книгой между всѣми татарами.“

Обратимъ вниманіе на эпоху оживленія арабской грамотности въ краѣ,—*конецъ прошлаго вѣка*. Извѣстно, что, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ послѣ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ, Приволжскій край былъ театромъ страшной неурядицы. Разбой и бунты, въ колоссальныхъ размѣрахъ, не прекращались. Эти явленія заключились пугачевщиной. Въ концѣ прошлаго вѣка начала водворяться тишина, которая составляетъ необходимое условіе для успѣшнаго распространенія какой-бы то ни было грамотности. Тишиной удачно воспользовалось мусульманское духовенство. Мы не разъ слышали отъ дагестанскихъ ученыхъ признаніе, что уровень ихъ науки понизился, что такихъ ученыхъ, какіе были лѣтъ за пятьдесятъ тому-назадъ, теперь уже нѣтъ. За пятьдесятъ лѣтъ тому-назадъ въ Дагестанѣ было тихо. Потомъ, произошелъ фанатическій взрывъ. Учиться, когда надобно сражаться, нельзя. Весьма понятенъ упадокъ уровня мусульманской науки въ Дагестанѣ, но теперь снова наступила тишина...

„Эти успѣхи магометанскаго просвѣщенія, которымъ, въ сожалѣнію, нисколько не соответствовали и не противодѣйствовали успѣхи просвѣщенія христіанскаго, имѣли самыя печальныя послѣдствія: въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія цѣлыя селенія татаръ-новокрещеновъ, т. е. крещенныхъ послѣ 1740 года, начали отпадать отъ православія, и такое отступничество охватило не только Казанскую губернію, но и сосѣднія съ нею Симбирскую, Самарскую, Уфимскую и Вятскую. Движеніе это продолжалось до самаго послѣдняго времени... Успѣхи магометанства въ восточныхъ предѣлахъ Европейской Россіи не ограничиваютъ

ся одними татарами, но простираются и на инородцевъ финскаго племени“ . . .

Много разъ было писано о томъ, что исламизмъ особенно быстро распространяется между народами пылкими, легко увлекающимися, чувственными. Таковы арабы, таковы негры, между которыми исламизмъ въ послѣднее время сдѣлалъ значительные успѣхи. Говорятъ, что исламизмъ есть ученіе поджигательное и тѣмъ легче обхватывающее народъ, чѣмъ болѣе въ характерѣ народномъ горючихъ матеріаловъ. Мы совершенно не понимаемъ, до какихъ горючихъ матеріаловъ добрался исламизмъ у апатическихъ чувашъ, которыхъ въ рай магомедовъ скорѣе можно заманить пряниками, чѣмъ гуріями. Говорятъ, что исламизмъ распространяется огнемъ и мечомъ. Но яѣдь не огнемъ-же и мечомъ татары увлекаютъ чувашъ въ мусульманство. Противъ огня и меча буинскій исправникъ принялъ-бы своевременно самыя дѣйствительныя мѣры. А, между тѣмъ, обнаруживается, что даже и крещенные чуваша отступаютъ отъ православія въ мусульманство.

Въ статьѣ, которою мы занимаемся, ничего не говорится о методѣ ученія въ приволжскихъ мусульманскихъ училищахъ, что, впрочемъ, было-бы и излишне, потому что метода эта одинакова въ цѣломъ мусульманскомъ мірѣ. Мы о ней говорили выше. Но, вотъ, каково мнѣніе автора статьи объ ученіи въ русско-христіанскихъ школахъ, обязанныхъ противоdѣйствовать мусульманскимъ.

„Ученіе ведется голословно на русскомъ языкѣ, но не соединяясь съ дѣйствительнымъ изученіемъ инородческими мальчиками русскаго языка. Печальнѣе и вмѣстѣ несообразнѣе такого обученія инородческихъ дѣтей ничего нельзя себѣ представить. Засаживать инородческихъ дѣтей прямо, по поступленіи ихъ въ школу, за русскій букварь, когда они не знаютъ ни слова по-русски, . . . не прибѣгать во всемъ преподаваніи къ помощи ихъ родныхъ нарѣчій, это значитъ не сообразоваться не только съ какими-либо правилами педагогіи, но и вообще съ *здравымъ чловѣческимъ смысломъ*. Какъ ни странно покажется, однако-же такого рода обученіе инородцевъ было, по-видимому, въ большомъ ходу. Слѣдствія его были, разумѣется, самыя печальныя: даже тѣ изъ инородцевъ, которые наиболѣе успѣвали при таковой системѣ обученія, оказывались впоследствии кажими-то полудіотами, такъ что еще недавно пришлось уволить изъ вятской ду-

ховной семинаріи всѣхъ воспитанниковъ изъ черемисъ, за совершенною ихъ неспособностію, бывшею слѣдствіемъ такого неразумнаго первоначальнаго ихъ обученія; вообще-же инородцы должны были почувствовать сильнѣйшее отвращеніе къ такого рода школамъ, находя ученіе въ нихъ чрезвѣрно для себя труднымъ, и влѣдствіе того русская грамотность весьма плохо къ нимъ прививалась.“

Въ томъ-же номерѣ Журн. Мин. Нар. Просв. находимъ мы добросовѣстную и съ теплымъ участіемъ къ дѣлу написанную статью г. Шестакова о школахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи. Въ нихъ наибольшая часть учащихся состоитъ изъ инородческихъ дѣтей. Буинскій училищный совѣтъ положилъ въ основаніе улучшенія этихъ школъ точное ознакомленіе съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Обнаружились самыя грустные факты. „Въ ученіи большею частію—мертвѣющій механизмъ; общее развитіе учениковъ слабое, ученики очень часто пропускаютъ уроки частію по своеволію, частію съ согласія невѣжественныхъ родителей.“ Члены буинскаго земскаго собранія пришли къ заключенію, что обученіе должно быть *принудительное*, такъ какъ населеніе уѣзда не сознало еще пользы образованія. Но г. Шестаковъ задалъ вопросъ: отъ одной-ли грубости и малоразвитости родителей происходитъ дѣйствительно выражающееся на дѣлѣ отвращеніе отъ школъ, или самая организація школъ, гдѣ учатся дѣти инородцевъ, тому причину?

„Кто-же обучаетъ въ этихъ инородческихъ школахъ? Конечно, ожидается въ отвѣтъ, — люди, хорошо знающіе родной языкъ тѣхъ дѣтей, которыхъ они учатъ; ибо только начальнымъ обученіемъ на природномъ языкѣ можно пробудить мыслящія силы дѣтей, развитъ ихъ понятія, облегчить имъ сознательное приобритеніе познаній, дать имъ правильное умственное и религіозно-нравственное образованіе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать такого отвѣта, какой желателей.“

Опытъ вполне подтвердилъ мнѣніе г. Шестакова о неумѣстности *принудительнаго* обученія и о томъ, что причину зла должно искать въ самой организаціи инородческихъ школъ. Зло вызвало противодѣйствіе со стороны людей, благонамѣренныхъ и энергическихъ. Г. Ильминскій, профессоръ казанскаго университета, составилъ азбуку для народнаго татарскаго языка, — г. Золотницкій для языка чувашскаго. Обѣ составлены были на основаніи русскаго алфавита, съ цѣлію облегченія для инородче-

скихъ дѣтей перехода отъ чтенія на родномъ языкѣ къ чтенію на русскомъ. Польза оказалась тотчасъ-же на дѣлѣ. Въ школѣ, устроенной г. Ильинскимъ въ 1864-мъ году для дѣтей старокрещенныхъ татаръ, успѣхи учащихся уже въ 1866-мъ году оказались столь замѣчательны, что привлекли на себя вниманіе не только Казани, но и Петербурга. Теперь подобныя школы размножаются далеко за предѣлами Казани. Обученіе на родномъ языкѣ привлекаетъ къ чувашскимъ школамъ какъ дѣтей, такъ и родителей. Въ таковыхъ школахъ нѣтъ надобности прибѣгать къ принудительному обученію. Свѣдѣнія мальчиковъ *разумны* и *хорошо усвоены*. Въ русскомъ языкѣ инородческія дѣти оказываютъ наиболѣе успѣховъ тамъ, гдѣ первоначальное ученіе ведется на туземномъ.

Во всемъ этомъ мы совершенно устранимъ вопросъ религіозный. Прозелитизмъ не наше дѣло. Не христіанскія школы противопоставляемъ мы мусульманскимъ, а русскія арабскимъ, русскій языкъ арабскому. Въ отношеніи къ обученію приволжскихъ инородцевъ или кавказскихъ горцевъ, оба языка въ одинаковомъ положеніи, т. е. на обоихъ первоначальное народное образованіе должно идти плохо. Но, какъ мы видѣли, вліяніе арабскихъ школъ на туземцевъ, — даже немусульманъ, — гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе школъ русскихъ. Объяснить это неумудрено. Арабскія сельскія школы являютъ на своей сторонѣ сильный численный перевѣсъ надъ русскими. Первые создаются весьма легко, послѣднія крайне туго. Мы даже не говоримъ о Нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ устройство русскихъ сельскихъ школъ покуда еще невозможно. Выше привели мы официальное показаніе, что въ Казанской губерніи татаринъ или татарка, не умѣющіе читать-писать (по-арабски), составляютъ рѣдкое исключеніе *). Грустно даже подумать о томъ, какая соразмѣрность между грамотными и неграмотными людьми въ русскомъ сельскомъ народонаселеніи Казанской губерніи! Мѣстное начальство много должно хлопотать, чтобы устроить и поддержать школу въ русскомъ селеніи. Бани, мельница устроиваются безъ хлопотъ административныхъ, сами собою. У татаръ въ каждомъ селеніи школа устро-

*) Само собою разумѣется, что наибольшая часть изъ нихъ читаетъ, нечего не понимая, а только услаждая себя священными звуками арабскаго языка. Подобнымъ образомъ, и у насъ напр., настоящее значеніе слова *аллелуія* немногими извѣстно, а изъ-за него образовались секты.

ивается безъ хлопотъ административныхъ, сама собою, также легко, какъ баня и мельница. Въ арабскихъ школахъ, учитель объясняется съ учащимися туземцами, приволжскими или кавказскими, на ихъ природномъ языкѣ. Первоначальныхъ учителей изъ природныхъ арабовъ въ этихъ школахъ не встрѣчается. Въ русскихъ школахъ учитель вовсе не знаетъ туземныхъ языковъ, а объясняется съ учащимися на непонятномъ для нихъ русскомъ языкѣ. Мы видѣли, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ эта метода. И въ этомъ отношеніи арабскія школы имѣютъ перевѣсъ надъ русскими. Присоединимъ къ тому, что родители мальчика-мусульманина проникнуты убѣжденіемъ, что въ каждомъ арабскомъ словѣ кроется бездна святости; какъ ни тяжело сыну ихъ это ученіе, но родителей поддерживаетъ мысль, что трудится онъ для блага своего. Пользу ученія сознаютъ они. Русский языкъ для инородцевъ (приволжскихъ или кавказскихъ) точно также труденъ, какъ и арабскій, и, притомъ, это языкъ гяуровъ. Изъ-за-чего будутъ родители понуждать сына своего учиться?

Все это проводитъ насъ къ разсмотрѣнію роли, которую должны играть туземные языки въ дѣлѣ просвѣщенія кавказскихъ туземцевъ. Нельзя выпустить этихъ языковъ изъ виду; уже по одной той причинѣ, что имъ суждено прожить еще длинный рядъ вѣковъ. Цѣлое тысячелѣтіе арабскаго давленія не задавило ихъ. Сколькимъ-бы языкамъ мы ни выучились, ни одинъ не запечатлѣется въ цѣломъ духовномъ мірѣ нашемъ такъ глубоко, какъ языкъ *родной*, — языкъ, которымъ непосредственно выражается своеобразный складъ нашихъ понятій. Это относится до всѣхъ народовъ и до всѣхъ языковъ въ мірѣ. Нельзя-же смотрѣть на горцевъ, какъ на безъязычныхъ; нельзя-же оставить безъ вниманія, что Богъ одарилъ ихъ языками самостоятельными, чуждыми какъ арабскому, такъ и русскому. Эти родные языки составляютъ самые надежные проводники для распространенія между горцами новаго рода понятій. Забрать эти проводники въ свои руки, сдѣлать распорядиться ими... Дѣло трудное, но и заслуживающее того, чтобы подумать о немъ.

Горцы не сознаютъ необходимости изученія своего языка, по той весьма простой причинѣ, что объективное изученіе своего языка не мыслимо, покуда не создана для него письменность. Это то-же, какъ-бы разсматривать черты лица своего, при отсутствіи зеркалъ и даже *зеркальныхъ водъ*. Но необходимость письменности на родномъ языкѣ уже давно признана горцами.

«Если аллахъ создалъ для насъ особый языкъ и говорить на немъ не грѣшно, то и писать не грѣшно». Дѣло не остановилось на одномъ сознаниіи необходимости; издавна уже дѣлаются горцами попытки къ ея разрѣшенію. Лѣтъ за 35 тому-назадъ, во времена предшественника Шамиля, Гамзатъ-бека, на пути въ Мекку, умеръ извѣстный въ Дагестанѣ ученый, Али-Кузен Тлейсерухскій. Память его высоко чтится въ горахъ до-сихъ-поръ. Горцы увѣряютъ, будто-бы жилъ онъ долѣе ста лѣтъ. Можно полагать, что ученая дѣятельность его относится преимущественно къ прошлому вѣку. Али-Кузен на аварскомъ языкѣ писалъ поясненія на разные темныя мѣста корана и другихъ духовныхъ книгъ, въ пользу тѣхъ, которые несовѣмъ тверды въ знаніи арабскаго языка. Эти поясненія до-сихъ-поръ еще въ ходу въ горахъ. Другой ученый, Магомедъ-Кади Сугратлинскій, перевелъ на аварскій языкъ нѣсколько духовныхъ книгъ. Еще болѣе горячо за дѣло созданія аварской письменности взялся знаменитый нѣкогда по учености своей Лачинилау, подъ руководствомъ котораго Шамиль довершилъ свое изученіе арабскаго языка. Поэтому легко сообразить, какъ старъ уже долженъ быть Лачинилау! Сколько мнѣ извѣстно, онъ и до-сихъ-поръ живъ, хотя уже давно потерялъ зрѣніе. У меня въ рукахъ письмо его, которое служитъ доказательствомъ истины, покуда еще малосознанной, что малый пріемъ корана возбуждаетъ фанатизмъ, а сильный располагаетъ къ вѣротерпимости, если только не примѣшиваются себялюбивые расчеты. Гдѣ-же религія не дѣлается орудіемъ себялюбивыхъ расчетовъ? Въ особенности тамъ, гдѣ общественная мгла прикрываетъ эти расчеты. Лачинилау составилъ аварскую азбуку и много писалъ по-аварски. Джемалѣдинъ, старшій сынъ Шамиля, оставившій по себѣ всюду добрую память, — возвратясь въ горы, сильно скорбѣлъ о невѣжествѣ и дикости своихъ земляковъ. Чтобы вывести ихъ изъ этого состоянія, онъ счелъ за самое дѣйствительное средство распространить между ними грамотность на родныхъ языкахъ. Съ этою цѣлію упростилъ онъ Гаджи-Али, одного изъ приближенныхъ Шамиля, перевести коранъ на аварскій языкъ. Гаджи-Али успѣлъ перевести только половину. Шамиль не препятствовалъ этому занятію, но, по-видимому, не сочувствовалъ ему. Онъ представилъ Гаджи-Али, что самое богоугодное дѣло — сражаться противъ невѣрныхъ, переводъ-же можно докончить и въ другое время. Трудъ Гаджи-Али такъ и остался недоконченнымъ. Въ серединѣ пятидесятыхъ

годовъ, азбуку для аварскаго языка составилъ Хандіевъ, бывшій преподаватель аварскаго языка въ новочеркасскомъ отдѣленіи восточныхъ языковъ *). Быть-можетъ, сдѣлано было въ разныхъ мѣстахъ Дагестана и нѣсколько другихъ попытокъ, остав-

*) Пользуемся случаемъ, чтобы передать некоторыя біографическія данныя объ этой замѣчательной личности. Магомедъ Хандіевъ родился около 1818-го года, въ селеніи Теди, Гидатлинскаго общества. Отецъ его, Мусса, умеръ въ то время, когда Магомедъ былъ еще ребенкомъ. Для отличія отъ множества другихъ Магомедовъ, Хандіевъ прозванъ былъ въ своемъ аулѣ *Кудамлуль-Магомедъ*, т. е. *Магомедъ рослой женщиной*, такъ какъ мать его была весьма высокаго роста. Съ этимъ прозвищемъ до-сихъ-поръ почитать его въ Гидатлѣ. Въ дѣтствѣ еще прославился онъ необыкновеннымъ прилежаніемъ, такъ-что въ этомъ отношеніи имя его обратилось въ пословицу между учениками. Сдѣлавшись муталимомъ, Хандіевъ переходилъ отъ одного кадія къ другому, все болѣе и болѣе совершенствуясь въ арабскомъ языкѣ. Это могло-бы ему доставить выгодное положеніе при Шамилѣ, но, увлекаясь ученіемъ, Хандіевъ неслышномъ усердіемъ наблюдалъ высшіе обряды мусульманства, и невѣжественныя шамилевскіе мюриды поглядывали на него косо. Во то время ученіе безпрестанно прерывалось военными дѣйствіями; муталимы то учились, то сражались. Хандіевъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Кутиши, 15-го октября 1846-года, и это первое знакомство съ нами обошлось ему дорого. Ему прострѣлили руку, которою онъ уже никогда болѣе не могъ владѣть свободно; въ этомъ беззащитномъ видѣ онъ попался къ намъ въ плѣнъ; тутъ отморозилъ себѣ пальцы на ногъ, которые пришлось отнять. Хандіевъ около полугода провелъ въ плѣну, пока его не развѣняли. Конечно, все это время просидѣлъ онъ въ острогѣ. Не знаю, какъ догадался онъ, что русская цивилизація можетъ доставить что-нибудь получше прострѣленной руки, изувѣченной ноги и острога. Возвратясь домой, онъ перѣбѣжалъ въ Гимры и продолжалъ тамъ свое арабское ученіе, но подумывалъ, какъ-бы поучиться и въ Россіи. Съ этою цѣлю присталъ онъ къ партіи абрековъ, отсталъ отъ нея на пути и явился къ своему кунаку, въ *мирный* аулѣ Дженгутай. Черезъ нѣсколько времени онъ сдѣлался муллою въ одномъ изъ кварталовъ Казанищъ. Хандіевъ не могъ прискать никого, кто-бы училъ его русскому языку; онъ добылъ букварь и урывками, пользуясь каждымъ представлявшимся случаемъ, выучился кое-какъ разбирать слова и писать ихъ. Въ 1854-мъ году онъ принялъ приглашеніе преподавать аварскій языкъ въ новочеркасскомъ отдѣленіи восточныхъ языковъ. Можно представить себѣ, сколько труда было ему на первое время на чужой сторонѣ! Ученики не понимали его, онъ не понималъ учениковъ. Кое-какъ установились между ними объясненія черезъ посредство кумыкскаго языка, который былъ извѣстенъ нѣкоторымъ изъ учениковъ. Хандіевъ, въ одно и то же время, учился неутомимо русскому языку, составлялъ на русскомъ языкѣ аварскія руководства и училъ по нимъ учениковъ своихъ. Въ покойномъ Крашенинниковѣ, своемъ ближайшемъ начальникѣ, нашелъ онъ добраго совѣтника и друга. Желанное трудолюбіе Хандіева восторжествовало надъ всѣми препятствіями. По-русски выучился онъ говорить и писать свободно и правильно, изучалъ русскую грамматику, составилъ для аварскаго языка азбуку, грам-

шихся намъ неизвѣстными. Въ числѣ арабскихъ рукописей, писемъ, документовъ и т. п., послывавшихся въ разное время съ Кавказа въ нашу академію наукъ, отыскалось письмо, писанное арабскими буквами на непонятномъ языкѣ. Оказалось, что писано оно по-лакски, хотя и съ величайшими недостатками. Дѣтъ за сорокъ тому-назадъ кабардинецъ Шора-Бекмурзаянъ-Ногмовъ составилъ для кабардинскаго языка азбуку и грамматику. Вотъ, что пишетъ онъ въ предисловіи къ своему труду: «при началіи труда моего, сердечное убѣжденіе говорило мнѣ, что придетъ время, когда въ душѣ грубаго горца вспыхнетъ чудное чувство, свѣтильникъ жизни, любовь къ знанію. Ударить и для насъ часъ, когда мы всѣ примемъ за грамоту, книги и письмо. Для этого-то времени составленъ этотъ трудъ,—трудъ многихъ лѣтъ, который предается забвенію, быть можетъ, пренебреженію, но нѣвогда пробудитъ благодарное воспоминаніе потомства учащагося... Я не доживу, не увижу, быть можетъ, этой сладкой минуты, когда родина моя оставитъ все то, что отдѣляетъ ее

матинку и христоматию. Проживъ пять лѣтъ въ Новочеркасскѣ, собрался онъ воспользоваться вакаціоннымъ временемъ, чтобы взглянуть на родина горы. Это было въ 1859-мъ году, столь-знаменательномъ для Дагестана. Въ то самое время, какъ Хандіевъ прибылъ въ Гидатль, гидатлинцы отправляли депутацію къ Главнокомандующему, съ изъявленіемъ покорности. Хандіевъ примкнулъ къ депутатамъ. Появленіе между горцами чловѣка, въ учительскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ и съ мирной шпагою, возбудило общее любопытство въ нашемъ лагерѣ. Князь Барятинскій почтилъ его привѣтомъ, вниманіемъ и подаркомъ. Это доставило Хандіеву отрадное воспоминаніе на остальные два года его жизни; на смертномъ одрѣ любилъ онъ рассказывать объ этомъ. Возвращаясь въ Новочеркасскъ, онъ сильно простудился и впалъ въ чахотку. Я съ нимъ познакомился лѣтомъ 1861-го года, когда уже дни его были сочтены. Какъ и всѣ чахотные, онъ не сознавалъ опасности своего положенія, и, умирая, усердно учился французскому языку, въ которомъ оказывалъ большіе успѣхи. Онъ умеръ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Новочеркасска, имѣя около 43-хъ лѣтъ отъ роду. Дѣтей послѣ себя не оставилъ и даже никогда не былъ женатъ.

Всѣ труды Хандіева относятся къ гидатлинскому нарѣчію, которое значительно отличается отъ аварскаго. Азбука его неудобна по причинѣ, которую мы объяснимъ далѣе; грамматика составлена по образцу русской, что повлекло автора въ весьма превратныя толкованія. Такъ напр., онъ не понималъ, что въ аварскомъ языкѣ вовсе нѣтъ дѣйствительныхъ глаголовъ. Впрочемъ, въ подобныя промахи впадаютъ всѣ тѣ, которые за образецъ берутъ грамматику чуждаго языка. Христоматія весьма полезна для изученія гидатлинскаго нарѣчія. Въ ней много переведено съ русскаго, между прочимъ, весьма удачно сказка Пушкина *о золотой рыбкѣ*.

отъ людей просвѣщенныхъ, когда обратится она къ добру и познанію. О, тогда какъ много душа моя почувствуетъ сладостныхъ ощущеній! Этотъ достопочтенный поборникъ просвѣщенія вѣрно предугадалъ будущее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ самому себѣ. Онъ скончался лѣтъ двадцать пять тому-назадъ; память о немъ и о трудахъ его постепенно погружалась въ забвеніе. Честь оживленія таковой памяти принадлежитъ г. Берже. Скромное имя Шора-Бекмурзина теперь не будетъ забыто на Кавказѣ. Около пятидесятихъ годовъ, азбуку для адыгскихъ нарѣчій составилъ г. Омаръ Берсеевъ,—человѣкъ, усвоившій себѣ европейское образованіе. Азбука его была литографирована, и по ней г. Берсеевъ училъ черкесскому языку въ ставропольской гимназіи. Занятіямъ его покровительствовалъ князь Воронцовъ, который живо сочувствовалъ распространенію письменности на туземныхъ языкахъ. Въ 1861-мъ году г. Берсеевъ составилъ азбуку на новомъ основаніи, но она до-сихъ-поръ еще не была примѣнена къ дѣлу.

Всѣ эти попытки заглохли въ зародышѣ. Причины неудачъ отыскать не трудно. Главнѣйшая, изъ которой происходятъ всѣ прочія, заключается въ томъ, что *въ основаніе встѣхъ этихъ азбукъ принята была азбука арабская*. Звуки арабскаго языка совершенно расходятся съ звуками языковъ горскихъ: безъ добавленій и сокращеній арабскій алфавитъ столь-же мало пригоденъ для горскаго письма, какъ русскій, латинскій и т. п. Сокращеній въ арабскомъ алфавитѣ сдѣлать было невозможно, такъ-какъ не только множество арабскихъ словъ, но даже множество арабскихъ фразъ, пріобрѣли уже полное право гражданства во всѣхъ горскихъ языкахъ. Конечно, большинство горцевъ усвоили себѣ эти слова и фразы, не усвоивъ чистаго арабскаго произношенія. Но писать неправильно, примѣняясь къ неправильному произношенію, весьма естественнымъ образомъ показалось неприличнымъ для составителей азбукъ, которые всѣ были большіе знатоки арабскаго языка. Такимъ образомъ, арабскій алфавитъ вошелъ дѣликомъ въ азбуки, составленныя для горскихъ языковъ. Для означенія звуковъ, чуждыхъ арабскому языку, придумали начертанія, близко подходящія, впрочемъ, къ арабскимъ; кромѣ того, ставили точки при тѣхъ буквахъ, которыя вовсе ихъ не имѣютъ, или надбавляли число ихъ для тѣхъ, которыя уже снабжены ими. И въ арабскомъ письмѣ точки представляютъ большія затрудненія, вводя въ безпрестанныя ошибки; въ горскомъ

эти затрудненія усугубляются. Такъ напр., аварскія слова, написанныя по системѣ покойнаго Хандіева, буквально осыпаны точками, которыя необходимо пересчитать и распределить по буквамъ, чтобы разобрать написанное. Очевидно для каждаго, кто, хотя-бы даже весьма поверхностно, занимался восточными языками, что для того, чтобы писать арабскими письменами на какомъ-бы то ни было языкѣ, необходимо предварительно изучить арабскій языкъ. Это обстоятельство тормозитъ письменность персидскую и турецкую и обуславливаетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ, почему просвѣщеніе не двигается впередъ ни въ Персіи, ни въ Турціи. Грамотность на родномъ языкѣ составляетъ первый шагъ къ просвѣщенію, и этотъ первый шагъ европейскіе ученики дѣлаютъ весьма легко, почти безъ всякаго усилія, — если только учитель не какой-нибудь Кутейкинъ съ *азами* и *буками*. Но, благодаря Бога, поколѣніе учителей-Кутейкиныхъ уже вымерло, почти повсемѣстно. Этотъ первый шагъ превращается въ истязаніе умственныхъ способностей для ученика-мусульманина. Прежде, чѣмъ дойти до родной грамотности, созданной на арабскомъ основаніи, ученикъ-горецъ долженъ пройти сивозъ иго непостижимыхъ для него арабскихъ *солмечныхъ*, *лунныхъ*, *хворчыхъ* буквъ, *теидида*, *джезми* и пр. и пр. Въ такомъ видѣ горская письменность доступна лишь для тѣхъ, которые предварительно изучили арабскій языкъ, т. е. для тѣхъ, которымъ она наименѣе нужна.

Всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что, за исключеніемъ трудовъ Хандіева и Берсеева, попытки создать у себя письменность сдѣланы были горцами безъ всякаго участія со стороны русскаго правительства. Шора-Бекмурзинъ находился въ русскаго службѣ и хорошо зналъ русскій языкъ, но трудился по собственному влеченію. Дагестанскіе начинатели были люди намъ враждебные, частію приверженцы мюридазма. Отсюда видно, что туземная письменность не есть искусственная потребность, которую мы силимся создать: эту потребность, совершенно независимо отъ нашихъ внушеній и стараній, сознали уже сами горцы или, по-крайней-мѣрѣ, передовые люди изъ числа ихъ. Съ наступленіемъ спокойствія въ горахъ, бѣснующіеся головорѣзы, въ родѣ Гаджи-Мурата, или юродствующіе фанатики, въ родѣ Кунты, должны постепенно сходять со сцены. Ихъ мѣсто, въ качествѣ руководителей народныхъ, будутъ постепенно занимать люди относительно-просвѣщенные и которые, по мѣрѣ силъ своихъ,

озаботятся просвѣщеніемъ своихъ соотчичей. Съ чего-же предположить, что попытки создать туземную грамотность, сдѣланные уже горцами при самыхъ неблагопріятныхъ для просвѣщенія обстоятельствахъ,—прекратятся теперь? Шора-Бенмурзины и Хандіевы будутъ появляться все чаще и чаще. Но, вѣроятно, труды ихъ, по-прежнему, не будутъ удовлетворять требованіямъ вопроса такъ, какъ мы ихъ понимаемъ. Грамотность на родномъ языкѣ должна доставаться горцамъ весьма легко, — также легко, какъ достается она учащимся въ цѣлой просвѣщенной Европѣ, при разумной системѣ обученія *). Сверхъ того, должна она подготавливать и располагать горцевъ къ изученію русскаго языка и къ ознакомленію съ русскимъ образованіемъ. Очевидно, что оба условія въ совокупности могутъ быть достигнуты лишь тогда, когда въ основаніе горскихъ алфавитовъ принятъ будетъ алфавитъ русскій. Безъ добавленій и сокращеній, онъ также не пригоденъ для горскаго письма, какъ и арабскій, но азбукѣ, составленной на русскомъ основаніи, горцы могутъ учиться весьма легко, хотя-бы даже въ жизнь свою не видали русской книги и даже въ жизнь свою не слышали русскаго слова. Это обстоятельство уже даетъ огромный перевѣсъ горско-русской азбукѣ надъ горско-арабской. При первой системѣ учатся сначала *своей* азбукѣ, чтобы перейти къ *чужой*; при второй учатся сначала *чужой*, чтобы перейти къ *своей*. Дайте просторъ здравому смыслу, и окончательная побѣда останется на его сторонѣ. Во всякомъ случаѣ, отъ выбора той или другой системы зависитъ поворотъ безграмотныхъ горскихъ языковъ на русскую или арабскую сторону. Мы теперь на перепутьѣ.

Начинанія въ казанскомъ краѣ, о которыхъ мы говорили выше, почти совпали съ подобными-же начинаніями на Кавказѣ. Послѣднія нѣсколько предшествовали первымъ, но, во всякомъ случаѣ, тѣ и другія возникли самостоятельно. Между Тифлисомъ и Казанью не было переговоровъ; сошлись они на почвѣ здраваго смысла. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ приступлено было на Кавказѣ къ изслѣдованію горскихъ языковъ собственно съ научною цѣлію, но при этомъ сами собою составились для каждаго изъ нихъ алфавиты. Оставалось только придѣлать къ этимъ

*) И даже гораздо легче, потому-что въ цѣлой Европѣ современный языкъ сильно разошелся уже съ грамотностію. Для горцевъ грамотность создается согласно современному состоянію языка.

алфавитамъ буквари, что уже не представляло никакихъ затрудненій *). Чтобы отнять у невѣжественныхъ учителей всякую возможность затруднять ученіе, — къ чему они вообще весьма склонны, — букварямъ придана самая упрощенная форма. Дагестанскіе языки представили къ тому замѣчательныя удобства, изобилуя односложными словами, которыя дозволяютъ изученіе чтенія начать прямо съ чтенія, избѣгнувъ складовъ, столь утомительныхъ и столь парализующихъ прилежаніе учащихся. Обученіе туземцевъ грамотѣ началось одновременно въ разныхъ мѣстахъ Кавказа **). Сообщу здѣсь только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ.

Лѣтомъ 1862-го года, по распоряженію тогдашняго начальника Терской области, вызванъ былъ въ Грозную мулла Янгулбай, съ муталимами, которые учились у него арабскому языку. Изъ числа послѣднихъ ни одинъ не зналъ ни слова по-русски. Въ Грозной мулла Янгулбай училъ ихъ читать по-чеченски; два русскихъ писаря учили писать. Занятія продолжались около шести недѣль. По прошествіи этого времени, всѣ безъ исключенія выучились читать на своемъ языкѣ совершенно-свободно. Особенное удовольствіе доставило имъ то, что и въ русскихъ книгахъ имъ только изрѣдка встрѣчались неизвѣстныя буквы (и, щ, ъ, ы, ъ, ѣ, э, ю, я). Но съ этими буквами, русскими паразитами (за исключеніемъ ы), ознакомиться было не долго. Впродолженіи ученія составлялась чеченская грамматика *), при пособіи муллы Янгулбай, Кеди Досова, — порядочно знавшаго русскій языкъ и составившаго потомъ букварь, — и всѣхъ муталимовъ. Всѣ эти чеченскіе сотрудники болѣе или менѣе хорошо знакомы были съ арабской грамматикой, но никогда не примѣняли своихъ грамматическихъ познаній къ родному языку. Извѣстно, что у арабскихъ грамматиковъ считается только три части рѣчи: имя, глаголъ и частица. Сотрудничество въ составленіи грамматики роднаго языка переставило чеченскихъ грамматиковъ на европейскую точку зрѣнія въ отношеніи къ частямъ рѣчи. Значеніе русскихъ грамматическихъ подраздѣленій уже не затруднить ихъ, когда придется имъ изучать русскую грамматику. Калиграфіи выучились они настолько, насколько можно выучиться втеченіи шести недѣль,

*) Мы говоримъ собственно о букваряхъ языковъ Восточнаго Кавказа; о букваряхъ Западнаго мы не имѣемъ свидѣній.

**) См. „Сборникъ“, выпускъ 1-й, Библиографическая замѣтка, 67—72.

***) Напечатанная впоследствии сокращенно на ямцкомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ и удостоенная Демидовской преміи.

при большомъ прилежаніи, т. е. писали по линейкамъ прописи довольно изящно. О скорописи, конечно, еще нельзя было и думать. Между муталимами было нѣсколько отличныхъ арабскихъ каллиграфовъ. Это искусство, высоко цѣнимое въ цѣломъ мусульманскомъ мірѣ, усвоили они многолѣтними трудами. Но для того, чтобы писать русскими буквами, имъ пришлось учиться явновъ или, вѣрнѣе сказать, переучиваться, что еще труднѣе. Арабское ученіе ни въ какомъ отношеніи не подготовляетъ учащагося къ ученію русскому. Напротивъ, изученіе родной грамоты на русскомъ основаніи служитъ наилучшимъ подготовительнымъ по объему къ изученію грамоты русской. Выучите сначала ученика-горца грамотѣ на его родномъ языкѣ и отъ нея перейдите къ русской. Начните учить другаго ученика-горца прямо грамотѣ русской. Сложность времени, употребленнаго на изученіе туземной и русской грамоты, окажется менѣе того времени, которое должно употребить на изученіе прямо грамоты русской. Опытъ уже доказалъ это вполне и можетъ быть повторенъ, сколько угодно. Послѣ шестинедѣльнаго существованія, грозненская временная школа была распущена, какъ то и было предположено въ самомъ началѣ. Муталимы были въ восторгѣ отъ своихъ шестинедѣльныхъ занятій, въ продолженіи которыхъ выучились читать-писать на своемъ языкѣ, и въ придачу почти выучились читать-писать и по-русски. Эти успѣхи сравнивали они съ медленностію своего арабскаго ученія. Не знаю, помнятъ-ли еще теперь они что-либо изъ того, чему выучились такъ скоро. Ни съ однимъ изъ нихъ мнѣ не удалось встрѣтиться впоследствии.

Зимой 1886/1887-го года, я былъ личнымъ свидѣтелемъ успѣховъ, достигнутыхъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, при самомъ началѣ распространенія аварской грамотности. Такъ, какъ оказалось, что устройство даже временнаго училища въ нѣдрахъ Дагестана сопряжено съ величайшими затрудненіями, то для ученія вызываемо было послѣдовательно нѣсколько сибирь учащихся въ Шуру. Одни изъ нихъ предназначались собственно для того, чтобы въ свою очередь распространять грамотность между своими односельцами. Само собою разумѣется, что они должны устраивать школы свои и привлекать къ себѣ учащихся такъ, какъ сами знаютъ. Дальнѣйшее вмѣшательство правительства въ это дѣло рѣшительно повредило-бы его ходу. Устройство таковыхъ школъ должно постепенно войти въ обычай народные; онѣ должны возникать также легко, также сами-собою, какъ и сельскія арабскія школы.

Тогда только доброе семя падеть не на камень, на которомъ мало земли. Въ претивномъ случаѣ, хотя-бы и взшло оно скоро, потому что земля не глубока, но и увяло-бы скоро, потому что корни не глубоки. Поддержка правительства заключается въ томъ, что буйвари и инги, напечатанныя по аварски, раздаются безденежно. Сверхъ того, Его Высочество Главнокомандующій назначилъ учащимъ за каждаго обученнаго денежное вознагражденіе. Поощреніе весьма дѣйствительное на первыхъ порахъ, но, конечно, временное. Этимъ путемъ грамотность начала уже распространяться между аварцами; успѣшно-ли или нѣтъ, — мы покуда еще не знаемъ. Въ Шуру вызываемы были также письмоводители наибовъ и окружныхъ судовъ, — природныя аварцы, не знающіе ни слова по-русски и ведущіе всю оффиціальную переписку по-арабски. Русско-аварскую грамотность усвоили они весьма скоро; черезъ нѣсколько недѣль могли уже выдержать весьма практичный экзаменъ въ письменности въ своемъ языкѣ. Изъ числа ихъ одному, черезъ переводчика, задавали какую-нибудь обыкновенную тему для написанія оффиціальной бумаги; потомъ, вызывали другого, которому подавали написанное затѣмъ, чтобы онъ прочиталъ; послѣ чего сказывали ему, что написать въ отвѣтъ. Темы были весьма разнообразныя, но не выходившія изъ предѣловъ обыкновенной горской оффиціальной переписки. Такимъ образомъ, горцы экзаменовали другъ друга. Экзаменъ веденъ былъ въ присутствіи начальника Дагестанской области. Горцы весьма самолюбивы, и опасеніе показать себя въ глазахъ его съ невыгодной стороны могло парализовать на экзаменѣ ихъ умственную дѣятельность. Ни одинъ изъ нихъ, само-собою разумѣется, не успѣлъ въ продолженіи шести недѣль усвоить себѣ твердый русскій почеркъ; нѣкоторые писали неразборчиво. Не смотря на все это, таковая примѣрная оффиціальная переписка, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ экзамена шла быстро и безостановочно, — словомъ сказать, такъ, какъ дай Богъ, чтобы она всегда шла на самомъ дѣлѣ. Возможность постепенно замѣнить письмоводство арабское письмоводствомъ туземно-русскимъ очевидна. Конечно, этимъ письмоводителямъ, по привычкѣ, легче было писать по-арабски, чѣмъ по-аварски, но эта привычка досталась имъ многолѣтнимъ тяжкимъ трудомъ, что они сами сознавали.

Этотъ замѣчательный экзаменъ указываетъ на весьма надежное средство къ ослабленію необходимости для горцевъ учиться по-арабски. Не только въ горахъ, но и всюду, невѣжественные

люди побуждаются въ ученію исключительно ожиданіемъ приобрести черезъ то матеріальныя выгоды, обезпечить свою будущность. Позже уже возникаетъ безкорыстное стремленіе къ ученію, къ самообразованію. Если гидатлинецъ Хандіевъ на смертномъ одрѣ учился такъ усердно по-французски, то, конечно, не изъ матеріальныхъ расчетовъ, а изъ желанія расширить кругъ своихъ знаній,—пожалуй даже, изъ ученаго тщеславія. Для людей, выучившихся русско туземной грамотности, будутъ доступны должности въ русской администраціи. Конечно, *много званныхъ, но мало избранныхъ*. Во всякомъ случаѣ, всякій надѣется попасть въ число *избранныхъ*. Если въ горскую административную переписку введена будетъ переписка на туземныхъ языкахъ русскими буквами,—хотя и не вдругъ, а постепенно,—то значительное число учащихъ арабскому языку предпочтутъ этому ученію изученіе грамотности родныхъ языковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя дается весьма легко. Когда лишь возникнетъ потребность, то горцы сами создадутъ у себя школы или преобразуютъ прежнія—арабскія. Все это, какъ мы сказали, дѣлается у нихъ весьма легко, безъ опеки правительственной. Этимъ школамъ грамотности слѣдуетъ, однако, помочь въ отношеніи къ каллиграфіи. Письменная принадлежности у горцевъ приноровлены исключительно къ арабскому письму. Они пишутъ тростникомъ, сидя на полу; колѣно служитъ вмѣсто письменнаго стола. Горцы, не успѣвшіе усвоить себѣ подъ нашимъ руководствомъ хорошаго русскаго почерка, впоследствии времени до-того измѣнять его, что письмо ихъ сдѣлается непонятнымъ. Учиться читать они уже могутъ у себя дома; учиться писать повуда не могутъ. Горскихъ учителей чистописанія еще слѣдуетъ подготовить. Эти подробности могутъ показаться теперь мелочными, но изъ нихъ выростутъ затрудненія, которыя лучше устранить заранѣе.

Чтеніе и составленіе оофициальныхъ бумагъ доставитъ занятіе незначительному числу грамотныхъ людей; остальнымъ нечего будетъ читать, кромѣ букваря, по которому, конечно, нельзя выучиться ничему другому, кромѣ чтенія. Для удовлетворенія потребности чтенія, горцамъ придется снова обратиться къ арабскимъ книгамъ. Самостоятельной литературы они, по самому положенію своему, имѣть не могутъ и никогда имѣть не будутъ. Пока они не въ состояніи будутъ читать русскихъ книгъ, имъ нечего читать, кромѣ переводовъ съ русскаго. Выборъ книгъ для переводовъ долженъ быть сдѣланъ съ осмотрительностію. Каждая

книга непременно должна заключать въ себѣ новыя полезныя свѣдѣнія. Легкаго чтенія, съ цѣлю пріятнаго препровожденія времени, горцы не понимаютъ. Чтобы убить время, они предпочитаютъ строгать палочки на-подобіе сѣверо-американцевъ. Для того, чтобы доставить аварцамъ на первое время практику въ чтеніи, не утруждая ихъ мышленія, напечатанъ былъ въ Шурѣ сборникъ аварскихъ сказокъ и пѣсень. Книга эта показалаъ аварцамъ слишкомъ легкаго содержанія, и они съ недоумѣніемъ говорили: *читать мы выучились, а читать нечего*. Подобнымъ образомъ, у насъ грамотные простолюдины питаютъ особое расположеніе къ книгамъ аскетическаго или мистическаго содержанія. Творенія Бема, Юнга-Штиллинга, Экартсгаузена были у насъ въ большомъ ходу между мѣщанами, дворовыми людьми и т. п. Они исчезли изъ обращенія, потому что уже зачитаны до-тла и вновь не печатаются. Какъ оказывается изъ опыта, книгѣ необходима известная степень мудрености для того, чтобы она привлекла вниманіе грамотнаго простолюдина. Таковымъ обаяніемъ мудрености должно пользоваться, чтобы приурочить чтеніе къ самообразованію. Горцы не высвобождаются изъ фанатическаго оцѣпенѣнія своего, пока не возбудится въ нихъ любопытство и склонность къ естествознанію. Они теперь точно въ такомъ положеніи, въ какомъ была вся Европа до конца XV столѣтія. Разсужденіе, что все идетъ такъ, потому что такъ Богу угодно, а воля Божія неприимнаема для смертнаго, — не составляетъ исключительной принадлежности мусульманъ. Фанатики опровергаютъ кораномъ опытную науку точно также, какъ инквизиція опровергала книгами Священнаго Писанія доводы Галилея. Достаточно перевести на горскіе языки нѣсколько популярныхъ брошюръ о космографіи *), чтобы дать толчекъ понятіямъ. На десять читателей едва ли одинъ пойметъ все это, но этотъ счастливецъ не скроетъ пріобрѣтенныхъ имъ познаній подъ спудомъ. Конечно, большой выгоды еще не будетъ оттого, что въ горахъ нѣсколько людей повѣрятъ, что земля кругла и ходитъ вокругъ солнца. Выгода та, что постепенно будетъ распространяться убѣжденіе, что существуетъ наука и внѣ корана и что для нея необходимо учиться русскому языку. Переводы русскихъ брошюръ на туземные языки могутъ быть выполнены съ полнымъ успѣхомъ, какъ то уже доказано на самомъ опытѣ. Мнѣніе о крайней бѣдности этихъ

*) Напр., г. Эблотова, если нѣтъ лучшихъ.

языковъ совершенно ошибочно и проповѣдуется людьми, которые не имѣютъ о нихъ никакого понятія. Эти языки, напротивъ, неизвѣрно-богаты грамматическими формами, которыя доставляютъ возможность выражать самыя тонкія отвлѣченныя мысли. Правда, что горцы усвоили себѣ множество словъ турецкихъ и арабскихъ, какъ теперь усваиваютъ слова русскія, но это ничего не доказываетъ. Подобнымъ образомъ, и русскій языкъ временъ Петра Великаго наполнился иностранными словами, что нисколько не свидѣтельствуетъ о его бѣдности.

Впрочемъ, намъ вѣтъ дѣла до *пуризма* горскаго слора. Туземная грамотность должна служить только къ тому, чтобы отвлечь горцевъ отъ арабскаго языка и облегчить для нихъ изученіе русскаго. Все, что утратить первый языкъ, обратится прямо въ пользу втораго. Туземная грамотность доставитъ намъ возможность составлять для горцевъ практическія руководства для изученія русскаго языка, т. е. сборники словъ и фразъ, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Мы очень хорошо понимаемъ, что посредствомъ такъ-называемыхъ *самоучителей* нельзя выучиться свободно говорить ни на какомъ языкѣ въ мірѣ. Но эти самоучители, разумно составленные, служатъ весьма дѣйствительнымъ пособіемъ. Замѣтимъ, притомъ, важное обстоятельство. Русскій выговоръ не представляетъ почти-никакихъ затрудненій для горцевъ. Всякое русское слово, которое удалось горцу запомнить, выговариваетъ онъ такъ хорошо, что каждый русскій пойметъ его. При пособіи книгъ, не слышавъ никогда англичанина, можно выучиться англійскому языку, какъ языку мертвому, но нельзя ни слова произнести понятно, ни слова понять изъ того, что говорятъ англичане. Итальянскій языкъ далеко не представляетъ тапихъ затрудненій. Можно по однимъ книгамъ выучиться говорить понятно и понимать итальянцевъ. Дѣло не въ хорошемъ выговорѣ. Таковъ и русскій языкъ для горцевъ. При пособіи руководствъ, каждый грамотный русскій, писарь или солдатъ, можетъ мимоходомъ помочь горцу въ его ученіи. Не говорю уже о томъ, что горцы, выучившіеся русскому языку, могутъ, при пособіи этихъ руководствъ, распространять его успѣшно между своими земляками. Иначе, какъ-бы стали они распространять его? Не довольно знать какой-нибудь языкъ, чтобы умѣть учить ему. Мы совершенно согласны въ томъ, что это самоученіе и ученіе урывками представляютъ *величайшія затрудненія*, но убѣждены и въ томъ, что эти затрудне-

ня ослабѣвать будутъ съ каждымъ годомъ. Что-бы далъ за подобное руководство покойный Хандіевъ, преодолевшій самъ собою русскій бузварь, или Абдулла Омаровъ *), который самоучкой учился писать по-русски! Оба они выучились по-русски превосходно. Люди энергическіе найдутся и теперь между горцами. Наше дѣло помочь имъ.

Въ предисловіи къ изданію „Сборника“ **) говорится о существованіи совершенно-противорѣчивыхъ взглядовъ на дѣло распространенія между горцами грамотности на ихъ родныхъ языкахъ. Если-бы эти противорѣчивые взгляды высказались въ печати, то, конечно, принесли-бы пользу вопросу, разъяснивъ его со всѣхъ сторонъ. Но, вѣроятно, высказываются они въ частныхъ бесѣдахъ и затѣмъ исчезаютъ безъ слѣда. Въ газетѣ „Кавказъ“ мы нѣрѣдка встрѣчали отзывы, неблагоприятные дѣлу, но они высказывались чисто-голословно. Полагаемъ, что не на эти голословные отзывы намекаетъ редація „Сборника.“ Борьба съ ними сводится на борьбу Донъ-Кихота съ мельницами, на рубку шашкой тумана...

Въ заключеніе, приведемъ резолюцію покойнаго гр. Блудова, написанную имъ на одномъ проектѣ, тоже относившемся до Кавказа: *безспорно-хорошо, — но дай Богъ, чтобы мы еще разъ не навлекли на себя упрека въ томъ, что не умѣемъ ждать терпѣливо отдаленныхъ результатовъ.* Эта резолюція у насъ не подъ рукою; быть можетъ, переписали мы ее не бужвально, но смыслъ передали вѣрно.

П. У.

Темиръ-Ханъ-Шура.
Декабрь 1869 года.

*) Воспом. муталима, „Сборн.“ выпускъ 2-й, стр. 44.

**) Выпускъ 1-й, стр. VI.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

БЫВШИХЪ ЗАВИСИМЫХЪ СОСЛОВІЙ КАБАРДИНСКАГО ОКРУГА.

I.

Читатели «Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ» имѣли уже случай познакомиться съ существовавшимъ положеніемъ бывшихъ зависимыхъ сословій въ Кабардинскомъ округѣ, изъ статьи Е. С. . . . ва: «Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе», напечатанной въ 1 выпускѣ «Сборника». Съ освобожденія рабовъ въ Кабардѣ прошло уже слишкомъ два года.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ изложить теперешнее матеріальное положеніе ихъ, въ сравненіи съ прошлымъ, насколько это представилось возможнымъ по имѣющимся фактическимъ даннымъ. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ этому сравненію и выясненію вытекающихъ изъ него выводовъ относительно благосостоянія бывшихъ крѣпостныхъ, необходимо бросить взглядъ на тѣ цѣны, которыя изображали это благосостояніе до и послѣ освобожденія, а также и изобразить цѣнами число освобожденныхъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на тѣ виды освобожденія, какіе были приняты при этомъ. Все это представитъ въ настоящей статьѣ считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что упомянутая мною статья г. Е. С. . . . ва, выясняя существовавшія отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, повинности первыхъ, послѣднимъ и постепенныя дѣйствія администраціи въ дѣлѣ освобожденія, проходитъ совершенномъ молчаніемъ и безучастною стороною бывшихъ крѣпостныхъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ передъ освобожденіемъ зависимыхъ, послѣднихъ, подъ различными наименованіями, оказалось: 10,963 души мужескаго и 10,288 душъ женскаго пола *).

*) Вся приводимая въ настоящей статьѣ цѣны взяты изъ спеціальнаго источника—дѣла управленія Кабардинскаго округа.

Изъ нихъ было:	Обрядныхъ.		Безобрядныхъ *)	
	Д	у	ш	ъ.
Въ трехъ участкахъ Кабарды (Баксанскомъ, Черекскомъ и Малокабарданскомъ)	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
	5,881	4,813	415	1,183
Въ Горскомъ участкѣ.	1,775	1,561	429	442

Кромѣ того въ послѣднемъ участкѣ было зависимыхъ, подъ именемъ *каракишей*, 2,463 души мужскаго и 2,259 душъ женскаго пола. Зависимость каракишей была исключительно поземельная.

Изъ числа этихъ холоповъ освобождено:	Обрядныхъ:		Безобрядныхъ:	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Въ первыхъ трехъ участкахъ:				
Безплатно	494	592	3	9
За выкупъ, съ разсрочкою платежа на срокъ до 6 лѣтъ включительно, съ поручительствомъ другихъ и безъ поручительства.	4,920	3,968	45	47
Съ оставленіемъ въ обязательной работѣ на разные сроки до 6 лѣтъ включительно	467	257	367	1,127
Въ Горскомъ участкѣ:				
Безплатно	49	36	23	32
За выкупъ, внесенный при совершеніи условій освобожденія	1,349	1,381	25	15
За выкупъ, съ разсрочкою платежа на срокъ до 6 лѣтъ включительно	57	12		
Съ оставленіемъ въ обязательной работѣ на разные сроки до 6 лѣтъ включительно.	320	132	381	395

Каракишей: 2,463 души мужскаго и 2,259 д. женскаго пола.

Часть изъ вышеприведенныхъ холоповъ Большой и Малой Кабарды получили свободу еще до объявленія на то воли правительства, т. е. до 18 ноября 1866 года, а часть—послѣ этого. Горскіе-же холопы освободились всѣ до этого срока. Кабардинскіе холопы освобождались на основаніи составленныхъ для того правилъ **), а при добровольныхъ соглашеніяхъ горскихъ холоповъ

*) Что такое были *обрядные* и *безобрядные* холопы въ Кабардѣ—объяснено въ 1 вып. «Сборника», въ статьѣ: «Освобожденіе зависимыхъ сословій во вѣдѣ горскихъ округадъ Терской области.» стр. 38.

**) Тамъ-же, стр. 40.

съ своими владѣльцами, были приняты слѣдующія условія: движимое имущество холоповъ или дѣлилось на три части (а земля, савли и прочія постройки — по-поламъ), изъ которыхъ двѣ поступали въ пользу владѣльца, и въ такомъ случаѣ холопъ освобождался безъ денежнаго выкупа, или изъ имущества, въ томъ числѣ и земли, выдѣлялась владѣльцу часть, соотвѣтствовавшая, по оцѣнкѣ, выкупной платѣ за семейство, и потомъ остальное имущество дѣлилось на двѣ части: одна поступала владѣльцу, а другая оставалась холопу. Менѣе состоятельные отдавали свое имущество и обязывались оставаться еще въ обязательной работѣ, смотря по количеству причитавшихся съ нихъ денегъ, столько времени, во сколько, по размѣру оцѣнки годового труда, должны были выплатить всю сумму, но не далѣе пяти лѣтъ, или обязывались подъ поручительствомъ другихъ внести выкупную плату, которая въ такихъ случаяхъ назначалась отъ 15 до 400 руб. за семейство. Людямъ-же, у которыхъ не было настолько имущества, чтобы имъ уплатить, или совсѣмъ неимущимъ, назначалась выкупная плата, по оцѣнкѣ, не превышавшая 200 руб. за душу. Эту плату холопы обязывались отработать владѣльцу до 6 лѣтъ включительно, причемъ годовой трудъ оцѣненъ отъ 10 до 50 руб.; сообразно возрасту и физическому здоровью освобождавшихся. Изъятіемъ изъ этихъ правилъ было сословіе *ясакчей*, живущее только исключительно въ *Балкари* (одно изъ горскихъ обществъ): имъ владѣльцы оставили все имущество, назначивъ прямо выкупъ отъ 90 до 450 руб. за семейство; послѣдній срокъ уплаты выкупной суммы былъ назначенъ ясакамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1867 года. Зависимые подъ именемъ *каракишей* освобождены безусловно и безъ всякаго вознагражденія владѣльцамъ.

Изъ числа вышеприведенныхъ холоповъ Кабарды и горскихъ обществъ, 776 душъ обоюго пола, наиболѣе бѣднѣйшія, получили пособіе отъ правительства для уплаты владѣльцамъ выкупной суммы; правительство также дало владѣльцамъ вознагражденіе за освобожденіе 204 душъ малолѣтнихъ унаутовъ и предназначило еще сумму для раздачи въ пособіе наибѣднѣйшимъ временно-обязаннымъ, въ числѣ 1003 душъ.

Имущество бывшихъ зависимыхъ, до освобожденія ихъ, представляло слѣдующія мѣры: въ трехъ частяхъ Большой и Малой Кабарды было—440 лошадей, 10,648 штукъ рогатаго ското-

та, 5,215 барановъ и 585 сапетокъ пчелъ. Изъ этого имущества, при освобожденіи, владѣльцами взято: 105 лошадей, 3,682 шт. рогатаго скота, 2,001 шт. барановъ и 139 сапетокъ пчелъ. Такимъ образомъ во владѣніи освобожденныхъ холоповъ осталось: 335 лошадей, 6,966 шт. рогатаго скота, 3,214 барановъ и 446 сапетокъ пчелъ. Раздѣливъ это имущество на 12,292 души бывшихъ холоповъ, мы увидимъ, что одна лошадь приходится болѣе чѣмъ на 36 человекъ, немного болѣе одной штуки рогатаго скота—на 2-хъ человекъ, одинъ баранъ—почти на 4-хъ человекъ и одна сапетка пчелъ—на 27 человекъ. Недвижимаго имущества кабардинскихъ холоповъ я не привожу здѣсь, такъ какъ оно состоитъ только изъ однихъ турлучныхъ савель, которыя, по незатѣйливости ихъ и вообще назначенію лишь для временнаго помѣщенія, едва-ли могутъ считаться прочнымъ имуществомъ.

Въ Горскомъ участкѣ у холоповъ было: 785 лошадей, 6,053 шт. рогатаго скота, 40,258 головъ барановъ и 409 ешаковъ (ословъ). Кромѣ того горскіе холопы имѣли недвижимое имущество, заключающееся въ 1695 загонахъ пахотной и 1048 — покосной земли *), каменныхъ и деревянныхъ савляхъ, мельницахъ, хуторахъ, гумнахъ и другихъ хозяйственныхъ постройкахъ. Некоторые изъ нихъ имѣли даже и наличныя деньги, хотя и не въ большомъ количествѣ. Изъ означеннаго имущества владѣльцы получили: 443 лошади, 3,979 штукъ рогатаго скота, 26,414 головъ барановъ, 155 ешаковъ, 875 загоновъ пахотной и 569 — покосной земли; савля же и другія хозяйственныя постройки, какъ я сказалъ выше, дѣлились по-поламъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда у холопа описывалась только одна савля, она оставалась, какъ и необходимая домашняя утварь, въ пользу холопа. Затѣмъ у освобожденныхъ холоповъ осталось: 343 лошади, 2074 шт. рогатаго скота, 19,814 шт. барановъ, 284 ешака, 820 загоновъ пахотной и 479—покосной земли, т. е. меньшая часть изъ бывшаго имущества. Въ число всего этого имущества не включено имущество караваншей, такъ какъ оно не подлежало дѣлежу.

Подобно числу бывшихъ зависимыхъ, я отдѣляю и имуще-

*) Величина этихъ загоновъ не имѣетъ опредѣленнаго размѣра и зависитъ отъ удобства мѣстности, на которой они находятся. Пахотные загоны, самыя большія имѣютъ въ длину до 40 и въ ширину до 10 саж.; покосныя же бываютъ и больше. Асл.

ство горских холоповъ отъ общей цѣны всего имущества зависимыхъ въ округѣ, для того, чтобы нагляднѣе представить разницу матеріальнаго положенія тѣхъ и другихъ.

Сравнивъ вышеприведенныя цѣны, мы найдемъ, что экономическое положеніе большей части зависимыхъ (на плоскости) и притомъ поставленныхъ, по видимому, въ лучшія жизненныя условія, благодаря мѣстнымъ удобствамъ, представляетъ наименѣе благоприятныя выводы, тогда какъ положеніе меньшей части (въ горахъ), при относительно скудныхъ природныхъ средствахъ, выражается въ весьма утѣшительномъ видѣ. Какія причины могли выработать такое ненормальное явленіе — я постараюсь объяснить.

II.

Цѣны имущества, оказавшагося у бывшихъ вѣрнопостныхъ Горскаго участка до освобожденія ихъ, даютъ достаточно-неоспоримое право рассчитывать, при условіяхъ свободы, на хорошее будущее экономическое положеніе ихъ. Конечно, я далеко отъ мысли пророчить имъ всеобщее благосостояніе: какъ вездѣ, и въ горахъ неизбѣжны люди бѣдные, — и въ этомъ не ихъ вина; но, въ подтвержденіе достовѣрности высказанной надежды на хорошее будущее, я постараюсь представить тѣ фактическія доказательства, вытекающія изъ нравственнаго и матеріальнаго состоянія горцевъ, которыя въ главныхъ чертахъ успѣли выясниться при болѣе внимательномъ ознакомленіи администраціи въ послѣднее время съ положеніемъ этой части населенія Кабардинскаго округа.

Не вдаваясь въ подробности описанія характера мѣстности, занимаемой горами, болѣе или менѣе, въ общихъ чертахъ, известной всякому, кто хотя разъ имѣлъ случай побывать внутри нашихъ Кавказскихъ горъ, — можно лишь сказать, что судьба забросила горцевъ Кабардинскаго округа въ такія мѣста, гдѣ природа разсыпала свои дары крайне скупно: въ удѣлѣ горцу достались только грохоты скалъ да изобиліе воды. И вотъ, съ помощью послѣдней, онъ успѣлъ сдѣлать то, что безъ особенныхъ усилій дастъ жителю плоскости: у него оказались прекрасныя, хотя и меньшія по пространству, пахотныя поля и покосныя мѣста,

изобилующія превосходною травою. Подобно окружающей природѣ, горецъ оказался также строго расчетливымъ въ употребленіи доставшихся на его долю даровъ. Для жилищъ онъ набралъ себѣ такія мѣста, которыя, даже при кропотливо-усиленномъ трудѣ горца, отказались подать надежду принести хотя незначительную пользу. Экономія эта особенно рѣзко бросается въ глаза въ Балкаріи, гдѣ природа суровѣе, чѣмъ въ другихъ горскихъ обществахъ. Зато, наоборотъ, каждый клочекъ земли, показавшійся сколько-нибудь годнымъ къ обработкѣ, не избѣжалъ вниманія горца, и усиленнымъ напряженіемъ его труда обратился въ пахотъ или покосъ. Насколько въ самомъ дѣлѣ былъ великъ трудъ горца при приспособленіи пахотныхъ участковъ, можно судить потому уже, что ему пришлось бороться съ горами камней, нерѣдко весьма значительныхъ объемовъ, которые, сложенные въ кучу близъ полей, такъ и остались всегдашними свидѣтелями горскаго труда. Пахотные участки находятся обыкновенно вблизи жилищъ. Чтобы имѣть возможность ежегодно засѣвать эти участки, горцы постоянно трудятся надъ ними: ежегодно они удобряютъ эти земли навозомъ, стаскивая его изъ аула, или зимою пуская на нихъ скотъ и баранту, и втеченіи лѣтъ постоянно даютъ землѣ необходимую влагу, посредствомъ устроенныхъ къ этимъ полямъ водопроводовъ—каналовъ изъ ближайшихъ источниковъ. Нѣкоторые хозяева, для болѣе вѣрной надежды на урожай, эту воду пропускаютъ на поля чрезъ нарочно сложенные кучи навоза, по направленію каналовъ. Благодаря этимъ способамъ удобренія, горцы не знаютъ неурожая, и поля ихъ замѣчательны въ томъ отношеніи, что между хлѣбомъ не встрѣчается никакихъ сорныхъ травъ. Но не смотря однакоже на все это, трудъ горца въ этомъ отношеніи даетъ чрезвычайно плохіе результаты: пшеница родитъ самъ два-три. Изъ числа посѣянныхъ въ 1868 году 156 четвертей пшеницы собрано въ этомъ году 391 четверть. Немногимъ выгоднѣе оказывается и посѣвъ ячменя и овса; въ томъ-же году было посѣяно 992 четверти ячменя и 471 четверть овса, собрано-же 2934 четверти ячменя и 1341 четверть овса. Для послѣднихъ двухъ видовъ хлѣба климатическія условія горъ гораздо благоприятнѣе, чѣмъ для пшеницы.

Такимъ образомъ, не смотря на все усердіе горцевъ, недостатокъ пахотныхъ полей у нихъ весьма чувствителенъ; такіе участки по большей части имѣютъ люди состоятельные, да и тѣ, при болѣе или менѣе многочисленныхъ семействахъ, не получа-

ютъ съ нихъ достаточнаго количества хлѣба и покупаютъ его на плоскости. Поэтому обработку земли въ горахъ подъ хлѣбопашество нельзя причислить къ разряду такихъ занятій, которыя, удовлетворяя домашнимъ потребностямъ, даютъ излишекъ и тѣмъ поощряютъ трудъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и незначительное хлѣбопашество составляетъ большее подспорье и экономію въ жизни и трудахъ горцевъ. Добывши съ этихъ полей четверть-другую хлѣба, горецъ выгадываетъ двѣ-три лишнія пуда для покупки его на плоскости, которыми, каждый разъ, по меньшему расчету, отнимаютъ 4 — 6 сутокъ; приготовить сразу достаточное количество хлѣба на плоскости многие изъ горцевъ могли-бы, но перевезти его въ горы за одинъ разъ — для большинства, болѣе тѣмъ затруднительно: всякій изъ нихъ имѣетъ весьма скудные перевозочныя средства — одну-двѣ лошади и ешана, хотя въ тоже время обладаетъ цѣлыми стадами рогатого скота и барановъ; да и не было надобности при существовавшихъ путяхъ сообщенія заводить слишкомъ много этихъ животныхъ: одного-двухъ ешановъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы удовлетворить первымъ необходимымъ домашнимъ нуждамъ: привезти дровъ, съ мельницы — хлѣба, съ поля — травы. Въ настоящее время, съ разработкою колесныхъ дорогъ изъ горъ на плоскость*), это положеніе измѣняется и даетъ надежду въ скоромъ будущемъ видѣть въ горахъ арбы, а съ ними видѣть и употребленіе съ пользою тѣхъ стадъ быковъ, которыя до сихъ поръ нерѣдко имѣютъ ради хвастовства и изъ самолюбія. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно щекоталось самолюбіе горца,

*) Въ *Урусѣи* дорога разработана по Бакасанскому ущелью уже насколько гдѣ тому назадъ; въ настоящее-же время она доведена до такого улучшенія, что лѣтомъ прошлаго года начальникъ округа, безъ особенныхъ затрудненій, проѣхалъ въ *Урусѣи* въ тарантасѣ. Въ *Балкарію* болѣе половины дорогъ также разработано по ущелью р. *Игуанъ-пем*. Изъ *Бизани* и *Хулама* доведена она до тѣнины р. *Хуламанъ Черекъ* и дальнѣйшее ея производство остановлено вслѣдствіе физическихъ препятствій: тѣснина такъ крута, что ни на одной изъ ея сторонъ невозможно проложить дорогу; русло-же рѣки возможно для заѣзды только зимою, лѣтомъ-же этотъ путь прекращается вслѣдствіе сильнаго развитія рѣки; проложить дорогу можно было-бы и по лѣтнимъ тропинкамъ, идущимъ около вершинъ горъ по уступамъ, но тутъ встрѣтятся такіе каменистыя работы, которыя будутъ не пооду силѣ и не по средствамъ горцагъ. Изъ *Чегема* дорога проводится въ Бакасанское ущелье. Балкарская и Чегемская дороги должны быть окончены въ настоящемъ году.

Лет.

когда рассказывали о его богатствѣ и говорили, что у него 100 быковъ, 100 коровъ!.. Что нѣкоторые изъ горцевъ въ дѣйствительности имѣли означенное количество коровъ—это положительный фактъ, какъ вѣрно и то, что эти коровы, за удовлетвореніемъ домашнихъ нуждъ въ молоко, масло и сырѣ, другой пользы владельцу не давали. Содержать такое количество скота, безъ помощи и притомъ неубыточно, можно было только при даровомъ трудѣ холопа. Ну, какъ въ такомъ случаѣ было не почитать горца? Да онъ никогда и не согласился-бы почитать, что имѣя холопа и, благодаря его труду,—имущество, ему нужно извлекать изъ этого еще какую-то, кромѣ домашней, постороннюю выгоду. Подарить полсотни барановъ и десятокъ другой рогатого скота, когда попросятъ по обычаю,—это другое дѣло: такой обычай завѣщали дѣды! Ниже увидимъ, насколько измѣнилось подобное положеніе. Если и теперь еще несомнѣнъ вывелся обычай подарковъ, то горцы замѣтно начинаютъ благовидно обходить его; вслѣдствіе этого, значительно сократилось число бездѣльныхъ шапуновъ, развѣзавшихся по Кабардѣ и горамъ съ спеціальною цѣлью выпрашиванья.

Покосные участки стоятъ горцу также много трудовъ: они требуютъ постояннаго орошенія, а для этого необходимо множество канавокъ, которыя изрызывали-бы покосъ во всѣхъ направленіяхъ. Случается, что вода проводится на довольно-значительную высоту, а въ мѣстахъ (черезъ ущелья, по тѣнинамъ и крутымъ обрывамъ), которыя препятствуютъ ирригаціи посредствомъ канавокъ, устраиваются желоба, поддерживаемые въ нѣкихъ мѣстахъ довольно-высоко каменными или деревянными пирамидами, на довольно-большія пространства, какъ это встрѣчается въ Баксанскомъ ущельѣ, недалеко отъ уроч. *Горкужанъ*. Кромѣ того, покосныя мѣста, находящіяся недалеко отъ жилищъ, подобно пахотнымъ полямъ, во избѣжаніе погравъ, понадобилось обнести оградой изъ камня—дешеваго матеріала въ горахъ—или плетнемъ, гдѣ нѣтъся гвѣсь. За весь этотъ трудъ горецъ получаетъ такую траву и сѣно, какія обитателямъ плоскости не могутъ даже и присниться. Шелковистое, зеленое, мягкое и безъ малѣйшаго признака бурьяна, горское сѣно чрезвычайно какъ приятно даже для глазъ. Сафлота-же его, какъ нельзя лучше, обнаруживаются на снотѣ, который довольствуется имъ: круглый, сытый, хотя и небольшого роста, онъ для горца-хозяина не оставляетъ желать ничего лучшаго. Подобная добро-

качественность корма и вообще изобиліе пастбищныхъ мѣстъ въ горахъ развили въ горцахъ наклонность къ скотоводству. Оно-то въ настоящее время и оказывается могучимъ двигателемъ экономическаго благосостоянія ихъ. Это лучше всего подтверждаютъ вышеприведенныя цифры, взятая только по имуществу холоповъ: все это имущество заключается въ скотѣ. Для большей-же наглядности, я представляю здѣсь цифры всего скота, который оказался въ горахъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1866 году. Всего было: 3289 лошадей, 1424 ешака, 15,747 штукъ рогатаго скота и 118,273 штуки барановъ. Все это количество приходилось на 10,087 душъ обоюго пола, составлявшихъ 1455 дворовъ. Дѣлая общій выводъ изъ приведенныхъ цифръ, мы получимъ на каждый дворъ: болѣе 2-хъ лошадей, около 1 ешака, болѣе 10 $\frac{1}{2}$ штукъ рогатаго скота и около 82 барановъ. Этотъ общій выводъ, при указанныхъ выше, несомнѣнъ благоприятныхъ и весьма сложныхъ экономическихъ условіяхъ для жизни горцевъ, созданныхъ для нихъ самою природою, представляетъ довольно-утѣшительное явленіе. Конечно, вышеприведенныя цифры, какъ общій выводъ, не даютъ возможности примѣнять ихъ въ одинаковой пропорціи ко всякому двору; но въ горахъ такихъ бѣдныхъ семействъ, которыя не имѣли-бы пары коровъ, быка, 10—20 барановъ, почти нѣтъ. Даже *казахи* и *караваши* — эти бывшіе поддонки холопства, безправные и лишенные почти на всю жизнь всякой возможности къ самостоятельной осѣдлости, — въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ являлись владѣтелями нѣсколькихъ головъ скота.

Пастбищныя мѣста—истинное и неоспоримое богатство горцевъ—занимаютъ крутыя покатости и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, глубокія ущелья; проникать туда можетъ только дѣйствительно горскій скотъ, не стѣсняющійся никакими тропинками. Я лично видѣлъ эти пастбища въ Баксанскомъ ущельѣ, у подножія Эльбурса, доходящія вплоть до ледниковъ, и неподдѣльно удивлялся въ этомъ случаѣ щедрости природы: тамошняя трава, служащая кормомъ скоту, достигаетъ человѣческаго роста; при умѣренно-прохладной температурѣ и при отсутствіи мухъ — этихъ бичей скота въ лѣтнее время на плоскости—горскій скотъ, если можно выразиться, просто благоденствуетъ. Падежи скота въ горахъ хотя и случаются, но рѣдко, благодаря энергическимъ усиліямъ горцевъ къ предотвращенію и прекращенію заразы, въ случаѣ появленія ея. Зараза попадаетъ туда съ плоскости, что

случилось и въ прошломъ году; при этомъ горцы потеряли 2730 штукъ рогатаго скота. Потеря немалая!

Занятіе скотоводствомъ въ горахъ вызвало особаго рода хозяйство—хуторное, представляющее наилучшія условія для этого рода занятія. При недостаточности вообще мѣстъ вблизи горскихъ ауловъ, вести скотоводство, такъ сказать подъ рукою, оказалось невозможнымъ, тогда какъ на хуторахъ, всегда болѣе или менѣе отдаленныхъ другъ отъ друга и находящихся вблизи пастбищныхъ и покосныхъ мѣстъ, оно ведется весьма удобно. Скотъ всегда зимуетъ на этихъ хуторахъ. Подобные хутора особенно наполняютъ собою Баксанское ущелье.

Послѣ осуществленія крестьянской реформы, горцы замѣтно начинаютъ заниматься торговлею скота, какъ вслѣдствіе недостатка даровыхъ работниковъ, такъ и въ силу вытекшаго изъ этого обстоятельства сознанія о необходимости имѣть пользу съ хозяйства, на которое приходится тратить деньги. Скотъ главнымъ образомъ сбывается горцамъ въ Сванетію. Въ горахъ, къ сожалѣнію, оказалось невозможнымъ добыть цифры о количествѣ продававашагося ежегодно скота до освобожденія рабовъ, и потому невозможно сдѣлать сравнительнаго вывода о скотопромышленности ихъ въ прежнее и настоящее время, а также и опредѣлить степень развитія этой промышленности за послѣднее время. Изъ свѣдѣній, собранныхъ только за 1867 годъ, видно, что въ томъ году горцами было продано: 356 лошадей, 588 штукъ рогатаго скота и 4469 штукъ барановъ. Впрочемъ, какъ увѣряютъ горскіе хозяева, не подлежитъ сомнѣнію, что эта торговля съ каждымъ годомъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры, благодаря новому экономическому положенію.

Баранья шерсть въ необработанномъ видѣ не идетъ въ продажу; изъ нея приготавлиются въ горахъ бурки, туземное сукно и полсти. Излишекъ этихъ издѣлій отъ удовлетворенія домашнихъ потребностей поступаетъ въ продажу на плоскость, въ Сванетію и преимущественно въ Рачинскій уѣздъ Кутаисской губерніи *). Подобными издѣліями занимаются женщины и преимущественно низшаго класса, такъ какъ въ высшемъ словѣ занятіе это, съ цѣлью торговли, считается неприличнымъ даже еще

*) По частнымъ распросамъ, въ Урусбиевскомъ обществѣ шерстяныхъ издѣлій сбывается въ годъ до 3 т. руб.; цифра приблизительная, но возможная, судя по количеству нивьющейся въ обществѣ баракты (до 50,000 шт.). *Лет.*

и теперь. Женщины изъ бѣдныхъ семействъ берутъ работу бурокъ, сукна и полостей съ половины, т. е. дѣлятся на половину изготовленными издѣльями съ тѣми, которые дали шерсть.

Верхевья Бахсанскаго ущелья изобилуютъ превосходнымъ строевымъ сосновымъ лѣсомъ, который, однакоже, при неизмѣннѣ оттуда дороги на плоскость, составляетъ теперь не болѣе, какъ мертвый капиталъ. Со временемъ—когда будетъ проложена дорога—лѣсъ этотъ дастъ новый и цѣнный матеріалъ для торговли горцевъ. Жаль только, что послѣдніе, вѣроятно въ виду теперешней неприбыльности этого лѣса, истребляли его въ значительномъ количествѣ порубкою для корма скота. Вредное истребленіе это, года два тому назадъ, было строго запрещено горцамъ; но это поручится, что подобное запрещеніе дѣйствительно связываетъ ихъ, когда лѣсъ находится богъ-знаетъ въ какой глуши и внѣ всякаго надзора? Серьезное сбереженіе этого лѣса и потомъ возможно-скорое употребленіе его въ продажу было-бы весьма желательно, при значительной потребности новаго лѣса въ нашемъ краѣ и той трудности, съ которою приходится добывать его выпискою изъ Астрахани.

Въ горахъ землю пользуют на правахъ частной собственности, и потому, сколько извѣстно, мѣстная администрація хлопочетъ о надѣленіи освобожденныхъ безземельныхъ холоповъ землю на плоскости *).

Не смотря на всѣ препятствія, которыя были поставлены въ жизни горцу простолюдину и самою природою, и условіями общественной жизни, онъ все-таки сумѣлъ выйти побѣдителемъ; если побѣда его не принесла особенно-блестящихъ результатовъ, то по крайней мѣрѣ онъ все-таки успѣлъ создать для своей жизни такую обстановку, отъ которой не отказались-бы многіе и болѣе цивилизованные народы. Выше, опираясь на фактическія данныя, я уже имѣлъ случай доказать, что горецъ не бѣдствуетъ и не мечется изъ стороны въ сторону, изыскивая средства къ существованію; такое положеніе могло создаться только благодаря практичности горца, умѣвшаго съ толкомъ взяться даже и за тѣ скудные ередства, которыя оказались у него подъ рукою. Самое главное—горецъ усвоилъ себѣ непреложное убѣжденіе, что его

*) Свѣдѣнія по этому предмету изложены во 2-мъ выпускѣ «Сборника», въ ст. г. Гаврилова: «Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Севернаго Кавказа», стр. 10—14. Ред.

кропотливый труд принесет несомненную пользу, и это, в конечномъ результатѣ, оказалось совершенно вѣрнымъ. Онъ исподволь и не торопясь идетъ къ цѣли — и вѣрно достигаетъ ея. Ему недоступны и непонятны предпріятія въ широкихъ размѣрахъ — и нѣтъ риска. Онъ копитъ свой запасный капиталецъ по копѣйкѣ, но тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, всегда безъ затрудненія вытаскиваетъ изъ-за пазухи 5—10 руб., тщательно завернутые въ тряпочку. Эта характерная положительность, выработавшаяся подъ условіями окружающаго, служитъ непоследнимъ ручательствомъ хорошаго будущаго экономическаго положенія горцевъ.

Насколько въ самомъ дѣлѣ трудолюбивъ и дѣятеленъ горецъ-простолюдинъ, можно судить по тому, что онъ почти втеченіи круглаго года занятъ и, подобно сосѣду своему — абардинцу, не убиваетъ времени, сидя на бугоркѣ и строгаѣ палочку. Зимой горецъ колетъ лучину и возитъ ее на плоскость; весной чинитъ и копаетъ канавки на лахоти и покосѣ; въ концѣ іюня идетъ на плоскость косить и жать, такъ какъ въ это время ему еще въ горахъ нечего дѣлать. Многие изъ горцевъ и особенно балкарцы хорошіе каменщики и большіе мастера для земляныхъ работъ. Нежеланіе праздно проводить свободное время замѣтно благопріятно отразилось и на нравственности горцевъ: воровство, которое на плоскости часто бываетъ слѣдствіемъ праздности, въ горахъ составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Конечно, на это могутъ возразить, что горца удаляетъ отъ соблазна къ воровству отдаленность его мѣстожителства отъ другихъ населеній; напр. казачьихъ станицъ; но кабардинцы вообще не ограничиваются только воровствомъ у казаковъ: воровство другъ у друга развито также очень сильно, между тѣмъ какъ въ горахъ оно является опять-таки въ видѣ исключенія. Такъ сказать, изолированное положеніе горцевъ скорѣе могло-бы служить въ пользу ихъ въ этомъ случаѣ, представляя болѣе возможности скрыть слѣды воровства и остаться безнаказаннымъ.

Итакъ, взявъ во вниманіе наклонность горцевъ къ труду, довольно-наглядно выяснившуюся въ томъ матеріальномъ благосостояніи ихъ, которое они успѣли упрочить себѣ даже при весьма тяжелыхъ условіяхъ рабства, ихъ положительный характеръ и нравственное превосходство въ сравненіи съ ихъ сосѣдями — кабардинцамъ, всякій легко согласится, что эта часть населенія Кабардинскаго округа, какъ я уже упоминалъ выше,

подаеть утѣшительныя надежды на будущее свое экономическое положеніе.

III.

Совсѣмъ другія условія жизни встрѣчаются на плоскости: кабардинскій холопъ, за феноменально-рѣдкими исключеніями, такъ бѣдент, какъ только можно вообразить себѣ бѣдность въ самой послѣдней степенн. Не говоря о томъ, что множество изъ нихъ не имѣеть того, что вообще зовется хозяйствомъ, но нерѣдко встрѣчалось и встрѣчается и то, что у холопа даже нѣтъ сакли—этой лачуги, на которую требуется возъ крупнаго лѣса, да возъ-другой хвороста, въ чемъ недостатка въ Кабардѣ нѣтъ. Можно согласиться, что, подобно своему господи́ну, кабардинскій холопъ былъ безпеченъ. Да и изъ-за какой-же благодати было ему особенно трудиться, когда онъ не видѣлъ существенной необходимости въ томъ, живя, напримѣръ, въ домѣ владѣльца и получая отъ него все необходимое, составлявшее единственное вознагражденіе за труды? Наконецъ, и не было расчета трудиться для себя, такъ какъ, при личной зависимости, конца которой холопъ не предвидѣлъ, собственности у холопа не могло быть: вся она, если и была, вмѣстѣ съ нимъ, принадлежала владѣльцу. Но нельзя сказать, чтобы у кабардинскаго холопа небыло вовсе способности къ работѣ; что онъ можетъ быть трудолюбивымъ—легко судить по тому, что собратья его, какъ нибудь случайно прежде освободившіеся изъ зависимости, весьма легко въ вѣсколько лѣтъ успѣвали оправляться, не смотря на то, что были избираемы владѣльцами до послѣдней степени. Между классомъ вольноотпущенниковъ встрѣчаются довольно-состоятельные люди и вообще они живутъ чуть-ли не лучше многихъ узденей. Это явленіе совсѣмъ не удивительное, если принять въ соображеніе то традиціонное понятіе узденей на счетъ труда (ничего не дѣлать), которое они втеченіи вѣковъ успѣли усвоить себѣ при веденіи рыцарскаго образа жизни и при сильно развитомъ рабствѣ; холопу-же по неволѣ приходилось трудиться и эту привычку онъ перенесъ и въ свою свободную жизнь.

Развитію безпечности и лѣни въ рабочемъ классѣ Кабарды, какъ и въ высшемъ сословіи ея, помимо приведенныхъ выше обстоятельствъ, способствовало и то, что кабардинцу, благодаря мѣстнымъ условіямъ, давалось все необходимое для жизни легко: четыре мѣсяца работы съ излишкомъ обеспечивали существованіе на цѣлый годъ. Подобная легкость добыванія жизненныхъ средствъ и совершенно даровой трудъ для владѣльческаго класса не заставляли серьезно задумываться надъ жизнью, а человѣческая натура по природѣ все-таки требовала дѣятельности. Если бы потребность дѣятельности находила себѣ исходъ только въ томъ общемъ для каждаго азіатца занятіи отъ бездѣлья—строганіи палочекъ,—то отъ этого еще не было-бы большой бѣды; но дѣло въ томъ, что кабардинцы, не довольствуясь невиннымъ препровожденіемъ времени, обратили всѣ свои лучшія, молодые силы на занятія несовсѣмъ благовидныя и сильно подрывающія ихъ репутацію. Воровство, съ цѣлью удалства, считалось какъ-бы приличнымъ дѣломъ для кабардинской молодежи, чему не мало способствовало, конечно, и бывшее смутное время въ краѣ. Другія не менѣ почетнымъ занятіемъ для молодежи считалось безпрестанное шатанье по гостямъ и на свадьбы. Не смотря на то, что подобныя препровожденія времени часто оканчивались разлячными непріятностями, ссорами и даже смертью, молодой кабардинецъ не могъ не отдаваться имъ: иначе онъ заслужилъ-бы эпитетъ «бабы», въ высшей степени оскорбительный для азіатца, и ни одна дѣвушка не удостоила-бы его своимъ вниманіемъ. Весьма естественно, что все это не могло не служить соблазномъ и для низшаго класса, по съ тою лишь разницею, что послѣдніе видѣли въ воровствѣ легкій способъ добыванія чужой собственности, тогда какъ первые производили его только ради развлечения и удалства. Эта заваска прежняго времени, не смотря на реформы въ экономическомъ бытѣ кабардинцевъ, еще глубоко коренится въ нихъ, и случаи воровства въ Кабардинскомъ округѣ составляютъ и въ настоящее время почти обыденное явленіе, сильно подрывающее благосостояніе населенія, если возьмемъ въ соображеніе, что уличенный воръ вдвое и втрое переплачиваетъ стоимость украденнаго.

Всѣмъ высказаннымъ мною я далеко отъ мысли уронить достоинство кабардинскаго народа: не онъ, конечно, виноватъ, что жизнь его слагалась не такъ, какъ теперь, и, въ силу бывшихъ понятій, требовала не такой дѣятельности, какая необхо-

дана и прилична мирнымъ гражданамъ. Если кабардинцы еще не вполне отрѣшились отъ прежнихъ порядковъ, то смѣло можно сказать, что эти порядки начинаютъ сильно пошатываться. Многие изъ набардинскихъ молодыхъ князей и узденей занялись веденіемъ хозяйства, хотя и не правтически, но зато весьма усердно. Кунацкія ихъ, да и вообще во всей Кабардѣ, не служатъ уже болѣе удобными притонами для шатающейся безъ дѣла изъ одного аула въ другой разнохарактерной публики, да и публика-то эта замѣтно сократилась; развѣ какой-нибудь только вруглый бобыль теперь снуетъ изъ одного мѣста въ другое. Все это, разумѣется, не представляетъ еще прочнаго основанія къ устройству ихъ экономическаго быта на положительныхъ началахъ, но даетъ право надѣяться на скорое его улучшеніе, если къ тому же будутъ устранены и другія причины, задерживающія развитіе его, которыя я и укажу ниже.

Какъ и слѣдовало ожидать, легкая забота о жизни заставляла выбрать возможно-легчайшіе способы и средства для удовлетворенія ея. Этими средствомъ явился въ Кабардѣ лѣсъ, а способомъ для добыванія изъ него выгодъ—торговля имъ. Торговля эта сдѣлалась особенно замѣтною въ послѣднее время. Сбытомъ для лѣса служатъ ярмарки въ Георгіевскѣ, Моздокѣ, Пятигорскѣ, Воронцовкѣ и другихъ мѣстахъ. Однихъ пошлинъ за право вывоза лѣса изъ округа поступаетъ ежегодно въ кабардинскую общественную сумму слишкомъ 5 т. руб. Предположивъ, что подобная цифра составляется изъ самой низшей по таксѣ пошлинной платы—20 коп. съ арбы или воза дровъ и вообще не крупнаго лѣса, который на ярмаркахъ продается среднимъ числомъ по 2 р. 50 к. за возъ, окажется получаемой кабардинцами прибыли съ этой промышленности до 58 т. руб. въ годъ *). Эта цифра, при поверхностномъ взглядѣ на лѣсную промышленность, покажется весьма солидною, но, при болѣе внимательномъ наблюденіи, она, если не убыточна, то во всякомъ

*) Такой расчетъ, мнѣ кажется, совершенно вѣренъ: если на 20 коп. пошлины получается 2 р. 50 к., то на 60 к.—самая высшая плата по таксѣ за право вывоза лѣса, полагаемая, наприм., за готовую арбу,—получ. 7—8 р. (такая цѣна арбы на ярмаркахъ), т. е. во сколько разъ увеличилась пошлина, во столько-же увеличилась и прибыль съ оплаченнаго матеріала. Въ такой-же точно пропорціи получается выгода и съ другихъ лѣсныхъ матеріаловъ и издѣлій, оплачиваемыхъ разною пошлиною по таксѣ. *Лет.*

случаѣ не вознаграждаетъ достаточно потраченнаго на нее труда. Представлю наглядный расчетъ: для того, чтобы съѣздить въ лѣсъ, нарубить дровъ и перевезти къ жилищу, требуется одинъ день (беру здѣсь живущихъ вблизи къ лѣсу, а въ Большой Кабардѣ Баксанскій участокъ, т. е. большая половина населенія, обитаетъ довольно далеко отъ лѣса); другой день употребляется на поѣздку въ Нальчикъ за полученіемъ квитанціи на право вывоза и къ участковому начальнику за увольнительнымъ билетомъ; отъ самыхъ ближайшихъ къ Георгіевску и Пятигорску ауловъ, лежащихъ по р. Малгѣ, одинъ день ѣзды до этихъ городовъ, а отъ большинства населенія не менѣе двухъ дней; одинъ день на ярмаркѣ и опять одинъ-два дня обратнаго слѣдованія. Такимъ образомъ, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, на изготовленіе и доставку одной арбы лѣса тратится трудъ одного человѣка и пары воловъ втеченіи 5 — 7 дней. Трудъ этотъ, какъ мы видѣли выше, вознаграждается 2 р. 50 к. Исключивъ изъ нихъ 20 к. за квитанцію, 2 к. за увольнительный билетъ и 20 к. за мѣсто на ярмаркѣ, получится прибыли 2 р. 8 к., что, при самой меньшей затратѣ времени, даетъ въ день 41 к. Да и это еще не чистая прибыль; изъ нея не исключены плата въ дорогѣ за мосты, трата на прокормъ и другіе непредвидѣнные расходы, какъ напримѣръ, на случайную починку арбы, покупку веревки, ремня и проч. Все это, взятое вмѣстѣ и исключенное изъ приведенной цифры, едва-ли дастъ чистаго заработка болѣе 30 коп. въ сутки. Я вывожу настоящій расчетъ по самому дешевому лѣсному матеріалу—дровамъ, и едва-ли ошибусь, если скажу, что и другія издѣлія, продаваемые въ два-три раза дороже противу дровъ, сравнительно дадутъ ту-же выгоду. На изготовленіе дровъ нуженъ одинъ день, тогда какъ сдѣлать арбу, сани, ободья и т. п. требуется и искусство, и работа нѣсколькихъ дней, да и кромѣ топора и клина, употребляемыхъ для приготовления дровъ, необходимо имѣть еще и другіе инструменты; словомъ, въ какомъ-бы видѣ ни сбывался лѣсъ, онъ, при употребляемомъ кабардинцами способѣ сбыта, не даетъ болѣе выгоды, чѣмъ та, которая сейчасъ была указана.

Если-бы лѣснымъ промысломъ кабардинцы занимались въ исключительно-свободное время отъ другихъ занятій, то о пользѣ такого занятія, хотя и неособенно щедро вознаграждающаго трудъ, само-собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи,—лучше что-нибудь, чѣмъ ничего; но дѣло въ томъ, что лѣсная промыш-

ленность идетъ прямо въ ущербъ другимъ, болѣе производительнымъ занятіямъ. Завидѣвъ время приближенія гдѣ-нибудь ярмарки, кабардинецъ бросаетъ все свои занятія и спѣшитъ въ лѣсъ; въ это время, съ утра до ночи, цѣлыя толпы, сшибающія одна другую, осаждаютъ въ Нальчикѣ выдающаго квитанціи: буквально, не даютъ времени и поѣсть. Кто попытается проѣхать по Кабардѣ въ половинѣ или 20-хъ числахъ мая, будетъ не мало изумленъ тѣмъ, что представится его глазамъ: въ это время начинаютъ только пахать. И это дѣлается тамъ, гдѣ весна наступаетъ почти съ половины марта мѣсяца. Не рѣдкость также встрѣтить послѣвший и остающійся на корнѣ хлѣбъ, или, еще хуже, — сжатый, но не убранный, предоставленный всемъ атмосферическимъ невгодамъ, весьма также нерѣдкимъ здѣсь. Покосы тоже зачастую начинаютъ тогда только, когда трава почти совсемъ созрѣетъ—оно, конечно, такъ лучше: не нужно хлопотать для просушки его! Я уже не стану говорить, сколько покосовъ остается ветровутыми, хотя едва-ли проходитъ и одно покосное время, въ которое-бы не заявлялось множество жалобъ на недостаточность покосныхъ мѣстъ.

По мнѣнію всехъ, близко-знакомыхъ съ положеніемъ кабардинцевъ, сильное распространеніе лѣсной промышленности вредитъ развитію болѣе выгоднаго занятія—земледѣлія, по мѣстнымъ благоприятнымъ условіямъ, имѣющаго несомнѣнныя преимущества предъ лѣсопромышленностью. Начальникъ Терской области, въ августѣ мѣсяцѣ 1867 года, для достиженія цѣли сохраненія лѣсовъ, предложилъ принять къ исполненію между прочимъ и слѣдующія правила: а) воспретить всякую самовольную порубку живаго лѣса; б) на топливо предварительно долженъ быть вывезенъ валежникъ, буреломъ и т. п. лѣсъ, затѣмъ должны быть указаны особыя, соответствующія для этой цѣли, участки; в) воспретить рубку деревьевъ для корма скота листьями и фруктовыхъ, а также и пасти скотъ въ лѣсныхъ дачахъ, и г) за хищническую порубку лѣсовъ подвергать виновныхъ преслѣдованію согласно лѣснаго устава. Для болѣе-же вѣрнаго достиженія предположенной цѣли, начальникъ Кабардинскаго округа ходатайствовалъ о воспрещеніи всемъ безъ исключенія вывозить лѣсъ на продажу за предѣлы округа, а торговлю имъ допустить только въ Нальчикѣ на базарахъ и бывающихъ здѣсь два раза въ годъ ярмаркахъ, предоставивъ ее исключительно кабардинцамъ, такъ какъ лѣсъ въ округѣ составляетъ ихъ общественную собствен-

ность. Правила эти были утверждены начальникомъ области и приняты къ исполненію съ 1-го января 1868 года. Но, какъ всегда случается при введеніи такихъ мѣръ, которыя фактически не могутъ быть поддерживаемы, эти мѣры, въ основаніи очень полезныя, въ примѣненіи оказались совсѣмъ не осуществимыми: привычка многихъ гѣтъ безпрепятственно заниматься гѣсною торговлею, при отсутствіи правильнаго надзора за употребленіемъ гѣсовъ, вызвала злоупотребленія въ разныхъ видахъ, такъ что необходимо было дѣлать сначала нѣкоторыя уступки. Прежде всего разрѣшено было производить торговлю гѣсомъ, вромѣ Нальчика, еще на постахъ Баксанскомъ и Черекскомъ, одинъ разъ въ недѣлю, для чего и были учреждены тамъ базары; потомъ, въ видахъ доставленія средствъ временно-обязаннымъ къ уплатѣ бывшимъ владѣльцамъ своимъ наложеннаго на нихъ выкупа, дозволено было вывозить гѣсъ на ярмарки въ ст. Александровскую и г. Георгиевскъ; но и эти уступки мало помогли дѣлу: кабардинцы съ кянтанціями на чужія имена—казажовъ или крестьянъ—продолжали вывозить гѣсъ въ значительномъ количествѣ даже въ такія отдаленныя мѣста, какъ, наприимѣръ, сел. Воронцовка. Видя такимъ образомъ безуспѣшность принятыхъ мѣръ къ сбереженію гѣсовъ и явную потерю для кабардинской общественной суммы, такъ какъ она, съ запрещеніемъ вывоза гѣса на линію, потеряла весьма значительный сборъ *), между тѣмъ какъ вывозъ гѣса фактически остался тотъ-же,—разрѣшено въ настоящемъ году вновь дозволить жителямъ Кабардинскаго округа (туземцамъ) вывозить гѣсъ за черту Кабарды во всякое время.

Установляя вышеприведенныя правила, администрація имѣла въ виду, при достиженіи цѣли сбереженія гѣсовъ, предоставить кабардинцамъ возможность болѣе выгодно заняться торговлею гѣса, избавивъ ихъ отъ необходимости тащиться за сотни верстъ; подобный расчетъ былъ совершенно вѣренъ, ибо потребность въ гѣсѣ на линіи такъ велика, что покупщики, по объявленіи означенныхъ правилъ, не замедлили сами явиться въ Кабарду; базары на посту Баксанскомъ, куда главнымъ образомъ являлись покупщики, были переполнены гѣсомъ, который немедленно и сбывался тамъ; продавъ гѣсъ, кабардинецъ тамъ-же занимался перевезти его и получалъ за это выгодную перевозоч-

*) Въ 1868 году получено пошлины за гѣсъ 219 руб. 46 коп., тогда какъ въ 1866 и 1867 годахъ поступило этихъ денегъ 10,018 руб. *Асм.*

ную плату. Но жажда къ полученію кажущейся большей выгоды отъ продажи лѣса въ округѣ заставила кабардинцевъ отнестись къ этимъ распоряженіямъ равнодушно. Какъ непрактичны они въ этомъ случаѣ, какъ мало цѣнить время и труды, я лучше всего увижу на прижѣрѣ, лично мнѣ извѣстный. Малокабардинецъ везетъ арбу дровъ въ Моздокъ; въ Беконича аулѣ ему предлагаютъ продать ее, давая ту плату, которая существуетъ на базарѣ въ Моздокѣ, т. е. отъ 2-хъ до 2 руб. 50 коп. Продавецъ, не смотря на то, что ему еще нужно ѣхать до города 9 верстъ, заплатить пошлины 20 к. за право вывоза лѣса, за перевѣздъ чрезъ мостъ 10 коп. и за мѣсто на базарѣ 5 коп.,—ни за что не соглашается продать дрова въ аулѣ Беконича. Еще лучше: ему предлагаютъ ту цѣну, за которую на базарѣ продадутъ дрова другіе; но и тутъ онъ находитъ неудобнымъ согласиться на такую сдѣлку и все-таки везетъ дрова въ Моздокъ, рассчитывая на то, что авось ему-то и удастся свой матеріалъ сбыть дороже другихъ. Нерѣдко случается, что, простоявъ цѣлый день на базарѣ, онъ возвращается съ своимъ возомъ во-свояси и тутъ самъ предлагаетъ купить дрова, само-собою разумѣется, уже на менѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Тоже самое случается и въ Большой Кабардѣ: кабардинецъ ни за что не продастъ лѣса на Баксанѣ и вообще на пути, если везетъ его въ Георгіевскъ, хотя бы ему предлагалась, сравнительно, и выгодная плата. Все дѣло въ томъ, что кабардинецъ никакъ не можетъ понять, что 1 руб., выработанный въ одинъ день, вдвое выгоднѣе 2 р. 50 к., заработанныхъ втеченіи пяти дней. Есть впрочемъ и другая причина, заставляющая кабардинца мало обращать вниманія на свой трудъ: она—необходимость въ данный моментъ во что-бы-то ни стало добыть 2—3 руб., которые ему крайне нужны и которые сразу онъ можетъ выручить только именно въ Георгіевскѣ. Все это покажется неудивительнымъ и возможнымъ, если принять во вниманіе, что лѣсопромышленностью занимается только низшее сословіе Кабарды, т. е. самое бѣднѣйшее, за исключеніемъ нѣсколькихъ состоятельныхъ лицъ, которые, собственно говоря, не занимаются лѣсною промышленностью, а только, благодаря сосредоточенію въ ихъ рукахъ капиталовъ, эксплуатируютъ ее въ свою пользу. Какъ высшему классу населенія, такъ и другимъ, которые могли-бы на трудъ бѣдняка обратить вниманіе,—нѣтъ никакого дѣла до такого печальнаго положенія. Никто не возьметъ на себя труда растолковать ему, какъ было-бы болѣе

выгодно вести лѣсную операцію; за то, если нужно, чтобы бѣднякъ заплатилъ какія-нибудь деньги, такъ тянутъ ихъ съ него, не давая опомниться, какъ и какими путями исполнить требованіе. Не доставитъ онъ требуемыхъ денегъ въ назначенный срокъ — надъ его головою готова разразиться ужасная невзгода, которой не безъ основанія боится бѣднякъ: его послѣднюю коровенку могутъ стащить со двора и продать съ барабаннаго боя, а семьѣ придется волкомъ выть. Ну, конечно, для отвращенія грозившей бѣды, и является самою ближайшею и спасительною возможностью лѣсъ, за который гдѣ-нибудь въ Воронцовѣ и получить требуемую сумму; а сколько онъ изъ-за этого проголодаетъ, измучается и измучаетъ свою единственную пару быковъ, а нерѣдко даже и взятую имъ у сосѣда на время, до этого опять таки никому нѣтъ дѣла! При существованіи подобныхъ условій, едва ли представится возможность въ скоромъ будущемъ упрочить благосостояніе массы населенія: всякому еще пока своя рубашка ближе къ тѣлу. Я опять таки долженъ повторить, что не имѣю мысли забрасывать упреками высшее сословіе Кабарды за то, что оно не хочетъ еще протянуть руку помощи своему меньшему брату: оно и само теперь поставлено въ такія условія жизни, что не успѣло еще оглядѣться и свыкнуться съ новою обстановкою. Наконецъ, кабардинцы — бывшіе рабовладѣльцы — далеко не благоволятъ къ освобожденнымъ холопамъ, види въ нихъ причину потери дароваго труда. Взглядъ на дѣло чрезвычайно странный, но, тѣмъ не менѣе, существующій въ Кабардѣ. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцы очень не любятъ своихъ бывшихъ холоповъ и, чтобы окончателно не видѣть ихъ, не разъ просили начальство поселить ихъ отдѣльно. Кромѣ непріятнаго напоминанія о быломъ прошломъ, въ этомъ случаѣ руководитъ владѣльцами и сословное ихъ самолюбіе; они никакъ не могутъ помириться съ мыслію, что жена какого-нибудь холопа Паго будетъ независимо жить обокъ съ ихъ женами, а пожалуй, чего добраго, вздумаетъ еще, какъ ровня, вести знакомство съ ними. — Ужасная обида!

IV.

Освободившіеся кабардинскіе холопы хлѣбпашествомъ занимаются лишь на столько, чтобы обезпечить семью хлѣбомъ и

годъ; да и тамъкъ едва-ли найдется очень много, хотя, по осво-божденіи, всѣ они, наравнѣ съ прочими жителями, могутъ поль-зоваться опредѣленнымъ аулу надѣломъ земли. Препятствіемъ къ воздѣлыванію земли опять таки оказывается немнѣніе средствъ сдѣлать собственно для себя запашку; поэтому, холопу приходит-ся теперь работать на сторонѣ, за что онъ и получаетъ извѣст-ную часть хлѣба. Да и вообще-то въ Кабардѣ на этотъ родъ занятія, какъ я упоминалъ и выше, не обращается почти ника-кого вниманія. Всякій, имѣющій средства, засѣваетъ для себя хлѣ-ба лишь столько, сколько необходимо ему на годовую пропорцію, да часть про всякій случай. Самый родъ хлѣба, посѣвомъ кото-раго кабардинцы главнымъ образомъ занимаются, по выбору чреа-вычайно незначенъ; это—просо, обращаемое потомъ въ пшено, изъ котораго дѣлается круглая каша, извѣстная подъ названіемъ *насты*; она замѣняетъ собою въ Кабардѣ хлѣбъ.

Всякому хорошо извѣстно, какъ сильно посѣвъ проса исто-щаетъ землю; но не смотря на это и не обращая ни малѣйшаго вниманія на постоянные совѣты замѣнить просо пшеницею, ка-бардинцы упорно продолжаютъ безжалостно безобразить свою землю. Послѣ одного посѣва проса, земля остается непроезоди-тельною втеченіи пяти лѣтъ, и только по прошествіи этого времени она снова становится годною для посѣва проса, между тѣмъ какъ посѣвъ пшеницы можетъ быть производимъ на од-номъ и томъ-же мѣстѣ два года сряду, затѣмъ дается пахоти отдыхъ на одинъ годъ, а потомъ опять она оказывается годною для посѣвовъ. Въ послѣднее время весьма немногіе только нача-ли заниматься посѣвомъ пшеницы; сѣютъ также нѣкоторые куку-рузу и овесъ; но все это, въ сравненіи съ просомъ, получается въ самомъ незначительномъ количествѣ, что легко доказывается и слѣдующими цифрами, если не вполнѣ вѣрными, то, по край-ней мѣрѣ, приблизительными и во всякомъ случаѣ дающими воз-можность съ нѣкоторою точностью опредѣлить относительную степень развитія того или другаго рода земледѣлія. Въ 1868 го-ду, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Кабардѣ было собрано хлѣба:

проса.....	135,835	четвертей.
кукурузы.....	21,909	— —
пшеницы.....	3,878	— —
овса	1,341	— —

Разница изумительно-громадная, заставляющая ужасаться при опредѣленіи количества земли, необходимой ежегодно подъ по-

сѣвъ проса и затѣмъ втеченіи пяти лѣтъ остающейся непроизводительною, за исключеніемъ небольшой части, которая на другой годъ цѣдетъ подъ посѣвъ пшеницы. Что указанная мною цѣбра собраннаго въ 1868 году проса не есть случайная, и могу указать и на количество проса, собраннаго въ 1867 году; по свѣдѣніямъ, сборъ въ томъ году далъ 138,845 четв. Если кабардинцы посѣву проса даютъ преимущество передъ другими родами хлѣба и особенно передъ пшеницею, вслѣдствіе того, что просо, по количеству зеренъ, получаемыхъ съ него, выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи, то и въ этомъ они непростительно ошибаются: самъ 17—18 зеренъ проса, что составляетъ почти всегдашній сборъ, ужь само собою разувѣется не можетъ быть выгоднѣе самъ 8-ми зеренъ, даваемыхъ пшеницею. Если одно зерно беретъ количествомъ, то другое превосходитъ величиною, и притомъ съ тою разницею, что при посѣвѣ послѣдняго рода хлѣба выгадывается значительное количество земли.

Вышеприведенное вредное и даже хищническое въ экономическомъ отношеніи земледѣліе возможно только при тѣхъ выгодныхъ поземельныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится Кабарда (Большая), владѣющая 318,608 десятинами 543 квадр. саженими земли, изъ коихъ удобной считается 258,354 десятины 1776 квадр. сажени, что, раздѣливъ на 36,408 душъ обоюго пола, считающихся въ Черекскомъ и Баксанскомъ участкахъ, получимъ на каждую душу болѣе 7 десятинъ удобной земли *).

Если-бы кабардинцы уразумѣли—что во всякомъ случаѣ рано или поздно должно случиться—выгоду занятія посѣвомъ пшеницы, то, основываясь на томъ, что въ Кабардѣ почти не бываетъ неурожаевъ и пшеница среднимъ числомъ даетъ самъ восемь,—нѣтъ сомнѣнія, что этотъ родъ хлѣбопашества положилъ-бы основаніе новой выгодной промышленности для нихъ. Въ виду выясненнаго выше положенія бывшихъ зависимыхъ, хлѣбная промышленность, обусловливаемая мѣстными удобствами, дала-бы хорошее занятіе нуждающемуся въ работѣ низшему классу и послужила-бы вѣрнымъ средствомъ къ упроченію матеріальнаго благосостоянія ихъ. Положимъ, что Кабарда занимается скотоводствомъ въ значительныхъ размѣрахъ и имѣетъ отъ этого хо-

*) Не включая сюда Малокабардинскій участокъ, который въ поземельномъ отношеніи обставленъ далеко не такъ выгодно, какъ Большая Кабарда.

Лет.

реши́я выгоды, но вѣдь этими выгодами пользуются только люди состоятельные, а бывшіе холопы остаются тутъ ни при чемъ. Конечно, и при скотоводствѣ требуются рабочіе люди, но далеко не въ томъ количествѣ, какое нуждается въ работѣ.

Люди вообще низшаго класса Кабарды, живущіе въ близкѣ русскихъ поселеній, занимаются мелочною торговлею въ базарные дни; предметами для этой торговли служатъ: птица, яйца и масло, сукна, бурки и прочія вещи мѣстнаго произведенія; но вся эта торговля, по ограниченному ея размѣру, едва-ли приноситъ и на столько пользы, чтобы достаточно удовлетворить необходимымъ домашнимъ потребностямъ, и о ней, пожалуй, не стоило бы и говорить, если-бы не имѣлось въ виду и тутъ сдѣлать упрекъ кабардинской непрактичности и равнодушію къ своимъ личнымъ выгодамъ. Возьму для примѣра Нальчикъ. Слобода эта расположена въблизи нѣсколькихъ, довольно большихъ ауловъ; казалось-бы, что, при подобныхъ условіяхъ, кабардинцы могли бы завладѣть торговлею здѣсь хотя-бы жизненныхъ продуктовъ; но ничуть не бывало! Всю подобную торговлю отбили у нихъ жители Александровской нѣмецкой колоніи, поселенные въ 2-хъ верстахъ отъ Нальчика, между тѣмъ какъ кабардинцы имѣютъ несомнѣнную возможность сильно конкурировать съ ними. Нѣмцы, далеко не имѣющіе столько скота, какъ кабардинцы, и вообще поставленные въ менѣе выгодныя жизненныя условія, снабжаютъ Нальчикъ всѣмъ необходимымъ въ домашности. Благодаря нѣмцамъ, Нальчикъ всегда имѣетъ отличное масло и всевозможныя огородныя овощи; этого мало — нѣмцы сбываютъ излишекъ масла даже во Владикавказъ, откуда нарочно прѣзжаютъ за нимъ. Все это, нужно замѣтить, люди практичныя умѣютъ дѣлать при довольно-снудныхъ средствахъ, тогда какъ кабардинцы, владѣя значительнымъ количествомъ скота, сидятъ съ нимъ почти сложа руки; только изрѣдка увидишь на базарѣ масло кабардинскаго изготовленія, которое далеко не выдерживаетъ сравненія съ нѣмецкимъ; да привезетъ еще кабардинецъ своего копченого сыру, по плотности и твердости едва уступающаго камню и скорѣе годнаго для мощенія улицъ, чѣмъ для пищи,—и вотъ это все, что извлекаетъ кабардинецъ изъ своихъ 50 — 100 коровъ! Объ огородныхъ овощахъ и говорить уже нечего: до сихъ поръ многіе изъ нихъ и для себя не могутъ завести ихъ. Совершенно вѣрно, положимъ, что подобное вышеприведенному количество коровъ имѣютъ только люди богатые, которые, придержи-

живаясь исконному прагматовскому обычаю, считают унизительными для своего достоинства вести вообще торговлю, и въ особенности избытками своего домашняго хозяйства; но что въ такомъ случаѣ мѣшаетъ благородному кабардинцу язлишекъ этотъ предоставить своему холопу? Не говоря о томъ, какъ хорошо былъ-бы подобный поступокъ со стороны великодушія, но это и съ матеріальной стороны было-бы выгодно для обоихъ: одинъ—предоставившій пользованіе своими коровами—избавился-бы отъ необходимости имѣть лишнія руки для присмотра за лишними десяткомъ коровъ, а другой, нисколько-бы не стѣсненный подобными присмотромъ, имѣлъ-бы для себя хорошую выгоду, кбо пудъ масла, напримѣръ въ Нальчикѣ, стоитъ 7—8 руб.; собрать же такое количество не требуется много времени, нѣтъ 10—20 коровъ. Ничего подобнаго не заблагоразсудятъ сдѣлать кабардинцы и считаютъ болѣе удобнымъ держать сотни коровъ для пріятнаго щекотанія своего самолюбія, тратиться бесполезно на нихъ и въ тоже время видѣть рублища своего сосѣда и полунагое семейство его.

Бѣдность не странно было-бы видѣть тамъ, гдѣ люди, какъ ни бьются, ничего не подѣлаютъ съ гнетомъ окружающаго; но не въ Кабардѣ, которая не имѣетъ права жаловаться на недостатокъ чего-либо: природа дала все, а мы-то вотъ не хотимъ протянуть своихъ рукъ, надѣясь леребиться какъ-нибудь, ничего не дѣлая или пробавляясь легонькой работой, лишь-бы сбыть день да ночь.

Все высказанное мною рекомендуетъ экономическій быть вообще кабардинцевъ и въ особенности бывшихъ рабовъ въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ, хотя мѣстныя условія и даютъ всѣ необходимыя задатки для лучшаго положенія. Не было-бы большой бѣды, если-бы описанное положеніе оказалось случайнымъ, при переживаемомъ переходномъ состояніи; но на самомъ-то дѣлѣ это не такъ. Мы выше видѣли, что многіе изъ кабардинцевъ уже серьезно занялись экономическимъ дѣломъ и подають хорошій примѣръ, но большинство болѣе или менѣе равнодушно смотритъ на это, и все происходитъ отъ того, что этому несчастному большинству во снѣ и на яву грезится Стамбулъ!—Каждый изъ большинства или тайно или явно имѣетъ надежду на переселеніе въ Турцію. Что подобная надежда не есть продуктъ моего воображенія, дѣйствительно существуетъ и сильно занимаетъ умы кабардинцевъ, — можно сослаться на неоднократ-

ныя письменныя и словесныя просьбы ихъ объ этомъ. Не знаю, какія именно обстоятельства заставляютъ кабардинцевъ питать надежду на переселеніе въ Турцію; но дѣло въ томъ, что эта надежда сильно подрываетъ и тормозитъ экономическое развитіе Кабарды. Этому развитію и всѣмъ вообще благимъ начинаніямъ съ нашей стороны не меньше также препятствуетъ и то недоувѣріе къ намъ, русскимъ, которое выказываютъ туземцы. Не стану разбирать причины, вызвавшія это недоувѣріе (онъ, по моему, коренится во всемъ прошломъ складѣ кабардинской жизни—и выживание ихъ потребовало-бы много времени); но укажу на самое проявленіе недоувѣрія, обнаруживающагося даже въ самыхъ мелочныхъ случаяхъ. Напримѣръ, участковый начальникъ прописалъ увольнительный билетъ; кабардинецъ ни за что не повѣритъ, что билетъ написанъ такъ, какъ слѣдуетъ, и пойдетъ попросить прочитать его въ кабакъ. Посовѣтуютъ взяться за какое-нибудь выгодное предпріятіе, которое по очевиднымъ примѣрамъ выгодно; туземецъ соглашается, что занятіе дѣйствительно прибыльное, но втихомолку думаетъ: врешь, любезный, не проведешь—знаемъ мы эту выгоду! и за дѣло, конечно, не берется. Такъ случилось съ горцами. Когда дорога по Бакасанскому ущелью была окончена и дѣлались уже дороги въ другія общества, предложено было имъ исподоволь заводить себѣ арбы. Выслушавъ доводы о преимуществахъ колесной ѣзды передъ вьючною, горцы согласились съ полезностью такого нововведенія и изъявили готовность заволить арбы. Чего, кажется, лучше желать: дѣло сдѣлано, остается только ждать благихъ послѣдствій отъ разумнаго учрежденія; но не такъ случилось. Спустя нѣкоторое время, горцы составили и прислали депутацію, которой поручили просить начальство отменить распоряженіе на счетъ заведенія аробъ, представляя, какъ доводы, ихъ привычку къ вьючной ѣздѣ, неумѣніе обращаться съ арбами и т. п. Извѣстно теперь только, что горцы и до сихъ поръ не думаютъ объ арбахъ. Послѣ этого вѣрно придется, для ихъ-же пользы, *обязать* имѣть арбы, иначе — предѣловскій способъ ѣзды останется въ удѣлѣ и правнукамъ нынѣшняго поколѣнія.

Предлагаютъ кому-нибудь изъ кабардинцевъ, имѣющему деньги, помѣстить ихъ въ банкъ, представляя при этомъ выгоды отъ такого помѣщенія и невыгоды отъ храненія ихъ у себя подъ десяткомъ замковъ. Дѣло, повидимому, интересуется денежнаго человѣка: въ самомъ дѣлѣ, думаетъ онъ, хорошо ли съ

того, да ни съ сего получить на 1000—положимъ—600 руб. въ годъ. Начинаетъ онъ у одного, у другого спрашивать: какой это банкъ, что такое, да какъ это ни съ того, да ни съ сего даютъ деньги? Вотъ, кажется, человекъ окончательно уразумѣлъ пользу помѣщенія денегъ въ банкъ. Ничуть не бывало! Встрѣчаемъ, спрашиваете: ну, что—отправилъ деньги?—Нѣтъ. Какъ-же, говорить, это... я, право, не знаю... да у меня и денегъ нѣтъ... Это значитъ, онъ успѣлъ поговорить съ своими и порѣшить, что все это, молъ, штука: отдай деньги, такъ какъ разъ ихъ и не увидишь! Сколько извѣстно, изъ числа денежныхъ людей въ Кабардѣ, одинъ только, и то послѣ долгихъ увѣщаній и увѣреній въ безопасности помѣщенія денегъ въ банкъ, рискнулъ, въ видѣ опыта, отослать туда 1000 руб., на неопредѣленное время, да и то все спрашиваетъ о томъ, можно-ли взять эти деньги чрезъ полгода. Я увѣренъ, что онъ непременно и возьметъ деньги чрезъ извѣстный срокъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли не обманываютъ его. Такъ поступаетъ, нужно замѣтить, человекъ довольно развитый и почти постоянно вращающійся между русскими; поэтому, легко судить, какъ относится къ намъ масса населенія.

Все это, должно сказать, существуетъ при настоящемъ образѣ управления, которое, говоря по совѣсти, весьма далеко отъ того, чтобы подавать поводъ къ недовѣрью. Лицамъ, интересующимся бытовымъ положеніемъ кабардинцевъ, а кому-же близко поставленнымъ къ нимъ, хорошо было-бы обратить вниманіе на причины, вызывающія это недовѣріе и мало-по-малу удалять ихъ. Всякій хорошо понимаетъ, какъ много полезнаго можно сдѣлать при довѣрїи народа и какъ мало—при недовѣрїи его. Постигнуть эту истину самъ народъ еще не въ состоянїи, по крайнему своему неразвитію, и потому онъ, совершенно безсознательно, несетъ отъ этого потери въ своей экономической жизни.

У.

Какъ вообще всегда случается и какъ мы видѣли изъ выше-приведенныхъ условій освобожденія, на долю бѣдняговъ выпала и

здѣсь самая тяжкая участь въ то время, какъ значительная часть ихъ собратъ извѣдывать уже для себя въ настоящее время позитивныя выгоды положенія въ обществѣ свободнаго человека, они знаютъ о свободѣ, никакъ сказать, по-наслышкѣ. Тотъ же обязательный трудъ, тоже зависимое положеніе составляютъ ка- стощнее бѣднѣе, и ожидаемое будущее покаяніе свободы наступитъ для него еще спустя почти четыре тяжелыхъ года. Правда, однако-жъ, что намъ не такъ остро зависимое положеніе, но, на этотъ разъ, оно легче переносится съ надеждою на будущую скорую свободу, а это уже само по себѣ великое облегченіе для труженника. Больше-ровъ не судилъ бѣднику воспользоваться само- му свободою—этимъ естественнымъ даромъ природы,—то, по край- ней мѣрѣ, онъ можетъ умереть съ спокойною мыслію о своихъ близкихъ кровныхъ.

По завѣренію горскихъ владѣльцевъ, бывшіе холопы ихъ, которымъ разсрочена выкупная плата, вносятъ ее, за рѣдкими лишь исключеніями, чрезвычайно аккуратно. Говорятъ даже, что они, не довольствуясь внесеніемъ въ срокъ извѣстной части вы- купа, вносятъ плату при каждомъ случаѣ, т. е., какъ только съумѣютъ скопить нѣкоторую сумму; словомъ, горскіе холопы не щадятъ труда и изъ всѣхъ силъ бьются, лишь-бы только скорѣе окончательно освободиться. Подобное стремленіе тоже не можетъ не служить ручательствомъ ихъ хорошаго будущаго.

Совсѣмъ не то встрѣчается въ Кабардѣ. Если нѣкоторые изъ бывшихъ холоповъ и аккуратно исполняютъ свои обяза- тельства по отношенію къ владѣльцамъ, то большинство не мо- жетъ похвастаться этимъ. Офиціальныя заявленія кабардин- скихъ владѣльцевъ, на недоставленіе въ назначенные сроки обя- зательныхъ частей выкупа, служатъ тому лучшимъ доказатель- ствомъ. Мѣстная администрація, въ виду подобныхъ заявленій, наша необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло и нѣкоторыхъ изъ болѣе неаккуратныхъ плательщиковъ сама пристраиваетъ на частныя работы, посылая ихъ, напримѣръ, для заработковъ на Алагирскій серебро-свинцовый заводъ. Получаемая за это плата идетъ на удовлетвореніе владѣльцевъ.

Нужно правду сказать, что хотя всѣ соглашенія состоялись между владѣльцами и холопами весьма быстро, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, и въ мартѣ 1867 года не было уже холоповъ, но изъ послѣднихъ не всѣ однако-же легко вдохнули, по выра- женію г. С. . . . ва. Только съ этого времени и начался, для мно-

никъ, самый тяжкій трудъ, дающій возможность все ярио бѣднѣшаго зависимаго положенія: тутъ представлялась необходимость и содержать семью, и нести выкупъ владѣльцу, а очутившись въ такомъ положеніи холоповъ — баляшничество въ Кабардѣ. Только по истеченіи труднаго промежутокъ времени до окончательнаго выкупа, можно будетъ съ увѣренностью сказать, что освобожденный народъ вздохнетъ легко и почувствуетъ полную свободу; только съ этого времени возможно прочное начало въ устройству его экономическаго быта, а до этого еще несомнѣнно близко, и бѣдному освобожденному холопу предстоитъ впереди немало борьбы, чтобы завоевать себѣ видѣть независимое положеніе.

Грабовскій.

20 іюля 1869 года.

Нахичевъ.

Cases of Crime

ИЗЪ ГОРОКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ.

Въ первомъ выпускѣ настоящаго «Сборника» (Горская лѣтопись, стр. 57—68) приведено было два характерныхъ случая изъ горской криминалистики. Подобные случаи не единичны въ жизни кавказскихъ горцевъ. Стоитъ только заглянуть въ ежемѣсячныя вѣдомости о происшествіяхъ, доставляемыя въ Кавказское Горское Управление изъ областей и округовъ съ горскимъ населеніемъ, — и такихъ случаевъ, характеризующихъ собою оригинальный складъ жизни и своеобразныя воззрѣнія этого населенія на отношенія общественныя и семейныя, представится не мало. Такого рода бытовые черты во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Но эти-же самыя черты, не чужды иногда порывовъ благородства, даютъ также довольно-ясное понятіе о томъ, съ какимъ населеніемъ имѣетъ дѣло горская администрація и какъ трудно бываетъ ей бороться съ тѣми проявленіями своеобразности горцевъ, которыя — по нашимъ воззрѣніямъ — составляютъ преступленія, а по адатамъ и понятіямъ горцевъ — нормальныя, обычные поступки.

Съ цѣлью болѣшаго уясненія такой затруднительности въ дѣйствіяхъ горской администраціи по отношенію къ своеобразному проявленію преступной воли кавказскаго горца вообще, мы помѣщаемъ цѣлый рядъ разнообразныхъ случаевъ изъ криминальной лѣтописи горскаго населенія за послѣдніе годы, выбирая изъ нихъ самыя характерныя или-же, при своей своеобразности, чаще другихъ повторяющіеся.

20 октября 1868 года, между жителями сел. Тулизна (Казинукскаго округа), Гаджи-Магомедомъ Умаханъ-оглы и Магоме-

домъ Абдуль-Галиль-оглы, произошла ссора, за то, что эшаки послѣдняго потравили скошенный хлѣбъ, принадлежащій первому. На шумъ сбѣжались родственники обѣихъ сторонъ, сами приняли участіе въ ссорѣ, и въ происшедшей затѣмъ дракѣ ранены: Гаджи-Магомедъ Умаханъ оглы, отецъ его, Умаханъ, и дочь послѣдняго, Багдада, а сестра ея, Узу, Магомедъ Абдуль-Галиль-оглы, Исакъ Ибрагимъ-оглы, Заза Гасанъ-кызы, Курбанъ Галиль-оглы и Маріамъ Исмай-кызы получили ушибы камнемъ. Заза, будучи беременною, отъ ушиба камнемъ въ спину и животъ, умерла чрезъ 22 дня.

19 числа того-же мѣсяца, жителька сел. Гогазъ, Самурскаго округа, Ага-Султанъ Агазъ-кызы, съ однимъ мальчикомъ, находилась на своемъ гумнѣ. Односелецъ ея, Селимъ Дервишъ-бекъ-оглы, подойдя къ ней, предложилъ ей бѣжать съ нимъ, но какъ она на это не согласилась, то онъ убилъ ее.

Селимъ, сознавшійся въ этомъ убійствѣ, показалъ слѣдующее:

Ага-Султана, будучи въ замужествѣ за односельцемъ своимъ, Ибрагимомъ, была въ связи съ нимъ, Селимомъ, и, получая отъ него подарки, общалась развестись съ мужемъ и выйти за него; когда же она, наконецъ, развелась съ Ибрагимомъ, то взяла у Селима въ подарокъ еще 100 руб., общалась въ скоромъ времени выйти за него замужъ, но обручилась съ другимъ. Узнавъ объ этомъ, Селимъ искалъ случая встрѣтиться съ нею, чтобы получить обратно сдѣланные имъ ей подарки, и встрѣтившись съ нею 19 октября, началъ уговаривать ее возвратитъ ему эти подарки. Она отказала въ его просьбѣ, говоря, что много разъ обманывала такихъ дураковъ, какъ онъ. Получивъ такой отвѣтъ, Селимъ, подъ влияніемъ раздраженія, тутъ же нанесъ ей кинжаломъ рану въ животъ и скрылся бѣгствомъ, боясь преслѣдованія родственниковъ убитой.

Но разслѣдованію-же этого дѣла, оказалось слѣдующее: года два тому-назадъ, Селимъ, за то, что хотѣлъ изнасиловать Ага-Султану, по распоряженію начальника округа, былъ наказанъ, и какъ молва о связи Селима съ Ага-Султаной въ народѣ не умолкала, то мужъ ея, Ибрагимъ, развелся съ нею. Тогда Селимъ сталъ сватать ее, но родственники ея, считая его, по вышеприведенной причинѣ, своимъ врагомъ, отказали ему и обручили ее съ другимъ человекомъ, хотя она сама желала выйти за Се-

лила. 19-го октября, Салимъ, встрѣтивъ Ага-Султану, уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ, но такъ какъ она на это не согласилась, то онъ и ранилъ ее смертельно.

Въ ночь съ 26-го на 27-е число октября 1868 г., житель аула Беной, Нагорнаго округа, Мита Шейховъ, находясь на вечеринкѣ въ одномъ семействѣ, въ аулѣ Кишень-аухъ, смертельно ранилъ выстрѣломъ изъ пистолета кишень-ауховца Хакыша Мусаева, безъ всякаго повода со стороны этого послѣдняго. Желая избѣжать мщенія родныхъ убитаго, тотчасъ собравшихся къ мѣсту происшествія, Шейховъ заперся-было въ саклѣ хозяина дома, гдѣ была вечеринка; но, видя, что ему здѣсь нельзя спастись, быстро выбѣжалъ изъ сакли, съ цѣлю пробиться чрезъ толпу родственниковъ Мусаева, и для того чтобы очистить себѣ дорогу, ударомъ кинжала ранилъ въ животъ кишень-ауховца Абу Чаадаева, а выстрѣломъ изъ пистолета убилъ жителя того-же аула, Шепи Гачіева. Тогда родственники убитыхъ Мусаева и Гачіева въ свою очередь обнажили оружіе и, схвативъ Шейхова, изрубили его на мѣстѣ.

Ноября 5-го, того-же года, житель аула Экажева, Ингушевскаго округа, Чага Чабіевъ, подозрѣваемый въ воровствѣ сына у односельца своего, Гиса Альмурзіева, по опредѣленію аульнаго суда, принялъ въ оправданіе свое очистительную присягу. Альмурзіевъ, видя, что Чабіевъ оправдался, назвалъ его клятвенно-преступникомъ, на что въ свою очередь отвѣтилъ бранью и Чабіевъ. Тогда Альмурзіевъ, въ пылу гнѣва, бросилъ кинжаломъ въ своего врага и ранилъ его въ локтевой суставъ лѣвой руки. Находившіеся при этомъ родственники обоихъ этихъ ингушъ подняли между собою общую драку, причемъ ранены: Гиса Альмурзіевъ (зачинщикъ), Чага и Чалдуръ Чабіевы, Мальсагъ и Таштемиръ Джантемировы и Бади Алиевъ.

Житель Ингушевскаго округа, аула Средній Ачалукъ, Ахтемуръ Чоріевъ, за нѣсколько дней до мусульманскаго праздника байрама, сдѣлалъ предложеніе дочери односельца своего, Бейсултана Байчіева, дѣвицѣ Ашарпи, выйти за него замужъ, но получилъ отказъ, какъ отъ самой дѣвушки, такъ и отъ отца ея. 3-го января 1869 г., узнавъ, что Ашарпи пошла съ другими женщинами въ аулъ Верхній Ачалукъ на поминки, Чоріевъ собралъ нѣсколько молодыхъ людей и, выждавъ, когда Ашарпи, по заходѣ солнца, возвращалась домой, бросился на нее съ своими сообщниками и увлекъ въ саклю, къ родственнику своему, Мози Арапіеву. Родныя дѣвушки, узнавъ о случившемся, побѣжали къ саклѣ Арапіева, но тамъ были встрѣчены родственниками Чоріева; завязалась драка—и изъ обѣихъ партій ранено одиннадцать человекъ.

Жители Джераховскаго общества, Ингушевскаго округа, аула Гаустхи, Эса Арживаровъ и Мустоби Кужговъ, поссорились между собою за поправку покоснаго мѣста, причемъ Арживаровъ смертельно ранилъ Кужгова ножомъ въ животъ, отъ чего послѣдній въ тотъ-же день умеръ. Узнавъ объ этомъ, братъ раненаго, Сустоби Кужговъ, выстрѣломъ изъ ружья убилъ дядю Арживарова, Дербича Ахигова; сестра-же Ахигова, видя брата своего убитымъ, сама себя ранила въ животъ кинжаломъ, а другая женщина, бывшая тутъ-же, отнимая у нея кинжалъ, ранила себя въ руку.

23 іюля 1868 г., дѣти жителя сел. Падаръ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Амира-Пасай-оглы, будучи на посѣвахъ сарачинскаго пшена, загнали нѣсколько штукъ телятъ, въ числѣ коихъ былъ телокъ Джевата Кюзъ-оглы. Джеватъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ домъ Амира и требовалъ возвратить его телка; но Амиръ объявилъ, что сначала слѣдуетъ удовлетворить его за поправку, а потомъ будетъ возвращенъ телокъ, вслѣдствіе чего между ними произошелъ споръ. Односелецъ ихъ, Исмаѣл Паша-оглы, желая прекратить споръ, подошелъ къ Джевату и вывелъ его со двора. Въ это время подбѣжалъ родственникъ

Джевата, Халимъ-бекъ Мирза-оглы, и, слыша брань, ударилъ палкою Амира; братъ послѣдняго, Мати, схватилъ за руку Халима, но Халимъ и его ударилъ палкою. На этотъ шумъ прибѣжалъ родственникъ Халима, Амиръ-бекъ Уруджъ-оглы и, выстрѣломъ изъ пистолета, убилъ Мати; братъ Мати, Амиръ, бросился съ кинжаломъ за Халимомъ, но какъ тотъ убѣжалъ, то онъ изрубилъ попавшагося ему на встрѣчу родственника Халима, Юнуса Махмудъ-оглы; тогда Халимъ, вернувшись, бросился на Амира, и они стали рубить другъ друга кинжалами, отчего оба умерли. На тревогу сбѣжались родственники обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ Махмудъ Юнусъ-оглы, Абдулла Хаси-оглы, Султанъ Оручъ-оглы и Асланъ Мирза-оглы, выстрѣлами изъ ружей въ собравшуюся толпу, ранили не принимавшихъ никакого участія въ ссорѣ: Сеида Али-Дадашъ-оглы, Темира Магерамъ-оглы, жену убитаго Амира, Эмина Ханумъ-Абдуразахъ-кیزی, Султанъ-Али-Бекъ-оглы и Мансура Ханъ-Мамедъ-оглы, изъ коихъ Сеидъ, Темиръ и Эмина умерли чрезъ нѣсколько часовъ.

6 іюля 1868 г., близъ сел. Маграга, того-же округа, тамошній житель, Кадашъ-бекъ Муса-оглы, выстрѣломъ изъ пистолета, ранилъ односельку—дѣвушку Ширинъ Муса-кیزی, за то, что она сначала согласилась было выйти за него замужъ и бѣжать съ нимъ изъ селенія, но потомъ отказалась отъ своего намѣренія.

5 іюля 1868 г., въ с. Гилли, Т.-Х.-Шуринаго округа, карты (сельскіе судьи) при собраніи почетныхъ жителей селенія, приводили въ исполненіе рѣшеніе Дагестанскаго Народнаго Суда, по которому тамошній житель Атау Исмаилъ-оглы обязанъ былъ уплатить бывшей жевѣ своей, съ которой онъ развелся, альгамныхъ денегъ *) 40 коп. и справить ей двѣ постели, одѣяло, подушку и верхнюю шелковую одежду. Во время объясненій по этому дѣлу, Атау, уклоняясь отъ исполненія приговора суда, подбѣжалъ къ 60-ти

*) Альгамъ—подарки, дѣлаемые женихомъ невѣстѣ, которые, по заключеніи брака, становятся ея собственностью.

лѣтнему старику, тестю своему, стоящему тамъ-же на сельской сходкѣ, и ударилъ его пистолетомъ по головѣ такъ сильно, что тотъ упалъ безъ чувствъ. Сынъ старика, Кисъ-бекъ, увидавъ это издали и полагая, что отецъ его убитъ, — съ обнаженнымъ кинжаломъ бросился на Атау и нанесъ ему пять ранъ, самъ-же получилъ отъ Атау четыре кинжалныхъ раны.

Въ ночь съ 16-го на 17 е ноября 1869 г., нѣсколько молодыхъ людей изъ жителей Осетянского округа, селенія Гизаль, отправились къ дому женившагося въ тотъ-же день односельца своего, Калау Даурова и, по заведенному у горцевъ обычаю, начали стучаться въ саклю, гдѣ спали новобрачные. Дауровъ, желая избавиться отъ докучныхъ посѣтителей, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пистолета въ стѣну сакли, противоположную той, отсюда слышался стукъ, и тяжело ранилъ въ ногу односельца своего, Тага Біатаева, который стоялъ подлѣ этой стѣнки и тоже подслушивалъ происходившее въ саклѣ молодыхъ.

18-го іюля 1869 г., житель селен. Бетль, Аварскаго округа, Халипъ Хапи-оглы, ранилъ кинжаломъ односельца своего Гусейна Хаджіовъ-оглы, за то, что послѣдній подслушивалъ ночью у окна новобрачныхъ.

Ноябри 24-го, 1869 года, житель Нагорнаго округа, аула Яраксу-аухъ, Аблуханъ Гичакаевъ, на свадьбѣ своего товарища, во время танцевъ, желая выстрѣлить изъ пистолета вверхъ, ранилъ двухъ дѣвицъ, своихъ односельокъ.

23 го іюля, 1869 г., жительва селен. Игали, Аварскаго округа, Патимать Султанъ-кизы, убила односельца своего Бур-

Банъ-Магому Магома-оглы, панесея ему кинжаломъ нѣсколько ранъ, за то, что общество этого селенія обвиняло ее въ связи съ этимъ человѣкомъ.

3-го августа 1869 г., житель сел. Мюрага, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Магомедъ Омаръ-оглы, послѣ того какъ мать побрала его за дѣвственность, — застрѣлился.

29-го юля 1869 г., жители сел. Дургали, Т.-Х.-Шуринокаго округа, въ числѣ 8-ми человѣкъ, находись на полевыхъ работахъ; послѣ обѣда затѣяли разные игры: двое изъ нихъ взяли палку и, держась за нее, перетягивали другъ друга. Въ это время одинъ изъ нихъ, Бекъ-Булатъ Минатулла-оглы, отъ сильной натуги, испустилъ изъ задняго прохода звукъ и былъ такъ сконфуженъ этимъ случаемъ, считающимся у туземцевъ величайшимъ позоромъ, что тутъ-же застрѣлилъ себя изъ пистолета.

Житель селен. Ходжалъ-Махи, Даргинскаго округа, Рабаданъ-Попала-Магомедъ-оглы, имѣя весьма ограниченныя средства къ жизни, былъ между тѣмъ сильно преданъ дѣвству; не смотря на совѣты односельцевъ и на собственное свое сознаніе, Рабаданъ не могъ удержаться отъ этой вредной привычки; на конецъ, 1869 г., 21 юля, сильно напившись, онъ обнажилъ свой кинжалъ и, пронася: «если животъ мой не можетъ обойтись безъ водки, то я съумѣю наказать его», ударилъ себя кинжаломъ въ сердце и мгновенно умеръ.

Житель селен. Урари, Даргинскаго округа, Алай-Ахмедъ-оглы, имѣлъ невѣсту и хотѣлъ поскорѣе жениться на ней, но мать его, отличающаяся сварливымъ характеромъ, неприличными и

неумѣтными выходами, какъ противъ него, такъ и противъ невесты, постоянно раздражала его и вывела наконецъ изъ терпѣнія, такъ что онъ, 2-го іюля 1869 г., обиженный новою выходкою матери, обратясь къ ней съ словами: «если ты не хочешь дать мнѣ покоя, то я самъ успокою себя», — тутъ же застрѣлся изъ пистолета.

2-го октября 1869 г., житель сел. Кулиджа, Найтаго-Табасаранскаго округа, Али-бекъ Салигъ-оглы, поссорился съ своимъ сыномъ, Муртузали. Черезъ нѣкоторое время сынъ пришелъ къ отцу просить прощенія, но отецъ, не внимая просьбѣ его, привелъ ему больше не приходить въ его домъ; тогда Муртузали выстрѣломъ изъ пистолета убилъ себя на мѣстѣ, а отецъ, увидя это, выхватилъ кинжалъ; поставилъ рукоятку его на полъ и такимъ образомъ закололъ себя.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года, на жителя Гунибскаго округа, селенія Гинтля, Гитино Гаджи-оглы, пало подозрѣніе въ прелюбодѣіаніи съ дочерью жителя того же селенія, Гитино Магома-оглы, и когда подозрѣніе это подтвердилось беременностію дѣвочки, то Гитино Гаджи-оглы вышелъ изъ деревни, согласно существующаго адата, въ канлы.

Вскорѣ послѣ этого Гитино Гаджи-оглы помирился съ отцемъ дѣвочки, заплативъ денежную пеню, и сочетался съ дѣвочкою бракомъ. Такимъ образомъ, вражда между Гитино Гаджи-оглы и Гитино Магома-оглы считалась уже прекратившеюся.

Гитино Магома-оглы, однако же, не удовольствовался этимъ. Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца того же года, пригласивъ въ соучастники къ себѣ двухъ родственниковъ своихъ, жителей сел. Гинтля, Гидича Омаръ-оглы и Гинво Шихъ-Магома-оглы, подстергъ зятя своего, Гитино Гаджи-оглы и, въ то время, когда этотъ послѣдній возвращался ночью съ женою своею съ поля, выстрѣлилъ въ него изъ ружья и потомъ, въ соучастіи съ двумя названными товарищами, нанесъ ему нѣсколько дикавскихъ ранъ, отъ которыхъ онъ тутъ же умеръ.

Житель сел. Казаница, Темиръ-ханъ-шуринскаго округа, Абакаръ Баватъ-оглы, около 4-хъ лѣтъ проживалъ канлыемъ въ сел. Эршли, того-же округа, за убійство односельца своего, Алмахсута Махмудъ-оглы, и, наконецъ, изъявивъ желаніе примириться по адату съ кровнымъ врагомъ своимъ, братомъ убитаго, Адиль-Гиреемъ Махмудъ-оглы, просилъ посредничества нѣкоторыхъ односельцевъ своихъ въ этомъ дѣлѣ; односельцы, сдѣлавъ Адиль-Гирею предложеніе по сему случаю, получили отъ него отвѣтъ, что онъ съ своей стороны согласенъ на примиреніе съ своимъ канлыемъ и общается склонить къ тому родственниковъ своихъ.

Вскорѣ послѣ этого отвѣта, Абакаръ, получивъ извѣстіе изъ сел. Казаница о смерти тещи своей, отправился туда изъ сел. Эршли, съ намѣреніемъ пробраться тайкомъ въ домъ свой, но на пути слѣдованія своего встрѣченъ былъ Адиль-Гиреемъ, который, какъ только сталъ приближаться къ нему Абакаръ, сдѣлавъ въ него выстрѣлъ изъ ружья и убилъ его на-попалъ.

По распросамъ, сдѣланнымъ объ этомъ убійствѣ, оказалось, что, послѣ изъявленія согласія на примиреніе, Адиль-Гирей сталъ мучиться мыслию, что кровь брата его останется не отмщенной и что, давши обѣщаніе, онъ поставленъ будетъ въ необходимость примириться съ убійцею, котораго онъ считаетъ притомъ ниже себя по происхожденію. Находясь подъ вліяніемъ этой мысли, онъ узналъ, что, по случаю смерти тещи, Абакаръ, вѣроятно, захочетъ пробраться тайкомъ въ Казаница, и тогда-же воспользоваться временемъ, пока еще не совершенъ обрядъ примиренія, а потому вышелъ на ту горную дорогу, по которой могъ пробираться Абакаръ, и какъ только онъ показался, Адиль Гирей сдѣлавъ, какъ выше сказано, выстрѣлъ въ Абакара и убилъ его на-попалъ.

По совершеніи этого убійства, Адиль Гирей немедленно явился въ начальству и объявилъ, что, встрѣтившись съ кровнымъ врагомъ своимъ, Абакаромъ, онъ убилъ его, такъ какъ предположеннаго примиренія еще не было совершено и, по обычаю, онъ ниѣтъ за собою право мести за кровь брата.

17-го іюля 1866-го года, карабудахкентскій житель Атавъ Юсуфъ-оглы найденъ былъ въ своемъ домѣ убитымъ двумя уда-

рами кинжала. Обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство, никто не могъ объяснить, но, при тщательномъ осмотрѣ дома, въ немъ былъ найденъ чужой пистолетъ, который дѣти убитаго признали принадлежащимъ купчинскому жителю, Джабраилъ-Курбану Магомедъ оглы, проживавшему въ домѣ Атава въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1865-го года, для присмотра за родственникомъ своимъ, Магомедъ-Аминомъ, лечившимся на счетъ Атава отъ раны, нанесенной ему въ ссорѣ сыномъ послѣдняго, Абакаромъ, вышедшимъ потомъ по этому дѣлу въ канцы.

Производившій первоначальное обследованіе убійства Атава, карабудахентскій наибъ, съ цѣлію розыскать убійцу, послалъ въ селеніе Куппу цудахарскаго жителя, Магомеда Курбалъ-оглы, которому Джабраилъ и сознался, что Атавъ Юсуфъ-оглы дѣйствительно убитъ имъ въ отищеніе за убійство сыномъ послѣдняго, Абакаромъ, родственника убійцы, Магомедъ-Амина.

Вскорѣ послѣ того Джабраилъ-Курбанъ Магомедъ-оглы былъ арестованъ, и дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ обнаружено, что онъ дѣйствительно совершилъ убійство изъ мести за кровь брата своего, Магомедъ-Амина, пораженнаго сыномъ Атава, Абакаромъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1865-го года, на дорогѣ близъ селенія Карабудахентъ повстрѣчались между собой Абакаръ Атавъ-оглы, везшій на арбѣ муну, и Магомедъ Аминъ, сидѣвшій въ пустой арбѣ, и никто изъ нихъ не свернулъ съ дороги. Когда-же Абакаръ замечалъ Магомедъ-Амину, какъ ѣхавшему порожнякомъ, поторопиться съ дороги, согласно существующему на подобныя случаи адату, тогда послѣдній, ругаясь, выскочилъ изъ арбы и, подбѣжавъ къ Абакару, ударилъ его палкою, а Абакаръ, выхвативъ кинжалъ, нанесъ имъ Магомедъ-Амину рану. Дѣло это разобрано было по адату, и Абакаръ обязанъ былъ лежить равнаго у себя въ домѣ, гдѣ послѣдній и лечился въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ. Все это время находился при раненомъ для присмотра и родственникъ его, Джабраилъ.

Послѣ 3-хъ мѣсячнаго леченія въ Карабудахентѣ, раненый, почувствовавъ облегченіе, изъявилъ желаніе возвратиться въ свое селеніе, куда и былъ отвезенъ. Спустя четыре мѣсяца, послѣ возвращенія Магомедъ-Амина домой, родственники его объявили, что онъ умеръ и что смерть произошла отъ раны, нанесенной ему Абакаромъ, а потому требовали удовлетворенія за кровь. Вслѣдствіе этого дѣло это было вновь разобрано по адату, и Аба-

каръ, вромъ удовлетвореніа истцовъ, согласно адатному опредѣленію, вышолъ въ валлы. Но Джабраилъ-Курбанъ Магомедъ-оглы, не довольствуясь такимъ удовлетвореніемъ за кровь родственника своего, Магомедъ-Амина, оталь слѣдить за Атавомъ Юсуфъ-оглы, зайдя, съ преднамѣренною цѣлію, секретно въ домъ Атава, убилъ его епящаго.

Житель Кюринскаго округа, сел. Ашага-Картаетъ, Магомедъ-Рагимъ-Гасанъ-оглы, 19-го сентября 1868 года, убилъ княжалою адмосельца своего, Рамазана Кирхляръ-бекъ-оглы.

Магомедъ, сошавшися въ этомъ убійствѣ, обвинялъ, что онъ убилъ Рамазана за то, что, когда они встрѣтились на улицѣ; Рамазанъ въ спорѣ съ нимъ ударилъ его по лицу. Но по разборѣ этого дѣла въ окружномъ судѣ, оказалось, что вечеромъ того дня Рамазанъ шелъ домой и переходилъ черезъ улицу; въ то-же время, Магомедъ, видя изъ дому съ противоположной стороны и встрѣтившися съ Рамазаномъ на улицѣ, — безъ всякаго шума, нанесъ ему княжалою смертельную рану и самъ бѣжалъ.

Кромъ того, дознаніемъ обнаружено, что, за нѣсколько часовъ до этого убійства, Магомедъ и Рамазанъ сидѣли вѣсть, причемъ первый просилъ у послѣдняго шило, и Рамазанъ, въ доказательство, что не имѣетъ при себѣ шила, распакунулъ шубу и Магомедъ видѣлъ, что у Рамазана нѣтъ никакого оружіа. Такимъ образомъ оказалось, что Магомедъ убійство это совершилъ вслѣдствіе затаенной давнишней вражды, воспользовавшись неимѣніемъ у Рамазана никакого оружіа.

Причиною вражды между убійцей и убитымъ было то, что лѣтъ 15-ть тому назадъ, Рамазанъ (убитый) и братъ его, Ага-Рза, подозрѣвая Салмана, брата Магомеда (убійцы), въ прелюбодѣяніи съ женой Ага-Рза, захвативъ его одного въ полѣ, связали и избива, за что бывшій ханъ строго наказалъ Рамазана и Ага-Рзу; послѣ-же этого случая между противниками не было откровенной вражды.

31-го мая 1868 года, житель Темиръ-Ханъ-Шуриискаго округа, селенія Казанищи, Шуаибъ Хасай-оглы, вхавши на арбѣ въ дѣсь, встрѣтилъ на дорогѣ жителя сел. Годода, Гунибскаго округа, Сали Гилевъ-Темиръ-оглы и, по ошибкѣ, принявъ его за кровнаго врага своего, Акаю Абдурахманъ-оглы, убившаго въ декабрѣ того же года брата его *), закричалъ ему, чтобы тотъ своротилъ съ дороги, какъ по адату дѣлаютъ канлыи,—но когда Сали не исполнилъ этого требованія, Шуаибъ принялъ это за пренебреженіе къ нему и вслѣдствіе этого пришелъ въ такое наступленіе, что, забывъ запрещеніе кровомщенія, выстрѣлилъ въ Сали изъ пистолета, и когда Сали упалъ, пораженный этимъ выстрѣломъ, Шуаибъ бросился на него съ обнаженными кинжаломъ и нанесъ ему еще 8 ранъ, отъ которыхъ Сали умеръ на мѣстѣ. Затѣмъ Шуаибъ вернулся въ свое селеніе и разсказалъ, что убилъ своего врага, Акаю; но скоро распространилась молва, а потомъ и дѣйствительно подтвердилось, что убитъ не Акай, а Сали.

Шуаибъ, спрошенный въ Управленіи начальника Обвернаго Дагестана, сознавшись въ сдѣланномъ имъ преступленіи, объявилъ слѣдующее: «какъ съ самаго начала встрѣчи съ Сали, такъ и послѣ убійства, я былъ много убѣжденъ, что убилъ своего врага; но спустя нѣкоторое время, въ селеніи нашемъ распространился слухъ, что я ошибся, что убитый мною человекъ не Акай, — врагъ мой, а тавлинецъ (горецъ). Когда это подтвердилось, я увидѣлъ свою ужасную ошибку, но ничѣмъ не могу исправить ее, кромя чистосердечнаго раскаянія, что я убилъ невиннаго человека; какъ звать этого человека, я досихъ-поръ не знаю».

*) 11-го декабря 1868 года, житель селенія Казанищи, Акай Абдурахманъ-оглы, въ пьяномъ видѣ, выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ родственника своего, Амурхана Хасай-оглы; дѣло это разобрано по адату и рѣшеніемъ Дагестанскаго Областнаго Суда, утвержденнымъ начальникомъ Дагестанской области, Акай изгнанъ канлымъ на три года, со высканіемъ штрафа въ казну 100 руб. и съ уплатою роднымъ убитаго положеннаго по адату алына (плата за кровь).

На дорожныхъ работахъ, въ предѣлахъ Аварскаго округа, 5 июня 1867 г., въ командѣ нижнихъ чиновъ, добывавшихъ колочку для варки пищи, въ верстахъ 3¹/₂ отъ лагеря и въ 4-хъ отъ Датунскаго моста, вверхъ по рѣкѣ Аварское-Койсу, были убиты три солдата, а четвертому нанесено нѣсколько ранъ. Мѣстность, гдѣ найдены убитые, представляла незначительную равнину на бугрѣ; всѣ чины команды, собиравшіе колочку, такъ далеко разбрелись другъ отъ друга, что въ окрестности мѣста происшествія было лишь пять человѣкъ, изъ коихъ трое убиты, а двое бѣжали въ лагерь. Убийцей оказалась женщина, изъ сел. Бахлухъ, по имени Парида.

На допросѣ, Парида объявила, что убійство надъ тремя солдатами совершила она одна, безъ соучастниковъ, въ насмѣи, сдѣланное надъ нею, дней за 5-ть или за 6-ть до убійства, тремя солдатами, пасшими въ ущельѣ Бахлухской рѣчки казенныхъ лошадей; что послѣ этого насилія она была такъ огорчена и разстроена, что почти перестала принимать пищу и рѣшилась отмстить убійствомъ перваго изъ солдатъ, который попадется ей на мѣстѣ изнасилованія; что съ этою цѣлію она рано утромъ вышла изъ дому, надѣвъ шубу и взявъ заранѣе отточенный ею кинжалъ, а чтобы скрыть, что она женщина, надѣла на себя папахъ своего отца. Не найдя на томъ мѣстѣ ни одного солдата, она пошла далѣе по тропинкѣ, ведущей отъ селенія Бахлухъ къ Аварскому-Койсу, и, увидавъ на бугрѣ солдата, подошла къ нему сзади и ударила въ спину кинжаломъ. Солдатъ хотя оборотился къ ней и отнял кинжалъ, но, ослабѣвши отъ раны, упалъ на землю, сваливъ съ собою и ее, причемъ успѣлъ нанести и ей легкую рану. Пользуясь слабостію его, Парида отняла у него кинжалъ и нѣсколькими ударами добла его; вслѣдъ за нимъ убила она и двухъ другихъ солдатъ, другъ за другомъ бѣжавшихъ снизу на помощь къ товаришу. Имѣя при себѣ кирки, они нанесли ей нѣсколько ранъ въ голову, но все-же она успѣла заколоть ихъ. Вслѣдъ затѣмъ она увидѣла еще двухъ солдатъ, поднимавшихся снизу, но они не пошли къ ней, а бросивъ бѣжать по тропѣ, въ обходъ бугра, къ лагерю; она также, прямо черезъ курганъ, побѣжала въ лагерь, и воалѣ Койсу ранила солдата, отъ котораго въ свою очередь получила рану въ голову киркой. Увидавъ ее, бѣгущую съ кинжаломъ въ рукѣ, работавшіе дорезу жители разбѣжались, но, встрѣтивъ гнавшихся за нею солдатъ, видѣвъ съ ними отъправившея къ ней на встрѣчу. Тогда она, саживъ

это, бросилась въ Койсу, отлуда вытащили ее два жителя, причемъ она обронила кинжалъ въ рѣку; затѣмъ солдаты взяли ее и повели въ лагерь.

При разсѣдованіи дѣла этого чрезъ довѣренныхъ лицъ изъ бахлукцевъ, получено свидѣніе, что четверемъ женщинамъ, односелькамъ Париды, извѣстно было о нанесенномъ ей солдатами оскорбленіи до совершенія ею убійства, а именно: за мѣсяцъ до этого убійства, эти женщины, вмѣстѣ съ Паридою, ходили въ лѣсъ за дровами и, при возвращеніи домой, мимо ихъ проходило нѣсколько солдатъ, насаженныхъ казенныхъ лошадей; одинъ изъ нихъ толкнулъ Париду локтемъ и показалъ ей неприличное мѣсто; тогда Парида сказала одной изъ нихъ, что она не оставитъ этого безнаказаннымъ. Однако, Парида, противъ этого показанія, объявила, что поступокъ солдата относился не къ ней, а къ другой женщиной. Отецъ Париды показалъ, что дочь его, за мѣсяцъ до этого, начала нравственно страдать — принимала меньше пищи и на вопросы его отвѣчала, что она больна.

На очныхъ ставкахъ съ отцемъ и матерью, Парида объявила, что, действительно, около мѣсяца до убійства, она стала немного меньше ѣсть, но потому, что была разстроена страшными снами, которые тогда видала очень часто; послѣ же изнасилованія ея, она совсѣмъ оставила пищу.

24-го ноября 1869 года, житель сел. Конхи, Андійскаго округа, Магома Якубъ-оглы, во время пляски на свадьбѣ, нечаяннымъ выстрѣломъ изъ пистолета, убилъ брата невесты, односельца своего Магому Иса-Ханъ-оглы.

28-го ноября того же года, житель сел. Могохъ, Аварскаго округа, Мирза Халикъ-оглы, подозрѣвая односельца своего, Магому, Амиръ-Хамидовъ-оглы, въ воровствѣ вещей у своей невесты, пришедъ въ мечеть, гдѣ помѣвній молится, и, ударивъ его три раза обнаженнымъ кинжаломъ, убилъ.

При преслѣдованіи Мирзы равными и его родственниками, между ними и родственниками поранителя произошла драка, въ которой убитъ Мирза Магома-оглы и ранено семь человекъ.

16-го декабря 1869 года, житель сел. Мекеге, Даргинскаго округа, Динъ Багандъ Раджабъ-оглы, убилъ себя выстрѣломъ изъ ружья, заряженнаго 7-ю пулями.

По отзыву односельцевъ его, онъ посягнулъ на жизнь свою потому, что въ тотъ день вышла замужъ любимая имъ дѣвушка.

13-го декабря 1866 года, вечеромъ, сестра осетинъ Аликовыхъ (жителей аула Зильги, Осетинскаго округа), Хадзикисъ, услышавъ на дворѣ лай собакъ, вышла изъ своей сакли, но, замѣтивъ четырехъ человекъ, ходившихъ по двору, вернулась назадъ и объявила о томъ своимъ братьямъ, Тего и Созырко. Только что Тего, а вслѣдъ за нимъ Созырко, вышли изъ комнаты на дворъ, какъ въ ту-же минуту раздался одинъ за другимъ два выстрѣла изъ ружей, сдѣланные неизвестными людьми, ходившими по двору, и Тего упалъ убитый на мѣстѣ, а шедшій за нимъ братъ, Созырко, былъ сильно раненъ. Совершивъ это преступленіе, хищники бросились бѣжать черезъ заборъ, но Хадзикисъ схватила одного изъ нихъ за полушубокъ и стащила во дворъ. Товарищи пойманнаго, желая освободить его изъ рукъ Хадзикисъ, сдѣлали по ней выстрѣлъ, но пуля попала въ боровшагося съ осетинкою хищника, который, обнаживъ кинжалъ, нанесъ имъ нѣсколько ранъ этой женщинѣ, успѣвшей, однако-же, вырвать оружіе изъ рукъ пойманнаго ею и въ свою очередь нанести ему смертельную рану. По тревогѣ, сбѣжали во дворъ Аликовыхъ односельцы ихъ, но трое хищниковъ уже успѣли скрыться изъ аула, оставивъ на мѣстѣ пропшествовавшіе два ружья и кинжалъ, между тѣмъ какъ раненый товарищъ ихъ умеръ.

На другой день, старшина аула Долакова (Ингушевскаго округа), юнкеръ Кудъ Дохильговъ, представилъ начальнику округа троицъ туземцевъ, именно: Тегира Дзокова, Эльмурау Умаханова и Хаки Дударвиева, которые, по мнѣнію Дохильгова, участвовали въ совершеніи преступленія въ аулѣ Зильги.

При первоначальномъ разслѣдованіи этого дѣла, оказалось, что убитый въ борьбѣ съ Хадзикисъ, былъ ингушъ, Инералъ Эгіевъ (онъ-же Дохильговъ), который, по словамъ роднаго брата его, Вотчъ Дохильгова, цѣлый день наканунѣ своей смерти пьянствовалъ съ ингушами Тегиромъ Дзоковымъ и Эльмурау Ума-

дановымъ, а въ вечеръ происшествія былъ вызванъ на нѣкоторое время изъ дому послѣднимъ изъ названныхъ выше туземцевъ, взявъ, возвратившись, взявъ ружье и ушелъ неизвестно куда съ этими людьми. Умахановъ и Дзюковъ, при допросѣ ихъ, отказались отъ всякаго знакомства съ Этіевымъ и отъ участія съ нимъ въ преступленіи въ аулѣ Зильги.

Назначеннымъ объ этомъ происшествіи формальнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что, прибывъ въ аулъ Долакова одинъ, Эльмурза Умахановъ зашелъ къ родственнику своему, Эдыку Араханову, оставилъ у него свою лошадь и пошелъ въ саклю Этіевыхъ, гдѣ въ особой комнатѣ засталъ пьяными Инерала Этіева и Тегира Дзюкова. Приглашенный ими на воровство въ аулъ Зильги, Умахановъ согласился на это предложеніе и, прибывъ втроемъ въ названный аулъ, они зашли въ дворъ неизвестнаго имъ осетина, гдѣ и были убиты Инераль Этіевъ. Умахановъ-же, какъ онъ говорилъ, съ испуга уронилъ свое ружье и бѣжалъ въ аулъ Яндырку, гдѣ и былъ арестованъ. Четвертый-же участникъ въ этомъ преступленіи слѣдствіемъ не обнаруженъ.

19-го ноября 1869 г., житель сел. Уракли, Даргинскаго округа, Логманъ Арсланъ-овлы, бывши на томъ (пиршкѣ), напився пьянымъ до того, что у него одѣлалась рвота, во время самаго ужина, при собраніи веселившихся.

Сорнувавшись этимъ приключеніемъ, Логманъ, выхвативъ кинжалъ, хотѣлъ заколоть себя, но присутствовавшіе удержали его и, объяснивъ ему, что такіе случаи на попойкахъ бывають не рѣдко, уговорили его уйти домой и успокоиться; Логманъ, выслушавъ ихъ, вышелъ изъ комнаты, по видному, съ намѣреніемъ идти домой, но на дорогѣ выстрѣлилъ изъ пистолета себѣ въ грудь и, уцѣпивши только спазать обжавшимся людямъ, что наказалъ себя за неприличное поведеніе въ собраніи, тутъ-же умеръ.

372